

Министерство образования Республика Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра криминалистики

Хлус Александр Михайлович

Теоретико-прикладные проблемы противодействия коррупции и
взяточничеству

Минск
2021

УДК 343.985.7:343.352
Х 604

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
16 февраля 2021 г., протокол № 6

Автор:

Хлус Александр Михайлович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского
государственного университета.

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор В. Н. Бибило;
кандидат юридических наук, доцент И. Р. Веренчиков;
кандидат юридических наук, доцент А. П. Пацкевич.

Хлус, А. М. Теоретико-прикладные проблемы противодействия
коррупции и взяточничеству / А. М. Хлус ; БГУ, Юридический фак., Каф.
криминалистики. – Минск : БГУ, 2021 – 378 с. – Библиогр.: с. 316–378.

В монографии рассматриваются теоретико-прикладные проблемы противодействия коррупции и взяточничеству. Коррупция исследована с позиции нравственных (моральных) недостатков личности, т. е. сферы, в которой появляются зачатки коррупционного поведения. С целью минимизации проявлений взяточничества, как одного из главных коррупционных преступлений, предлагается система профилактических мер воспитательного характера и совершенствование методического обеспечения следственной деятельности. Предложения, изложенные в монографии, направлены на достижение положительных результатов при реализации государственной стратегии противодействия коррупции.

Адресуется ученым, преподавателям учебных заведений юридического профиля, аспирантам, магистрантам, студентам и практическим работникам правоохранительных органов, а также может представлять интерес для всех интересующихся проблемами современной криминалистики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1 КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ	
1.1. Представление о коррупции и взяточничестве в древних источниках права и произведениях философов.....	8
1.2. Российский опыт борьбы с коррупцией и взяточничеством: с древних времен и до социалистической революции.....	19
1.3. Противодействие взяточничеству в советский период.....	34
ГЛАВА 2 СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	
2.1. Развитие представлений о коррупции на международном уровне и в Республике Беларусь.....	42
2.2. Предпосылки и нравственные основы возникновения коррупции.....	57
2.3. Причины и условия, детерминирующие современную коррупцию и взяточничество.....	70
2.4. Тенденции антикоррупционного законодательства Республики Беларусь в контексте международных актов о противодействии коррупции.....	86
ГЛАВА 3 КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ И ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ	
3.1. Учение о криминалистической характеристике преступления: понятие и особенности научных подходов.....	96
3.2. Теоретико-прикладные проблемы криминалистической характеристики преступления.....	105
3.3. Криминалистическая характеристика взяточничества: понятие, элементный состав и значение для формирования методики расследования.....	113
ГЛАВА 4 МАТЕРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕЕ ЭЛЕМЕНТОВ	
4.1. Материальная структура преступления и ее место в частной методике расследования.....	127
4.2. Формирование деструктивного поведения субъекта взяточничества и криминалистический анализ его личности.....	142
4.3. Объект посягательства и средство совершения взяточничества.....	162
4.4. Предмет взятки как элемент материальной структуры взяточничества.....	172

ГЛАВА 5 ВЫЯВЛЕНИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

5.1. Криминалистические ситуации и версии при выявлении и расследовании взяточничества.....	183
5.2. Проблемы проведения тактической операции при раскрытии и расследовании получения взятки.....	199
5.3. Организационные, следственные и оперативно-тактические мероприятия, производимые на первоначальном этапе расследования до задержания взяточника с поличным.....	205
5.4. Тактические особенности следственных действий, производимых после задержания взяточника с поличным и на последующем этапе расследования.....	213

ГЛАВА 6 ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

6.1. Оперативный эксперимент как средство задержания взяточника с поличным.....	232
6.2. Порядок использования материалов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу о взяточничестве	241
6.3. Особенности взаимодействия следователя и органов дознания при раскрытии и расследовании взяточничества.....	253

ГЛАВА 7 ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

7.1. Профилактика в системе целей правоохранительной деятельности в сфере противодействия коррупции и коррупционной преступности.....	262
7.1. Меры общей профилактики коррупции и взяточничества в Республике Беларусь.....	269
7.2. Криминалистическая составляющая в деятельности прокуратуры и иных правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и профилактике коррупции и взяточничества.....	290

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	310

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ.....	316

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

абз. – абзац

гг. – годы

ГК – Гражданский кодекс Республики Беларусь

др. – другое

Закон о борьбе с коррупцией – Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15 июля 2015 г., № 305-З

Закон об ОРД – Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 июля 2015 г., № 305-З

Кодекс об образовании – Кодекс Республики Беларусь об образовании

Конституция – Конституция Республики Беларусь

КХП – криминалистическая характеристика преступлений

КоАП – Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях

МВД – министерство внутренних дел

НПА – нормативный правовой акт

н. э. – наша эра

ОВД – органы внутренних дел

ОГБ – органы государственной безопасности

ООН – Организация Объединенных Наций

ОРД – оперативно-розыскная деятельность

ОРМ – оперативно-розыскное мероприятие

п. – пункт

СМИ – средства массовой информации

СОГ – следственно-оперативная группа

ст. – статья

ст.ст. – статьи

т. д. – так далее

т. е. – то есть

т. к. – так как

т. п. – тому подобное

УК – Уголовный кодекс Республики Беларусь

УПК – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь

ч. – часть

ч.ч. – части

ВВЕДЕНИЕ

Коррупция в XXI веке приобрела всеобъемлющий характер и проявляется в многообразных формах. Она проникла во все ветви государственной власти и ею поражены самые различные общественные отношения.

Взяточничество является наиболее опасным проявлением коррупции, поскольку подрывает принципы государственного управления, равенства и социальной справедливости, отрицательно влияет на экономическое развитие, составляет угрозу общественной нравственности. Важнейшей задачей правоохранительных органов является дальнейшее совершенствование деятельности, направленной на противодействие этому виду преступлений, что, несомненно, снизит уровень коррупции в государстве.

Ответственность за взяточничество дифференцируется в зависимости от роли лица, участвующего в совершении преступного деяния и предусмотрена в Республике Беларусь тремя статьями Уголовного кодекса (далее УК): ст. 430 (получение взятки); ст. 431 (дача взятки); ст. 432 (посредничество во взяточничестве)¹.

Деяния, связанные со взяточничеством, превалируют в структуре коррупционной преступности, о чем свидетельствует статистика. В период «с 2015 г. по 2019 г. учтено 9913 коррупционных преступлений, большинство из которых взяточничество – 5323»².

В разные исторические периоды количество совершенных преступлений, связанных со взяточничеством, менялось в зависимости от условий социально-экономического развития в государстве. В 80–е годы XX века в Советской Белоруссии наблюдалась тенденция снижения количества лиц, судимых за взяточничество (со 185 до 35). В 90–е годы картина изменилась. Если в 1991 году было осуждено 37 человек, то в 2000 году – уже 220. В период с 2001 по 2008 годы состояние судимости росло до 2004 года, когда было осуждено 465 лиц, а затем тенденция пошла на снижение. В 2008 году было осуждено 338 лиц, или 0,439 % от общего числа осужденных, 36,82 % от числа осужденных за преступления против интересов службы³.

По официальной статистике⁴ преступность в Республике Беларусь с каждым годом падает: например, в 2011 году было зарегистрировано 132 052 преступления, а в 2018 году – 83 813 преступлений. Но эта тенденция не коснулась коррупционных преступлений, в том числе взяточничества. В 2011 году зарегистрировано 1322 преступления по факту получения взяток, в 2012-м – 933, 2013-м – 1319, 2014-м – 782, 2015-м – 1112, 2016-м – 1254, 2017-м – 1922, 2018-м – 1999⁵.

Рост или снижение количества коррупционных преступлений может быть связано, как считают в Генеральной прокуратуре Республики Беларусь, «в первую очередь с активизацией деятельности правоохранительных органов»⁶.

Оценивая состояние и особенности распространения взяточничества, следует учитывать высокую латентность данного вида преступлений, обусловленную условиями реализации криминального поведения субъектов преступления. Субъектами данных преступлений часто являются должностные лица, наделенные разрешительными и распорядительными функциями в различных сферах деятельности, в том числе и государственной службе, что значительно повышает степень опасности совершаемого ими взяточничества. Субъекты-взяточники используют властные полномочия и права не только в целях личной выгоды, но и для прикрытия коррупционных отношений.

В числе действий (бездействий), совершаемых (допускаемых) взяточполучателями можно назвать, например: заключение убыточных для государства коммерческих соглашений; попустительство, содействие и неприятие соответствующих мер к различным правонарушителям; содействие недобросовестной конкуренции на потребительском рынке в интересах взяткодателя и т. д.

Результативность борьбы со взяточничеством, как наиболее распространенным криминальным проявлением коррупции, зависит от многих факторов, среди которых особую роль играет частная методика расследования данного вида преступлений.

Различным аспектам методического обеспечения борьбы со взяточничеством уделили внимание следующие российские ученые: Алиева Г. А.⁷, Домашенко Н. А.⁸, Крюков В. В.⁹, Кучерук Д. С.¹⁰, Лашко Н. Н.¹¹, Лямин М. В.¹², Машков С. А.¹³, Савченко Н. И.¹⁴, Филатова Т. В.¹⁵, Халиков А. Н.¹⁶, Хачатурян Т. Б.¹⁷, Черкесова А. А.¹⁸, Чупахин Р. В.¹⁹ и др.

Имеющиеся методики расследования преступлений, связанные со взяточничеством не отвечают потребностям современного времени. В основе их формирования абстрактная информационная модель взяточничества, в качестве которой в криминалистике фигурирует криминалистическая характеристика преступления. Являясь научной абстракцией, криминалистическая характеристика не в полной мере удовлетворяет потребности деятельности по расследованию преступлений, в том числе и взяточничества.

Методологическую основу научного познания взяточничества составляет системный подход. Преступные деяния, связанные со взяточничеством, рассматриваются как определенная и взаимосвязанная совокупность материальных элементов их структуры.

При написании данной работы в качестве теоретической и методологической основы использовались труды Е. А. Ануфриевой, Н. А. Бабия, О. Я. Баева, А. В. Баркова, И. И. Басецкого, Р. С. Белкина, В. И. Берестеня, В. Н. Бибило, Н. В. Бугаевской, Г. А. Василевича, И. Р. Веренчикова, В. Н. Винокурова, Б. В. Волженкина, Т. С. Волчецкой, И. О. Грунтова, А. Е. Гучка, В. Л. Григоровича, А. А. Данилевича, А. В. Дулова, В. Ф. Ермоловича, С. Ю. Журавлева, Г. А. Зорина, В. С. Красикова, С. П.

Кушниренко, В. В. Марчука, Г. Н. Мухина, А. П. Пацкевича, Н. И. Порубова, В. М. Полтеровича, А. С. Рубиса, Р. А. Степаненко, Л. М. Тимофеева, В. М. Хомича, С. Н. Чурилова, В. Б. Шабанова, А. С. Шаталова, В. П. Шиенка, Г. А. Шумака, Н. П. Яблокова, П. С. Яни и других российских и белорусских ученых.

Цель работы – на основе имеющихся в криминалистике взглядов на методическое обеспечение расследования преступлений, выявить и проанализировать проблемные аспекты в развитии и совершенствовании частных методик расследования преступлений, связанных со взяточничеством.

ГЛАВА 1 КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ

1.1. Представление о коррупции и взяточничестве в древних источниках права и произведениях философов

История свидетельствует, что в понятие «коррупция» вкладывалось множество смысловых значений. Оно не сразу воспринималось как нарушение закона со стороны чиновников, выражающее различные злоупотребления ими властными полномочиями. Латинское слово *corrumpere* означало: «повреждать желудок плохой пищей», «портить воду в закрытой таре», «расстраивать дела», «расточать состояние», «приводить в упадок нравы», «упускать возможности», «истощать источник», «истреблять насекомых», «поджигать имущество», «губить свободу», «обольщать женщин», «развращать молодежь», «искажать смысл», «фальсифицировать результаты», «унижать достоинство»²⁰. Для римских юристов этот же термин означал «деятельность лиц, направленную на нарушение нормального хода судебного процесса или управления обществом»²¹.

Ученые считают, что термин «коррупция» мог сложиться из таких корневых слов как *cor* (сердце; душа, дух; рассудок) и *ruptum* (портить, разрушать, развращать), ввиду чего его возможно понимать как нарушение единства (дезинтеграцию, разложение, распад) того или иного объекта, в том числе в сфере государственной власти²².

Описания исторических событий в летописях, хрониках, анналах и т. д., начиная с древних и до наших времен, свидетельствуют о постоянной борьбе практически всех государств с коррупцией (взяточничеством), и попытках избавления от этого зла.

Для ограничения современной коррупции и взяточничества необходимо осознание исторических достижений в борьбе с этим негативным явлением. Требуется понимание всего, чему учит история, анализ положительных результатов и ошибок, имевших место на пути искоренения коррупции и борьбы со взяточничеством. Уроки, извлеченные из опыта применения ушедшими поколениями антикоррупционных мер, послужат основой для

выработки стратегии противодействия коррупции на современном этапе и результативной борьбы с ее основным проявлением – взяточничеством.

Историко-правовые исследования указывают на существование коррупции в обществе с момента возникновения государственного управленческого аппарата. Монтескье Шарль писал: «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела»²³.

Первое упоминание о борьбе с коррупцией нашло отражение в архивных документах Древнего Вавилона и связано с именем Уруинимгина, шумерского царя города-государства Лагаша, правившего во второй половине XXIV века до н. э.²⁴.

О коррупции как явлении упоминается в различных литературных источниках (научных, религиозных, художественных, юридических) первых государств, возникших на территории Древнего Востока. Одно из первых, содержащихся в юридической литературе, отдаленных упоминаний о коррупционных преступлениях, можно встретить в Законах вавилонского царя Хаммурапи (XVIII век до н. э.). В статье 5 раздела, относящегося к правосудию, говорится: «Если судья будет судить судебное дело, постановит решение, изготовит документ с печатью, а потом свое решение изменит, то этого судью должно изобличить в изменении решения, и он должен уплатить (сумму) иска, предъявленного в этом судебном деле, в 12-кратном (размере), а также должен быть в собрании поднят со своего судейского кресла и не должен возвращаться и заседать с судьями на суде»²⁵. Непосредственно в данной статье не говорится о подкупе судьи, но одним из оснований для изменения судебного решения является, возможно, получение судьей взятки. Именно со взяточничеством, продажностью «слуг государевых» связывались первые представления о коррупции.

Вполне вероятно, что сам термин «коррупция», который означал также «подкуп, порча, упадок»²⁶, упоминался и в Законах XII таблиц, содержащем нормы уголовного права Древнего Рима V века до н. э.²⁷. До наших дней Законы XII таблиц не сохранились в первоначальном виде. Сведения об отдельных положениях Законов воспринимаются на основе цитат извлеченных исследователями из произведений юристов и писателей: Цицерона, Помпония, Сальвия, Марциана Капеллы, Авла Геллия, Феста и др.²⁸. Например, в книгах Авла Геллия «Аттические ночи» содержится анализ некоторых Законов XII таблиц. В XX книге он с проявляя удивление, задает вопрос: «Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертною казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении (для разбирательства дела) и были уличены в том, что приняли денежную мзду по этому делу?»²⁹. Эта цитата указывает на коррупционные деяния во время отправления правосудия и исследователями текста Законов XII таблиц отнесена к IX таблице.

Говорится о коррупции и в религиозных книгах. Например, в Библии содержится рекомендация: «Даров не принимай; ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых» (Библия). Практически аналогичная цитата содержится в Торе: «Не извращай закона... и не бери даров; ибо дары ослепляют глаза мудрых и извращают дело правых» (Тора, Дварим, 16. 19–20). Содержит Библия и другие изречения о фактах, которые можно расценить как проявления коррупции: «Князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки, и гонятся за мздою...», «Горе тем; которые за подарки оправдывают виновного и правых лишают законного!»³⁰.

В одном из хадисов пророка Мухаммада говорится: «Дающий взятку и берущий взятку оба окажутся в адском пламени». Интересно заметить, что упомянутые и иные цитаты из Библии, Корана и Торы используются для профилактики коррупции. Например, руководство Министерства внутренних дел Российской Федерации приняло решение о размещении этих цитат в памятке для сотрудников полиции³¹. Весьма сомнительна результативность такой меры, все равно, что пугать атеиста богом. И уж тем более не понятна рекомендация сотрудникам полиции «крайне осторожно, вежливо, без заискивания, не допуская опрометчивых высказываний, постараться перенести вопрос о времени, месте передачи или получения взятки до следующей встречи»³². Получается, что сотрудник полиции вместо того, чтобы в корректной форме разъяснить недопустимость противоправных действий со стороны взяткодателя, допускает в его понимании возможность «дачи-получения» взятки при следующей встрече. По-нашему мнению здесь кроется возможность провокации дачи взятки, что само по себе является преступлением³³.

Представляется, что упомянутое решение МВД России принято от безысходности, не учитывая, что для верующего человека такое «устрашение» излишне, т. к. он придерживается общего правила, заключенного в заповеди «не воруй», а на не верующего религиозные нормы не оказывают должного влияния.

Историко-правовые исследования неопровержимо доказывают существование коррупции в обществе с момента возникновения государственного управленческого аппарата. Ш. Монтескье писал: «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела»³⁴.

Содержатся сведения о коррупции и в сочинениях по искусству государственного управления. Так, в Древнеиндийском литературном памятнике «Артхашастра», в одном из трактатов, написанном чиновником под псевдонимом Каутилья, сделан вывод, что «имущество царя не может быть, хотя бы в малости, не присвоено ведающими этим имуществом»³⁵. В трактате также перечисляются сорок способов хищения казенного имущества, и делается малоутешительный вывод о том, что «легче угадать

путь птиц в небесах, чем уловки хитроумных чиновников. Так же, как нельзя распознать, пьют ли воду плавающие в ней рыбы, нельзя определить, присваивают ли имущество чиновники, приставленные к делам»³⁶.

Поздний трактат «Артхашастра», датируемый I–III в.в. н. э., служит источником сведений о структуре и принципах деятельности специальной службы древнеиндийского общества. Агенты этой службы вели борьбу не только с разбойниками и бандитами, но также контролировали попавших под подозрение в незаконных доходах судей и других представителей власти³⁷.

Различные меры применялись в древности с целью выявления коррупционной деятельности, в том числе и меры, которые с позиции современного законодательства считаются незаконными. Для проверки честности чиновника древнеиндийская «Артхашастра» предлагала направлять к нему секретных агентов под видом просителей, которые предлагали бы ему взятку. Основным средством борьбы с казнокрадством становится слежка. В качестве метода контроля упоминается провокация: судьям и иным должностным лицам секретными агентами под видом истцов или ответчиков предлагались взятки за вынесение неправомерного решения либо за иные незаконные действия. При этом доносчик получал долю имущества, конфискованного у лица, осужденного за должностное преступление³⁸.

Аналогичны меры ответственности за преступления коррупционного характера по Законам Ману, действовавшим в Индии во II веке до н. э. В отношении судьи, изобличенного во взяточничестве, применялась конфискация, как мера наказания и он отстранялся от дальнейшего исполнения своих служебных обязанностей³⁹.

В Древнем Египте одним из желаемых в обществе являлось положение жреца. Статус жреца приносил его обладателю значительные преимущества. Между претендентами на роль жреца велась нешуточная борьба, что нередко приводило к покупке-продаже статуса жреца, а в некоторых случаях он передавался знати в виде взятки⁴⁰. Коррупция в Древнем Египте представлена и как «взаимообогащающий элемент в общении людей, так как субъекты дарения и субъекты получения могут меняться своим положением в зависимости от мощи или слабости политической власти»⁴¹.

В Древнем Египте бывший правитель благодаря подкупу должностных лиц вернул свое первоначальное положение фараона. Речь идет о Птолемеях XXII Авлете, изгнанном жителями Александрии. С целью возврата трона он подкупил римских сенаторов, а также полководцев Помпея и Цезаря за 6 тыс. талантов. Еще большую сумму он передал трибуну и проконсулу Сирии Авлу Габинию. Благодаря таким «усилиям» изгнанного фараона римский сенат организовал поход войск на Египет. В результате этого Птолемей XXII Авлет был восстановлен в качестве фараона⁴².

В числе первых правителей Древнего Египта, издавших специальный указ, предусматривающий наказания для взяточников, упоминается фараон Рамсес I, правивший в 1292–1290 г.г. до н. э. Указ предусматривал в

отношении мздоимцев применение членовредительства. Пойманным на взятке чиновникам отрезали нос, а затем их ссылали на каторгу.

Но еще ранее, в XXII веке до н. э., царь Гераклеополя обратил внимание на ненадежность придворных. Это нашло отражение в «Поучении Гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», где содержатся советы, направленные на предупреждение злоупотреблений среди окружения царя (фараона). Вот некоторые из них: «Возвеличивай твоих вельмож, и они исполнят твои постановления. Тот, кто обеспечен в своем доме, не пристрастен, ибо он богат и не нуждается»⁴³. Фактически данная рекомендация соотносится с предложением, высказанным многими современными учеными, исследующими проблемы борьбы с коррупцией. Ее суть в необходимости достойного материального обеспечения государственных служащих. Уровень материального обеспечения должен быть таким, чтобы чиновнику было не выгодно брать мелкие подношения, подарки. Выработав к ним «иммунитет» чиновнику легче отказаться и от тех подношений, которые уже рассматриваются как взятка. И, наоборот, имея низкий уровень материального достатка, чиновник будет использовать любую возможность его повысить, т.е. при любой возможности он будет брать все, что предлагают и, более того, создавать условия для того, чтобы давали взятку. В итоге причиняется вред делу, которому чиновник призван служить. Об этом же говорит в своих «Поучениях» и гераклеопольский фараон: «Бедняк же не говорит согласно истине. Несправедлив говорящий «я хочу!»⁴⁴. Более того, фараон предупреждает наследника своего трона о склонности небогатых служащих к продажности и взяточничеству: «Он пристрастен к тому, кого любит, он склоняется к владельцу его подношений (т.е. бедняк переходит на сторону того, кто его вознаграждает)»⁴⁵. Проанализировав советы правителя Древнего Египта, высказанные более четырех тысяч лет назад, можно сделать вывод об их актуальности для современности. Но возникает вопрос: «Возможно ли обеспечить достойный материальный уровень государственного служащего?». Ответить на него можно, как положительно, так и отрицательно. Все зависит от экономического развития государства.

О коррупции и взяточничестве в Древней Иудее писал историк Иосиф Флавий в книге «Иудейские древности». Он упоминает в своем труде царя Иосафата, предупреждавшего назначенных им судей «...судить народ, не побуждаясь ничем иным, кроме начала справедливости, не склоняясь в пользу тех, кто мог бы, по их мнению, подарками или личным своим влиянием, благодаря богатству или знатности рода, подкупить их, но творить суд равный для всех...»⁴⁶. Иосиф Флавий крайне негативно отзывался о взяточничестве и приводит конкретные примеры, когда назначенные на должность судьи «...за подарки и гнусные взятки стали нарушать справедливость, постановляя судебные решения не сообразно истине, а сообразно личной своей выгоде...»⁴⁷.

В Вавилоне коррупция процветала среди лиц, отправляющих правосудие. В отношении судьи-взяточника применялся штраф, и он отстранялся от должности. Но Геродот описал исключительный по своей жестокости случай, связанный с именем персидского царя Камбиза (VI век до н. э.), старшего сына царя Кира. Он приказал с судьи Сисамма живьем содрать кожу за несправедливый приговор, постановленный за взятку. Затем кожа судьи было натянута на кресло, на котором он сидел во время исполнения судебных обязанностей. На этом кресле пришлось сидеть сыну Сисамна, назначенного судьей по велению Камбиза. Неизвестно как это повлияло на развитие коррупции в Вавилоне и в целом в Персидском государстве в период правления Камбиза, но можно быть уверенным, что сын коррумпированного судьи, выполняя его обязанности, не допускал злоупотреблений своим положением. Описанный способ наказания взяточника является самым жестоким за всю историю борьбы с коррупцией, сведения о котором сохранились не только благодаря древнегреческому историку Геродоту, но и нидерландскому художнику Герарду Давиду, который в 1498 году написал картину-диптих «Суд Камбиса» или «Сдирание кожи с продажного судьи»⁴⁸. Надо отметить, что данное произведение назидательного характера, находилось в здании ратуши города Брюгге с целью предупреждения светских властей, выполняющих судебские функции. Можно ли использовать его в современных условиях для тех же назидательных целей? Вопрос не однозначный. Но факты говорят о том, что копии этого произведения неоднократно демонстрируются современным судьям, как предупреждение о недопустимости с их стороны незаконных решений и приговоров. Реакция после этого различна. В одних случаях назначается предварительная проверка, не влекущая каких-либо последствий⁴⁹, а в других – выносится постановление о привлечении к различным видам ответственности^{50;51}. Вне зависимости от ответа на поставленный ранее вопрос, следует указать на скрытую силу психологического воздействия произведения Герарда Давида и даже копий этой картины. Что может быть основательным в решении вопроса об использовании репродукций этого произведения в профилактических целях.

Упоминание о коррупции, коррупционных отношениях имеется в легендах и мифах Древней Греции. Так, например, Пелопс понимал, что победить на равных в состязаниях на колесницах царя Эномая не представляется возможным. Он тайно привлекает на свою сторону слугу царя. Пелопс просит слугу, обещая богатые дары, не вставлять чек в оси, чтобы соскочили колеса с колесницы Эномая и задержало бы это царя в пути. Соблазненный богатыми подношениями слуга выполняет просьбу⁵².

Во многих легендах и мифах Древней Греции и Древнего Рима упоминается жертвоприношение богам. Об этом же говорят многие библейские легенды. В качестве жертвы выступали животные (быки, овны, тельцы, козлы), которых сжигали с целью ублажения богов. Отсутствует связь жертвенных животных с пищей богов. Пищей богам являлась

амброзия, дававшая им вечную молодость и бессмертие, а в качестве напитка служил нектар. Неизвестно происхождение и в ряде случаев непонятно назначение этого священного ритуала, учитывая сверхъестественные возможности богов и их бессмертие.

В Средние века понятие «коррупция» имело только лишь каноническое значение. «Corruptibilitas» означало бренность человека, подверженность разрушению, подчеркивало его греховную природу в целом, проявлявшуюся не только и не столько в способности брать и давать взятки. Понятие «коррупция» подразумевало подверженность соблазнам, обольщениям дьявола, а так как грех понимался как беззаконие, поэтому коррумпированность человека – это его тяготение к беззаконию, нарушению законов. Так, Блаженный Августин писал, что после первородного грехопадения коррумпированной, т. е. растленной, оказалась природа, в которой рождались и жили люди⁵³.

Религиозные традиции также внесли свой вклад в формирование идеи коррупции. Жертвоприношения языческим, христианским и другим богам переросли в подношение подарков представителям власти. «Дарообмен стал обыденным явлением, сложившимся из обрядов и религиозных верований. Подвластный люд стремился одарить своего наместника, а тот в свою очередь принимал дары и как дань, и как оплату своих услуг, решая вопросы войны и мира, содержа войско, а впоследствии решая и судебные тяжбы местного населения»⁵⁴.

В ряде случаев жертвоприношение как обязанность возлагалась богом на людей или конкретно на отдельных лиц. Например, Аарону было предписано входить «во святилище: с тельцем в жертву за грех и с овном во всесожжение» (Библия; Ветх. завет: Левит 16:3). Вне зависимости от понимания необходимости и значения приношения жертвы богам, люди усвоили главное: посредством преподнесения подарков (фактически те же жертвы богам) власть предержащим можно решать свои вопросы. А власть предержащие пользуются сформировавшимся на протяжении тысячелетий в сознании людей чувством выражения материальной благодарности за их действия, что и приводит к коррупционным отношениям.

Среди реальных примеров должностных злоупотреблений в Древней Греции интерес представляют сведения о крупном коррупционном скандале, коснувшемся древних греков. Так, в III веке до н. э., наместник Египта Клеомен, назначенный Александром Македонским, занялся спекуляциями на рынке зерна. В результате его действий жители Греции оказались на грани голода⁵⁵.

В римском мире взяточничество было настолько развито, что современники насчитывали около полусотни его видов и форм. Но это характерно для Римской республики начиная со II века до н. э. До указанного времени коррупция не была известна обществу Древнего Рима. Этот факт противоречит мнению многих исследователей утверждающих, что коррупция появилась одновременно с государством и его органами власти.

В ранние периоды Древнего Рима высшие государственные органы власти формировались на основе демократических принципов. Народ ежегодно избирал представителей власти: консулов, преторов, трибунов и др. Избранным на эти должности жалование не платилось, но это не уменьшало количество претендентов, желающих служить своему народу. Объясняется это преобладанием в сознании многих римских граждан чувства долга перед обществом, заслуги перед которым ценились выше материальных благ и вознаграждений. Состоятельные граждане, избранные на государственные должности, считали своим долгом за счет своих средств организовать для народа массовое зрелище или построить общественное сооружение, например, театр и др.⁵⁶.

Римляне в ту эпоху сформировали идеальное общество. О государственных служащих и рядовых гражданах говорили следующее: «никто из них не возлагал на себя корону, никто не кичился пурпурным одеянием; но кого они год за годом назначали себе правителем, тому и повиновались, и не было среди них, ни зависти, ни раздоров»⁵⁷.

Постепенно, в течение II века до н. э., римское общество претерпевает кардинальные изменения. Появилось значительное количество богатых людей, стремящихся увеличить свое состояние за счет своего служебного положения. Если ранее сенаторы приходили в Сенат пешком, то теперь они передвигались в крытых повозках, сопровождаемых несколькими десятками слуг. У «слуг народа» появилась собственная прислуга. Сенаторы уже больше беспокоились о своем собственном благополучии, а не о благе для народа, который их избирал. В отношениях друг с другом сенаторы демонстрировали свою материальную «мощь», что вызывало зависть и ответное стремление укрепить свою власть и, соответственно, материальное положение. Для достижения этой цели хороши были все способы и, в первую очередь, свое должностное положение. Все это явилось тем фоном для развития в Древнем Риме коррупционных отношений. Они привели к тому, что выборы, например, в сенат проходили уже на основе подкупа избирателей. Это явление быстро распространилось на территории Древнего Рима. Римские граждане, принимавшие участие в выборах, рассматривали получаемые ими суммы как законное жалование. «Подкуп избирателей, ставший к концу республики реальностью повседневной практики, заставил обоих авторов (Марка Туллия Цицерона и Гая Саллюстия Криспа) усомниться в целесообразности демократических принципов формирования органов государственной власти. Таким образом, в шестидесятые годы I века до н. э. интеллектуальная элита республиканского Рима озвучила концептуальные основы принципата»⁵⁸.

Император Октавиан Август раздавал избирателям свои личные средства, чтобы они уже ничего не требовали от кандидатов на государственные должности. Римляне в развитии коррупционных отношений дошли до такого уровня, что даже коррумпировали своих врагов – варваров.

Обленившиеся полководцы-аристократы платили готам, вандалам и гуннам огромные деньги за то, чтобы они не нападали на Рим.

Римские императоры жестко боролись с коррупцией и сурово наказывали за коррупционные преступления. Гай Юлий Цезарь запретил прием наместниками в провинциях золотых венков от подвластных городов⁵⁹. Он казнил не только за подкуп, но и за подарки должностным лицам. Октавиан Август (43 г. до н. э. – 14 г. н. э.) установил в провинциях жесткий контроль над деятельностью наместников-сенаторов. Ряд провинций подчинялись только императору. Но, несмотря на жесткость принятых мер, они не могли исправить ситуацию, связанную с распространением коррупции.

Коррупционные действия и коррупционное поведение не только упоминалось, но и осуждалось известными древнегреческими ораторами, римскими юристами и императорами. В трудах философов-просветителей проблема борьбы с коррупцией занимала особое место.

Древнеримский политический деятель и знаменитый оратор Марк Туллий Цицерон (106–43 г.г. до н. э.) о противодействии взяточничеству в среде должностных лиц говорил так: «Подарков да не принимают и не дают, ни добиваясь власти, ни исполняя свои должностные обязанности, ни исполнив их. Если кто-нибудь нарушит какое-либо из этих положений, то кара да соответствует преступлению»⁶⁰. Нравственность Цицерон считал главным критерием для претендентов на занятие должности: «Сословие это да будет без порока; да служит оно для других сословий примером». Возражающим на это оппонентам Цицерон говорит: «...так как закон велит, чтобы сенат был свободен от каких либо пороков, то ни один человек, страдающий пороком, не должен вступать в это сословие... зло не только в том, что проступки совершают первенствующие люди (хотя это само по себе – большое зло), сколько в том, что у них находится очень много подражателей»⁶¹.

Цицерон обратил внимание на тенденцию массового распространения коррупции и условие самосохранения коррупционеров: «Взяточники должны трепетать, если они наворовали лишь сколько нужно для них самих. Когда же они нагнали достаточно для того, чтобы поделиться с другими, то им нечего более бояться»⁶². Эту тенденцию можно представить в виде определенных форм современной коррупции. Коррупционер нижнего ранга для обеспечения своей безопасности (не привлечения к уголовной ответственности или, как минимум, увольнения) вынужден делиться с вышестоящим начальником (преподносит ему подарки, вручает часть полученного незаконным путем), от которого зависит его благополучие, продвижение по службе и т. п. В свою очередь вышестоящий коррупционер, дабы не быть разоблаченным своими подчиненными, «подкармливает» их из средств, полученных в виде взятки, либо иным способом «покупает» их преданность.

Цицерон прославился и как активный изобличитель коррупционеров, несмотря на то, что сам был сенатором, которому не чуждо было богатство. В разных местах Цицерон имел «10 дворцов, не считая 5 квартир в Риме и 6 сельских домов»⁶³. Его практическая деятельность связана не только с Сенатом, но и с судами Римской империи, где он выступал в качестве государственного обвинителя. Несовершенство судебной системы Древнего Рима (взяточничество судей, шантаж участников судебного процесса, вынесение неправосудных решений и приговоров) компенсировалось ораторским мастерством Цицерона, участие которого в судопроизводстве приводило к положительному результату в борьбе с преступниками. Хорошо описан случай его выступления в суде в качестве государственного обвинителя с изобличительной речью против наместника Сицилии Гая Верреса, известного как самого коррумпированного и безнравственного римского политика. В своей речи Цицерон изобличает не только Гая Верреса во взяточничестве, крупных хищениях, но также говорит о массовых нарушениях римского права, допускаемых иными государственными чиновниками. Цицерон говорит о ненависти к судьям со стороны населения Римской империи: «Установилось губительное для государства, а для вас опасное мнение, которое не только в Риме, но и среди чужеземных народов передается из уст в уста, – будто при нынешних судах, ни один человек, располагающий деньгами, как бы виновен он ни был, осужден быть не может»⁶⁴. Представленные Цицероном доказательства были настолько очевидны и убедительны для суда, что Веррес не стал дожидаться постановления приговора и сбежал.

Философ-стоик Сенека (4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) указал на стремления и мотивы римского общества: «Люди повсюду ищут наслаждений, каждый порок бьет через край. Жажда роскоши скатывается к алчности; честность в забвении; что сулит приятную награду, того не стыдятся»⁶⁵. Эти слова философа отражают основу возникновения социального явления – коррупции, основывающейся на множестве человеческих пороков, главенствующим из которых является страсть к наживе и богатству (алчность).

Еще ранее древнегреческий философ Демосфен (384–322 до н. э.) утверждал, что «если кто-нибудь из афинян возьмет от кого-либо взятку, или сам предложит другому... он должен быть лишен гражданской чести, сам и его дети, а имущество его подлежит конфискации и продаже с торгов».

Динарх (360–290 до н. э.), констатировал следующее: «...при рассмотрении других преступлений, связанных с деньгами, законы просто требуют двойного возмещения убытков, то для людей берущих взятки, они установили только два наказания: либо смерть, чтобы судьба взяточника, которого постигло такое наказание, послужила уроком для других; либо штраф в десятикратном размере по отношению к сумме взятки, чтобы не было никакой выгоды для тех, кто отважится на такое дело»⁶⁶. Вместе с тем,

применение смертной казни не решает проблему борьбы со взяточничеством и уже многократно доказало свою неэффективность.

Аристотель (384–322 г.г. до н. э.) одним из направлений государственной деятельности рассматривал борьбу с преступностью. В качестве меры воздействия на преступность Аристотель видел борьбу с коррупцией. Он предлагал установить запрет одному человеку в государстве занимать одновременно несколько должностей. Вместе с тем борьбу с коррупцией Аристотель рассматривал как основу обеспечения государственной стабильности. Он отмечал, что «только государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными»⁶⁷. Отклонения же от справедливости в государственном строе он считал главной причиной крушения государств. «Правонарушения прокрадываются в государственную жизнь незаметно, подобно тому, как небольшой расход, часто повторяясь, ведет к потере состояния»⁶⁸.

В Древнем Китае систему противодействия коррупции разработали сторонники легизма (от лат. *lex* – закон), ярким представителем которого был Шан Ян (390–338 г.г. до н. э.). Он говорил, что «когда законы не проводятся в жизнь, следует понимать, что их нарушают сверху. За малейшие проступки была предложена карательная политика в виде смертной казни, при этом доносительство как общественный институт являлось законным правом каждого»⁶⁹.

В современном мире крайность мер наказания за коррупцию характерна для Китайской Народной Республики, где для взяточников наравне со смертной казнью предусмотрены и штрафные санкции. Вместе с тем, начиная с 2012 г., когда появились «мягкие меры воздействия», число жуликов среди чиновников увеличилось⁷⁰.

Рассматривая вопросы борьбы с коррупцией, Гегель обращал внимание современников на положительные меры, существовавшие во времена Древнего мира. Он указывал, что: «В Афинах существовал закон, предписывающий каждому гражданину отчитываться, на какие средства он живет: теперь же полагают, что это никого не касается»⁷¹.

Известно также изречение древнеримского историка Публия Корнелия Тацита (около 50–120 г.г. н. э.) – «чем больше в государстве коррупции, тем больше законов»⁷². С утверждением Тацита можно согласиться только в части. Сама по себе коррупция не порождает законы, но она заинтересована в таких законах, на основе которых возможно ее процветание. Если в подготовке проектов законов участвуют люди склонные к коррупции, то они будут инициировать принятие законов, способствующих развитию коррупции. В тоже время и позитивные участники законотворческого процесса, устанавливающие значительное количество запретов, содержащихся в законах, невольно порождают коррупционные отношения. Следовательно, чем больше нормативных запретов, тем больше коррупции в государстве.

Итальянский философ и политический деятель Никколо Макиавелли (1469–1527 г.г.) о коррупции говорил как о «системе грабежа со стороны чиновников, сравнивая ее с болезнью, которую вначале трудно распознать, но легко лечить, а позже – уже легко распознать, но почти невозможно лечить»⁷³. Являясь общим заболеванием государства, коррупция, разрушала общество, его гражданскую добродетель⁷⁴.

В истории зарубежных стран упоминаются различные источники права, научные труды и трактаты известных ученых. Во многих из них рассматриваются понятия «коррупция» и «взятничество». Содержание их толкования отличается в зависимости от эпохи, мировоззрения, культуры, обычаев и традиций, сложившихся в обществе. Но общим для них являлось указание на необходимость непримиримой борьбы с коррупцией и взяточничеством, препятствующим развитию общественных отношений.

1.2. Российский опыт борьбы с взяточничеством: с древних времен и до социалистической революции

По сохранившимся записям русских летописцев взятки (в древних источниках используется термин «мздоимство») появились еще в Древней Руси и осуждались наряду с пьянством и колдовством. Впервые о «посулах», как незаконном получении чиновником вознаграждения, говорится в Двинской уставной грамоте 1397–1398 г.г.⁷⁵. Об этом же говорится и в Псковской Судной грамоте 1397 г.⁷⁶, появившейся в тот же период времени.

В качестве коррупционных преступлений в царской России рассматривались две их формы: казнокрадство (присвоение бюджетных денег) и взяточничество, которое, в свою очередь, подразделялось на «мздоимство» (получение неправомερных преимуществ за совершение правомερных действий) и «лихоимство» (получение материальных благ за совершение не законных действий). Понятие «лихоимство» вошло в русское законодательство во времена Петра I на основе его Указа от 24 декабря 1714 г.⁷⁷. В России использовались и иные слова, указывающие на коррупционное поведение «слуг государевых»: «почесть», «поминки», «посулы».

Первое законодательное ограничение коррупционной деятельности в России было осуществлено в царствование Ивана III, а его внук – Иван IV (Грозный) впервые ввел смертную казнь за получение взятки⁷⁸.

Иваном IV (Грозным) была принята Судная грамота (1561 г.), запрещавшая «судити по посулам». Выявив факты получения взятки судебными чиновниками местного земского управления царь велел их «казнити смертноу казнью». Данным юридическим документом впервые в России была установлена смертная казнь за взяточничество. Весьма интересным методом борьбы с этим коррупционным преступлением является передача имущества казненных взяточников тем, кто на них совершил донос: «а животы их велети имати да отдавати тем людям, кто на них донесет»⁷⁹. Царь Иван Грозный лично принимал решение о наказании провинившихся

«служивых» людей. Например, по его приказу четвертовали дьяка, соблазнившегося взяткой в виде гуся, в котором были спрятаны серебряные монеты⁸⁰.

Царь Иван Грозный контролировал деятельность должностных лиц посредством специально созданных для осуществления этой функции государственных органов. В 1539 г. образована система центральных органов управления государством, называемых приказами. Одним из них являлся Разбойный приказ, на который возлагались судебные-сыскные функции всего Московского государства. Этот приказ просуществовал до 1701 г. и сменил несколько названий: Разбойный сыскной приказ, Сыскной приказ, Приказ сыскных дел. Одновременно с Разбойным приказом на местах введены выборные органы управления – губные и земские избы. Губные избы были созданы, прежде всего, как карательные органы, ведавшие борьбой с уголовной преступностью, и являлись высшей судебной-полицейской властью в уездах.

В компетенцию Разбойного приказа входило утверждение в должности и контроль над деятельностью должностных лиц органов местного самоуправления, исполнявших судебные-сыскные функции (губных старост, целовальников и дьяков). Он же мог привлекать местных представителей власти к ответственности за взяточничество и другие злоупотребления, а в особо важных случаях направлял на места своих официальных представителей.

С приходом на царствование династии Романовых противодействие коррупционным проявлениям не отличается стабильным характером. Периодически, в зависимости от личности царствующей особы, происходит усиление или ослабление борьбы со взяточничеством. Соответственно этому резко отличаются и применяемые к коррупционерам меры ответственности. В этот же период принимаются значимые правовые документы, в которых отражается отношение власти к проявлениям коррупции и взяточничества.

Первый народный бунт антикоррупционной направленности произошел в 1648 г. и закончился расправой двух коррумпированных служащих, отданных толпе по указанию царя Алексей Михайловича, напуганного гневом подданных. Это событие послужило одним из поводов созыва в следующем году Земского собора и принятия свода законов Русского царства под названием «Соборное уложение», в котором нашли отражение вопросы уголовной ответственности, в том числе за взяточничество и иные проявления корыстных злоупотреблений по службе.

В Соборном уложении 1649 г. была предусмотрена ответственность должностных лиц судебных органов за принятие вознаграждения в виде «посула», но смертная казнь за это не предусмотрена. Мера ответственности за аналогичное деяние отличалась в зависимости от «должностного положения» виновного. Боярин, окольничий или иной думный человек уплачивал тройной размер цены иска лицу, против интересов которого совершил «неправду», у него удерживались «пошлины и пересуд и правой

десяток взъяти на государя», а также подлежала «отняти честь» (опозорить, посрамить, испачкать репутацию, покрыть позором). Если судья «не из думных людей», то в отношении него применялась «учинити торговая казнь, и выпредь им у дела не быти» (гл. X, ст. 5)⁸¹.

«Мягкость» ответственности за совершенные «должностные» преступления не способствовала снижению коррупционных проявлений и, в частности, взяточничества. В последующие десятилетия с момента принятия Соборного уложения коррупция и взяточничество находились в состоянии стабильного развития.

При царе Алексее Михайловиче был создан Приказ Тайных дел (1655 г.), который по существу представлял собой личную канцелярию царя. Основной его функцией был контроль за деятельностью приказов, система которых действовала со времен Ивана Грозного. Контроль носил как гласный (открытый), так и негласный (тайный) характер. Негласный контроль заключался в посылке должностных лиц Приказа с миссией тайного наблюдения за деятельностью царских послов. В этом учреждении рассматривались жалобы и доносы, поданные лично царю и требовавшие его особого внимания. Создание Приказа Тайных дел способствовало развитию и совершенствованию тайных методов расследования, которые впоследствии переносятся и в сферу борьбы с общеуголовной преступностью⁸².

В допетровский период наибольшее развитие получили две формы коррупционных отношений: «посулы» и «почести». «Посулы» были собственно взятками в современном понимании этого слова, а «почесть» и отдельная плата за составление бумаг не преследовались законом⁸³. «Почесть» носила характер своеобразного соглашения, в обмен на которую приказные люди как бы брали на себя обязательство благожелательно отнестись к челобитчику⁸⁴. В качестве «почести» выступали продукты питания (рабы, пироги, калачи, яйца, соль и т.д.), предметы обихода (ложки, стаканы, ковши, щетки и др.), а также предметы культа (иконы, оклады икон и т.п.), которые вручались подвластным населением чиновникам в связи с праздниками, занятием должности. Не упускали челобитчики случаев выразить «почесть» чиновнику в связи с его новосельем, днем рождения (именинами), свадьбой (крестинами) детей. Происхождение «почести» уходит во времена Киевской Руси. По своей сути она выражала уважение к конкретному лицу и с течением времени превратилась в обычай одаривать высокопоставленного чиновника. Этот обычай сохраняется до настоящего времени. «Вместе с тем, за старым понятием «почести» нетрудно разглядеть, что новое его содержание все более приобретало значение разрешенной взятки»⁸⁵. Оно имело вид мздоимства, которое расцвело на основе широкой практики подношений «почести» чиновникам.

Подношения, имевшие характер «посула», передавались чиновникам за нарушение закона⁸⁶. Посул-взятка преследовалась по закону во все времена.

Народное творчество сформировало ёмкие и четко отражавшие характер того времени пословицы и поговорки: «Не ходи к нашему воеводе⁸⁷ с одним

носом, а ходи с подносом», «Земля любит навоз, а наш воевода принос», «С переднего крыльца отказ, а с заднего – милости просим»⁸⁸. Переходя из поколения в поколение они фактически служили правилами взаимоотношений между властью имущими и подвластными.

Во время правления Петра I сохранялись подношения чиновникам деньгами и натурой «в почесть», кормление приказных обедом, плата за оформление дел и дача «посулов», которые, по мнению П. В. Седова глубоко укоренились и остались в наследство последующему времени⁸⁹. Коррупция и взяточничество в России достигают максимального расцвета. Повальные злоупотребления чиновников впервые были осознаны как препятствие развитию страны. Среди должностных лиц было распространено взяточничество. Наиболее преуспел в этом приближенный к царю А. Д. Меншиков. Чиновники считали занимаемую государственную должность как предоставленную возможность улучшать свое материальное положение за счет народа. Такое отношение к службе и связанным с ней коррупционным возможностям имеет причину. Ещё в Древней Руси для чиновников стал практиковаться византийский принцип – им не платили жалованья, но позволяли кормиться за счет подношений народа⁹⁰. На уровне правящей власти считалось, что легче и дешевле чиновника накормить за счет народа, чем за счет царской казны. Поэтому до XVIII века «служивые» люди на Руси жили благодаря так называемому «кормлению». Они не имели государственного денежного довольствия, но получали подношения от заинтересованных в их деятельности лиц. «Благодарили» их деньгами и продуктами питания: мясо, рыба, одежда и др. Деньги за службу получали только московские чиновники, которым также не запрещалось «кормление от дел».

Впервые при Петре I все «слуги государевы» стали получать фиксированную ежемесячную плату, а взятки (подношения) в любой форме признаны преступлением. Плата за службу не изменила ситуацию, так как многие чиновники считали, что «кормление от дел» это их наследуемое право. Задержка с выплатой чиновникам жалованья влекла за собой повсеместное возрождение традиции «кормлений от дел». Особенно это проявилось в период дворцовых переворотов.

Петр I реформировал деятельность государственных органов, одним направлением которых становится борьба с государственными и должностными преступлениями. В обнаружении и преследовании государственных и должностных преступников наибольшее распространение получают тайные методы расследования. Для решения этой задачи Петр I создает в 1701 г. Преображенский приказ, функции которого впоследствии были переданы созданной в 1718 г. Тайной розыскных дел канцелярии. Доносительство о государственных преступлениях царскими указами вменяется в обязанность всем подданным. Более того, законодательство того периода пыталось распространить доносы и на другие сферы жизни общества.

Изобличенных в казнокрадстве и взяточничестве привлекали по нормам Соборного уложения 1649 г., не утратившего своей актуальности на протяжении двух столетий с момента принятия. Но меры ответственности за взяточничество, содержащиеся в Соборном уложении 1649 г. и иных правовых актах, не обеспечивали эффективности в борьбе с коррупцией и взяточничеством. Понимание этого побуждает Петра I усилить ответственность за корыстные преступления. Теперь за взяточничество, совершаемое «служивыми» людьми, стали применять различные виды телесных наказаний, изъятие (конфискацию) имущества и смертную казнь. Вначале эти меры применялись в отношении получателей взятки, но уже в 1713 г. Петр I вводит уголовную ответственность за дачу взятки. А в следующем году указом установлена ответственность за пособничество в совершении корыстного злоупотребления по службе и за недонесение о совершении этих преступлений⁹¹.

В 1711 г. создана фискальная служба, вначале задуманная как орган тайного надзора за государственными чиновниками. Но уже в 1714 г. Указом «О фискалах и их должности и действии» регламентированы полномочия фискалов и принимаемые ими меры по борьбе с преступлениями, совершаемыми «слугами государевыми». Основным направлением ее деятельности была борьба с казнокрадством, «мздоимством» и «лихоимством». Петр I предписывал ей «над всеми делами тайно надсматривать». Фискалы обеспечивали государственный контроль за наполнением казны и расходованием казенных средств. С этой целью внедряли своих агентов или осуществляли вербовку агентуры в государственных учреждениях, применяя тайные методы и способы, выявляли взяточников и казнокрадов.

В 1714 г. Петр I издает Указ «О воспрещении взяток и посулов». Его принятие обусловлено тем, что «вред и убыток» государству приносило взяточничество, квалифицированное как преступление и подлежащее строжайшему наказанию⁹².

В 1715 г. принят Артикул Воинский, впервые систематизировавший уголовно-правовые нормы. В нем упоминаются такие должностные преступления, как злоупотребление властью в корыстных целях, взяточничество, подделка печатей и документов, срывание указов, принесение лжеприсяги и лжесвидетельство, за которые предусматривалась смертная казнь, телесное наказание или тюремное заключение⁹³. Например, в артикуле 184 говорится о подкупе караульного: «если кто подарков, прибыли или пользы себе ради чрез караул кого пропустит, где не надлежит пропускать, оного надлежит повесить», а в артикуле 194 говорится о хищении государственных денег: «кто его величества или государственные в руках имея, из оных утаит, украдет, и к своей пользе употребит, и в расходе меньше записано и сочтено будет, нежели что он получил, оный живота лишится и имеет быть повешен»⁹⁴. Несколько примеров привлечения к ответственности коррупционеров во времена Петра I. В 1721 г. за

многочисленные преступления был казнен сибирский губернатор князь М. П. Гагарин. Для устрашения чиновников труп князя несколько раз перевешивали в разных местах Петербурга и длительное время не предавали погребению. Внушительный перечень нарушений губернатора включал следующее: занижение реальных доходов губернии, вымогательства, угрозы купцам, присвоение казенных средств, а также взятки по винному и пивному откупу. Вызывает недоумение и является примечательным факт увековечивания памяти «коррупционера» М. П. Гагарина. Его «сложный, противоречивый и даровитый» образ представлен в современном литературном произведении⁹⁵. В его честь в г. Тобольске сравнительно недавно открыта памятная доска, а в г. Санкт-Петербурге были названы две улицы (в настоящее время переименованы). Среди выносивших смертный приговор М. П. Гагарину был фаворит царя А. Д. Меншиков, который после смерти Петра I сам был основательно обвинен в коррупции и иных злоупотреблениях против государства. В перечне имущества, конфискованного у князя А. Д. Меншикова, указаны 99 деревень, 88 сел, волость, четыре города в Малороссии. Это только небольшая часть тех несметных богатств, приобретенных князем благодаря милости царя Петра I и никем неограниченным мздоимством⁹⁶.

Суровые карательные меры не способствовали снижению взяточничества в государственном аппарате России. Зная об этом, разгневанный Петр I высказал намерение повесить всех взяточников в государстве. Он требовал от Сената принять закон, предписывавший вешать любого чиновника, укравшего сумму, равную цене веревки. Но его соратники заявили, что государь останется без подданных. А генерал-прокурор П. И. Ягужинский заметил: «Неужели вы хотите остаться императором без служителей и подданных? Мы все ворует – с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой»⁹⁷. Лично генерал-прокурор П. И. Ягужинский, позволивший смело заявить царю о массовом характере коррупции, не исключая себя, все же «отличался прямоотой, честностью и неподкупностью»⁹⁸, редкими для тех времен качествами, за что Петр I его уважал и ценил.

Понимая серьезность ситуации (на тот момент воровали практически все государственные служащие), возмущенный Петр I все же издал указ, предусматривавший применение смертной казни, но в отношении крупных взяточников. Характерно, что возглавивший борьбу с казнокрадством и взяточничеством обер-фискал А. Я. Нестеров сам был казнен за взятки⁹⁹.

Принимаемые Петром I меры положительного эффекта не давали. В целях предупреждения взяточничества и других корыстных злоупотреблений по службе он ввел новый порядок прохождения государственной службы для воевод, которые не могли находиться на этой должности более двух лет. Данный срок мог быть продлен только в том случае, если имелась письменная просьба жителей города о том, чтобы данное должностное лицо продолжало исполнять свои обязанности¹⁰⁰.

Вместе с тем, следует отметить непоследовательность и избирательность Петра I в деле борьбы с коррупцией. Дело в том, что Петр I довольно снисходительно относился к финансовым злоупотреблениям своих соратников, при условии, что те были полезны в его начинаниях, а их преступные деяния для окружающих были скрыты. Так, например, царь закрыл глаза на то, что во время завоевания Прибалтики полководец Б. П. Шереметев присвоил себе все награбленное на захваченных территориях. По его приказу солдаты сгоняли людей с завоеванных территорий, не обращая внимания на их происхождение и звания, и гнали их в поместья графа Б. П. Шереметева для превращения их в землепашцев и других нужных ему рабов¹⁰¹.

Преемники Петра I на Российском троне продолжили борьбу со взяточничеством и иными злоупотреблениями в сфере государственной службы. Но применяемые ими меры отличались непоследовательностью, а в ряде случаев неэффективностью. После смерти Петра I наступил период прихода к власти женщин-цариц, что весьма специфично сказалось на развитии коррупции и взяточничества. Появились новые, доселе неведомые формы коррупционных отношений, мер противодействия которым не существовало.

После смерти Петра I его жена Марта Савронская, взошедшая на престол под именем Екатерина I Алексеевна, фактически перечеркивает все предшествующие достижения в борьбе с коррупцией. В одном из первых указов она повелевает приказным людям жалованья не выдавать, «а довольствоваться им от дел по прежнему обыкновению с челобитчиков»¹⁰². Фактически Екатерина I разрешила «кормление от дел». Она же постановила, что «жалованье отныне будет выплачиваться только президентам коллегий (министрам)»¹⁰³. Иные же вынуждены довольствуются тем, «кто что даст по своей воле, понеже и наперед того им жалованья не бывало, а пропитание и без жалованья имели»¹⁰⁴. Под лихоимством стали понимать только «вымогательство излишней платы»¹⁰⁵.

Правление племянницы (Анны Иоановны), а затем дочери (Елизаветы Петровны) Петра I не отличалось серьезностью в вопросе борьбы с казнокрадством и взяточничеством. Отсутствие склонности к управлению государством делало цариц всецело зависимыми от окружавших их фаворитов. Приближенные, которым они доверяли, злоупотребляли своим положением, что в итоге способствовало массовому воровству на всех уровнях. И в первую очередь в окружении цариц, которые не могли не видеть этого, но в обмен за преданность и дельные советы по управлению свитой и государством закрывали глаза на казнокрадство своих «верных» чиновников и в особенности фаворитов^{106; 107}.

С теми же проблемами столкнулась Екатерина II, во времена правления которой также процветал «фаворитизм» и стяжательство¹⁰⁸. Вместе с тем отношение императрицы к государственным проблемам было иное, чем у ее предшественниц. В начале своего правления, столкнувшись с чиновничьим

самоуправством, она проявила возмущение: «Сердце Наше содрогнулось, – писала она в своем указе, – когда Мы услышали... что какой-то регистратор Яков Ренберг, приводя ныне к присяге Нам в верности бедных людей, брал и за это с каждого себе деньги, кто присягал. Этого Ренберга Мы повелели сослать на вечное житие в Сибирь на каторгу и поступили так только из милосердия, поскольку он за такое ужасное... преступление по справедливости должен быть лишен жизни»¹⁰⁹.

Первые годы правления Екатерины II характеризуются ее стремлением к борьбе со взяточничеством. Ко времени ее вступления на престол в России уже глубоко укоренилась система мздоимства, произвола и других злоупотреблений среди чиновников. Для искоренения коррупции и воровства среди чиновников необходима основательная реформа государственного строя. Но это оказалось невозможным, ни в те времена, ни даже в более позднейшие¹¹⁰.

Екатерина II понимала, что одними только словами делу не поможешь, и действовать надо решительно, иначе страну разграбят. Следуя опыту Петра I, Екатерина II вновь назначает чиновникам жалованье. На этот раз оно выплачивалось вовремя, и было намного выше, чем при Петре I. В 1763 г. средний оклад служащего составлял 30 рублей в уездных, 60 рублей в губернских и 100–150 рублей в центральных и высших учреждениях, при этом пуд зерна стоил 10–15 копеек.

Теперь императрица имела право требовать от чиновников честности и соблюдения законов. Однако стремление чиновников к наживе была сильнее доводов разума. Проведенные вскоре проверки показали обратное желаемому царицей: чиновники массово воруют. Императрица была возмущена происходящим в государстве. Коррупция охватила всю систему государственного управления Российским государством. Множество примеров злоупотреблений чиновников в период царствования Екатерины II. Так, генерал-прокурор Правительствующего сената А. И. Глебов отбирал выданные местными властями винные откупа и перепродавал их за большие деньги своим покупателям. Фаворит царицы князь Г. А. Потемкин «собственной властью и вопреки Сенату распорядился винными откупами невыгодным для казны образом»¹¹¹. Не служила образцом для подражания и сама Екатерина II. Причиной тому послужило явление под названием «фаворитизм», который приобрел к моменту царствования Екатерины II всеобщий характер и был интегрирован в систему государственного управления. Фаворитизм способствовал не только коррупции, но и чрезмерному расходованию государственных средств и денег. Последнее всецело было связано с волей царицы. Общая сумма подарков 11 главным фаворитам Екатерины II и расходов на их содержание составила 98 млн. 820 тыс. рублей¹¹². Это в несколько раз превышало размер годовых расходов государственного бюджета той поры. Кроме денег, фавориты незаслуженно получали награды, чины, звания. Все это деморализовало иных чиновников и не способствовало добросовестному выполнению ими своих служебных

обязанностей. Так, например, юный и не имевший никаких заслуг Александр Ланской за 3–4 года «дружбы» с императрицей получил ордена Александра Невского, Святой Анны, звания генерал-поручика и генерал-адъютанта, польские ордена Белого Орла и Святого Станислава, шведский орден Полярной Звезды, а также «нажил» состояние в размере 7 млн. рублей¹¹³. Щедрость императрицы не знала границ и в отношении родственников своих фаворитов. На содержание племянницы Г. А. Потемкина царица ежегодно выделяла 100 тыс. рублей, а на ее свадьбу подарила 1 млн. рублей¹¹⁴. Коррупция, хищения и иные злоупотребления фаворитов не являются случайными, так как они являлись «в большинстве своем хапугами, радевшими о личных интересах, а не о благе государства»¹¹⁵. Взятки, полученные Г. А. Потемкиным от иезуитов, сыграли важную роль в том, что их ордену позволили открыть штаб-квартиру в России. К тому времени в иных европейских странах иезуитская организация была запрещена¹¹⁶.

Коррупция процветала не только на всей территории Российской империи, но достигла расцвета на уровне международных отношений, что приобрело своеобразные традиции русской дипломатии. Например, жена канцлера А. П. Бестужева получила в 1745 г. от французского посланника тысячу дукатов. Подобное имело широкое распространение среди русских дипломатов, их родственников, которые не гнушались прямого вымогательства взятки при решении вопросов международного характера¹¹⁷.

Верную оценку развитию взяточничества во времена Екатерины II дал государственный деятель и русский поэт Г. Р. Державин (1743–1816 г.г.), который лично взяток не брал, но был склонен выпрашивать награды за свою службу. Обращаясь к казанскому губернатору, он заметил, что «...Надлежит искоренить взятки. Говорить о истреблении заразы сей потому за должное себе поставлю, что разлиание оной наиболее всего, по моим мыслям, способствует злу, терзающему наше отчество»¹¹⁸. В этот период за взятку покупались государственные должности, правосудие, безнаказанность. «Около двадцати олигархов разделили между собою Россию под предводительством фаворита»¹¹⁹ Екатерины II.

Павел I, взошедший на престол после смерти Екатерины II, начал активную борьбу коррупцией в Российском государстве. В опале оказались фавориты и ближайшие соратники Екатерины II, злоупотреблявшие ее доверием, но это не решило проблему коррупции. Более того, она обострилась по причине обесценивания бумажных денег (ассигнаций), которыми выплачивалась зарплата чиновникам. Служащие обратились к извечному источнику своего дохода – взяткам.

Стремление Павла I навести в стране железный порядок вызвало недовольство, не только отстраненных от власти чиновников, но и ближайшего окружения царя, что привело к его убийству. Начатые им реформы в сфере государственного управления сами по себе приостановились, так как у Павла I, в отличие от предшественников, не было

соратников, которые поддержали бы его начинания по переустройству государства.

Не менее сложной оставалась ситуация и во времена царствования Александра I, которому докладывали о коррупционных злоупотреблениях сенаторов. Так, в результате специальной проверки вскрыты «злоупотребления вопиющие и по глупости губернатора, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбию брата его, губернского почтмейстера, весьма худо прикрытыми»¹²⁰.

Понимая, что «различного рода подношения оказывают разлагающее влияние на персонал административных учреждений, правительство Александра I приняло специальный Указ «О воспрещении приносить подарки начальникам губерний и другим чиновникам». Это запрещение мотивировалось необходимостью «предупредить всякого способа к послаблению и упущениям по службе»¹²¹. Но это не повлияло на взяточничество во времена царствования Александра I. Оно приобретало иногда бесхитростные и заранее продуманные формы. Например, один чиновник, обещая похлопотать перед судьей, брал взятку отдельно с истца и ответчика. Поскольку одна из сторон всегда выигрывала, то «честный» чиновник другой стороне возвращал деньги со словами извинения, мол «Сила не взяла!»¹²².

Подобно поступали чиновники, служившие в Сенате, заранее определив стоимость оказываемой услуги посредничества между просителем и вышестоящим чиновником, от которого зависело удовлетворение просьбы. В случае ее неудовлетворения просителю возвращались деньги. Несмотря на это и из-за опасения уронить престиж Сената, император предпочитал не обращать внимания на массовые злоупотребления чиновников различных мастей. Многие губернаторы, уличенные в злоупотреблениях, лишались своих должностей, но не привлекались к юридической ответственности. Разоблаченные взяточники, освобожденные от государственных должностей, безбедно доживали свой век у себя в поместье либо за рубежом.

В 1820 г. Александр I инициировал принятие документа, согласно которому государственным чиновникам запрещалось участвовать в приобретении имущества, продажа которого была поручена им правительством.

Правосудие над коррупционными чиновниками восторжествовало во время правления Николая I. На исходе его царствования под судом находилось 2540 чиновников¹²³.

При Николае I чиновникам не разрешалось брать на себя казенные подряды и поставки в учреждениях, где они служили, входить в долговые обязательства с подрядчиками и поставщиками в этих учреждениях, выступать «по месту службы» в качестве поверенных других лиц. С целью контроля за чиновниками, а также для выявления фактов коррупции при Николае I впервые были введены в практику регулярные ревизии. Он лично контролировал высшее руководство на местах. По распоряжению царя III

отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии собрало сведения о губернаторах на предмет их отношения к взяточничеству. Оказалось, что только два губернатора – ковенский (А. А. Радищев, младший сын известного писателя) и киевский (И. И. Фундуклей) не берут взятки¹²⁴. Царь объяснил это тем, что первый чересчур честный, а второй очень богат. В качестве «всероссийского отдела кадров» существовало 1-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а при нем – Инспекторский департамент гражданского ведомства. Финансовую деятельность должностных лиц и учреждений проверял Государственный контроль. Пресекать злоупотребления были призваны и штаб-офицеры Корпуса жандармов.

Представляют интерес дополнения к Уставу о службе гражданской. Речь идет о третьем пункте Положения «О порядке увольнения от службы и определения вновь в оную неблагонадежных чиновников» от 7 ноября 1850 г. (позднее статья 788 Устава о службе по определению от правительства 1896 года). Данная норма позволяла увольнять чиновников по усмотрению начальства без объяснения причин, мундира и пенсии. Основанием для увольнения могло послужить недоверие в случае злоупотреблений, которые нельзя было доказать. При этом предание служащих суду за служебные преступления зависело не столько от суда или прокурорского надзора, сколько от их собственного начальства.

Устав о службе гражданской жёстко ограничивал чиновничество в гражданских правах и предусматривал безусловное подчинение государственного служащего не только закону, но и воле вышестоящего начальника. Это иллюстрирует статья 788 Устава: «Начальник имеет право отставить (чиновников) от должности по своему усмотрению и без просьбы их. На такое распоряжение уволенные не могут жаловаться, и все их жалобы, а также просьбы о возвращении к прежним должностям не должны вовсе принимаемы к рассмотрению, но оставлены без действия и движения»¹²⁵. Профессор П. А. Алексеев четко охарактеризовал эту статью: «Третий пункт заставляет чиновников видеть в лице начальства власть, стоящую как бы выше закона... Третий пункт есть узаконенное господство произвола»¹²⁶. Возможность быть уволенным по третьему пункту «немало способствует установившемуся сервильизму (раболепие, прислужничество, угодливость – А. Х.) среди чиновничества низшего»¹²⁷. Аналогичное мнение о третьем пункте высказал профессор Е. Н. Трубецкой: «перед всеми разномыслящими с министерством чиновниками ставит альтернативу – быть уволенными»¹²⁸. Сами же чиновники того времени в третьем пункте «усматривали причину социальных и материальных трудностей чиновничества»¹²⁹.

В то же время взяточничество и казнокрадство не только не ослабли – они даже обрели более выраженную форму. Было установлено и об этом многие знали, кому из чиновников, за что, сколько, в каком виде следует давать взятку. Значительные суммы были присвоены графом П. А. Клейнмихелем. Будучи любимцем царя граф считался «главным

казнокрадом», «вором и мздоимцем». Он присвоил значительные суммы денег, «отпущенные на меблирование Большого Зимнего дворца в 1837 году»¹³⁰. Не по назначению был растрачен «инвалидный капитал», предназначенный для пенсий инвалидам войн. Директор канцелярии инвалидного фонда А. Г. Политковский присвоил более одного миллиона рублей серебром. Уходили эти деньги и на организованные им застолья, на которых гуляли знатные люди Петербурга¹³¹.

Николай I привлекал к суду крупных коррупционеров, но не всех. Например, П. А. Клейнмихель так и не понес ответственности за казнокрадство в особо крупных размерах. Пользуясь благосклонностью царя, он своей лестью и обманом убедил его в своей непогрешимости. Со временем все было забыто и граф снова был допущен «ко двору». Николай I не обращал внимания и относился снисходительно к мелким взяточникам. Но если этим «грешили» чиновники, занимающие высокое положение в государстве то их отстраняли от занимаемой должности, не возбуждая уголовного преследования. Например, так поступили с губернатором Восточной Сибири В. Я. Рупертом, в отношении которого проведенная в 1845 г. сенатская ревизия выявила факты должностных злоупотреблений, связанных с фиктивными расходами. Он вышел по прошению в отставку, но уголовному преследованию не подвергся¹³².

В целом времена правления Николая I характеризуется активной борьбой с хищениями государственных средств, сокращением крупной коррупции, несмотря на то, что мелкая коррупция процветала.

Во времена Николая I факты взяточничества, коррупционных скандалов осуждаются обществом и не являются предметом цензурного запрета. Проблема коррупции вынесена на широкое обсуждение общественности и активно порицается ею. Царь лично санкционировал демонстрацию в театрах государства спектакля «Ревизор» по одноименному произведению Н. В. Гоголя, в котором высмеиваются чиновники, совершающие воровство и берущие взятки. Оппоненты царя утверждали, что принятые им меры, наоборот способствуют укреплению коррупции.

Противодействуя царским мерам борьбы с коррупцией, чиновники придумывали новые способы казнокрадства и взяточничества. Красноречиво об этом высказался сенатор К. И. Фишер: «Канцелярская наглость исстари составляла хроническую язву России... Прежде наглость действовала посредством нарушения законов, теперь она стала чертить законы, способствующие воровству...»¹³³. На основе наблюдения К. И. Фишера можно сделать вывод, который имеет существенное значение для современности. Одним из факторов, который может предупреждать, а равно и провоцировать совершение коррупционных преступлений, являются нормативные правовые акты. Сам Николай I также критически относился к успехам в сфере борьбы с коррупцией в России.

Начало царствования Александра II ознаменовалось либеральными реформами и сменой старых, скомпрометировавших себя министров.

Впервые в русском языке стало широко употребляться слово «гласность», а пресса получила возможность обличать коррумпированных чиновников. Реформы судебной системы и местного управления способствовали снижению числа поводов для дачи взяток. Например, введение суда присяжных заседателей сделало неэффективной дачу взятки судье, а отмена винного откупа – взятки чиновникам казенных палат.

Царствование Александра II происходило в условиях бурно развивающегося капитализма. Это способствовало появлению новых форм злоупотреблений. На смену традиционному кумовству, мздоимству и лихоимству пришло сращивание высшего чиновничества с бизнесом, взаимопроникновение государственного управления и предпринимательства. Этому способствовали условия неизменной зависимости чиновников только от начальства («третий пункт») и отсутствия выборности должностных лиц. Поэтому «старые» поводы для коррупционных отношений очень скоро сменились «новыми», связанными с развитием предпринимательства: необходимостью получения концессий на строительство железных дорог, государственных субсидий и т. п.

Коррупция в системе государственной службы получила новый стимул в связи с развитием в стране капиталистического социально-экономического уклада. «Эффективным средством коррумпирования крупных правительственных чиновников для российских предпринимателей стало их привлечение к учреждению акционерных обществ, предложения тех или иных должностей в советах и управлениях частных фирм»¹³⁴. Происходило «сращивание» промышленной и финансовой олигархии с представителями правительственной бюрократии, что для последних по существу являлось завуалированной формой подкупа¹³⁵.

Активного противодействия коррупции в этот период со стороны государства не наблюдается. Близкое окружение царя составляют его родственники, занимающие ключевые позиции в государственных органах. Они же в числе первых допускают коррупционные отношения. Не был безгрешным и сам император. На получение им взяток указывал А. И. Дельвиг, который с разочарованием говорил: «До настоящего года я полагал, что в России есть, по крайней мере, одна личность, которая по своему положению не может быть взяточником, и грустно разочаровался»¹³⁶.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что никаких мер для борьбы с коррупцией не предпринималось. Существенным фактором борьбы с воровством и коррупцией считается система публикации имущественного положения чиновников империи. Ежегодно выходили книги под названием «Список гражданским чинам такого-то ведомства». В них отражалось имущественное положение чиновников и их супругов. Такой «Список» позволял сравнить реальное имущественное положение с декларируемым. Их несоответствие не влекло в действительности каких-либо последствий для чиновника. Чиновникам также запрещалось заключать сделки с лицами, вступающими в подряды и поставки по тому ведомству, где они служат.

Предполагалась, что такие сделки прикрывают собою взятку. За совершение таких сделок обе стороны подвергались взысканию, равному цене заключенной сделки, а чиновник исключался со службы¹³⁷.

В годы правления Александра III получило широкое распространение среди чиновников высшего ранга участие в учреждении акционерных обществ, что способствовало извлечению ими незаконных прибылей. Например, с деятельностью частных железнодорожных компаний связаны многие коррупционные скандалы того времени. Ряд крупных чиновников вошли в состав этих компаний, причем, как правило, они в качестве «вклада в дело» денег не вносили, а использовали свой так называемый «административный ресурс»¹³⁸. Именно такое положение дел вынудило Александра III установить запрет высшим чиновникам участвовать в деятельности акционерных предприятий¹³⁹. Но изобретательные чиновники всячески тянулись к «доходному месту». «В правления акционерных обществ отправлялись жёны и дети высших чиновников, на крайний случай – их доверенные лица»¹⁴⁰.

Царь предпринял ряд иных мер по искоренению коррупции и злоупотреблений. Был введен запрет на получение чиновником комиссии при размещении государственного займа. Одним из главных направлений борьбы с данным злоупотреблением стала реорганизация системы железных дорог, превратившейся в одну из главных сфер коррупции и финансовых нарушений. Александр III пресекал вмешательства своих близких родственников (великих князей) в деятельность министерств. Заподозренных в злоупотреблениях он отправлял в отставку. В этот период начат процесс ужесточения ответственности за взяточничество. В 1881 г. создан Комитет для разработки проекта уголовного Уложения.

Александр III в 1884 г. установил новые ограничения для государственных служащих. Высшим должностным лицам было запрещено участвовать в железнодорожных, пароходных и промышленных компаниях, входить в правления акционерных обществ и т. п. Была произведена смена руководителей, но в этот раз – на консервативных министров «патриотического» направления. Однако и они не избежали упреков в коррупции. Председатель Комитета финансов А. А. Абаза почти открыто занимался крупной биржевой игрой на курсе рубля. В обществе говорили о получении взятки от иностранных банкиров министром финансов И. А. Вышнеградским, о злоупотреблениях министра путей сообщения А. К. Кривошеина. Максимальным наказанием для провинившихся в таком случае обычно становилась отставка¹⁴¹.

В XIX веке коррупция фактически превратилась в механизм государственного управления.

Рост коррупции в начале XX в. был связан не только с ростом числа чиновников, но и со значительным увеличением количества разнообразных сделок: с недвижимостью и землей, передаваемой для извлечения полезных ископаемых, с поставками и военными заказами и другими. В период русско-

японской, а затем Первой мировой войны рост коррупции вызвал необходимость усиления ответственности за получение взяток, так и отказа от ненаказуемости за взяткодательство¹⁴².

Российское законодательство XIX века начала XX века предусматривало несколько составов преступлений, связанных с коррупцией должностных лиц. С 1845 г. основным законодательным актом, регулировавшим ответственность чиновников за «мздоимство» и «лихоимство» стало «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (далее – Уложение 1845 г.) (в редакции 1866, 1885 г.г.; Уголовное уложение 1903 г.). Оно содержало специальную шестую главу «О мздоимстве и лихоимстве», состоящую из тринадцати статей. Однако законодательное определение этих понятий отсутствовало. В этой же главе упоминается термин «взятка» (ст. 402 и др. Уложения 1845 г.).

Уголовная ответственность за мздоимство выражалась в двукратном денежном взыскании против цены подарка, который получал взяточник (ст. 401 Уложения 1845 г.). В Уложении назывались две формы получения взятки: взятка-благодарность и взятка-подкуп. Должностное лицо органа государственного управления кроме штрафа подвергалось освобождению от занимаемой должности. Если должностное лицо, получившее взятку, допускало «чего-либо противного обязанностям службы», то оно наказывалось в виде лишения свободы на срок от одного до трех лет или сечения розгами от 60 до 80 ударов и направлении в арестантские роты на срок от двух до шести лет (ст. 402 Уложения 1845 г.)¹⁴³.

В ст.ст. 406 и 407 Уложения 1845 г. перечислены различные формы вымогательства взятки должностным лицом: 1) путем угрозы или под страхом притеснения; 2) всякое требование подарков, платы или ссуды, или каких-либо услуг, прибылей или иных выгод; 3) всякие поборы деньгами, вещами; 4) незаконные наряды обывателей на свою или чью-либо работу; 5) требование, сопряженное с истязанием или иным явным насилием над личностью.

В Уложения 1845 г. впервые появились ранее не известные уголовному праву царской России составы преступлений:

противозаконный сбор денег или чего-нибудь иного на подарки и угощения чиновников и других лиц, то есть вышестоящего руководства со стороны должностных лиц волостного и сельского управлений, а также писарей и их помощников (ст. 408):

содействие мздоимству и лихоимству, соучастие в вымогательстве взятки (ст. 409);

дача взятки крестьянином должностному лицу от имени общины (ст. 411)¹⁴⁴.

Новая редакция Уложения 1845 г., состоявшаяся в 1866 г., существенно не изменила содержание уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за мздоимство и лихоимство. В ст. 336 Уложения 1866 г. дано понятие лихоимства, под которым стали понимать «родовое понятие,

объединяющее в себе поборы, вымогательство взяток и получение взяток без вымогательства»¹⁴⁵.

Уголовное уложение 1903 г. предусматривало ответственность служащих, вступающих в запрещенные им по роду службы имущественные сделки (ст. 682). В соответствии со ст. 683 Уголовного уложения наказывался служащий, «на коем лежит обязанность наблюдения за имущественными предприятиями, или заключения, утверждения или исполнения подряда, поставки или иного имущественного договора, или производства торга, или надзора за указанными действиями, виновный в воспрещенном ему законом участии в сих предприятиях или договоре, или в залогодательстве по договору от своего имени или от имени своей жены, или через подставное лицо».

Важным этапом на пути совершенствования ответственности за взяточничество и лихоимство было издание Свода законов (1832, 1842, 1857 г.г.), в котором этим деяниям посвящена глава 6 раздела 5 тома 15. Статья 336 содержала упоминание о трех видах лихоимства: незаконные поборы под видом государственных податей; вымогательство вещами, деньгами и припасами; взятки с просителей по делам исполнительным и судебным. Таким образом, взяточничество рассматривалось как составная часть лихоимства. Под взяткой понимались всякого рода подарки, которые делались для чиновников для ослабления силы закона. При вынесении виновным наказания учитывались следующие правила: не смотреть ни на чины и достоинства, и прежние заслуги; если обвиняемый докажет, что взятки были приняты на его имя без его ведома, то наказывать того, кто принял взятку; учитывать степень преступления и происшедшие от того последствия¹⁴⁶.

Впервые термин «коррупция» в правовой науке России появился в 1913 г. А. Я. Эстрин в своей работе «Взяточничество» определил данное социальное явление как «подкупаемость и продажность государственных чиновников, а также общественных и политических деятелей»¹⁴⁷.

1.3. Противодействие взяточничеству в советский период

Смена государственного строя и формы правления после октябрьской социалистической революции 1917 г. и прихода к власти коммунистов не устранили явление коррупции на государственной службе. Каждое десятое уголовное дело, рассмотренное в 1919–1920 г.г. судами в Москве, касалось взяточничества и иных должностных преступлений¹⁴⁸.

Советское государство провозгласило решительную борьбу со взяточничеством. Председатель Совнаркома В. И. Ленин выделял взяточничество в числе трех основных угроз для существования молодого советского государства¹⁴⁹.

Понимание наличия угрозы, которую представляла коррупция и взяточничество для государства, побудило советское руководство принять решение о подготовке нового законопроекта о взяточничестве. Считалось,

что «... наказание за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр., и т.п.) должны быть не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ»¹⁵⁰.

В срочном порядке, по истечении только шести месяцев с момента установления власти «рабочих и крестьян», был принят Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О взяточничестве» от 8 мая 1918 г. Этим Декретом установлена уголовная ответственность за взяточничество: дачу взятки, подстрекательство к даче и получению взятки, пособничество и прикосновенность ко взяточничеству. За это преступления предусмотрена мера наказания в виде лишения свободы на срок не менее 5 лет, с принудительными работами после отбытия наказания на тот же срок. Но фактически нередко применялись более высокие сроки лишения свободы вплоть до высшей меры наказания – расстрела. Дела о взяточничестве входили в компетенцию Особого революционного трибунала при Всероссийской чрезвычайной комиссии, при постановлении приговора руководствовался «исключительно интересами революции и не связан какими-либо формами судопроизводства»¹⁵¹. Декретом в равной мере устанавливалась ответственность за покушение и оконченное взяточничество. Впервые дано понятие субъекта должностных преступлений¹⁵². Должностными лицами, согласно ст. 1 Декрета, признавались «лица, состоящие на государственной или общественной службе в РСФСР (как-то: должностные лица Советского правительства, члены фабрично-заводских комитетов, домовых комитетов, правлений кооперативов и профессиональных союзов и т.п. учреждений и организаций или служащие в таковых)....».

В 1921 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял Декрет «О борьбе со взяточничеством», которым отменялась, установленная Декретом «О взяточничестве» 1918 г., уголовная ответственность за недонесение о взяточничестве. Новацией Декрета 1921 г. явилась норма, освобождавшая от ответственности лицо, давшее взятку, но своевременно заявившее о вымогательстве взятки или содействовавшее в изобличении и предании суду взяточполучателя¹⁵³.

В дальнейшем ответственность за взяточничество предусматривалась Уголовными кодексами РСФСР (1922 г., 1926 г., 1960 г.) и, соответственно, республик, входящих в состав Советского Союза. Мера пресечения ужесточалась постоянно, но она не ограничивала масштабы злоупотреблений чиновников.

В период реализации советской властью «новой экономической политики» возникла предпринимательская деятельность, которая послужила расцвету коррупции и коррупционных отношений. В этот период взяточничество признается формой контрреволюционной деятельности, за которую расстреливали. По этому поводу Ф. Э. Дзержинский в циркулярном письме отмечал: «Всем известно, каких размеров достигло взяточничество во всех областях хозяйственной деятельности Республики и что особенно

широкое распространение этого зла отмечается именно на транспорте. Мы должны отдавать себе отчет в том, что взятка имеет глубоко классовый характер, что она есть проявление мелкобуржуазной частнокапиталистической стихии, направленное против основ ныне существующего строя»¹⁵⁴. По распоряжению Ф. Э. Дзержинского чиновников его ведомства (на тот момент занимал должность народного комиссара путей и сообщений), пойманных на взятке расстреливали.

В конце 20-х годов прошлого столетия борьба с коррупцией приобретает характер массовых карательных компаний. Так в одном из циркуляров Наркомата юстиции 1927 г. значится: «В течение... месяца... повсеместно и единовременно назначить к слушанию по возможности исключительно дела о взяточничестве, оповестив об этом в газете, дабы создать по всей республике впечатление единой, массовой и организованно проводимой судебной-карательной кампании»¹⁵⁵.

Взятками считались не только традиционные способы передачи предмета взятки должностному лицу за его действия или бездействие по службе, но и любые подарки. Взяткой признавалась и работа по совместительству в двух и более учреждениях, находящихся между собой в товарообменных партнерских взаимоотношениях.

С началом коллективизации в 1929 г. взяточничество распространилось и в сельской местности. В связи с этим пленум Верховного суда СССР определил: «Все случаи получения должностными лицами магарыча, т. е. всякого рода угощения в каком бы то ни было виде, подлежат квалификации как получение взятки»¹⁵⁶.

Так как коррупция считалась буржуазным пережитком, в СССР было принято говорить, что по мере строительства социализма это явление «в нашем молодом государстве» постепенно исчезает. «Взяточничество, – написано в вышедшей в 1957 году брошюре в помощь юристам, – в современных советских условиях стало относительно редким явлением»¹⁵⁷.

В течение первых трех десятилетий советской власти коррупционные проявления были сведены к минимуму. Этот период характеризуется отсутствием крупных взяточников, а мелкие мздоимцы были всегда. Высшие чиновники обладали всеми доступными благами. Претендовать на большее они не могли по причине жесткого партийного контроля, реальность которого сравнима по аналогии с «дамокловым мечом»¹⁵⁸.

В советском государстве замалчивалась коррупция как социальное явление. А коль нет явления – отсутствует и проблема, требующая усилий по ее разрешению. Практически нигде не упоминался термин «коррупция», вместо него использовались термины «взяточничество», «злоупотребление служебным положением». Взяточничество советской пропагандой представлялось как «социальное явление, порожденное условиями эксплуататорского общества»¹⁵⁹. Одним из главных достижений революции 1917 г. считалась ликвидация эксплуататорского класса. Советское государство позиционировалось как первое в мире, где отсутствует основа

для взяточничества, в качестве которой называлась эксплуатация человека человеком. Имеющиеся факты взяточничества советская идеология объясняла как пережитки буржуазного прошлого. Их причиной являлись недостатки в работе партийных, профсоюзных и государственных органов в области «воспитания трудящихся»¹⁶⁰.

До начала 80-х годов тема коррупции открыто не поднималась. Первым громким делом стало дело фирмы «Океан»¹⁶¹, затем «Сочинское дело»¹⁶², потом дело директора Елисеевского гастронома в Москве Ю. К. Соколова¹⁶³, который в итоге был расстрелян.

История борьбы советской власти с коррупцией весьма специфична. Во-первых, коррупция и как понятие, и как явление в официальных нормативных документах и практической деятельности не признавалась. Во-вторых, причины возникновения этого явления связывались с условиями, присущими буржуазному строю. В-третьих, неприкосновенными были высшие советские партийные чиновники. В-четвертых, с коррупцией среди государственного аппарата боролись исключительно представители этого аппарата.

Наличие коррупции в социалистическом обществе и ее постоянное воспроизведение объясняется многими факторами, которые проявляются при анализе соотношения социалистической идеологии с внутренними установками и потребностями граждан советской страны.

Идеология советского общества декларировала обязательность трудовой деятельности для каждого трудоспособного гражданина. В соответствии со статьей 12 Конституции СССР 1936 г. «труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест»»¹⁶⁴. Уклоняющихся от этой обязанности граждан преследовали по закону. Таких граждан на основании постановления районного (городского) суда выселяли в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения¹⁶⁵. Фактически речь идет о лишении этих граждан свободы, хотя так не считалось по законодательству того времени.

В 1977 г. была принята новая Конституция СССР, которая закрепила не обязанность, а право на труд. В соответствии со статьей 40 «Граждане СССР имеют право на труд, – то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера»¹⁶⁶. Несмотря на очевидный нормативный прогресс в регламентации отношения граждан к труду, ситуация в стране практически не изменилась. Лица, не занимающиеся общественно полезным трудом, назывались тунеядцами. В Уголовном кодексе СССР содержалась статья, предусматривавшая ответственность за тунеядство.

Следует заметить, что в наше время проблема борьбы с тунеядством актуализировалась в Беларуси после принятия 2 апреля 2015 г. Президентом

Республики Беларусь Декрета № 3 «О предупреждении социального иждивенчества»¹⁶⁷. Этим Декретом установлена обязанность граждан Республики Беларусь, постоянно проживающих в республике иностранных граждан и лиц без гражданства, не участвующих в финансировании государственных расходов или участвующих в таком финансировании менее 183 календарных дней в истекшем году, уплатить сбор в размере двадцати базовых величин.

В равной степени граждане СССР преследовались и за «нетрудовые доходы», под которыми понимались любые материальные ценности, получаемые вне связи с заработной платой по основному месту работы. Советской пропагандой к «нетрудовым доходам» относились, например, результаты труда (выращенные овощи на собственном приусадебном участке, предметы ремесла и т. п.), произведенные за рамками общественного труда (вне времени по основному месту работы) и реализованные на рынке. В период проведения кампаний по борьбе с нетрудовыми доходами, проводившихся на основании специальных нормативных актов и вплоть до распада Советского Союза, под сомнение ставились и доходы, полученные по наследству, в результате выигрыша в лотерею или проценты по вкладу в Сберегательном банке.

Советским государством была сформирована общественная модель, закрепленная в Конституции СССР, согласно которой собственность на всевозможные средства производства признавалась общенародной или колхозно-кооперативной. Труд «приобретал «непосредственно-общественный» характер, а те, кто трудились, одновременно являлись и сохозяевами средств и продуктов производства»¹⁶⁸. Предпринимательская деятельность и ее результат – частная собственность находились под запретом. Его нарушителей ожидала строгая, даже по меркам советского законодательства, уголовная ответственность.

Разрешенной формой занятости оставался труд только на государство. Советская пропаганда «объявляла трудящихся сохозяевами общественной собственности, работающими самих на себя»¹⁶⁹, но при этом не учитывала истинные потребности «строителей социализма», а сложившаяся советская система не могла их удовлетворить. Справедливости ради, следует заметить, что при социализме советским гражданам бесплатно предоставлялось многое: образование, медицинское обслуживание, жилье, которое гарантированно предоставлялось после определенного времени и т. д.

Несмотря на это *личная выгода* (курсив наш – А. Х.) как существенный стимул экономических отношений оставался основным мотивом экономического поведения советского человека. Подтверждением тому служит экспертное свидетельство советского академика Е. С. Варги: «...За редкими исключениями каждый человек в Советском Союзе стремится к тому, чтобы увеличить свои доходы. Как и при капитализме, это составляет главное содержание жизни людей»¹⁷⁰. Советский академик предостерегал о вредных последствиях для общества, построенного исключительно на

принципе «вознаграждения по труду», то есть на материальной корысти. Это неизбежно приведет к социальной поляризации и глубокому моральному разложению. Пропаганда этого принципа и отсутствие его четких критериев, формирует в сознании большинства людей стремление к обогащению любыми способами. В итоге люди ориентируют себя на повышение материального достатка «не только посредством больших трудовых усилий, но и с помощью спекуляции, хищений, казнокрадства и других средств»¹⁷¹. Для описания многообразия изобретенных способов¹⁷² завладения имуществом государства потребуется много времени, что, несомненно, представляет интерес, но выходит за рамки нашего исследования.

В условиях всеобщего насилия советский человек все-таки находил возможность присвоить некоторую часть общественного имущества и обратить его в личную собственность. Но обратить в личную собственность некоторое количество общественных ресурсов требовало «вывести их из системы правовых и экономических отношений, определяемых правящей доктриной»¹⁷³, согласно которой все в советском государстве пропагандировалось как народное достояние. На основе этой государственной идеологии появились пословицы и поговорки: «Неси с работы каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость», «Все вокруг народное, все вокруг мое» и др.

В стране, где существовал дефицит на продукты питания и широкий спектр товаров народного потребления, население массово совершало хищения по месту своей работы (службы). С расхитителями социалистической собственности, называемыми «несунами», велась активная, но безрезультатная борьба. Мелкие хищения советских граждан в своей массе были существенны для государства, но они не идут, ни в какое сравнение с хищениями и взяточничеством должностных лиц на всех уровнях, о чем свидетельствуют документы следствия:

«В ноябре-декабре Дустов у себя дома в Бухаре от первого секретаря Гиждуванского районного комитета коммунистической партии Узбекистана получил в качестве взятки 20 тыс. рублей, мужской кожаный пиджак стоимостью 500 рублей, мужское пальто стоимостью 200 рублей, импортный магнитофон стоимостью 1 500 рублей и коробку восточных сладостей стоимостью 10 рублей...».

«В это же время летом 1981 года мне понадобился лесоматериал для строящегося в Шахрисабзе (город в Узбекистане – А. Х.) дома. Я обратился к Рустамову, который выполнил мою просьбу, дал три кубометра досок и брусьев... Таким же образом в середине 1982 года Рустамов дал котел, батареи, трубы для отопительной системы...».

«Председатель правления Бухарского облпотребсоюза Г. Мирзабаев (посетовавший как-то одному из журналистов, что первый секретарь обкома Каримов превратил его в «своего личного завхоза») каждое утро покупал в соседней пекарне дюжину горячих лепешек, а его шофер немедленно отвозил их

вельможному сановнику. Мелочь, конечно. Однако только лепешек более чем на 10 тысяч рублей за эти годы.

Список разнообразных «передач» Дустову состоит почти из тридцати пунктов, среди коих и «10 пар импортных носков на сумму 14 рублей», и «10 чапанов общей стоимостью 2500 рублей. А всего на десятки тысяч»¹⁷⁴.

Для завладения «народным» имуществом а, следовательно, частью того, что, по мнению каждого советского гражданина принадлежало ему, требовались определенные условия.

Первое условие было связано с положением гражданина в обществе, т. е. его статусом. Для этого необходимо было занять определенную, желательно более высокого уровня, должность в иерархической системе партийных и (или) управленческих органов государства. Обладателю должности предоставлялась власть, которая, в условиях административно-командной системы, распространялась на экономическую сферу, т. е. народное хозяйство.

Административно-командная система¹⁷⁵ в социалистическом государстве явилась одним из условий для возникновения коррупционных отношений на различных уровнях управления народным хозяйством. Ее отличительная особенность состоит в централизации управления экономикой советского государства. Промышленные и сельскохозяйственные предприятия были ограничены в принятии самостоятельных решений по вопросам хозяйственной деятельности. Они не имели экономической свободы, характерной для рыночной экономики. Принятие решений, т. е. прямое управление предприятиями осуществляли центральные органы, среди которых доминировала партийная бюрократия. Они использовали административно-приказные методы управления. Органы государства также осуществляли полный контроль над производством, распределением и ценообразованием товаров народного потребления, которых не было в достатке во все времена советского государства.

Занятие должности в органах советского государственного аппарата сулило материальные преимущества перед остальными гражданами. Преимущества очевидны, т. к. наиболее «ценных» должностных лиц административно-командная система «материально обеспечивает по максимуму – квартира, дача, спецбуфет... Чем полнее освобожден руководитель от забот о себе и семье, тем больше он принадлежит Системе»¹⁷⁶, которой преданно служит. Но основанием для выдвижения руководящих работников являлись «не творческие способности и компетентность, а исполнительность и способность, не рассуждая выполнять приказы начальства, личное знакомство с руководителем. Предпочтение при выдвижении отдаётся тем, кто по своим деловым качествам не может составить конкуренции с выдвигающими»¹⁷⁷.

Занимая определенную должность, обретая должностной статус, человек наделялся соответствующим объемом прав и обязанностей. Главное право

состояло из возможности распоряжаться принадлежащим государству имуществом.

Многие представители верховной власти не удовлетворялись достигнутым статусом и соответствующим ему материальным обеспечением. Они, подобно должностным лицам нижестоящих звеньев, находили теневую сторону для приложения своей хозяйственной власти.

Вторым условием, способствующим частной «приватизации» государственных ресурсов, явилось наличие потребности в них со стороны значительной части населения страны.

Во времена перестройки и после нее рост коррупции происходил на фоне ослабления механизма государственной власти: сопровождался уменьшением централизованного контроля, уничтожением идеологических постулатов, экономической стагнацией, а затем и падением уровня развития экономики.

Сегодня коррупция и взяточничество сопровождают граждан нашей страны на протяжении всей их жизни: в роддоме необходимо «одарить» врачей, чтобы роды прошли успешно¹⁷⁸; для того, чтобы ребенок попал в детсад, необходимо оказать «спонсорскую помощь» учреждению образования и, нередко, заведующему¹⁷⁹; в школе хорошие оценки нередко покупаются¹⁸⁰; в вузах студенты сдают зачеты и экзамены за взятки¹⁸¹; на работу многие устраиваются исключительно «по знакомству»¹⁸²; и даже за место на кладбище необходимо отдать определенную «мзду»¹⁸³.

На практике подобная ситуация порождает разгул так называемой теневой экономики, выводящей из легального оборота огромные ресурсы, прежде всего в виде налоговых поступлений, которые могли бы пойти на строительство детских садов, ремонт школ, развитие высшего образования и т. д. Эту проблему подробно изучил Л. М. Тимофеев. Истоки теневой экономики он усматривает именно в коррупционном характере государственного управления, при котором чиновники всяческими способами стараются создать огромное число бюрократических барьеров (причем на вполне законных основаниях) для субъектов предпринимательской деятельности, которым становится выгоднее увести свой бизнес «в тень» и платить из своего кармана коррумпированным государственным служащим¹⁸⁴.

Приведенные исторические факты наводят на мысль о необходимости разработки эффективного механизма противодействия коррупции и взяточничеству в Республике Беларусь. Помимо теоретического осмысления проблемы коррупции и взяточничества, правового урегулирования борьбы с ними, необходимо выработать комплексную концепцию противодействия этим крайне вредным социальным проявлениям.

Так или иначе, борьба с коррупцией и взяточничеством велась во все времена самыми различными способами и методами, которые варьировались от сравнительно мягких до крайне жестоких, поскольку это явление оказывает отрицательное воздействие на нравственно-психологический

климат в обществе, способствует возникновению негативного отношения к проводимым политическим, экономическим и социальным преобразованиям.

На основании вышеизложенного можно сделать выводы:

1. Коррупция и взяточничество во все исторические времена и у всех народов воспринимались как негативные явления, связанные с деятельностью чиновников.

2. Коррупция и взяточничество были и остаются явлениями всех времен и народов, независимо от этапов развития их государств.

3. Коррупция и взяточничество оказывают отрицательное воздействие на нравственно-психологический климат в обществе, способствуют возникновению негативного отношения к государству.

4. Для ограничения современной коррупции и минимизации проявлений взяточничества необходимо осознание и использование исторических достижений в борьбе с этими негативными явлениями.

5. Анализ положительных результатов и ошибок, имевших место на пути искоренения коррупции и взяточничества, позволит определить наиболее эффективные меры противодействия этим деструктивным феноменам.

6. Деятельность государственных органов, направленная на противодействие современной коррупции и взяточничеству, должна осуществляться с учетом исторических достижений в борьбе с ними.

7. Положительный опыт применения ушедшими поколениями антикоррупционных мер может быть взят за основу для выработки стратегии противодействия коррупции на современном этапе и будет способствовать результативной борьбе с ее основным проявлением – взяточничеством.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ КОРРУПЦИИ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

2.1. Развитие представлений о коррупции на международном уровне и в Республике Беларусь

Накопленный опыт противодействия коррупции различных стран обобщен не только в нормах их национальных законодательств, но и в актах международных конвенций. Понимание коррупции и система мер антикоррупционного противодействия описаны в трёх важнейших международных конвенциях. Две конвенции приняты Советом Европы: Об уголовной ответственности за коррупцию¹⁸⁵ и О гражданско-правовой ответственности за коррупцию¹⁸⁶. Одна конвенция против коррупции принята ООН¹⁸⁷.

Отмечая значимость данных Конвенций, следует заметить, что до их принятия имели место попытки определения понятия «коррупция» в иных актах. Так, в ст. 7 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию

правопорядка (далее Кодекс), принятого Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г., высказано требование к должностным лицам по поддержанию правопорядка, которые не должны совершать какие либо акты коррупции. На них возлагается обязанность всемерно препятствовать любым таким актам и бороться с ними. В комментарии к этой статье «акт коррупции» предлагается понимать как действие охватывающее попытку подкупа. В этом документе подчеркнуто, что понятие коррупция должно определяться национальным правом. Отмечено, что оно охватывает совершение или не совершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей. Действия субъекта коррупции совершаются или не совершаются в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов. Незаконность их получения должна рассматриваться всякий раз, когда имели место такие действия или бездействия¹⁸⁸. Фактически коррупция в Кодексе понимается как дача-получение взятки при охране правопорядка. Следует обратить внимание, что в Кодексе понятия «акт коррупции» и «злоупотребление властью» не совпадают, что, безусловно, делает более узким понятие коррупции.

В дальнейшем Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией, принятая на уровне Организации американских государств (ОАГ) 29 марта 1996 г. расширила понятие «коррупция». К «актам коррупции» ст. 6 Конвенции отнесен активный и пассивный подкуп государственных служащих, «любое действие или воздержание от действия при исполнении обязанностей с целью незаконного получения выгод для себя или для третьей стороны», мошенническое использование или сокрытие имущества, полученного от коррупции, соучастие в любом коррупционном преступлении¹⁸⁹.

Нет определения коррупции и в Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию», ратифицированная Республикой Беларусь в 2003 году¹⁹⁰. Понимание коррупционных деяний в данной Конвенции вытекает из перечня мер, содержащихся в гл. II Конвенции, которые рекомендуется принять на национальном уровне. Эта глава содержит перечень коррупционных правонарушений, рекомендуемых для криминализации в национальном уголовном законодательстве. К таковым Конвенция относит: активный и пассивный подкуп национальных публичных должностных лиц, подкуп членов национальных публичных собраний, активный и пассивный подкуп в частном секторе, злоупотребление влиянием в корыстных целях, отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией. Рекомендовано Конвенцией признание в качестве общественно опасных деяний правонарушений в сфере бухгалтерского учета в случаях оформления или использования счета-фактуры или любого другого бухгалтерского документа или отчета, содержащего ложную или неполную информацию, а также противоправного невнесения в бухгалтерские книги сведений о платежных операциях. В Конвенции изложено требование признать уголовно наказуемой международную (транснациональную)

коррупцию. Согласно Конвенции, криминализации подлежат: подкуп иностранных должностных лиц, подкуп членов иностранных государственных собраний, подкуп должностных лиц международных организаций, подкуп членов международных парламентских собраний, подкуп судей и должностных лиц международных судов. Таким образом, Конвенция Совета Европы в целом сводит коррупцию к подкупу, под которым понимается преднамеренное обещание, предложение или предоставление какого-либо неправомерного преимущества, а также принятие должностным лицом предложения или обещания неправомерного преимущества.

В уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК)¹⁹¹ в качестве подкупа рассматривается получение и дача взятки (ст.ст. 430, 431 УК). Однако активный и пассивный подкуп в Конвенциях и получение и дача взятки в УК различаются. Предложение или обещание преимущества, а также принятие предложения или обещания преимущества по законодательству Беларуси не образуют состава оконченного преступления. Но преступления, предусмотренные ст.ст. 430, 431 УК, относятся к категориям менее тяжких, тяжких или особо тяжких преступлений. Поэтому предложение или обещание материальных ценностей либо выгод имущественного характера, а также принятие такого предложения или обещания влечет ответственность за неоконченное преступление. Такой взгляд на проблему имеет сугубо теоретический характер, т. к. на практике очень сложно осуществить процессуальное доказывание, учитывая высокую латентность и распространенность предложений или обещаний преимущества, а равно их принятия.

Кроме уголовно-правовой антикоррупционной конвенции, Советом Европы в 1999 г. разработана и принята Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, которая 1 июля 2006 года вступила в силу в Республике Беларусь. В неё включены гражданско-правовые материальные и процессуальные нормы, регулирующие вопросы возмещения ущерба, причиненного коррупционным деянием, получения доказательств действительности договоров и др. Конвенция в ст. 2 содержит следующее определение коррупции: «просьба, предложение, дача и получение, прямо или опосредовано, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или перспектив таковых, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведения, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или перспектив таковых»¹⁹². В этой формулировке акцентируется внимание на взяточничестве, которое не так широко представлено в национальном законодательстве. В данной Конвенции отсутствует указание на субъектов совершения коррупции, а также не четко представлено понятие «любой обязанности».

Рассмотренная формулировка понятия «коррупция», содержащаяся в Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию не

претендует на универсальность, т. к. в ст. 2 Конвенция указывается, что данное понятие используется исключительно для целей Конвенции.

Положение о необходимости криминализации коррупции закреплено Палермской Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности. Конвенция не определяет понятие «коррупция». Но она предлагает криминализацию двух категорий деяний, предусмотренных в ст. 8 («Криминализация коррупции»).

Во-первых, в качестве преступного деяния рассматривается обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу какого-либо неправомерного преимущества. Об этих преимуществах должностному лицу сообщается лично либо через посредников. Они адресуются как должностному лицу, так и иному физическому или юридическому лицу, с тем, чтобы должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей.

Во-вторых, Конвенция рекомендует установление ответственности за вымогательство или принятие публичным должностным лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей¹⁹³.

Перечисленными деяниями охватывается активный и пассивный подкуп публичных должностных лиц, что не свидетельствует о полном охвате всех проявлений коррупции. По всей видимости, разработчики этой Конвенции ООН, не ставили перед собой задачу формулировать определение коррупции. В ее структуре они выделили коррупционные деяния, связанные с транснациональной организованной преступностью, в отношении которых необходимо принимать должные меры противодействия на национальном уровне. В тоже время эта Конвенция не предусматривает конкретных мер противодействия коррупции. В ст. 9 указано на необходимость принятия законодательных, административных или других эффективных мер. Эти меры призваны содействовать, во-первых, добросовестности публичных должностных лиц, а, во-вторых, направлены на предупреждение, выявление и наказание за коррупцию.

Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. принята Конвенция ООН против коррупции. В данной Конвенции отсутствует формулировка определения «коррупция». Но в ней содержится, равно как и в Конвенции об уголовной ответственности, широкий перечень деяний, в отношении которых рекомендуется установить уголовную ответственность в национальном законодательстве. Анализ ст.ст. 2–14 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и ст.ст. 15–23 Конвенции против коррупции позволяет сделать вывод, что последняя из упомянутых Конвенций более широко рассматривает коррупцию. Конвенция ООН против коррупции не ограничивает ее только взяточничеством. Она охватывает корыстные служебные злоупотребления. В их числе названы 1) злоупотребление

служебным положением, 2) незаконное обогащение, 3) хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества, находящегося в ведении публичного должностного лица в силу его служебного положения (гл. III «Криминализация и правоохранительная деятельность»). В Конвенции об уголовной ответственности эти преступления не упоминаются.

Особенность Конвенции ООН против коррупции проявляется в том, что она предусматривает уголовную, гражданско-правовую и административную ответственность юридических лиц (ст. 26 Конвенции) за совершенные деяния коррупционной направленности. Законодательству Республик Беларусь не известен институт уголовной ответственности юридических лиц. В отношении их могут применяться, в соответствии со ст. 4.6. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), меры административных взысканий¹⁹⁴.

Юридическое лицо несет административную ответственность, если оно указано в санкции статьи КоАП, предусматривающей такую ответственность, при наличии специального условия. В КоАП говорится об административной ответственности юридического лица за совершение административного правонарушения в области 1) финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности, 2) предпринимательской деятельности, а равно за деяния против установленного порядка 3) налогообложения или 4) таможенного регулирования.

Специальным условием привлечения к административной ответственности юридических лиц является установление хотя бы одного из следующих обстоятельств:

«1) совершенным деянием причинен вред жизни или здоровью людей либо создана угроза причинения такого вреда;

2) совершенным деянием причинен имущественный вред в размере, превышающем сорок базовых величин;

3) стоимость предмета административного правонарушения превышает сорок базовых величин;

4) сумма сделки, внешнеторговой операции, выручки либо дохода в совокупности превышает сорок базовых величин – в случаях, когда в санкции штраф определяется в процентном либо кратном отношении к сумме выручки, сделки, внешнеторговой операции либо дохода;

5) сумма дохода превышает сорок базовых величин – в случаях, когда в санкции предусмотрена конфискация дохода, полученного в результате противоправной деятельности;

6) в санкции предусмотрено обязательное применение конфискации» (ст. 4.6. КоАП).

Для юридических лиц предусмотрена также гражданско-правовая ответственность. Но ни в КоАП, ни в Гражданском кодексе Республики Беларусь специально не идет речь об ответственности за коррупционные

административные правонарушения или гражданско-правовые проступки коррупционной направленности.

Принятые ООН и Советом Европы Конвенции призваны оказать влияние на национальное законодательство государств, с целью его совершенствования и приведения к единообразию. Республика Беларусь ратифицировала Конвенции ООН и Совета Европы, содержащие нормы о противодействии коррупции, в которых описаны деяния, за совершение которых рекомендуется установить ответственность в уголовном законодательстве. Это позволяет утверждать, что Республика Беларусь, в целом, придерживается рекомендаций, содержащихся в Конвенциях. Но рассмотренные Конвенции, надо признать, не являются идеальными. Они содержат недостатки, а также не являются императивными, т. е. обязательными. Например, Конвенция ООН против коррупции не обязывает, а в ряде случаев только предполагает, что «каждое государство-участник *рассматривает возможность принятия* (курсив наш – А. Х.) таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых деяния, когда они совершаются умышленно...» (ст.ст. 16, 18, 19–22, 24 Конвенции).

Рассмотренные Конвенции, не содержат четкого определения понятия «коррупция». Следует заметить, что и в иных, не упомянутых в данной работе, международных нормативных правовых актах отсутствуют формулировки, в которых объективно бы давалась оценка коррупции. Это способствовало многообразию в ее понимании в отдельных государствах и, соответственно, определению индивидуального подхода к выбору системы мер противодействия этому социальному явлению. Такое положение дел не является правильным, учитывая признание мировым сообществом коррупции международной проблемой. Об этом говорится в упомянутой Конвенции ООН против коррупции. Согласно Конвенции коррупция не локальная проблема, а транснациональное явление, которое затрагивает все государства, обязанностью которых становится ее предупреждение и искоренение¹⁹⁵.

Основываясь на изложенном выше, мы делаем вывод, что международные конвенции в области борьбы с коррупцией, за исключением Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, не содержат определения коррупции. Содержание коррупции в них раскрывается посредством перечисления коррупционных деяний, как правило, уголовной направленности. Конвенция о транснациональной организованной преступности и Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию сводят коррупцию исключительно к подкупу публичных должностных лиц. Конвенция ООН против коррупции и Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию подразумевают под коррупцией, помимо подкупа, иные преступления.

Кроме ратифицированных Республикой Беларусь Конвенций ООН и Совета Европы международно-правовую основу борьбы с коррупцией в

Республике Беларусь составляют акты, принятые в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Среди этих актов следует выделить основные документы: во-первых, Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств-участников СНГ в борьбе с коррупцией от 25 апреля 2007 г.¹⁹⁶ (далее – Соглашение прокуратур), во-вторых, модельные законы, принятые Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ. В числе модельных законов следует выделить: 1) модельный закон от 3 апреля 1999 г. «О борьбе с коррупцией»¹⁹⁷ (далее – модельный закон 1999 г.); 2) модельный закон от 15 ноября 2003 г. «Основы законодательства об антикоррупционной политике»¹⁹⁸ (далее – модельный закон 2003 г.); 3) модельный закон от 25 ноября 2008 г. «О противодействии коррупции»¹⁹⁹ (далее – модельный закон 2008 г.).

В Соглашении прокуратур указывается, что совершенное деяние должно содержать признаки коррупции, однако понятие и признаки коррупции в нем отсутствуют.

Согласно ч. 1 ст. 2 модельного закона 1999 г. понятие коррупция отождествлено с понятием коррупционные правонарушения. Под коррупционным правонарушением понимается принятие лично либо через посредников имущественных благ и преимуществ государственными должностными лицами, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей, а равно подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими или юридическими лицами указанных благ и преимуществ.

Сравнивая модельные законы 1999 и 2003 г.г. можно видеть, что в них понятия «коррупция» и «коррупционные правонарушения» различаются. Согласно ч. 1 ст. 2 модельного закона 2003 г. коррупция понимается в качестве подкупа, т. е. дачи-получения взятки либо незаконного использования субъектом коррупции своего публичного статуса. Эти действия сопряжены с получением выгоды в виде имущества, услуг, льгот и (или) преимуществ.

Понятие коррупции, закрепленное в модельном законе 2003 г., предполагает получение выгоды не только для себя, но и для близких к коррупционеру лиц. Выгода при этом может иметь, как имущественный, так и неимущественный характер. Такой подход расширяет понимание коррупции, в сравнении с тем, как это было представлено в модельном законе 1999 г.

Согласно п. 1 ст. 3 модельного закона 2008 г. коррупция это: 1) виновное совершение противоправного общественно опасного деяния, с использованием своего служебного положения и возможностей, связанных с ним, с целью неправомерного получения и виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц; 2) предложение или предоставление материальных или иных благ; 3) подкуп.

Данное определение коррупции является самым широким из предложенных модельными законами, т.к. включает в себя не только использование своего служебного положения и связанных с ним возможностей, но и деяния, направленные на его использование, получение благ не только для себя и близких, но и для третьих лиц.

В международных Конвенциях отсутствуют формулировки понятий «коррупционное правонарушение» и «коррупционное преступление», а также не указаны различия между ними.

Устранить эти недостатки попытались в упомянутых актах, принятых странами СНГ. Так, в модельном законе 1999 г. выделены две самостоятельные группы правонарушений. В первой рассматриваются коррупционные преступления, а в другой правонарушения, создающие условия для коррупции. В ч. 2 ст. 2 перечислены уголовно наказуемые деяния: получение и дача взятки, другие коррупционные преступления, связанные с противоправным получением благ и преимуществ, либо создающие условия для коррупции, ответственность за которые установлена уголовным кодексом государства. Но в этой статье не говорится о виде ответственности за совершение коррупционных правонарушений. Анализ ч. 2 ст. 2, ч. 2 ст. 12 (ответственность за правонарушения, создающие условия для коррупции), ч. 2 ст. 13 (ответственность за коррупционные правонарушения, связанные с противоправным получением благ и преимуществ) модельного закона показывает, что данный закон закрепляет только уголовную и дисциплинарную ответственность за совершение коррупционных правонарушений²⁰⁰.

Если за совершение указанного в модельном законе коррупционного правонарушения не установлена уголовная ответственность, то тогда лицо, его совершившее, подлежит привлечению к дисциплинарной ответственности. Таким образом, в модельном законе 1999 г. не упоминаются административная и гражданско-правовая ответственности за совершение коррупционного правонарушения.

В модельном законе 2003 г. согласно ч. 2 ст. 2 коррупционное правонарушение определено, как деяние, обладающее признаками коррупции, за которое нормативными правовыми актами устанавливается гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность. Следовательно, выделены четыре вида коррупционных правонарушений: гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки, административные правонарушения и преступления (ст. 8)²⁰¹.

Модельный закон 2003 г. закрепил систему коррупционных правонарушений, но не выделил правонарушения, создающие условия для коррупции. В нем названы виды и дано понятие каждого коррупционного правонарушения, а также содержатся перечни административных коррупционных правонарушений, преступлений в форме подкупа и иных преступлений. Из восьми административных правонарушений шесть касаются отношений, возникающих в сфере подготовки и проведения

выборов и референдума. Данный перечень оставлен открытым на усмотрение национального законодателя. К коррупционным преступлениям в форме подкупа отнесены девять преступлений. Среди них классические преступления в виде получения и дачи взятки. К иным коррупционным преступлениям относятся шестнадцать таких преступлений, среди которых упоминаются преступления в виде различных видов хищений, совершенных с использованием служебного или должностного положения, а также различные виды злоупотреблений полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности, служебный подлог. Административная или уголовная ответственность за совершение указанных правонарушений наступает только в случаях, когда они закреплены в КоАП или иных нормативных правовых актах, устанавливающих административную ответственность за коррупционные правонарушения, или уголовным кодексом государства.

В п. 2 ст. 3 модельного закона 2008 г. коррупционные правонарушения определены как противоправные виновные деяния (действие или бездействие): преступления, гражданско-правовые деликты, административные правонарушения, дисциплинарные проступки, совершенные субъектом коррупции в целях, указанных в п. 1 ст. 3, за которые законодательством государства установлена юридическая ответственность. В данном законе отсутствует перечень коррупционных правонарушений²⁰².

Соглашением о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств-участников СНГ в борьбе с коррупцией впервые закреплены понятия коррупционных правонарушений и коррупционных преступлений. Названы критерии отнесения преступлений к категории коррупционных и определяется их перечень.

Коррупционным правонарушением, в соответствии со ст. 2 Соглашения прокуратур, признается не влекущее уголовной ответственности нарушение существующего порядка несения службы и исполнения профессиональных обязанностей должностным лицом или лицом, приравненным к нему, если такое нарушение содержит признаки коррупции, а равно невыполнение ими запретов, правил, установленных нормативными правовыми актами²⁰³.

К коррупционным преступлениям Соглашением прокуратур отнесено умышленное уголовно наказуемое деяние, совершенное должностным лицом, или лицом, приравненным к нему, с использованием своего статуса, статуса представляемого ими органа, должностных полномочий или возможностей, вытекающих из данного статуса и полномочий, если такое деяние содержит признаки коррупции.

Критерием разграничения коррупционных преступлений и коррупционных правонарушений является наличие или отсутствие уголовной ответственности. При этом в Соглашении используется широкое понимание преступного коррупционного поведения: использование статуса специального субъекта, статуса представляемого ими органа, должностных

полномочий и возможностей, вытекающих из данного статуса и полномочий, которое согласуется с нормами Конвенций ООН и Совета Европы.

Отличительной особенностью коррупционных правонарушений и преступлений, отграничивающей их от иных правонарушений и преступлений, является наличие признаков коррупции. Но о них ничего не сказано ни в Соглашении прокуратур, ни в международных Конвенциях. В связи с этим возникает правомерный вопрос, сколько и какие необходимы признаки, чтобы считать деяние коррупционным. Какие существуют отличия между коррупционными преступлениями и иными правонарушениями коррупционной направленности?

На последний вопрос частично дается ответ посредством перечисления в Соглашении критериев отнесения преступлений к категории коррупционных:

во-первых, коррупционное деяние определяется национальным законодательством. Следовательно, оно также характеризуется признаками преступления, предусмотренными национальным законодательством;

во-вторых, оно совершается в форме подкупа лицом, которое в соответствии с национальным законодательством определено как должностное или иным лицом;

в-третьих, наличие у должностного лица корыстных побуждений или иной личной заинтересованности;

в-четвертых, должностное лицо использует свои полномочия и связанные с ними возможности в преступных целях.

В соответствии со ст. 4 Соглашения к коррупционным деяниям относятся 1) получение и дача взятки, 2) злоупотребление властью и служебными полномочиями, 3) служебный (должностной) подлог, 4) хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, 5) присвоение или растрата чужого имущества, совершенные с использованием служебного положения. Данный перечень коррупционных преступлений согласуется с перечнем деяний, названных в качестве коррупционных в Конвенции ООН против коррупции и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, за исключением преступления в виде служебного подлога, которое в конвенциях не упоминается.

Приведенный перечень коррупционных преступлений имеет ограничительный характер, так как в нем перечислены не все коррупционные преступления, упомянутые в Конвенциях. Но ч. 2 ст. 4 Соглашения допускает признание национальным законодательством в качестве коррупционных иных преступлений, если они будут соответствовать критериям отнесения преступлений к категории коррупционных.

Как же обстоят дела с пониманием коррупции по законодательству некоторых государств, в том числе и в Республике Беларусь?

В России определение коррупции содержится в Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии коррупции». В нем российский законодатель фактически определяет коррупцию путем перечисления коррупционных преступлений. В их числе называются злоупотребление

служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп. Но в действительности в российском законодательстве упоминается значительно большее количество коррупционных преступлений, которые охватываются понятием «иное незаконное использование... своего должностного положения». Определение понятия «коррупция» в российском законодательстве не содержит указания на субъектов коррупции. Они в нем представлены понятием «физическое лицо», которое осуществляет свои преступные действия вопреки законным интересам общества и государства. Целью этих действий является получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав. Такая выгода указанному лицу может быть оказана другими физическими лицами. Эти действия совершаются виновным для себя лично или для третьих лиц. Указанные деяния могут быть совершены от имени или в интересах юридического лица²⁰⁴.

В аналогичном по названию законе Казахстана коррупция представлена как незаконное использование специальными субъектами своих должностных (служебных) полномочий и связанных с ними возможностей. Это использование осуществляется в целях получения или извлечения имущественных (неимущественных) благ и преимуществ. Эти цели могут быть достигнуты лично или через посредников, для себя либо третьих лиц. К числу возможных коррупционеров закон относит следующие четыре категории субъектов:

- 1) лиц, занимающих ответственную государственную должность;
- 2) лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций;
- 3) лиц, приравненных к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций;
- 4) должностных лиц.

Понятием коррупция так же охватывается подкуп данных лиц путем предоставления им благ и преимуществ²⁰⁵.

Анализ закона Казахстана позволяет выделить две формы коррупции: 1) должностные злоупотребления, не связанные с подкупом должностного лица; 2) подкуп должностного лица. В качестве традиционного способа подкупа понимается взяточничество.

В Республике Беларусь не прекращается процесс развития антикоррупционного законодательства, которое постоянно совершенствуется. До принятия Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией»²⁰⁶ (далее – Закон о борьбе с коррупцией) на территории Республики Беларусь действовали Законы Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. № 2399-X 11 «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией», от 26 июня 1997 г. № 47-З «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» и от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией».

В преамбуле Закона «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией» содержалось определение понятию «коррупция», которое рассматривалось как наиболее общественно опасное явление, выражающееся в умышленном использовании лицами, осуществляющими функции представителей власти, а также находящимися на государственной службе, своего служебного положения для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно выражающемуся в подкупе этих лиц.

Данное определение коррупции характеризуется широким подходом к субъекту коррупции (не только должностные лица, но и государственные служащие), к характеру получаемой выгоды (имущественные и неимущественные блага и преимущества), но с другой стороны в нем узко понимается получатель благ и преимуществ – только сам субъект коррупции.

В Законе «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» определение понятию «коррупция» сформулировано в части 6 статьи 1. Анализируя это определение в нем можно выделить следующие признаки:

- 1) умышленность деяния коррупционера;
- 2) в качестве коррупционеров признаются: а) лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, б) лица, приравненные к ним;
- 3) субъекты коррупции используют свое служебное положение и связанных с ним возможностей;
- 4) целью коррупционера является противоправное приобретение имущественных и неимущественных благ, льгот и преимуществ;
- 5) они приобретаются, как лично для коррупционера, так и для близких родственников;
- 6) в отношении коррупционера может быть осуществлен подкуп физическими и юридическими лицами.

В этом законе более широко, чем в предыдущем законе, понимается получатель благ, льгот и преимуществ. Им является специальный субъект и его близкие родственники. Иначе представлено и коррупционное поведение субъекта: не только использование служебного положения, но и связанных с ним возможностей.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией» коррупция характеризуется следующими признаками.

Во-первых, умышленность совершаемого деяния коррупционной направленности.

Во-вторых, к субъектам коррупционных проявлений отнесены: 1) государственные должностные лица; 2) приравненные к ним лица; 3) иностранные должностные лица.

В-третьих, субъекты коррупции используют свое служебное положение и связанные с ним возможности.

В-четвертых, в результате противоправных деяний субъекты коррупции получают имущество или другую выгоду в виде услуги, покровительства, обещания преимущества.

В-пятых, имущество или другую выгоду субъекты коррупции приобретают для себя или для третьих лиц.

В-шестых, в отношении субъектов коррупции может быть осуществлен подкуп.

В-седьмых, субъекты совершают действия в связи с коррупцией или воздерживаются от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей.

Особенностью этого закона является включение в формулировку понятия «коррупция» признака о противоправности получения имущества не только для самого субъекта коррупции, но и для третьего лица. Используемая в законе формулировка «имущество или другая выгода в виде услуги, покровительства, обещания преимущества» позволяет толковать ее расширительно, как выгоду имущественного и неимущественного характера, что полностью соответствует рекомендациям Конвенции ООН против коррупции и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. Тем не менее, в закрепленном в законе определении коррупции отсутствует прямое указание на пассивный подкуп субъекта коррупции, предполагается, что данная разновидность коррупции охватывается использованием служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряженным с противоправным получением выгоды.

Статья 1 действующего закона о борьбе с коррупцией еще более расширяет понятие коррупции. Содержащееся в нем определение в большей степени, соответствует требованиям международных актов. В нем отражается целевая направленность коррупционных действий. В качестве «другой выгоды» для коррупционера названы «работы», выполняемые для них или для третьих лиц. Кроме того, определение охватывает действия, совершаемые коррупционером от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного.

Данные определения понятия «коррупция» характеризуют ее уголовно-правовую составляющую, но не отражают ее сущности, т. к. акцент сделан преимущественно на преступную деятельность должностных лиц. Такая формулировка более подходит для определения понятия «коррупционное преступление». Фактически понятия «коррупция» и «коррупционное преступление» в приведенных определениях отождествляются.

В действительности коррупция, как уже было отмечено ранее, явление многогранное, объединяющее различные негативные проявления, связанные с деятельностью, как должностных, так и не должностных лиц. Она охватывает не только совокупность преступных деяний, коррупционной направленности, но и имеющих к ней отношение гражданско-правовых и административных деликтов, а также дисциплинарных проступков и действий, противоречащих нормам нравственности²⁰⁷. Об этом же говорится

в модельном законе 2003 г.²⁰⁸

Что же необходимо учитывать для формирования единообразного понимания коррупции? На данные обстоятельства мы указывали ранее²⁰⁹.

Во-первых, коррупция возникает и развивается на почве общественных отношений. Это позволяет говорить об их разновидности, т.е. коррупционных отношениях, которые не всегда являются преступными.

Во-вторых, многие общественные отношения находятся в зависимости от экономики, экономического развития²¹⁰. Не являются исключением в этом аспекте коррупционные отношения, нередко возникающие и развивающиеся в экономической сфере. Побудительной силой для возникновения коррупционных отношений может служить то, что с точки зрения философской науки выражено в тезисе «бытие определяет сознание»²¹¹. Понимание этого позволяет на научной основе объяснить закономерности исторического развития общества и возникновения коррупции.

В-третьих, содержательная составляющая любого вида общественных отношений характеризуется наличием у субъектов отношений взаимных прав и обязанностей. Развитие этих отношений вне рамок установленной формы имеет стихийный характер. Позитивное право определяет стандарт поведения для субъектов отношений. Нарушение норм права, т. е. стандарта поведения, приводит к противоправным действиям субъектов, в том числе и коррупционной направленности.

В-четвертых, в результате общественных отношений возникают социальные связи между людьми, людьми и обществом, другими элементами, подсистемами внутри общества, а также между различными обществами. Эти связи возникают при взаимодействии людей с различным социальным статусом. Социальное взаимодействие предполагает действие одного субъекта, которое одновременно является причиной и следствием ответных действий других субъектов²¹². Социальное взаимодействие формирует отношения между субъектами.

В-пятых, в основе социального взаимодействия находятся разнообразные социальные потребности и личные потребности индивидов. В целях их удовлетворения человечество выработало правила взаимоотношений между людьми, на основе которых две тысячи лет назад был сформулирован закон: «Поступай с людьми так, как бы ты хотел, чтобы они поступали с тобой». На его основе межличностные общественные отношения формируются на взаимной выгоде, на основе принципа «даю, чтобы и ты дал». С некоторой интерпретацией этот принцип представлен в психологии в виде правила взаимного обмена. Правило гласит: мы стремимся отблагодарить человека за то, что он предоставил нам²¹³. Правило взаимного обмена глубоко внедрилось в сознание людей благодаря социализации. Такие действия порождают также и коррупционные отношения.

В-шестых, коррупционные отношения следует рассматривать как неправомерную форму общественных отношений. Они возникают на основе противоречий с нормами нравственности и права, и определенных

жизненных обстоятельств. Они представляют собой социальные связи субъектов права, обладающих определенными правами и обязанностями. Коррупционные отношения бывают трех видов:

1) коррупционные отношения могут предшествовать коррупционным правонарушениям, но с ними не связаны;

2) коррупционные отношения предшествуют коррупционным правонарушениям и связаны с ними;

3) коррупционные отношения возникают в связи с совершением коррупционных преступлений и непосредственно связаны с ними.

В-седьмых, важным условием возникновения коррупционных отношений является система правил, сложившихся в определенной социальной общности (группе). Формирование системы определенных правил происходит под воздействием различных социальных условий. В числе этих условий можно выделить процесс воспитания, сложившуюся в обществе систему культурных норм, принадлежность субъекта к социальной группе и др.

Ключевое место в системе социальных условий, формирующих определенные правила, занимает воспитание. Воспитательный процесс многогранен и имеет существенное значение для формирования личности человека. Он состоит из различных частей, которые условно можно разделить на внутреннюю и внешнюю системы. К внутренней системе, в первую очередь, относится семейное воспитание. Главным во внешней системе является воспитание в рамках образовательного процесса. Именно эта система воспитания существенно влияет на формирование личности и окончательно определяет ту систему правил, которые в дальнейшем будут претворяться в жизнь в практической деятельности индивидуума.

На основе вышеизложенного можно предложить формулировку определения понятия «коррупция». При этом надо иметь в виду, что коррупцию следует рассматривать, как в широком, так и узком смысле. В широком смысле под *коррупцией следует понимать изменения (разрушение, деформацию) общественных отношений, сложившихся (установленных) на основе норм морали (нравственности) и права, преобразование их в коррупционные отношения, возникающие между субъектами права, от одного из которых, являющегося, как правило, должностным лицом, исходит (ожидается) принятие на основе служебных полномочий противоправных решений либо совершение действий (равно ожидаемых, предполагаемых в будущем) в личных имущественных или неимущественных интересах или близких ему лиц (родственников, друзей, знакомых) либо в интересах представляемого им юридического лица или другого субъекта.*

В такой ситуации действия коррупционера не всегда связаны с нарушением норм уголовного или административного права. В ряде случаев его действия, имеющие гражданско-правовой или дисциплинарный характер, связаны с профессиональным проступком, который далеко не всегда связан с извлечением личной материальной выгоды. Например, видами

профессионального проступка в сфере образования являются: 1) получение материальных подношений в связи с профессиональным или иным праздником, из расчета учащегося (школьника, студента) на благосклонное отношение к нему; 2) необъективная оценка знаний учащегося по расовым, культурно-социальным и другим предубеждениям; 3) принуждение студентов покупать материалы (учебники, учебные пособия и т.п.), автором которых является преподаватель и др. Следует иметь в виду, что проступки тех же учителей (преподавателей) в различных странах могут восприниматься и оцениваться по-разному. Например, в нашей стране считается положительным, если преподаватель рекомендует студентам прочтение своей научной литературы, входящей в предмет изучения преподаваемой дисциплины, а в США подобное считалось бы проступком²¹⁴, повлекшим за собой разбирательство и, как правило, негативные последствия для преподавателя.

В узком смысле коррупция охватывает собой всю совокупность деяний, нарушающих определенные нормы уголовного права. Можно предложить собственную формулировку определения понятия «коррупция» в узком смысле. При этом следует считать, что понятие «коррупция» тождественно понятию «коррупционное преступление». *Коррупция (коррупционное преступление) – это противоправные деяния (действия и бездействия), совершаемые государственными служащими (должностными лицами) и приравненными к ним законодательством лицами в личных интересах (имущественного или неимущественного характера) либо в интересах иных лиц, связанные с использованием своего служебного положения и направленные на изменение (разрушение, деформацию) установленных (сформированных) на основе норм уголовного права общественных отношений (установленного в обществе и государстве порядка), а равно действия иных физических лиц, провоцирующих к таким деяниям государственных служащих (должностных лиц) и приравненных к ним законодательством лиц*²¹⁵.

На основании вышеизложенного можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, в рассмотренных международных Конвенциях отсутствует формулировка определению понятия «коррупция», которая объективно бы отражала сущность данного негативного явления.

Во-вторых, международные Конвенции носят рекомендательный характер. Их рекомендации касаются не только понятия и признаков коррупции, но и коррупционных деяний (правонарушений и преступлений).

В-третьих, рекомендательный характер конвенций не способствует консолидации усилий в международном масштабе с целью обеспечения эффективной борьбы с коррупцией.

В-четвертых, коррупционные отношения возникают на основе ранее сформированных общественных отношений, которые претерпевают изменения (разрушения, деформацию).

В-пятых, коррупцию как социальное явление необходимо рассматривать в широком и узком смысле.

В-шестых, эффективность противодействия коррупции зависит от объединения усилий государств мирового сообщества, основанных на объективно отражающих реальность международных нормативных правовых актах императивного характера.

2.2. Предпосылки и нравственные основы возникновения коррупции

Коррупция не является порождением современности, у нее глубокие социально-исторические корни. Она представляет собой такое же «древнее явление, как и социальный порядок, управляющий жизнью людей»²¹⁶. Наиболее распространенным и повсеместным видом коррупции является взяточничество. Для многих современных людей понятие «коррупция» ассоциируется с понятием «взяточничество» и наоборот. Это верно в части того, что взяточничество является одним из множества проявлений коррупции. В тоже время взяточничество – это самое распространенное ее проявление. Такой взгляд позволяет нам рассматривать в данной работе эти понятия как тесно взаимосвязанные.

Коррупция, как явление и связанные с ней преступления, в том числе и взяточничество, не возникают на пустом месте. Для их появления необходимы предпосылки. Даже очень плохой человек, с точки зрения общественной нравственности, занимающий государственную должность, будет вести себя в рамках предоставленных ему полномочий при условии наличия хорошо продуманных, жестких правил, ограничивающих его деятельность. И наоборот, хорошо воспитанный и высоконравственный человек окажется в ситуации выбора: остаться верным своим принципам либо им изменить. Но человек чаще проявляет свою слабость и, как заметила М. Мошкович, «при попадании в соответствующую среду быстро научится действовать по ее негласным правилам»²¹⁷. Этот вывод согласуется с социолого-философской концепцией французского социолога П. Бурдьё, предложившего понятие «габитуса». В его понимании габитус – это «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления»²¹⁸. То есть, габитус – это система определенных диспозиций, т. е. правил, порождающая и структурирующая практику агента (человека) и его представления.

С философской позиции габитус представляет собой «совокупность норм, правил, представлений, интересов, ролей, другими словами, всех символических компетенций, которые должен усвоить человек, приходя на данное место в обществе и обретая принадлежность к некой социальной группе»²¹⁹. Габитус формируется под воздействием социальных условий – воспитания, классовой принадлежности, культурных норм и т. д., а также

определяет, каким образом его носитель реагирует на внешние обстоятельства²²⁰. Являясь продуктом истории, габитус производит индивидуальные и коллективные практики в соответствии со схемами, порождаемыми ею, т. е. историей. Габитус – это «социальность, встроенная в тело, результат давления условий и социальных обусловленностей, воплощенный в самом сердце человека-социального агента, т. е. инкорпорированная история»²²¹, который обуславливает присутствие прошлого опыта, существующего в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действий.

Габитус гарантирует воспроизведение и постоянство практик во времени более надежно, чем все формальные правила и открыто выраженные нормы. Такая система предрасположенностей, – то есть присутствующее в настоящем прошлое, устремляющееся в будущее путем воспроизведения однообразно структурированных практик, внутренний закон, через который постоянно исполняется не сводимый к непосредственному принуждению закон внешних необходимостей, – есть принцип преемственности и регулярности. Он позволяет агенту (человеку) спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации²²².

Понятие «габитус» было использовано в диссертационном исследовании Б. Б. Токаревым для объяснения устойчивости коррупции. По его мнению, «если для общества коррупционные практики (*взяточничество является одним из видов коррупционной практики – А. Х.*) не являются чем-то исключительно недобропорядочным, а представляют собой неотъемлемые условия его функционирования, то можно с уверенностью говорить о коррупции как об определенном рода габитусе»²²³.

Представленная конструкция не является безупречной и вызывает сомнение посылка, предшествующая выводу. По-нашему мнению, коррупционную деятельность нельзя рассматривать как «неотъемлемые условия функционирования» общества. При таком подходе складывается впечатление о необходимости коррупции как социального явления, которое, как утверждает Б. Б. Токарев, исполняет роль «условия» функционирования общества. В действительности, как свидетельствует история, во все времена все народы боролись с коррупцией как явлением. Изобличенных в коррупции и взяточничестве лиц всегда преследовали и, порой, очень жестоко наказывали. Сегодня также отсутствуют государства, в которых бы лояльно относились к коррупции.

Вывод Б. Б. Токарева о коррупции как «определенного рода габитусе» вне всяких сомнений представляет интерес. Дальше он утверждает, что «под влиянием среды габитус человека изменяется в сторону тех оснований, на которых зиждется та или иная социальная система. Если социум пронизан своеобразными коррупционными практиками, то мы можем рассматривать коррупцию как специфический паттерн (*образец, шаблон, система – А. Х.*) поведения, деятельности индивида: участие в коррупционных

взаимодействиях становится в глазах этих индивидов нормой как структурной, так и нравственной, морально оправданной»²²⁴. Устойчивость габитуса определяется условиями исторического развития, в числе которых Б. Б. Токарев упоминает только одно – институт «кормления», просуществовавший несколько столетий и оказавший значительное влияние как на становление и распространение коррупционных процессов, так и отношение к ним со стороны общества²²⁵.

Учеными предлагается рассматривать коррупцию как архетип. В основе этой идеи, существующие в подсознании каждого человека модели поведения. «Архетипы – это архаичные культурные представления – символы человека, заложены исторически на уровне подсознания, «профильтрованного» через многовековые пласты культурных трансформаций. Они касаются представлений о месте человека в мире и обществе, нормативно-ценностных ориентаций, определяют образцы жизнедеятельности людей и сохраняют свое значение»²²⁶.

Считается, что коррупция – это сложившаяся в доисторический период (до появления классового общества) форма поведения, имеющая признаки архетипа²²⁷, действующего на подсознательном уровне. В процессе социального развития коррупция «получила современные формы выражения в обществе и государственном управлении»²²⁸. Идея о коррупции-архетипе имеет ряд слабых сторон.

Во-первых, отсутствуют какие-либо факты подтверждающие появление коррупции в доисторическом периоде, т. к. в это время отсутствовала письменность, которая могла бы свидетельствовать о данном феномене. Во-вторых, многие ученые, ссылаясь на исторические документальные источники, считают, что коррупция появилась в классовом периоде развития человечества, во время появления первых государств. В-третьих, несмотря на массовое распространение коррупции, имеются люди и их достаточно много, которых «вирус» коррупции не поразил. Для них не характерен архетип коррупции.

Особенность представления о коррупции как архетипе состоит в том, что оно исключает какую-либо возможность влияния на это социальное явление. В отличие от «габитуса», «архетип» не зависит от субъективных проявлений. Ему свойственно «тиражирование» раз и навсегда сложившегося поведения, которое подвергается изменениям только в связи с историческими условиями развития социума. Габитус, имея в своей сути сформированные правила поведения, подвержен внешнему влиянию. Он способен менять свою сущность в связи с изменением правил, отражающих его содержание.

Важную роль для возникновения того или иного явления, в том числе коррупции и взяточничества, играет сформированная в обществе нравственность. Понятие «нравственность» определяется как «правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение»²²⁹.

Противоречащие этим правилам (качествам), а равно не соблюдающие их поступки признаются в обществе безнравственными. Безнравственные общественные явления и поступки всегда привлекали к себе внимание. Осуждая бездействие власти, позволяющей присутствие преступника в высшем государственном органе Римской республики (сенате), Цицерон воскликнул: «О времена! О нравы!». В наше время эти слова используются в ином значении. Ими выражается «сожаление о новых, но далеко не лучших временах»²³⁰, осуждается целое поколение или неслыханный характер события либо подчеркивается упадок нравов, как отдельных личностей, групп, так и общества в целом²³¹. Несмотря на давнюю историю появления этого высказывания, оно не утратило своей значимости до наших дней. Как и две тысячи лет назад, нравы, нравственность наших отдельных современников поражают воображение. То отрицательное, негативное и безнравственное, что происходит в окружающем нас мире, кроме возмущения или страха, к сожалению, ничего не вызывает. Наибольшее разочарование вызывает то, что первоначальный смысл, вложенный в данное высказывание («О времена! О нравы!»), не теряет актуальности и сегодня. Повод для восклицания Цицерона (присутствие на заседании Сената преступника), к сожалению, обнаруживает себя и в наши дни. Согласно утверждению российского криминолога В. Н. Фадеева: «В составе российских министерств – в 2001 г. было 18 «воров в законе», а в администрации Президента Российской Федерации – было два криминальных «авторитета». В нулевые годы на смену коронованным ворами в законе во власть пришли долларовые мультимиллионеры и миллиардеры (в ГД (Государственная Дума – А. Х.) V созыва и СФ (Совет Федерации – А. Х.) Российской Федерации из них было более 40 депутатов), что также не увеличивает авторитет и легитимность власти (согласие народа с властью). Доля экономики, контролируемая организованной преступностью, составляет до 20% от объёма экономики, и от 40 до 60% от числа всех предприятий»²³².

Правомерно возникает вопрос: неужели за столь долгий промежуток времени человечество, которое изобрело вакцины от неизлечимых ранее болезней, покорившее Космос, ежедневно совершает тысячи открытий, не смогло найти секрет соблюдения гармонии в отношениях между людьми, а равно соблюдения законности в отношениях между государством и людьми? В связи с этим представляется верным высказывание известного американского писателя Дж. Карлина: «Парадоксом нашего времени является то, что мы имеем высокие строения, но низкую терпимость, широкие магистрали, но узкие взгляды. Тратим больше, но имеем меньше. Имеем лучшее образование, но меньше знаний, лучшие методы, но хуже оцениваем ситуацию, имеем больше экспертов, но и больше проблем, лучшую медицину, но здоровье стало хуже»²³³. Кажется, мы просто уделяем много времени не самым важным вещам, закрывая глаза на реальные проблемы.

Современные исследования в области наук уголовно-правового цикла и разработанные на их основе стратегии ориентированы на борьбу с преступлениями и преступностью, что с позиции сегодняшнего дня не отражает объективную потребность. В итоге получается, что борьба ведется с результатами негативных общественных явлений, но никак не с самими явлениями.

Наукам уголовно-правового цикла (уголовное право, криминология, криминалистика) необходимо избрать иной подход к пониманию объекта своего исследования. В качестве такого объекта должна выступать не преступность, как количество совершенных преступлений, а преступная деятельность, которую следует рассматривать в широком смысле, как «функциональное и жизнеобеспечивающее направление отдельной части общества»²³⁴.

Уже давно возникла насущная потребность в противодействии именно преступной деятельности, выражающейся в виде терроризма, незаконного оборота наркотиков, коррупции и др. Преступная деятельность основывается на определенных нравственных принципах, принятых в отдельной социальной группе. Своевременно воздействуя на нравственность лиц, потенциально склонных к преступной деятельности, можно рассчитывать на профилактику (предупреждение) совершения с их стороны преступлений.

Во многих случаях поведение людей может быть охарактеризовано как безнравственное, которое, иногда (и это правильно), влечет за собой юридическую ответственность. Крайне безнравственным выглядит поступок молодого человека, который позволил себе (непонятно, что руководило его действиями) цинично оскорбить чувства верующих людей. В августе 2016 года он разместил на своем канале в You Tube видео, где он играет в популярное приложение Pokemon GO в Храме-на-Крови в Екатеринбурге в то время, как там проходила служба. Ролик сопровождается нецензурными словами, стилизованными под церковные песнопения, а в конце записи блогер высмеивает основы христианства²³⁵. В отношении данного лица вынесен приговор и применено наказание в виде лишения свободы.

Приведенный пример является единичным фактом из множества подобных случаев. Для понимания сути аналогичных явлений необходимо познание того, на чем они основываются, т.е. нравственности. Для решения проблем различной сложности, возникающих в процессе научных исследований, а также в практической деятельности используется метод анализа. Общепризнанным является определение, в соответствии с которым анализ — это «исследование путем изучения отдельных сторон, составных частей чего-нибудь» либо «всестороннее рассмотрение чего-нибудь»²³⁶.

Используемый метод исследования ранее именовался формально-догматическим, т. к. он в большей мере обусловлен представлениями об определенном юридическом факте: как и при каких обстоятельствах он возник, как изменяется в процессе своего развития и как прекращает свое существование. Позднее в юриспруденции, в том числе и зарубежной, такой

метод стал именоваться «аналитическим» (Г. Л. Харт)²³⁷ или «юристическим»²³⁸.

В научных исследованиях по криминалистике, а также в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, используется криминалистический анализ. Особенности применяемого метода анализа в криминалистике напрямую зависят от объекта исследования. Объектом криминалистического анализа может служить общественная нравственность. Её изучение предполагает выявление негативных явлений, влекущих возникновение коррупционных отношений.

Для понимания сути коррупции и взяточничества, а равно иных аналогичных явлений необходимо познание того, на чем они основываются, т. е. нравственности.

Рассмотрим такие понятия как «нравы», «нравственность», «нравственные нормы» с целью установления их взаимосвязи с негативными явлениями современности и, в первую очередь, с коррупцией и взяточничеством. Нужно отметить, что они имеют точки соприкосновения, т. к. любому обществу присущи определенные моральные ценности, нравственные нормы. К сожалению, сегодня сложно привести пример общества, в котором отсутствовали бы проявления коррупции. Так американские исследователи А. А. Рогоу и Г. Д. Лассуэлл справедливо отметили, что «коррупция в той или иной степени присуща любому социальному образованию и должна пониматься как часть системы, а не просто юридический факт»²³⁹.

Понятие «нравы» является оценочной категорией людей, проживающих на конкретной территории в определенный период времени. Нравы объединяют всю совокупность норм поведения, существующих в данном обществе, которые могут быть оценены с позиции нравственности. Нравы имеют отношение к общественной морали, отражают обыденный уровень основ нравственности целого народа, нации.

Нравы как понятие используется в разговорном языке, в научной и в художественной литературе. Основная проблема заключается в том, что большинство людей, непосредственно употребляя данное слово или сталкиваясь с ним, зачастую вкладывают в него разное смысловое значение. На сегодняшний день отсутствует единое научное определение термина «нравы», а также отсутствуют развернутые аналитические работы, касающиеся данной проблемы.

В русском языке термин «нрав» этимологически восходит к словам «норов», «ндрав». В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля это понятие толкуется как «...одно из свойств духа человека, его характер. Ум и нрав образуют дух» (норовистый, своенравный, добронравный)²⁴⁰.

Мыслитель XVIII века Симеон Полоцкий отметил взаимозависимость нравов людей от их социального статуса, подчеркивая значимость именно условий социальной жизни в контексте формирования нравов²⁴¹.

«Дух народа», считал французский философ-просветитель Ш. де Монтескье, сконструирован из законов, нравов и обычаев: «Нравы и обычаи – суть порядки, не установленные законами; законы или не могут, или не хотят установить их. Между законами и нравами есть то различие, что законы определяют преимущественно действия гражданина, а нравы – действия человека. Между нравами и обычаями следующее различие: первые регулируют внутреннее, а вторые – внешнее поведение человека»²⁴².

Своим содержанием нравы охватывают обычаи и традиции. Данные понятия тесно связаны, но между ними имеются различия. Обычаи отражают преимущественно практическую и поведенческую стороны жизни людей, являются унаследованными способами поведения. Они воспроизводятся обществом, социальной группой и представляют собой поведенческий стереотип индивидуума. Например, верующие мужчины находятся в церкви без головного убора, а в синагогу или в мечеть можно войти, когда надет головной убор.

В истории человечества имеют место примеры обычаев, формирующих коррупционные отношения. Как утверждал исламский богослов Хасан аль-Басри, у сынов Израиля существовал следующий обычай: идя в суд, обе стороны несли в подоле взятку, и перед тем, как приговор зачитывался, взятку показывали судье. В результате судья выносил приговор в интересах того, чья взятка была ценнее²⁴³.

Наряду с обычаями упоминаются и традиции, т. е. то, что унаследовано от предшественников. Одни традиции исполняются в обыденной жизни, а другие в праздничной. И те и другие относятся к культурному наследию²⁴⁴. Вместе с тем, объем понятия «обычай» гораздо шире и охватывает большую часть человеческой жизни. Традиции могут иметь как всеобщий, так и локальный характер. Они могут касаться небольшой группы людей или отдельной личности, относиться к определенному роду деятельности, к профессии, а также быть семейными. Традиции малых групп людей приводят к формированию кланов. Изначально в это понятие вкладывался позитивный смысл. Им характеризовалась семья, род, родовые общины с внутренним патриархальным устройством, имеющие общего легендарного или мифического предка, с которым прослеживалась непрерывная генеалогическая цепочка либо реального прародителя, с которым члены группы имеют генеалогическое родство²⁴⁵. В последующем это понятие приобрело негативное значение, сочетаясь с названием радикальных, террористических и преступных организаций (например, в США тайная организация Ку-клукс-клан, в Италии «Коза Ностра» и др.).

Кланом также признается мафиозная организация, члены которой связаны тесными отношениями наподобие семейных. Впервые мафия появилась на острове Сицилия во второй половине XIX века и представляла (и до сих пор представляет) собой объединение («семью») криминальных группировок, имеющих общую организацию, структуру, кодекс поведения и неофициальный свод законов, которым должен следовать каждый член

организации. Не могут входить в организацию те, кто не соблюдает определенных нравственных принципов²⁴⁶.

Существование клановых структур рассматривается учеными как социальный фактор²⁴⁷ и причина коррупции²⁴⁸.

Существование кланов характерно для различных исторических периодов, вплоть до настоящего времени. В основе этого явления биологическая и иная общность людей, образующих клановую структуру по принципу «свой – чужой». Современное общество рассматривает клановость как пережиток прошлого, но эта практика не изжила себя до сих пор. В современный период клановость проявляется в различных сферах человеческой деятельности. Особенно она опасна для общества в случае ее проявления в условиях верховной власти. Обладатель верховной власти окружает себя «своими» людьми, поддерживающими его политику и действующими исключительно в его интересах. При необходимости «демократической» смены власти фактически происходит ее передача правопреемнику, т. е. одному из представителей клана. В последующем не исключается возвращение на первую позицию во власти того, кто ее уже занимал. Подобное уже имело место в России и не исключено, что будет повторяться там же или в иных государствах.

Порождение клановости свойственно и низшим уровням власти, так, например, министр или иной начальник (управленец) окружает себя «своими» людьми (своей командой). Нередко это окружение недостаточно подготовлено в интеллектуальном или профессиональном смысле, но, зато, максимально преданно руководителю, выдвинувшему конкретных лиц на руководящие должности. Клановая система имеет ряд недостатков, особенно вредных для общества. Во-первых, талантливый, высокообразованный человек, не входящий в клановую структуру, не добьется успехов, не сможет реализовать себя в профессии и не достигнет карьерных высот. Во-вторых, пробившись во власть, благодаря клановой системе, многие чиновники в качестве приоритетной цели для себя определяют обогащение. В-третьих, клановость порождает коррупционные отношения, связанные со взяточничеством, что является крайне негативным для ее восприятия.

В бывших советских республиках до сих пор сохраняется влияние клановых групп. Например, в Узбекистане они формируются по территориальному (географическому) признаку (Ташкент, Бухара, Самарканд). Должности в структуре государственных органов распределяются в соответствии с принадлежностью кандидата к тому или иному клану²⁴⁹.

В Казахстане также сохраняется клановая система, влияющая на формирование государственного аппарата. Она основана на генеалогических связях исторически сложившихся объединениях казахов. Эти объединения называются жузами. За всю историю Казахстана сложилось три жуза: большой, средний и малый. Главный пост в советской республике Казахстан занимал Д. А. Кунаев, представитель Большого жуза. Пользуясь связями и

покровительством из «центра» он обеспечил управление республикой посредством своих соплеменников, представителей большого жуза, которые занимали ключевые должности в государстве. Его родной брат возглавлял республиканскую Академию наук. В этот же период начал свою карьеру бывший президент Казахстана Н.А. Назарбаев. В бытность президентом страны он указывал на наличие и отрицательную роль кланов²⁵⁰, но ничего не сделал для их устранения.

Это явление также характерно и для Российской Федерации, состоящей из множества административно-территориальных субъектов, где наличествуют местные клановые и родоплеменные группы. Это явление в литературе и в общественно-политической практике получило название «местничество», «улусизм»²⁵¹, «кумовство»²⁵².

Наличие клановых структур, по мнению В. М. Полтеровича, является одной из социальных причин коррупции²⁵³. К иным подобным причинам коррупции относятся традиция nepотизма, эксплуатация «дружеских связей», традиция «дарения», подношения подарков-взятки.

Традиция nepотизма и эксплуатация «дружеских связей» рассматриваются как проявления коррупционных отношений, но не как причина коррупции²⁵⁴. Суть в том, что истоком nepотизма является коррупционное поведение высокопоставленного государственного чиновника, который использует свои служебные возможности и «дружеские связи» для предоставления своим близким родственникам должностей в государственном аппарате или крупных бизнес-структурах. Данное явление рассматривается как разновидность коррупции в соответствующей Конвенции ООН²⁵⁵.

Традиция «дарения», подношения подарков рассматривается как часть культуры и нормальное явление в сфере деловых отношений. В ряде случаев такие подарки камуфлируют взятку за положительное решение вопросов, в которых заинтересована сторона-даритель.

Приведенные примеры указывают на нравственную ценность обычаев (традиций), поддерживаемых в обществе посредством моральных отношений или, наоборот, представляющих собой часто повторяющиеся отступления от требований нравственности.

Проведенный анализ некоторых обычаев и традиций, исторически сложившихся в обществе, позволяет сделать вывод о наличии у них отрицательных сторон, способствующих возникновению коррупционных отношений в виде взяточничества. Одномоментное избавление общества от обычаев (традиций), имеющих негативные стороны, невозможно. Для изменения ситуации представляется возможным формирование иного отношения к коррупционной составляющей обычаев и традиций, основанного на воспитании высоконравственной личности человека.

Нравственность является внутренней оценкой человеком своего поведения и своих поступков с общественной точки зрения о хорошем и плохом, о добре и зле. Нравственность – это понятие, аналогичное морали,

способ нормативного, но неправового регулирования человеческих отношений (деяний) в обществе. Это неписанный закон, хотя многие мудрые мысли о нравственных нормах выражены в священных писаниях (в Библии, в Коране), художественной литературе (произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др.), различных философских трудах (Сократа, Аристотеля, Канта и др.).

Нравственным может считаться только тот человек, который живет по совести, т. е. испытывает чувство нравственной ответственности за свои поступки перед окружающими людьми и обществом.

Нравственный человек проявляет мудрость, не желает другим зла, соперничает им и готов бескорыстно прийти на помощь, ему не свойственна алчность и агрессия. Даже в мыслях нравственный человек не причиняет вреда другим людям.

Нравственные ценности прививаются детям родителями, воспитателями, учителями, педагогами, духовной и художественной литературой, театральными постановками и кинофильмами. Но в первую очередь результат формирования личности молодого человека зависит от его родителей. Если родителям не удалось привить ребенку высокие нравственные качества, то надеяться на то, что в дальнейшем это сделают детсадовские воспитатели или школьные педагоги – не приходится.

Современное школьное образование не ориентировано на достижение цели воспитания высоконравственной личности. По-нашему мнению, эта цель должна доминировать в системе целей школьного образования. Вся система правового воспитания в школе призвана сформировать правовое сознание учащихся на основе их сознательного и активного правомерного поведения.

В учебных заведениях работу по формированию высоконравственной личности необходимо активизировать по следующим направлениям: формирование общего уровня правовой культуры путем проведения учебных занятий; организация внеклассной работы по правовому просвещению и антикоррупционному воспитанию.

Целью антикоррупционного воспитания является выработка ценностных установок молодежи и развитие способностей, необходимых для самостоятельного формирования у молодого поколения правильной гражданской позиции относительно коррупции. Учитывая, что основной целью антикоррупционного воспитания выступает формирование гражданского сознания, то наиболее благоприятными для его становления являются социальные дисциплины: обществознание, философия, политология, этика и др. Ожидаемый результат антикоррупционного воспитания – личность, наделенная знаниями о той опасности, которую представляет собой коррупция для благосостояния общества и безопасности государства. Личность не желающая мириться с различными проявлениями коррупции и способная противостоять взяточничеству.

Международная неправительственная организация Transparency International опубликовала ежегодный рейтинг стран по уровню восприятия коррупции за 2020 год. Наименьший уровень коррупции в 2020 году зафиксирован в Новой Зеландии, Дании, Финляндия и Швейцарии. Они набрали 88–85 баллов. США, набравшие 67 баллов из 100, заняли в рейтинге 25 место. Украина набрала 33 балла и заняла 117 место в данном рейтинге. Страны, входящие в ЕАЭС, распределились следующим образом: Россия – 29 баллов и 135 место, Казахстан – 38 баллов и 94 место, Беларусь получила 47 баллов и заняла 63 место, Армения – 49 баллов и 60 место, Кыргызстан – 31 балл и 124 место из 180 государств²⁵⁶.

Примечательно, что лучшими странами по уровню жизни населения в 2020 году признаны те же страны, у которых самый низкий уровень коррупции: Новая Зеландия, Дания, Финляндия, Швейцарии. В первой десятке данного рейтинга расположились Швеция, Норвегия, Исландия, Канада, Австралия, Нидерланды. Исследование основывается на девяти факторах качества жизни для определения места страны в рейтинге. Показатели, которые учитывались при составлении рейтинга: уровень медицины и здоровье, семейная жизнь, социальная жизнь, материальный достаток, политическая стабильность и безопасность, климат и география, обеспечение работой, политические свободы, гендерное равенство²⁵⁷.

Как мы видим, даже на таком уровне проявляется практически стопроцентное совпадение уровня жизни и уровня коррумпированности стран, что частично отражает и нравственное обличие народа.

Нравственность – это не просто средство общественного регулирования индивидуального поведения, но и средство духовно-персонального выживания самого индивида. Там, где отсутствуют самостоятельно выбранные нравственные обязанности, зарождается общая деградация человека. В основе нравственности лежит несовпадение двух начал:

- 1) стремление к собственному благу – эгоизм;
- 2) сознание ответственности перед другими людьми и учет их интересов, т. е. альтруизм.

История человечества свидетельствует, что нравственность общества есть продукт общественно-политического бытия человека, а не врожденное его качество. Следовательно, чтобы управлять обществом государство должно заботиться о нравственности и морали каждого человека, так как мораль как социальный регулятор сама по себе никакой власти над человеком не имеет иначе, как только через власть государства. На необходимость государства регулировать нравственные основы и общественную мораль указывали Платон, Локк, Спиноза, Гоббс, Кант, Руссо, Шопенгауэр и др. известные ученые.

Начало правовому методу исследования коррупции было положено политическими теориями Платона (427–347 до н. э.) и Аристотеля (384–322 до н. э.), в которых принципиальную роль играло представление об ухудшении государственного устройства общества, падении политических

нравов граждан, приводящих общество к самым нежелательным социально-политическим последствиям. Платон и Аристотель в своих работах не раз упоминали о негативном воздействии злоупотребления властью и взяточничества на экономическую, политическую и духовную жизни общества.

По мнению Аристотеля «самое главное посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться»²⁵⁸. Этой же проблемой занимался и Платон, который в своих работах «Государство», «Политика», «Законы» рассматривал феномен коррупции как злоупотребление властью должностными лицами. Античные философы вели речь не о праве, а именно о морали.

В процессе социализации с момента рождения у человека формируются как добрые свойства души, так и отрицательные (негативные). К моменту поступления в высшее учебное заведение молодой человек приходит, как правило, с определенными нравственными ценностями. Не совсем правильным будет описывать многообразие душевных и моральных свойств и качеств правовыми категориями и понятиями. Именно поэтому приходится использовать знания, позволяющие сформировать достаточно полное представление о духовных состояниях человека, их развитии, а также о пороках личности.

Психологи аналогично подходят к вопросу о коррупции, рассматривая ее с точки зрения несовершенства человека как биосоциального существа. «Агрессия, эгоизм, отсутствие любви к труду, стремление удовлетворения своих потребностей к достижению власти, построению карьеры рождает коррупционные намерения»²⁵⁹.

Вне сомнения пороки нравственности человека могут служить детерминантами его коррупционного поведения. На это обращают внимание разработчики Проекта модели стратегии борьбы с коррупцией. К нравственно-психологическим детерминантам коррупционного поведения они отнесли «доминирование в общественном сознании материальных ценностей и потребительского образа жизни, не высокий уровень нравственной и правовой культуры значительной части населения, неэффективное (в плане превенции) освещение антикоррупционной деятельности в средствах массовой информации и др.»²⁶⁰.

Главными нравственными изъянами личности, влияющими на формирование коррупционных отношений, являются: жадность, равнодушие, эгоизм, лицемерие, зависть, тщеславие. На наш взгляд, это самые распространенные безнравственные качества человеческой личности, которые лежат в основе совершения ею коррупционных деяний, в том числе и взяточничества, а также их постоянного воспроизводства. Только «низкие моральные качества, корыстная мотивация, т. е. мотивация поведения, нацеленного на получение незаслуженного преимущества, выгоды за счет средств кого-то другого, способствуют воспроизводству коррупции»²⁶¹.

Взаимосвязь нравственных и правовых аспектов коррупции не вызывает сомнения. Человек с твердыми моральными устоями меньше подвержен соблазнам коррупции. Однако сегодня даже в развитых странах не уделяют должного внимания моральной устойчивости чиновников, а стремятся ограничить поведение служащих не моральными нормами, а правовыми актами. В этой связи представляет интерес опыт разработки этики поведения персонала Международного валютного фонда (далее – МВФ). В пункте 32 кодекса поведения говорится, что: «Вы никогда не должны запрашивать подарки или услуги в связи с вашими обязанностями в МВФ. Подарки, которые предлагаются, должны быть отклонены»²⁶². Но далее, в этом же пункте Кодекса, говорится о возможности принять подарок, «когда это может создать смущение, чтобы отказаться от него». Данная фраза не имеет нормативного пояснения, поэтому остается не ясным, что значит «создать смущение». При этом в Кодексе речь идет о «небольшом подарке», стоимость которого «явно меньше ста долларов США», а о принятии такого подарка никого информировать не надо²⁶³. Следует заметить, что такие размеры стоимости «подарка» в ряде стран повлекли бы уголовную ответственность для их государственных служащих.

Несколько более жесткое отношение к подаркам отражено в Кодексе поведения служащего в Великобритании, где сказано: «Принятие подарков за выполнение или невыполнение определенных действий в связи со своим должностным статусом является правонарушением. Вы обязаны сообщать... о любых предложениях благодарности»²⁶⁴. Исключением признаются мелкие подарки (например, настенный календарь) и акты приемлемой гостеприимности (чашка кофе, бесплатное приглашение на концерт или другое культурно-массовое праздничное мероприятие).

Таким образом, можно отметить, что борьба с коррупцией – это борьба за нравственную чистоту личности человека. Невозможно эффективно противостоять коррупции посредством одних законов и осуществления правосудия.

Как социальный феномен коррупция должна быть исследована с позиции нравственных (моральных) недостатков личности, т. е. в той сфере, в которой появляются зачатки коррупционного поведения. Если подобная работа не будет проводиться на должном уровне, то многие на первый взгляд достаточно целесообразные и энергичные меры государства могут оказаться неэффективными и не дать намеченного положительного результата.

Мы согласны с мнением о том, что важнейшими средствами противодействия коррупции должны стать «меры социально-психологического характера – *изменение общественного сознания в отношении коррупции, работа над правосознанием, повышение правовой культуры* (курсив наш – А. Х.). Терпимость, попустительство и, как следствие, безнаказанность не должны становиться условиями существования коррупции. Необходимо ломать стереотип мышления, чтобы отношение к коррупционерам было не снисходительным, а непримиримым и

жестким. Требуется создать такой социальный климат, чтобы взяточничество считалось отнюдь не нормой жизни, а чем-то неприличным и непристойным»²⁶⁵.

Можно рассчитывать на благоприятный эффект противодействия коррупции того права, которое «базируется на нормах морали, соответствует нравственным эталонам общества, культурным традициям народа»²⁶⁶.

Высшие должностные лица в государстве, которые призваны обеспечивать законность и регулировать взаимоотношения между обществом и государством, должны беспрекословно и неукоснительно соблюдать как нормы права, так и нравственные нормы. Следует заметить, что государственная должность, которую занимает чиновник, – это позиция, облеченная доверием и подразумевающая выполнение обязанностей в интересах общества и государства. Высокоморальное общество с должным уровнем правовой культуры – вот основа эффективной борьбы с коррупцией.

Анализируя современный этап развития мирового сообщества можно констатировать, что:

1) современный человек формирует свою нравственность в условиях отсутствия каких-либо религиозных представлений и верований, основываясь на собственном понимании добра и зла, совести, долга, ответственности и т. д.;

2) правовая действительность определяет для субъекта свободу выбора его поведения при недостаточной юридической и моральной ответственности перед государством и обществом;

3) свобода выбора снижает правосознание субъекта и часто воспринимается как возможность безответственного поведения;

4) иерархичность системы государственной власти и построенные на этом общественные отношения порождают коррупцию, которая основывается на корыстной человеческой мотивации, низком уровне правосознания и правовой культуры

2.3. Причины и условия, детерминирующие современную коррупцию и взяточничество

Коррупция в современных научных исследованиях рассматривается как сложное социальное (общественное)²⁶⁷, политическое²⁶⁸, экономическое²⁶⁹ и культурное²⁷⁰ явление, затрагивающее все страны.

Признание коррупции как социального (общественного) явления отражает негативное свойство общества, для которого характерно наличие социальных отношений (взаимосвязей), складывающихся между людьми.

Коррупция в политической сфере представляет собой наиболее сложную и трудно доказуемую форму. Она имеет внутреннее и внешнее проявление. Внутреннее проявление политической коррупции связано со стремлением определенных кандидатов, политических партий использовать выборы в собственных интересах, что на первый взгляд не вызывает каких-либо

возражений и не выглядит противоестественным. Но в последующем, прядя к власти, политические лидеры (партии) используют возможности государственной «машины» для приватизации власти, «вырабатывают правила игры, создают законы под себя. Доказать это невозможно, потому что законодательный процесс идет по демократической процедуре, но, по сути, происходит смена нормативной правовой базы в интересах тех, кто удерживает власть»²⁷¹. Все это проходит под массивной пропагандой, наполненной демократическими лозунгами.

В случае, когда «экономическая коррупция сливается с политической, происходит, – как считает Ю. А. Нисневич, – захват государства»²⁷². По нашему мнению здесь не идет речь о «захвате государства» в истинном смысле этого слова. Об этом можно говорить при условии внешней интервенции, что фактически отсутствует в случае, рассматриваемом Ю. А. Нисневичем. Но реальность такова, что определенная группа политических лидеров, основываясь на поддержке представителей экономической элиты (практически находясь с ними в коррупционных отношениях) удерживает власть в своих руках, что не соответствует демократическому принципу выборности (сменяемости) органов власти и не совсем верно представлено как «захват государства».

Но «захват государства» все же возможен. В этом случае следует рассматривать внешнее проявление политической коррупции. Политическая элита, имея стремление сохранить свое лидирующее положение в государстве, устанавливает коррупционные отношения с лидерами, политическими органами или организациями иных государств. Это постепенно приводит к тому, что лидеры «захваченного» государства превращаются в «марионеток» правительства иного государства. Это наиболее опасная форма коррупции, фактически приводящая к внешне не заметной потере государственного суверенитета.

Коррупция в экономической сфере всегда связана с материальными благами. Она имеет два вида проявления: бытовая и деловая коррупция. При бытовой коррупции устанавливаются неправомерные отношения материального характера между чиновниками и гражданами. При деловой коррупции устанавливаются такие же отношения, но между предпринимателями (бизнесменами) и чиновниками, которые, имея материальную заинтересованность, осуществляют свою деятельность на основе предоставленных полномочий в интересах не государства и граждан, а в интересах частных организаций.

По мнению В. И. Сорокиной «коррупция остается нормой для массы населения во многих регионах мира»²⁷³. Рассмотрение культуры в широком смысле как совокупности обычаев, традиций, ценностей позволяет увидеть коррупцию в качестве одного из составляющих их элементов.

Развитие мировой культуры оказало влияние на различные сферы жизнедеятельности человека: политику, искусство, мораль и т. д. Многие аспекты культурного развития нашли отражение в формулировке четких

жизненных позиций и принципов, которых придерживались и до сих пор придерживаются многие поколения людей. Например, американскому просветителю Бенджамину Франклину (1707–1790 г.г.) принадлежит заслуга классической формулировки основополагающих принципов буржуазной морали: «Время – деньги», «Пустому мешку нелегко стоять прямо, а нуждающемуся человеку всегда поступать честно» и др. Последний из упомянутых принципов скрывает в себе потенциальную возможность совершения коррупционных правонарушений²⁷⁴.

Многие явления, в том числе коррупция и ее основное проявление – взяточничество, возникают как следствие определенной одной или нескольких причин. В российских научных публикациях встречается упоминание о факторах коррупции. Например, В. М. Полтерович разделил факторы коррупции на следующие группы: фундаментальные, правовые, организационно-экономические, информационные, социальные и культурно-исторические²⁷⁵. При этом остается не однозначным понимание термина «фактор», определение которого во многих источниках представлено по разному. В словаре русского языка С. И. Ожегова, фактор – это «момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении»²⁷⁶. Очевидно, что такое понимание термина «фактор» позволяет рассматривать существенную внутреннюю составную часть коррупции, но не ее внешнюю сторону. Такая формулировка не позволяет выделить то, что служит основой для возникновения коррупции как общественного явления и на что должны быть направлены меры противодействия.

В Большой советской энциклопедии фактор представлен как «причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты»²⁷⁷. В свою очередь причина рассматривается в качестве явления, вызывающего, обуславливающего возникновение другого явления, т. е. она порождает, в нашем примере, коррупцию.

При выделении причин коррупции следует иметь в виду, что в качестве таковой необходимо рассматривать причину, которая находится в основе любого коррупционного проявления.

По нашему мнению, основной причиной коррупции и взяточничества является обстоятельство, отражающее сущностное содержание межличностных отношений между людьми. Дело в том, что формирование общественных отношений происходит в процессе взаимодействия субъектов. Социальное взаимодействие представляет собой систему взаимообусловленных социальных действий, связанных циклической зависимостью, при которой действие одного субъекта одновременно является причиной и следствием ответных действий других субъектов²⁷⁸.

В основе социального взаимодействия находятся, как социальные потребности, так и личные потребности индивидов. Разнообразие потребностей (материальных, духовных и др.) человека и постоянная необходимость их удовлетворения привела к исследованию возникающих между людьми отношений и поиску их закономерностей.

Лучшие и авторитетнейшие умы человечества выработали правила взаимоотношений между людьми. Более двух с половиной тысяч лет назад, китайский философ Конфуций (552–479 г.г. до н. э.) в качестве центрального понятия своего учения («Лунь юй» – Суждения и беседы) избрал принцип *жэнь* – гуманности и человеколюбия. «Конфуцием сформулирован принцип, получивший в европейской традиции название «золотого правила нравственности». «Оно гласит: «Не делай другим того, чего не желаешь себе»²⁷⁹. В Европейской цивилизации этот принцип появился значительно позже – в эпоху Возрождения. Он интерпретировался по-разному, но неизменно выражал простой, краткий и ёмкий алгоритм действий: «Поступай с людьми так, как бы ты хотел, чтобы они поступали с тобой». Этот тезис стал золотым правилом в отношениях между людьми: давать людям то, что мы хотим получить от них для себя.

Учитывая это правило, межличностные общественные отношения на протяжении многих веков формируются на взаимной выгоде, на основе принципа взаимного обмена: даю, чтобы и ты дал. На основе этого принципа и возникает подавляющее большинство коррупционных отношений. В качестве доказательства этого факта следует рассматривать отношения взяточничества, которые формируются именно на основе этого принципа.

Сложилось «мнение, в соответствии с которым взятки и прочие виды поощрения чиновников за их услуги оцениваются как взаимные одолжения в рамках повседневной деятельности и не имеют важного значения, а поэтому воспринимаются как естественное явление»²⁸⁰.

В итоге регламентированные нормами права общественные отношения искажаются в результате действий двух сторон – взяткодателя и взяткополучателя. И тот и другой нарушает запрет установленный не только нормами права, но и нормами нравственности.

Взяточничество образует наибольшую составляющую часть коррупционных преступлений, но все они не охватывают собой коррупционные проявления, формы и виды которых различны.

Различие проявлений коррупции со стороны должностных лиц не влияет на наличие общего характерного признака их деяний. Во всех случаях он связан с личностью коррупционера и выражается в стремлении «улучшить свое материальное положение». Инициатива совершить преступление может возникнуть у коррупционера на основе внутреннего корыстного побуждения. Но в случаях взяточничества присутствует и внешний побуждающий фактор к совершению преступного деяния. Им является взяткодатель, от которого нередко исходит инициатива дачи-получения взятки, который, предоставляя взятку, удовлетворяет какую-либо потребность взяткополучателя.

Следует заметить, что любому человеку свойственно стремление к материальному благополучию. Первоочередное жизненное устремление человека и всех представителей животного мира – это удовлетворение своих материальных потребностей. В подтверждение этого можно вспомнить выражение «хлеба и зрелищ»²⁸¹, которое в лаконичной форме отражало

действенную политику древнеримской власти по отношению к своему народу, внимание которого отвлекалось от существующей социальной реальности посредством удовлетворения первоочередной материальной человеческой потребности в пище («хлебе»), а затем удовлетворение духовных потребностей («зрелища»).

По мнению ученых материальные потребности, основывающиеся на корысти, можно разделить на несколько уровней. Во-первых, их удовлетворение связано с человеческим естеством (потребность в еде, жилье и т. п.). Во-вторых, удовлетворение материальных интересов, социально обусловленных, «в том числе престижного характера (иметь дорогие наряды, предметы роскоши и т. п.)» и, в-третьих, удовлетворение «потребности извращенного характера (например, средства для систематического пьянства)»²⁸².

Второй и третий уровень потребностей, вне всякого сомнения, относятся к случаям получения взятки. У должностных лиц (взяточполучатели) развивается желание иметь предметы престижного, но социально обусловленного достатка (иметь жилье, но в престижном и, соответственно, дорогом месте), либо материального извращения (иметь жилье, но площадью, например, тысячу квадратных метров).

В ситуации с коррупцией стремление к удовлетворению материальных потребностей превращается в навязчивую идею, реализация которой становится основной целью должностного лица, совершающего преступление, связанное с получением взятки либо иное преступление коррупционной направленности. Не этим ли объясняется наличие у бывших и действующих российских чиновников недвижимости и валютных счетов в банках за пределами России²⁸³.

С некоторой интерпретацией рассмотренный принцип представлен в психологии в виде правила взаимного обмена. Это правило гласит: мы обязаны постараться отплатить каким-то образом за то, что предоставил нам другой человек²⁸⁴.

Правило взаимного обмена глубоко внедрилось в сознание людей благодаря социализации, которой они подверглись. Человек живет не сам по себе, а в обществе. Любое же общество подразумевает сотрудничество: ты помогаешь мне в этом, я помогаю тебе в том; ты делишься со мной мясом, я делюсь с тобой рыбой... По принципу «ты – мне, я – тебе» живут не только люди, но и практически все живые существа. Стремление быть благодарным изначально заложено в любом биологическом создании.

По нашему мнению, основной внутренней причиной получения должностным лицом взятки является осознанная неудовлетворенность своим материальным положением, компенсируемая на основе принципа взаимного обмена. Совершению взяточничества предшествует формирование у должностного лица ложного понимания, что за оказанную им услугу (совершенное действие) он вправе получить (требовать при вымогательстве) встречное, как правило, материальное предоставление от лица, которому эта

услуга оказана либо совершено действие, имеющие отношение к служебной деятельности должностного лица. Неудовлетворенность материальным положением имеет субъективный характер и не знает границ.

В научной литературе имеются иные мнения по вопросу о причинах коррупции и взяточничества.

Белорусские исследователи рассматривают факторы коррупции, выделенные В. М. Полтеровичем, в качестве ее причин^{285;286}. Безусловно, знание причин коррупции позволяет определить направления противодействия этому негативному явлению. Вместе с тем, мы считаем, что представленные В. М. Полтеровичем группы факторов коррупции не следует рассматривать в качестве причин коррупции. Их содержательная сторона соответствует больше условиям для коррупции. Условие – это та среда, в которой возникает явление (в нашем примере это – коррупция), существует и развивается.

Рассмотрим более подробно факторы-условия коррупции с целью выявления их объективного существования в Беларуси.

В качестве *фундаментальных* условий коррупции В. М. Полтеровичем названы следующие: несовершенство экономических институтов и экономической политики; государственное вмешательство в экономику; контроль государства над ресурсной базой; монополизация отдельных отраслей экономики; неразвитость конкуренции; низкий уровень развития гражданского общества.

В экономической теории под институтом понимают систему правил, на основе которых действующие субъекты хозяйствования вступают в экономические отношения. Совокупность формальных и неформальных институтов образует экономическую систему. Формальные институты – это регламентированные нормативными правовыми актами правила, относящиеся к экономической деятельности. К числу неформальных институтов относятся традиции, а также правила, которые не предусмотрены нормативными правовыми актами, но практикуемые субъектами хозяйствования²⁸⁷.

Республика Беларусь и иные постсоветские республики, приобретя четверть века назад независимость, встали на путь рыночных преобразований. Это повлекло замену старых административно-командных институтов на новые экономические институты, формирование которых происходит в условиях конкуренции между субъектами хозяйствования внутри страны и еще более жесткой конкуренции на международном рынке, нередко сопровождаемой политическими и экономическими санкциями западных государств. В таких условиях вести речь о совершенстве экономических институтов не приходится, что, конечно, допускает появление и развитие коррупции.

Республика Беларусь для достижения общественно значимых целей реализует меры государственного воздействия на экономические процессы. Государственное регулирование экономики ориентировано по многим

направлениям. Например, государство регулирует вопросы капиталовложения в производство товаров и услуг и их реализацию. Капиталовложение осуществляется за счет республиканского и местных бюджетов, а также частных внутренних и внешних инвестиций. Вопросы реализации товаров и услуг регулируются на законодательном уровне через институт государственных закупок. Иные направления государственного регулирования экономики также не исключают коррупционных отношений. При этом будет неверным считать экономическую политику государства, фундаментальным условием для возникновения коррупции.

Не вызывает сомнений, что политика и экономика должны развиваться как две самостоятельные сферы. Но в тоже время нельзя допустить беспредельного сокращения государственного вмешательства в экономику. Это приведет к усилению политического влияния предприятий, в том числе входящих в транснациональные корпорации, и снижению роли государства как важнейшего политического института. Можно согласиться с тем, что государственным органам не следует чрезмерно вмешиваться в экономику. Их основная задача должна состоять в выполнении роли наблюдателя за законностью отношений, возникающих и развивающихся в экономической сфере. Государственный контроль необходим за различными ресурсами, в том числе природными, для обеспечения правильного и целевого их использования. Такие явления в экономике как монополизация ее отдельных отраслей, неразвитость конкуренции, низкий уровень развития гражданского общества, по-нашему мнению, не могут являться условиями для коррупции. Например, появление монополии (за исключением государственной) может являться следствием коррупции, а высокий уровень конкуренции не исключает коррупционных отношений с целью устранения конкурента. Низкий уровень развития гражданского общества не является условием коррупции, так как это явление характерно во все времена и для всех народов.

Анализ рассмотренных выше условий не позволяет рассматривать их в качестве фундаментальных. Логичным было бы выделить эту группу в экономический блок и назвать его экономическими условиями коррупции.

В числе *правовых* условий коррупции названы такие как отсутствие четкой и понятной законодательной базы, в том числе связанной с ее чрезмерно частым изменением, регулирующей экономические процессы; возможность влияния на судебные решения; несоблюдение норм международного права; неадекватные меры наказания за коррупционные сделки; наличие норм, позволяющих субъективную трактовку нормативных правовых актов.

Неотъемлемым спутником коррупции являются несовершенство, пробелы и изъяны в законодательстве государства. По причине недостатков нормотворческой деятельности в любом государстве законодательная база может иметь определенные пробелы.

На заседании коллегии Министерства юстиции Республики Беларусь было отмечено низкое качество разрабатываемых государственными органами проектов. Более 40% проектов, поступающих в министерство, согласовывается с замечаниями, без учета проектов, которые дорабатываются с участием специалистов министерства. В числе основных недостатков упоминаются: 1) обширная практика подготовки проектов актов Президента Республики Беларусь для урегулирования отношений в различных сферах общественной жизни, а иногда и в качестве механизма согласования с Президентом Республики Беларусь того или иного варианта действий, находящихся в исключительной сфере ответственности конкретного руководителя; 2) наличие нескольких нормативных правовых актов по одним и тем же вопросам, что вызывает правовую неопределенность, нарушает принцип стабильности и системности законодательства; 3) значительное количество отсылочных норм, что приводит к принятию большого количества подзаконных актов (норм); 4) использование в проектах нормативных правовых актов не единообразной терминологии, сложных правовых конструкций, делающих законодательство непонятным для людей без специальной подготовки; 5) проблемы согласования с другими нормотворческими органами, проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов (далее – НПА); 6) разработчики проекта не имеют представления о целях, смысле, механизмах реализации предлагаемых подходов, не могут обосновать и объяснить причины, по которым избран именно предлагаемый вид нормативного правового акта, не говоря уже об анализе возможных последствий принятия такого документа²⁸⁸.

Дефекты в НПА могут быть специально созданы, препятствуя, например, развитию предпринимательства. Из-за коррупции не получает должного развития малый и средний бизнес²⁸⁹. Столкнувшись с проблемами правового характера, предприниматели оказываются перед выбором правомерного или неправомерного (коррупционного) поведения. Решение этих и иных проблем вынуждает предпринимателей обращаться к чиновникам, которые не всегда оказывают бескорыстную помощь даже в случаях своей правомерной деятельности, т. е. требуют взятку. Если такой способ обеспечивает быстрое и эффективное разрешение проблем, то не исключено, что предприниматели могут воспользоваться им вновь. По нашему мнению устранение недостатков законодательства является одним из главных условий противодействия коррупции и взяточничеству.

Коррупция и взяточничество могут существенно повлиять на развитие экономики, создать ситуации, когда государственный аппарат превращается в инструмент, служащий удовлетворению исключительно частных экономических потребностей. С экономической точки зрения коррупция и взяточничество рассматриваются как незаконные виды деятельности, связанные с использованием служебного, должностного положения для получения дохода²⁹⁰.

Влияние на судебные решения само по себе является коррупционным проявлением. Считать эту возможность условием коррупции, по крайней мере, не корректно. Но слабость судебной системы можно рассматривать как условие коррупции, так как недостатки такой системы влекут за собой появление и развитие коррупционных отношений. По мнению Ю. А. Нисневича состояние судебной системы – это «самая болезненная точка, которая всегда связана с коррупцией»²⁹¹. Нельзя не отметить, что исторически так сложилось, что борьба со взяточничеством велась в первую очередь в отношении судей. Например, одно из первых упоминаний о коррупционных преступлениях в судебной системе можно встретить в Законах вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.). В статье 5 раздела, относящегося к правосудию, говорится об освобождении судьи от занимаемой должности и уплате штрафа «в 12-кратном (размере)» по отношению к цене иска²⁹². Непосредственно в данной статье не говорится о подкупе судьи, но, вполне вероятно, что одним из оснований для изменения судебного решения является получение судьей взятки.

Несоблюдение норм международного права также неоправданно называть условием коррупции. Во-первых, не совсем понятно, какие нормы международного права должны быть нарушены, чтобы считать это условием коррупции. Далеко не все международные правовые акты ратифицируются государствами в силу имеющихся отличий и особенностей, а также являются совершенными. Что касается актов антикоррупционной направленности, то в них, например, даже определение понятию «коррупция» сформулировано только в аспекте уголовного права²⁹³, что по-нашему мнению представляется неверным. В действительности понятие коррупции значительно шире, которое охватывает собой корыстные и некорыстные деяния различной направленности: уголовно-правовые, административные, гражданско-правовые и дисциплинарные.

Во-вторых, нормы международного права в условиях жесткой конкурентной борьбы между государствами мирового сообщества выступают в качестве рекомендаций в регулировании межгосударственных отношений и, соответственно, не могут являться основой таких отношений.

В-третьих, нормы международного права, содержащиеся в актах, принимаемых такими организациями, как, например, ООН, ВТО, ЮНЕСКО и др., имеющими статус международных, открыто либо завуалировано отвечают интересам лидирующих западных держав. Кроме того, следует помнить, что США и некоторые европейские государства постоянно находятся в состоянии информационной войны с Россией и ее союзниками, в числе которых Республика Беларусь.

Неадекватные меры наказания за коррупционные сделки проявляются в следующем. Например, чиновник, злоупотребляя в течение длительного времени служебным положением, похитил большую денежную сумму, переводя ее в оффшорную зону. Обращение в доход государства арестованного имущества не компенсировало причиненный вред. Отбыв

наказание, бывший чиновник благополучно выезжает на постоянное место жительства в другую страну, где легализует наворованные на родине деньги, которых достаточно для безбедной жизни. Такая ситуация вполне возможна, когда законодательство о государственной службе не содержит должных ограничений для государственных служащих. На примере Российской Федерации можно видеть, что некоторые бывшие высокопоставленные чиновники после выхода в отставку проживают в элитных домах в Майами (США) на берегу атлантического океана, а другие (действующие чиновники) имеют за рубежом недвижимость стоимостью в несколько миллионов евро²⁹⁴. Отсутствие необходимых ограничений в сфере деятельности служащих, ненадлежащий контроль за ними и не адекватные меры ответственности за совершенные преступления коррупционной направленности способствуют тому, что многие чиновники могут стать на путь воровства.

Обозначенное ранее условие для коррупции в принципе возможно, но не характерно для Беларуси, где действует Закон «О государственной службе в Республике Беларусь», устанавливающий строгие ограничения, исключающие возможность государственным служащим иметь за рубежом недвижимость и денежные средства на банковских счетах²⁹⁵.

Наличие норм, позволяющих субъективную трактовку НПА, является условием коррупционных рисков. Избежать этого можно путем проведения криминологической экспертизы таких документов, проводимой Научно-практическим центром Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

В качестве *организационно-экономических* условий коррупции выделены следующие: отсутствие государственного контроля или его недостаток; громоздкий и неэффективный бюрократический аппарат; трудности управления большой территорией; относительно низкая оплата труда государственных служащих; ограничения в доступе к инфраструктурным сетям; установление жесткого торгового протекционизма.

Отсутствие государственного контроля или его недостаток само по себе является существенным условием для появления и развития коррупции. Это условие характерно для любой страны, вне зависимости от ее масштабов, статуса на мировой арене. Вместе с тем, слабость системы контроля над распределением государственных ресурсов чаще характерна для крупных государств, имеющих большую территорию (США, Россия, Китай). Осуществить контроль за распределением национальных ресурсов в небольших государствах проще. В Республике Беларусь функция государственного контроля возложена на Комитет государственного контроля и подчиненные ему территориальные органы. В соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь от 01.07.2010 г. «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах» эти органы в пределах своей компетенции осуществляют контроль за эффективным и рациональным использованием организациями и индивидуальными предпринимателями бюджетных средств и государственной собственности и др.²⁹⁶. Можно с уверенностью отметить

эффективность деятельности Комитета государственного контроля в Беларуси. Примером тому служит выявление и соответствующее реагирование государственных контролирующих органов на факты вывода физическими лицами капитала из Беларуси²⁹⁷. Такие действия со стороны государственных служащих в принципе возможны, но крайне затруднены действующей системой НПА.

Громоздкий, слабый (неэффективный) бюрократический аппарат может являться причиной неэффективного управления и, как следствие, коррупции и взяточничества. В Республике Беларусь количество государственных служащих меньше, чем в аналогичных по территории и населению государствах. Сравнительно дешевле они обходятся бюджету, чем в других странах. Вместе с тем в Беларуси реализуется программа по оптимизации системы государственного аппарата, который предполагается сократить на четверть²⁹⁸. Это позволит снизить расходы на его содержание, а также повысить мобильность и эффективность системы государственного аппарата. Решение этой проблемы не устранил коррупцию как таковую, но будет способствовать сокращению количества коррупционных проявлений, в том числе и взяточничества.

Трудности управления большой территорией испытывают отдельные государства, в числе которых Россия, США, Китай. Эти трудности являются условием для развития коррупции. Для Беларуси эта проблема не характерна.

Относительно низкая оплата труда государственных служащих в целом может являться условием коррупционных проявлений. Недостаточное материальное обеспечение государственных служащих как причина коррупции носит частный характер. В соответствии с результатами оценки общественного мнения, проведенного исследовательским центром Института приватизации и менеджмента невысокая заработная плата государственных служащих является менее значимой причиной коррупции в Республике Беларусь. На первое место руководители малых и средних предприятий поставили корыстолюбие государственных служащих, на второе – терпимость общества к коррупции, на третьем – высокая степень государственного регулирования экономики²⁹⁹.

Корыстолюбие – свойство людей с низким нравственным уровнем, проявляемое при недостаточном материальном обеспечении служащих. Данное качество человека в какой-то степени связано с уровнем оплаты его труда. Дело в том, что в деятельности государственных служащих много не оправданных рисков, страха и отрицательной мотивации. Это препятствует самореализации способных служащих и снижает их инициативность. Невысокая заработная плата приводит к естественному отрицательному отбору – в чиновники идут не самые способные³⁰⁰ и, надо понимать, не наделенные высокими моральными качествами. С течением времени, чиновник, не удовлетворенный своим материальным положением, проявляет свое отрицательное качество – корыстолюбие, что и реализуется посредством формирования коррупционных отношений. Но, в тоже время, достаточно

высокая плата за труд не может быть гарантией недопущения со стороны должностного лица взяточничества. Так, Ю. А. Нисневич, недоумевая заметил, что «чем больше вы им платите (чиновникам – А. Х.), тем больше почему-то они воруют»³⁰¹.

Ограничения в доступе к инфраструктурным сетям не типичное для Беларуси условие, влекущее возникновение коррупции. Дело в том, что объекты строительства подключаются к электрическим сетям и инфраструктуре городов на общих основаниях. Важным обстоятельством, препятствующим коррупционным злоупотреблениям в этой сфере, является установление фиксированной платы за пользование сетями инфраструктуры. В таком случае строительные организации могут планировать свои расходы на присоединение к сетям, а энергетики и коммунальщики не вправе требовать заключения дополнительных соглашений на выгодных для них условиях. Установление жесткого торгового протекционизма (тарифных и нетарифных барьеров) первоначально призвано обеспечить защиту внутреннего рынка от иностранной конкуренции, посредством установления различных ограничений. Эти ограничения могут повлечь за собой возникновение коррупции, которая выходит на международный уровень.

Информационными условиями для коррупции являются: непрозрачность государственного механизма; информационная асимметрия; реальное отсутствие свободы слова и печати; наличие оффшорных зон; отсутствие исследований проблемы коррупции.

Прозрачность государственного механизма предполагает возможность доступа представительских институтов к информации о деятельности органов государственного управления. Непрозрачность государственного механизма следует рассматривать как условие формирования коррупционных тенденций в этой области. Данная проблема в большей степени характерна для России, где многие служащие являются открытыми или скрытыми противниками прозрачной модели государственной службы³⁰². Нельзя считать, что для Беларуси она не актуальна. Вместе с тем действующая система законодательства в республике позволяет нейтрализовать ряд негативных проявлений в государственном аппарате управления, связанных с его непрозрачностью. Например, исключается «коммерческая» деятельность государственных служащих; ограничена возможность предоставления ими «платных услуг» при распределении экономических льгот и финансовых кредитов, а также их участия в акционировании предприятий и другое.

Рыночный механизм порождает неполную и асимметричную информацию. Возникают проблемы с применением ценового механизма регулирования доступа к благам и ресурсам. Коррупция выступает как форма замещения рыночного ценового механизма регулирования системой, основанной на создании привилегий для отдельных экономических субъектов, предоставлении им экономических льгот³⁰³. Информационная асимметрия оказывает отрицательное влияние на рынок труда³⁰⁴, что влечет

за собой дисбаланс в экономическом развитии государства. В свою очередь дефекты в экономике, как уже было отмечено, являются условием для возникновения коррупционных отношений.

Под свободой слова понимается право каждого человека публично выражать свои мысли, идеи и суждения, распространять их любыми законными способами, равно как и право на получение информации. В равной степени понимается свобода печати и СМИ. Вопрос о свободе слова и печати носит политический характер и представляется сложным для любого государства. Многие государства, которые считают себя правовыми, не являются образцовыми в соблюдении свободы слова и печати. Не отвлекаясь на рассуждения о значении, особенности реализации права на свободу слова и печати в отдельных государствах, следует отметить одну негативную тенденцию мирового сообщества. В условиях развития глобализационных процессов активизировались информационные войны. Информационная война представляет собой организованное на государственном уровне вмешательство в информационное пространство другого государства³⁰⁵. В связи с этим концепция свободного распространения информации работает также и в интересах деструктивных организаций (экстремистских, террористических). Поэтому к вопросу о свободе слова и печати необходимо относиться с позиции безопасности государства и общества. Свобода слова и печати допустимы при условии, что распространяемая информация позитивна, направлена на единение народа и укрепление государственности. В противном случае необходим контроль, вплоть до цензуры. Особенно, если это касается глобальной сети Интернет, посредством которой распространяется негативная информация.

Наличие оффшорных зон нельзя рассматривать условием коррупции. Скорее всего, наоборот коррупция способствует появлению и развитию оффшорных зон. Оффшорные зоны привлекательны для бизнеса рядом условий: низкие ставки налога, упрощенный порядок регистрации компаний, конфиденциальность финансовых операций. В тоже время оффшорные зоны позволяют легализовать полученные доходы от преступной деятельности, в том числе и коррупционной направленности.

Социальными условиями коррупции являются: существование клановых структур; традиция nepотизма, эксплуатация «дружеских связей»; традиция «дарения», преподношения подарков-взятки.

Наличие клановых структур распространенное историческое явление, основанное на глубоких биологических корнях в противопоставлении «свой – чужой». В обществе это рассматривается как пережиток прошлого, но при этом оно не изжило себя до сих пор.

В широком смысле такое явление предполагает протекционизм в управлении. С ключевых постов вытесняются лица, являющиеся для лидера «чужаками». К управлению привлекаются близкие и дальние родственники, земляки, друзья и преданные люди. В Беларуси существуют законодательные ограничения для распространения такого явления. Ст. 33 Закона Республики

Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» предусматривает основание для отказа в приеме на государственную службу в случае «близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, родные братья, сестры, а также родители, дети, родные братья и сестры супругов) с государственным служащим, если их служебная деятельность будет связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них»³⁰⁶.

Совсем иначе обстоят дела во многих иных государствах, в том числе странах Содружества Независимых Государств. В бывших республиках Средней Азии и Казахстане сохраняется влияние местных клановых и родоплеменных групп³⁰⁷.

В многонациональных республиках Российской Федерации также прослеживается влияние местных клановых и родоплеменных групп. Этот феномен в литературе получил название «местничество», «улусизм», «кумовство». Например, в Калмыкии подавляющее большинство городского и сельского населения идентифицируют себя с определенной племенной группой. Борьбу за власть ведут три главные племенные группировки: торгутская, дербентская и бузавская. Подобные процессы происходят и в других многонациональных субъектах России³⁰⁸.

Традиция nepотизма и эксплуатация «дружеских связей» могут рассматриваться как проявления коррупционных отношений и как условие для развития коррупции. Дело в том, что первопричина nepотизма коррупционное поведение высокопоставленного государственного чиновника, который использует свои служебные возможности (полномочия) и «дружеские связи» для предоставления своим близким родственникам должностей в государственном аппарате или крупных бизнес-структурах. Nepотизм признается разновидностью коррупции и в современном мире проявляется в большинстве государств, где высшие чиновники не могут напрямую передать свою власть детям или иным родственникам. Вместе с тем, имеются исключения, касающиеся некоторых восточных государств бывшего СССР. Например, в Конституции Азербайджана нет возрастного ценза для кандидата в президенты, а это значит, что на этот пост может претендовать сын действующего главы государства³⁰⁹.

Традиция «дарения», подношения подарков рассматривается как элемент культуры и норма деловых отношений. В высококонтекстных культурах (культуры японцев, арабов, испанцев, турков и др.) значительная часть коммуникации протекает на невербальном уровне, а успех в переговорах зависит, в большей степени, от дружеских отношений и доверия сторон друг к другу, чем от положений, содержащихся в контракте. Условием надежных деловых отношений является дарение подарков. В деловых отношениях низкоконтекстных культур (культуры США, Германии, Швейцарии) отсутствует элемент неформальности. Бизнес формализован и развивается на основе законов и договорных условий. В Беларуси также отсутствуют неформальные отношения, предшествующие деловым сделкам.

Частные случаи не свидетельствуют о системности данного явления, которые следует рассматривать как условие для совершения взяточничества.

Культурно-историческим условиям коррупции относятся: сложившаяся система норм бюрократического поведения; массовая культура, формирующая снисходительное отношение к коррупции; особенности исторического развития; придание малого значения понятиям честности и чести.

Важным условием возникновения коррупционных отношений является система правил сложившихся в определенной социальной общности. Даже плохой чиновник, чья деятельность ограничена хорошо продуманными жесткими рамками, будет вести себя вполне достойно. И в свою очередь человек вроде бы приличный (но слабый, как и все мы) при попадании в соответствующую среду быстро научится действовать по ее негласным правилам³¹⁰.

Формирование системы определенных правил происходит под воздействием различных социальных условий. В числе этих условий можно выделить процесс воспитания, сложившуюся в обществе систему культурных норм, принадлежность субъекта к социальной группе и др.

Появление массовой культуры связано с развитием средств массовой коммуникации. Средствами массовой коммуникации являются СМИ (газеты, радио, телевидение и др.), средства массового воздействия (реклама, кино, массовая литература и др.) и технические средства коммуникации (интернет, телефон). Перечисленные средства массовой коммуникации в той или иной степени оказывают влияние на общество. Особенно это проявилось в начале XXI в., когда, с одной стороны, широкие массы населения приобщены к достижениям культуры, а с другой – средства коммуникации задействованы в механизме манипуляции общественным сознанием. Неуправляемый процесс развития массовой культуры может повлечь негативные последствия, в том числе и формирование снисходительного отношения к коррупции.

Рассмотрев причины и условия коррупции, можно сделать вывод, что их подавляющее большинство прямо или косвенно имеет отношение к нормативному правовому регулированию. Следовательно, многие условия для совершения взяточничества имеют объективный характер. Их можно локализовать посредством принятия НПА, исключающих коррупционные риски. При этом большое значение имеет последовательность в реализации таких документов.

По-нашему мнению, определенную роль в выявлении и устранении условий коррупции и взяточничества может сыграть криминалистика. Одной из функций этой науки является прогнозирование развития преступной деятельности.

С целью выявления условий коррупции криминалистическое прогнозирование должно осуществляться в процессе проведения экспертизы

НПА. Методами, которые целесообразно использовать в ходе проведения такой экспертизы являются криминалистический анализ и матрицирование.

Главным содержанием криминалистического анализа является разработка и осуществление познавательных процедур, направленных на наиболее полное изучение общественных отношений, складывающихся между субъектами (государственными и негосударственными организациями) в исследуемой сфере деятельности (например, в экономике), порядка формирования и обеспечения материально-технической основы взаимоотношений между ними. В первую очередь анализу должна быть подвергнута деятельность, приносящая доходы.

Метод криминалистического матрицирования используется в целях своевременного выявления противоправного поведения заинтересованных лиц, а также признаков коррупционных правонарушений (преступлений). В процессе применения данного метода используются ранее разработанные матрицы по различным направлениям деятельности должностного лица, подозреваемого в коррупции. В основе разработки таких матриц система НПА, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в исследуемой сфере. Сопоставление матрицы с действительным состоянием дел в организации обеспечит обнаружение дефектов, изучение которых позволит выявить признаки коррупционного преступления и принять адекватные меры реагирования.

В ходе экспертизы может быть создана модель криминальной деятельности, связанной с совершением взяточничества, на основе которой определяются отражательные возможности элементов его материальной структуры, прогнозируются последствия деяния и разрабатываются меры, направленные на его предотвращение. Только на такой основе возможна подготовка обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению коррупционных рисков.

2.4. Тенденции антикоррупционного законодательства Республики Беларусь в контексте международных актов о противодействии коррупции

Противодействие коррупции в Беларуси ведется практически с момента приобретения ею статуса суверенной республики. Впервые Закон, посвященный этой проблеме, был принят 15 июня 1993 г. и назывался «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией» (далее – Закон 1993 г.)³¹¹. Принятие Закона 1993 г. было связано с необходимостью решения нескольких взаимосвязанных задач. Во-первых, разработать правовую основу для ограничения широкомасштабных коррупционных проявлений, активизировавшихся в период перехода республики к рыночной экономике. Во-вторых, обеспечить условия для развития нормальных экономических отношений.

Закон 1993 г. содержал три статьи, не был совершенным и не основывался на каких-либо международных актах. Следует заметить, что Европейская конвенция «Об уголовной ответственности за коррупцию» была принята позже. Но, несмотря на это, в нем отражены наиболее принципиальные требования законодателя по противодействию коррупции.

В Законе 1993 г. содержалось первое нормативное определение понятию «коррупция», представленная законодателем как общественно-опасное явление, выражающееся в «умышленном использовании лицами, осуществляющими функции представителей власти, а также находящимися на государственной службе, своего служебного положения для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а также выражающемся в подкупе этих лиц». В нем устанавливались запреты на занятие предпринимательской деятельностью, заключение сделок с негосударственными предпринимательскими структурами, оказывать им содействие, обусловленное родственными отношениями (ст. 1). Эти запреты адресовались должностным лицам, в числе которых названы руководители, другие должностные лица, специалисты органов государственной власти и управления, Контрольной палаты Республики Беларусь, прокуратуры, судов, органов внутренних дел и государственной безопасности, руководители государственных предприятий, учреждений и организаций, руководители их структурных подразделений и иные должностные лица.

Кроме того, указанным лицам, а также должностным лицам общественных организаций и кооперативных предприятий, учреждений и организаций запрещалось получать вознаграждения за выполнение или невыполнение своих служебных обязанностей от граждан либо от предприятий, учреждений и организаций, с которыми они не состоят в трудовых отношениях.

Согласно ст. 2 Закона 1993 г. должностные лица государственных организаций (предприятий и учреждений) обязывались представлять декларации о доходах, банковских вкладах, наличии ценных бумаг и финансовых обязательствах. Требовалось представить декларации при назначении на должность; при совершении сделок, которые в сто раз превышали минимальную заработную плату; при покупке имущества, находящегося в государственной собственности в момент его приватизации (исключение составляли квартиры (дома) государственного или общественного жилого фонда, в которых проживали должностные лица).

Закон 1993 г. определил исходные направления противодействия коррупции со стороны различных должностных лиц, как государственной, так и негосударственных сфер деятельности.

Коррупция как социальное явление имеет связь с организованной преступностью. С учетом этого обстоятельства белорусский законодатель 26 июня 1997 г. принимает Закон «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» (далее – Закон 1997 г.)³¹². Его нормы

обеспечили правовое регулирование деятельности правоохранительных органов по противодействию организованной преступности во взаимосвязи с коррупцией.

В Законе 1997 г. понятие «коррупция» наполнено новым содержанием. Коррупция была определена как «умышленное использование лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, или лицами, приравненными к ним, своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного приобретения для себя или близких родственников имущественных или неимущественных благ, льгот и преимуществ, а также подкуп указанных лиц путем противоправного предоставления им физическими или юридическими лицами этих благ, льгот и преимуществ».

В данной формулировке указывается на цель коррупции: «противоправное приобретение для себя или близких родственников имущественных и неимущественных благ, льгот и преимуществ».

В тоже время субъектный состав коррупции с одной стороны конкретизирован в отношении должностных лиц государственных органов. Кроме ранее упомянутых, в качестве субъектов коррупции дополнительно названы депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, а также депутаты местных органов представительной власти. Но с другой стороны в Законе ничего не говорится о должностных лицах общественных организаций, кооперативных предприятий, учреждений и организаций. Но должностные лица субъектов хозяйствования, с преобладающей в имуществе долей государственной собственности, также названы субъектами коррупции.

В круг субъектов коррупции законодатель включил лица, приравненные к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций. Вместе с тем, кто относился к таким лицам, в Законе не определялось.

Законом 1997 г. для субъектов коррупции определен более широкий перечень запретов. Им запрещалось вмешательство в деятельность других государственных и негосударственных органов, предприятий, учреждений и организаций, если это не входило в их обязанности; использование своего служебного положения при решении вопросов, затрагивавших их личные интересы или интересы членов их семьи и близких родственников; предоставление необоснованных льгот и привилегий физическим или юридическим лицам или оказание содействия в их предоставлении; участие в качестве поверенных физических или юридических лиц по делам, относящимся к компетенции органа, в котором они находятся на службе (работе) или который им подчинен либо деятельность которого они контролируют и др. (ст. 8).

В конце прошлого и в начале нынешнего века международное сообщество активизировало свою деятельность на поприще борьбы с коррупцией. В начале 1999 г. принята Конвенция «Об уголовной ответственности за коррупцию» (г. Страсбург)³¹³. В гл. II Конвенции содержится

указание на виды коррупционных правонарушений, рекомендуемых для криминализации в национальном уголовном законодательстве. В качестве коррупционных правонарушений Конвенция называет в первую очередь подкуп, который может быть как активным, так и пассивным. Действия, связанные с подкупом, совершаются в отношении национальных публичных должностных лиц, членов национальных публичных собраний, а также в частном секторе. Коррупционными преступлениями признаются злоупотребление влиянием, совершаемое из корыстных целей, а также отмывание доходов от преступлений коррупционной направленности. Конвенцией рекомендуется признать общественно опасными деяниями правонарушения, совершаемые в сфере бухгалтерского учета. Условием для этого является оформление или использование счета-фактуры, любого другого бухгалтерского документа или отчета, содержащего ложную или неполную информацию, а также противоправного невнесения в бухгалтерские книги сведений о платежных операциях. В Беларуси эта Конвенция была ратифицирована Законом Республики Беларусь от 26 мая 2003 г.³¹⁴.

В этом же году и опять же в г. Страсбурге была принята Конвенция «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию», которая ратифицирована Законом Республики Беларусь от 26 декабря 2005 г.³¹⁵. Она содержит не только материальные, но и процессуальные нормы. Основное целевое назначение этой Конвенции состоит в правовом регулировании вопросов возмещения ущерба, причиненного коррупционным деянием. В ней содержится и определение коррупции, акцентирующее внимание только на одной составляющей коррупции – взяточничестве.

В ноябре 2000 г. в г. Палермо (Италия) была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности³¹⁶ (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 3 мая 2003 г.). Данная Конвенция содержит специальные статьи, в которых речь идет о криминализации коррупции (ст. 8) и мерах против коррупции (ст. 9 Конвенции). Но она не определяет понятие «коррупция». Но Конвенция предлагает криминализацию двух категорий деяний, предусмотренных в ст. 8 («Криминализация коррупции»). Во-первых, в качестве преступного деяния рассматриваются неправомерные преимущества публичному должностному лицу, выраженные в виде обещания, предложения или непосредственно предоставлены. Информация о преимуществах должностному лицу доводится лично либо посредством иных лиц. Сведения о преимуществах могут быть адресованы непосредственно должностному лицу, а равно сообщены иному физическому или юридическому лицу. Целью заинтересованных лиц является совершение должностным лицом какого-либо действия или воздержание от него при выполнении своих должностных обязанностей. Во-вторых, Конвенция рекомендовала установление ответственности за вымогательство или принятие публичным должностным лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного

преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей.

Более того, в этой Конвенции названы признаки, указывающие на транснациональный характер совершенного преступления. Преступление носит транснациональный характер, если совершено:

- а) более чем в одном государстве;
- б) в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;
- в) в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве;
- г) в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве (ст. 1).

Учитывая эти признаки с полной уверенностью можно утверждать, что некоторые виды коррупционных преступлений имеют транснациональный характер. Например, к таковым относится легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК).

31 октября 2003 г. принята Конвенция ООН против коррупции (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г.)³¹⁷.

В этой Конвенции также формулировка определения «коррупция», но в ней содержится, равно как и в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, широкий перечень деяний, в отношении которых рекомендуется устанавливать уголовную ответственность в национальном законодательстве. В их числе в главе III («Криминализация и правоохранительная деятельность») названы 1) злоупотребление служебным положением, 2) незаконное обогащение, 3) хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества, находящегося в ведении публичного должностного лица в силу его служебного положения. В Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию эти преступления не упоминаются.

Одна из отличительных особенностей Конвенции ООН против коррупции состоит в том, что она предусматривает ответственность юридических лиц, ответственность которых может быть уголовной, гражданско-правовой и административной (ст. 26). Возложение такой ответственности не влияет на уголовную ответственность физических лиц, совершивших преступления. Действующее законодательство Беларуси не предусматривает уголовную ответственность для юридических лиц. В отношении их применяются, в соответствии со ст. 6.2. КоАП, такие меры административных взысканий как предупреждение, штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, конфискация и взыскание стоимости, при наличии специальных условий привлечения к административной ответственности (ст. 4.6. КоАП)³¹⁸, .

Международные конвенции стимулировали принятие Национальным собранием Республики Беларусь нового Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон 2006 г.)³¹⁹, в котором отражены законодательные решения, призванные обеспечить целенаправленную борьбу с коррупцией.

Законом 2006 г. создана правовая база для осуществления единой государственной политики противодействия коррупции, который исключил ряд противоречий и несогласованностей, имевших место в действующих актах законодательства, касающихся правовой оценки коррупционных правонарушений. Более четко определен перечень субъектов коррупции, в числе которых упомянуты должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов. Одним из направлений в деятельности правоохранительных органов являлось предупреждение коррупции и коррупционных преступлений. В связи с этим Закон 2006 г. содержал не только перечень коррупционных правонарушений, но и правонарушений, создающих условия для коррупции. С целью предупреждения коррупционных проявлений были предусмотрены нормы, устанавливающие ряд запретов, ограничений для должностных лиц. Также для должностных лиц государственных органов и организаций предусматривалась обязанность декларировать получаемые ими доходы и имущество.

Отличительной особенностью Закона 2006 г. являлось включение в формулировку понятия «коррупция» признака о противоправности получения имущества не только для самого субъекта коррупции, но и для третьего лица. Используемая в законе формулировка «имущество или другая выгода в виде услуги, покровительства, обещания преимущества» позволяла толковать ее расширительно, как выгоду имущественного и неимущественного характера, что полностью соответствовала рекомендациям Конвенции ООН против коррупции и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию.

Оценивая в целом Закон 2006 г. следует отметить результативность его нормативных положений, обеспечивших в течение десяти лет снижение уровня коррупции в стране. Об этом свидетельствует показатель Индекса восприятия коррупции, согласно которому Беларусь по итогам 2016 года заняла 79 позицию. Для сравнения иные страны ЕАЭС в рейтинге по показателю Индекса восприятия коррупции в этом же периоде занимали следующие позиции: Армения – 113, Россия и Казахстан – 131, Киргизия – 136. Ранее мы проанализировали представления о коррупции в Республике Беларусь и на международном уровне³²⁰.

Следует заметить, что показатель Индекса восприятия коррупции в Беларуси не связан с принятием нового Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон 2015 г.)³²¹, который однозначно внес ряд новаций в систему противодействия коррупции в Республике Беларусь. На некоторые из них мы обратим внимание далее.

В контексте нашей темы следует обратить внимание на соответствие Закона 2015 г. Европейской конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, а также Конвенции ООН против коррупции.

Анализ обеих конвенций позволяет сделать вывод о том, что:

во-первых, приоритетными являются меры предупреждения коррупции (подбор кадров при назначении на должность, прозрачность имущества и доходов должностных лиц, система мер их поощрения за честную и неподкупную служебную деятельность);

во-вторых, расширен перечень деяний, связанных с подкупом (обещание, предложение должностному лицу неправомерного преимущества, вымогательство должностным лицом такого преимущества и т.п.);

в-третьих, расширено понятие коррупции, посредством указания на виды коррупционных посягательств (Конвенция ООН против коррупции предусматривает не только активный или пассивный подкуп, а получение любой выгоды от злоупотребления своим положением).

В Законе 2015 г. предупреждению коррупции посвящены 11 статей, содержащихся в отдельной главе. Система принципов борьбы с коррупцией дополнена новым принципом «приоритета мер предупреждения коррупции». Это достаточно важный принцип в деятельности по противодействию коррупции, т.к. уровень развития коррупции напрямую зависит от мер предупреждения этого негативного явления, от которого полностью избавиться не может ни одно государство. В связи с этим в системе мер борьбы с коррупцией Закон 2015 г. дополнительно предусматривает: 1) применение процедур приема на работу, отбора, подготовки, продвижения по службе (работе) государственных должностных лиц в соответствии с принципами эффективности их деятельности и справедливости; 2) принятие кодексов этики (стандартов поведения) государственных служащих и иных государственных должностных лиц; 3) организацию антикоррупционного обучения государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования (ст. 5). Предусмотрены дополнительные основания для привлечения руководителей государственных органов и иных государственных организаций к дисциплинарной ответственности вплоть до освобождения от занимаемой должности (увольнения). В их числе законодатель назвал нарушение порядка приема лиц на государственную службу, выдачу характеристик на работников, содержащих заведомо недостоверную информацию.

С целью предупреждения коррупции в сфере экономических отношений на государственные органы и иные государственные организации возложена обязанность по соблюдению требований к порядку принятия отдельных решений, связанных с государственным имуществом, закупками, распределением квот и др. (ст. 15).

На государственных должностных лиц, а равно лиц, претендующих на занятие этих должностей, возложена обязанность по соблюдению ряда ограничений, перечисленных в ст.ст. 17 – 20 Закона 2015 г. Так, например,

запреты заниматься предпринимательской деятельностью, быть представителем третьих лиц по вопросам, связанным с деятельностью государственного органа, принимать участие лично или через иных лиц в управлении коммерческой организацией, иметь счета в иностранных банках, использовать во внеслужебных целях средства финансового, материально-технического и информационного обеспечения, другое имущество государственного органа и др. Обязательство государственного должностного лица, лица, претендующего на занятие этой должности, оформляется в письменной форме кадровой службой соответствующего государственного органа.

Законом 2015 г. определен порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов. С этой целью государственное должностное лицо обязано уведомить в письменной форме своего руководителя о возникновении конфликта интересов, а также заявить самоотвод от принятия решения, участия в принятии решения либо совершения других служебных действий (ст. 21).

Лицам, уволенным по дискредитирующим обстоятельствам, в течение пяти лет после такого увольнения, может быть отказано в назначении на должности, включенные в кадровые реестры Главы государства Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, областных исполнительных комитетов и Минского городского исполнительного комитета, районных исполнительных комитетов, городских исполнительных комитетов (городов областного подчинения), местных администраций районов в городах, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь.

Закон установил запрет на назначение (выплату) пенсии за выслугу лет государственным служащим, совершившим в период прохождения государственной службы тяжкое или особо тяжкое преступление против интересов службы либо тяжкое или особо тяжкое преступление, сопряженное с использованием должностным лицом своих служебных полномочий,

Особое внимание в законе уделено декларированию доходов и имущества должностных лиц государственных органов и организаций. При этом декларирование касается также доходов и имущества несовершеннолетних, а также лиц, ограниченных судом в дееспособности и признанных судом недееспособными, совместно проживающих и ведущих общее хозяйство с лицами, обязанными представлять декларацию о доходах и имуществе (ст. 28).

Ст. 36 Закона 2015 г. предусмотрено изъятие имущества (взыскание расходов), стоимость которого (размер которых) превышает доходы, полученные из законных источников. При этом необходимо, чтобы имело место превышение стоимости имущества и иных расходов над доходами, полученными из законных источников, составляющее не менее 25 процентов от доходов, полученных из законных источников.

В ст. 37 Закона 2015 г. содержится перечень коррупционных правонарушений, на основе которых определены коррупционные преступления и иные правонарушения, предусматривающие, как правило, административную ответственность. В числе коррупционных преступлений предусматривается 10 составов уголовно-наказуемых деяний. Среди них отсутствует рекомендуемый ст. 20 Конвенции ООН против коррупции состав о незаконном обогащении. Подобная ситуация наблюдается в уголовном законодательстве иных постсоветских республик и, в частности, в Казахстане и Российской Федерации, которыми игнорируется включение в уголовный закон 20 статьи этой Конвенции. По всей видимости, «в государственных органах имеются силы, противодействующие решению о принятии закона, предусматривающего ответственность за незаконное обогащение. При этом не является убедительным аргумент о невозможности принятия такой нормы, которая будет противоречить принципу презумпции невиновности. Но именно это и является якобы причиной невозможности включения в уголовный кодекс статьи о незаконном обогащении. По-нашему мнению, решение этой проблемы будет способствовать не только выявлению лиц, склонных к коррупционным правонарушениям, но и в целом более эффективному противодействию коррупции»³²².

Исходя из смысла Конвенции ООН против коррупции, любое преступление должностного лица публичного или в частном секторе, связанное с извлечением выгоды, рассматривается как коррупционное. Однако это не означает, что всякое злоупотребление служебными полномочиями так, как оно понимается по УК Республики Беларусь, будет считаться коррупционным. То же и в отношении служебного подлога. Поэтому здесь необходимы разъяснения и корректировки законодательства. Поскольку Закон 2015 г. следует признавать базовым, то в нем должны быть названы все правонарушения, в том числе и преступления, относящиеся к коррупционным. Однако в законе имплементированы лишь нормы Европейской конвенции, рассматривающей коррупцию как подкуп в широком смысле этого понятия. Конвенция ООН против коррупции относит к коррупционным преступлениям и хищения имущества путем злоупотребления служебными полномочиями, а также злоупотребление таковыми без признаков хищения. Включение в круг коррупционных вышеуказанных преступлений возможно лишь на основе расширительного толкования понятия коррупции, содержащегося в Законе 2015 г., что для целей уголовной ответственности не допустимо.

Во всяком случае, ответы на эти вопросы должны бы содержаться в ст. 21 Закона 2015 г., в котором приводится перечень коррупционных правонарушений.

Следует также отметить, что обе рассматриваемые Конвенции, которые предлагают использовать государствам-участникам, не категоричны в отношении уголовно-правовых санкций. В Европейской конвенции указано, что с учетом тяжести уголовных правонарушений, относящихся к коррупци-

онным, государства предусматривают эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции и меры, включая и наказание в виде лишения свободы для физических лиц. Кроме того, государства принимают такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы наделить себя правом конфисковать или иным образом изымать орудия совершения и доходы от уголовных коррупционных правонарушений или имущество, стоимость которого эквивалентна таким доходам (ст. 19). Таким образом, о приоритете лишения свободы в Конвенции ничего не говорится. В Конвенции ООН против коррупции содержится еще более пространное положение, согласно которому каждое государство-участник за совершение какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с данной Конвенцией, предусматривает применение таких уголовных санкций, которые учитывают степень опасности этого преступления. Но особое внимание обращается на возможность лишения на определенный срок лиц, осужденных за коррупционные преступления, права занимать публичную должность либо занимать должность в каком-либо предприятии, полностью или частично находящемся в собственности государства. В Конвенции сделан также акцент на необходимость принятия государствами мер для обеспечения возможности конфискации доходов от коррупционных преступлений и имущества, оборудования и других средств, использовавшихся или предназначавшихся для использования при совершении указанных преступлений.

Между тем белорусское законодательство отдает приоритет наказанию в виде лишения свободы при совершении наиболее типичного коррупционного преступления – получение взятки, устанавливая единственно возможную меру и весьма на длительные сроки (лишение свободы на срок до 7 лет за получение взятки без отягчающих обстоятельств, лишение свободы на срок от 6 до 10 и от 8 до 15 лет за совершение этого преступления при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах). Дополнительные наказания в виде конфискации имущества и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусмотрены как возможные.

Несколько иной подход у законодателя при формулировании санкций за хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями. За такое преступление, совершенное без отягчающих обстоятельств, предусмотрен весьма широкий диапазон наказаний (штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы). И лишь за хищение, совершенное в крупном, особо крупном размере либо организованной группой, предусматривается наказание только в виде лишения свободы.

Представляется, что санкции за хищение имущества и за получение взятки, совершенные должностным лицом не соразмерны. Так при хищении вред причиняется двум правоохраняемым объектам: собственности и

интересам службы, а при получении взятки – только интересам службы. Между тем, как уже указывалось, за получение взятки в крупном размере предусмотрено лишение свободы на срок от 6 до 10 лет, а за хищение имущества в крупном размере – лишение свободы на срок от 3 до 10 лет. Имеются и иные примеры подобной несбалансированности санкций.

Представляется, что на практике затруднительно вести целенаправленную борьбу с коррупционными преступлениями. Причинами тому являются, во-первых, неприятие еще правосознанием судей круга преступлений, относящихся к коррупционным, во-вторых, отсутствие в законодательстве определенных норм и положений.

Любое усиление борьбы с коррупцией законодателю видится, прежде всего, в расширении оснований для применения лишения свободы, в том числе связанные с увеличением их сроков. Такой подход нарушает в конечном итоге общий баланс уголовно-правовых санкций и соразмерную оценку характера и степени общественной опасности преступлений, посягающих и на другие не менее важные объекты.

Хотелось бы отметить и чрезвычайно значимую норму Закона 2015 г., определяющую принципы борьбы с коррупцией, такие как справедливость, равенство перед законом, гуманизм. Думается, что соблюдение и реализация этих принципов не предполагает общего жесткого подхода ко всем субъектам, допустившим коррупционные деяния. Кроме того, следует иметь в виду, что борьба с коррупцией – это не только правовая, но экономическая и социальная проблема. Закон 2015 г. приравнял к государственным должностным лицам как субъектам коррупции многих других лиц – работников, не относящихся по своему статусу ни к должностным лицам, ни к государственным служащим (врачей, учителей и др.). Соответственно это требует и определенных решений в части материального обеспечения указанных лиц. К сожалению, в Законе 2015 г. отсутствуют нормы, касающиеся экономических и социальных проблем, которые нередко стимулируют незаконные вознаграждения и, по сути, являются причинами существования коррупции в государстве.

Подводя итог вышеизложенному следует заметить, что:

во-первых, Законом 2015 г. восприняты многие положения, рекомендуемые международными Конвенциями;

во-вторых, правовое регулирование деятельности по борьбе с коррупцией находится в состоянии постоянного динамического развития;

в-третьих, потенциал возможных мер противодействия коррупции не исчерпан, что предполагает возможность дальнейшего совершенствования законодательства о борьбе с данным крайне негативным социальным явлением.

ГЛАВА 3 КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ И

**3.1. Учение о криминалистической характеристике преступления:
понятие и особенности научных подходов**

Понятие «криминалистическая характеристика преступлений» используется в криминалистической науке более полувека. Оно прочно укоренилось не только в системе криминалистической науки, но и в практической деятельности следователя.

Исследователи считают, что автором термина «криминалистическая характеристика преступлений» является А. Н. Колесниченко³²³. Но, как утверждает И. Ф. Крылов, впервые о криминалистической характеристике преступлений в 1927 году упомянул П. И. Люблинский, который считал, что ее схему предложили в Древнем Риме в виде семизначной формулы: кто, что, где, с чьей помощью, почему, каким образом, когда. Именно эту формулу П. И. Люблинский назвал криминалистической характеристикой уголовного дела³²⁴.

Несмотря на это, первое развернутое представление о данном понятии было предложено Л. А. Сергеевым в 1966 году³²⁵. В автореферате кандидатской диссертации Л. А. Сергеев рассмотрел содержание криминалистической характеристики преступлений. В числе элементов характеристики он назвал: 1) способы совершения преступления; 2) условия, в которых совершаются преступления, и особенности обстановки; 3) обстоятельства, связанные с непосредственными объектами преступных посягательств, субъектами и субъективной стороной преступления; 4) связи преступлений конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам; 5) взаимосвязи между указанными группами обстоятельств³²⁶.

В дальнейшем А. Н. Колесниченко выразил мнение, что «общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений» относится к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик³²⁷.

Идея А. Н. Колесниченко и Л. А. Сергеева была подхвачена многими учеными-криминалистами, которые внесли свой вклад в развитие учения о криминалистической характеристике преступления (далее – КХП).

Со времени первого упоминания о КХП написано огромное количество научных статей, учебно-методических и монографических работ, в которых тем или иным образом рассматривается это понятие. При этом одними учеными КХП представлена как «научно разработанная система сведений»³²⁸, другие считают, что под КХП следует понимать «систему данных»³²⁹, третьи видят в ней «совокупность признаков, комплекс данных»³³⁰ и т. д.

Разнообразие авторских подходов к пониманию КХП отразилось в учебной литературе. В разделе методика расследования отдельных видов преступлений каждого учебника и учебного пособия по криминалистике доминирует это понятие. Следует заметить, что авторы учебной литературы по-своему формулируют не только определение понятию «криминалистическая характеристика преступлений», но и имеют собственное представление о количестве и наименовании элементов ее наполняющих.

Так, например, в учебнике криминалистики под редакцией Н. П. Яблокова и В. Я. Колдина содержится отдельная глава, написанная Н. П. Яблоковым и посвященная КХП. В ней КХП представляет собой «систему описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления»³³¹. В последующих учебных работах, ответственным редактором которых являлся Н. П. Яблоков, эта позиция сохраняется³³². Криминалистически значимые признаки, на которые указывает Н. П. Яблоков, дают представление о преступлении, личности его субъекта и иных обстоятельствах, а также об определенной преступной деятельности. Они проявляются в особенностях способа, механизма, обстановки совершения преступления и способствуют успешному решению задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Кроме КХП, Н. П. Яблоков, выделяет новое понятие «криминалистическую характеристику расследования преступлений», которая «описывает не преступление, а особенности, ход, этапы и все своеобразие поисковой сущности расследования»³³³. Данное понятие принято не всеми учеными и не имеет широкого распространения.

В курсе лекций по криминалистике О. Я. Баев определяет КХП как систему «элементов отдельного вида преступлений, значимых для расследования конкретных преступлений этого вида, и взаимосвязей между этими элементами»³³⁴.

В учебнике криминалистики под редакцией И. Ф. Пантелеева и Н. А. Селиванова КХП представлена как «совокупность таких данных, которые способствуют раскрытию преступления»³³⁵. В дальнейшем эта формулировка была дополнена указанием на то, что данные, составляющие криминалистическую характеристику, «имеют криминалистическое значение»³³⁶.

И. А. Возгрин увидел в КХП «описание состояния и особенностей борьбы с различными категориями преступных действий»³³⁷, а Н. И. Хлюпин отметил, что КХП «научно разработанная система сведений о признаках и обстоятельствах определенного вида, группы преступлений»³³⁸.

В учебнике под редакцией Р. С. Белкина отсутствует развернутое определение понятию «криминалистическая характеристика преступления», но она рассматривается в качестве вероятностной модели события³³⁹.

В фундаментальной работе В. Ф. Ермоловича, посвященной КХП, она «представляет собой совокупность (комплекс) криминалистически значимых

сведений о группе (виде) преступлений»³⁴⁰. В дальнейшем В. Ф. Ермолович предложил более развернутую формулировку понятию: «Криминалистическая характеристика представляет собой систему криминалистически значимой информации об отдельных элементах преступления и связях между ними, разрабатываемую и используемую для повышения эффективности анализа оперативно-розыскных, следственных ситуаций, версионной работы, организации и планирования раскрытия и расследования преступлений, определения системы задач по уголовному делу, тактики проведения следственных действий, оперативно-розыскных, ревизионных и иных мероприятий, а также решения других, связанных с этим задач»³⁴¹.

В. Ф. Ермолович также отметил, что «криминалистическая характеристика преступлений является принадлежностью криминалистического аспекта учения о преступлении и представляет собой систему (комплекс) криминалистически значимых сведений о нем»³⁴². Возражая этому, Р. С. Белкин указал на наличие в КХП разноплановой, не всегда криминалистической информации³⁴³.

КХП позволяет, во-первых, иметь знания типичного свойства о проявлениях преступлений определенного вида, во-вторых, на основе этих знаний в ряде случаев можно определять направление следственной деятельности и прогнозировать совокупность действий, необходимых для выявления, пресечения, раскрытия, расследования и предупреждения конкретного преступления.

Некоторые ученые усмотрели связи уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик преступления. Так, например, А. Ф. Облаков считает, что «началом криминалистической характеристики является уголовно-правовое понятие состава преступления определенного вида, что еще раз доказывает тесную и неразрывную связь методики расследования преступлений с уголовным правом. Криминалистическая характеристика тесно связана с уголовно-правовой. Это обусловлено тем, что последствия, следы противоправного деяния нельзя отделить от юридической природы состава преступления. Они являются первичными и позволяют строить версии о преступном характере совершенного деяния, его квалификации и т. п. В свою очередь, о наличии определенных последствий, следов совершенного деяния можно судить исходя из его уголовно-правовой характеристики»³⁴⁴.

Такой подход не учитывает, что криминализация деяния, появление соответствующей статьи в УК и, следовательно, наличие уголовно-правового состава преступления, как бы подробно он ни был изложен, не влечен за собой появление криминалистической характеристики. И это будет до тех пор, пока практика расследования конкретного вида преступлений не накопит необходимый объем эмпирического материала.

Н. Г. Шурухнов, рассматривая КХП как «систему типичных данных о подготовке, способах совершения и сокрытия преступления»³⁴⁵, заметил,

что эта «система типичных данных и их корреляций должна быть результатом обобщения практики. Без этого криминалистическая характеристика останется нереализованной теоретической концепцией, не представляющей интереса для практики расследования»³⁴⁶.

Следовательно, состав преступления, разработка его уголовно-правовой характеристики не служат началом для криминалистической характеристики. КХП данного вида формируется на основе значительного по объему массива уголовных дел, наличие которого и следует рассматривать как возможное начало для ее разработки. В тоже время состав преступления дает представление о криминализированном деянии и определяет границы уголовно-правовой составляющей криминалистических характеристик.

Представляется верным утверждение, что следы противоправного деяния имеют отношение к юридической природе состава преступления. Но также верно, что в составе преступления ничего не говорится о его следах, которые проявляют свою значимость только с точки зрения криминалистики. Для уголовного права главным является определение противоправного деяния, которое подлежит криминализации. Например, в ч. 1 ст. 139 УК говорится об умышленном противоправном лишении жизни другого человека, без указания на возможные способы этого деяния. Да это и невозможно, т. к. на практике известно большое количество способов убийства, в результате которого остается множество различных следов, указывающих на способ противоправного деяния. Поэтому, уголовное право безразлично к следам, имеющим отношение к совершенному деянию. Следы применения огнестрельного или холодного оружия, обнаруженные в разных случаях на теле убитых, не влияют на квалификацию по ч. 1 ст. 139 УК. Следы преступления – это незыблемая прерогатива криминалистики. Только для этой науки и соответствующего направления практической деятельности они представляют интерес.

К. К. Горяинов указал на необходимость изучения преступности не только с криминалистических, но и криминологических позиций. Он сформулировал определение криминолого-криминалистической характеристики преступлений как «совокупности взаимосвязанных общих и особенных признаков уголовно-правовых деяний, проявляющихся в способах, механизме, обстановке и иных обстоятельствах их совершения, причинно-следственных связях с окружающей средой, особенностях личности преступников и потерпевших»³⁴⁷.

Идея о криминолого-криминалистической характеристике была подхвачена многими учеными, которые начали ее рассматривать применительно к различным видам преступных деяний³⁴⁸.

По нашему мнению такой подход не в полной мере отражает содержание криминалистической характеристики, т. к. в ней Р. С. Белкин выделил три информационных блока: уголовно-правовой, криминологический и криминалистический³⁴⁹. Представляется, что

сторонники криминологическо-криминалистической характеристики произвели искусственную привязку данных этих наук. Не исключается, что таким образом удовлетворяются их собственные научные притязания, без намерения решить теоретико-прикладную проблему.

Вне сомнения, данные о некоторых элементах преступной системы, с точки зрения криминологии, могут иметь отражение в КХП. Но они не занимают и не могут занимать ключевую позицию в пределах криминалистической категории. Они будут иметь значение в сочетании с криминалистической информацией. Например, криминологическое описание возраста и некоторых иных особенностей личности преступника само по себе не имеет криминалистического значения. Но значимость этих сведений меняется, если они дополнительно содержат информацию об отражаемых особенностях этого главного элемента преступной системы.

По-нашему мнению в КХП должна отражаться информация о тех элементах преступления, о которых говорится в его уголовно-правовом составе. В связи с этим, мы согласны с мнением С. А. Куемжиевой, которая видит в КХП «систему сведений о составных элементах преступления, которые имеют значение для расследования»³⁵⁰. В тоже время мы считаем необходимым уточнить данную формулировку указанием на «материальные элементы преступления».

Можно и дальше продолжать приводить примеры формулировок определения понятию «криминалистическая характеристика преступлений», но и тех, которые упомянуты, достаточно, чтобы видеть разнообразие авторских подходов.

Проблемным в учении о КХП является вопрос о их видах.

В. Ф. Ермолович различает уровни и виды КХП. На первом уровне расположена абстрактная КХП как научная категория.

На втором уровне рассматривается общая КХП. В качестве видов КХП этого уровня В. Ф. Ермолович называет общие родовую, видовую и групповую криминалистические характеристики преступления.

Третий уровень занимает частная криминалистическая характеристика отдельного компонента преступления (личности преступника, способа совершения преступления, сокрытия преступления, места происхождения и др.). Видами этого уровня являются частная родовая, видовая и групповая криминалистическая характеристика отдельного компонента преступления.

На четвертом уровне криминалистическая характеристика конкретного преступления.

На пятом уровне криминалистическая характеристика конкретного компонента преступления³⁵¹.

Анализируя предложенные В. Ф. Ермоловичем уровни и виды КХП следует заметить, что КХП как научная категория в принципе может быть представлена, но затруднительным является выделение элементов, общих для всех преступлений. Проблема в том, что все преступления отдельных видов и групп отличаются индивидуальностью. В теории криминалистики

имеются авторские формулировки КХП как научной категории, но указанные в ней элементы весьма спорны. Следует также отметить и на это уже было обращено внимание, что имеется очень большое количество различных определений, сформулированных понятию «криминалистическая характеристика преступлений».

Наибольшее единство во взглядах ученых проявляется при рассмотрении общих КХП. В научных работах часто рассматриваются общие, родовые, видовые и групповые КХП.

Отдельные элементы преступления (личности преступников, способы совершения преступления, сокрытия преступления, места происшествия и др.) реже подлежат самостоятельному описанию вне связи с общей характеристикой определенного вида преступлений. Но имеются примеры диссертационных исследований, посвященных характеристике отдельного элемента преступления³⁵². По нашему мнению описание отдельных элементов в системе преступления целесообразно в рамках характеристики отдельного вида или группы преступлений в сочетании с иными элементами преступной системы³⁵³. Описание отдельных элементов преступления, безотносительное к конкретному виду преступлений, не представляет ни теоретической, ни, тем более, практической значимости.

Криминалистическая характеристика конкретного преступления в принципе возможна. Но возникает несколько вопросов. Во-первых, кто будет составлять такую характеристику? Предполагается очевидный ответ: тот, кто проводил расследование уголовного дела, как правило, следователь. Но здесь возникает взаимосвязанный с таким ответом вопрос: зачем или с какой целью? Ответить на такой вопрос сложно, т.к. неизвестны примеры, когда бы следователь составил КХП после проведенного им расследования.

Следовательно, вести речь о КХП конкретного преступления представляется не рациональным.

По такой же схеме можно рассуждать, рассматривая предложение о составлении криминалистической характеристики конкретного компонента преступления.

Н. А. Селиванов, предложил два вида КХП: индивидуальную и типовую. Индивидуальная криминалистическая характеристика определяет конкретное преступление. Типовая КХП представлена Н. А. Селивановым, как совокупность типичных данных о преступлениях данного вида и связанных с ним обстоятельств³⁵⁴.

Классификация КХП, предложенная Н. А. Селивановым, нашла своих сторонников и противников. Спорным оказался вопрос об индивидуальных КХП. Поддерживая идею о необходимости существования индивидуальной КХП, А. А. Фокина говорит о ней следующее: «...конкретное преступление – единица совокупности, именуемой видом преступлений. Составить типологическую характеристику совокупности можно лишь в результате исследования входящих в нее единиц. Поэтому в каждой из них должны быть выделены элементы, учтены имеющиеся между ними связи, характер

взаимодействия с иными явлениями. Криминалистическая характеристика рода преступления – лишь результат анализа множества единичных преступлений»³⁵⁵.

Мы разделяем мнение ученых, отрицающих необходимость выделения криминалистических характеристик конкретного преступления. По этому поводу Р. С. Белкин заметил, что результатом познания единичного преступления является не его криминалистическая характеристика, а описание его обстоятельств. Далее им сделан вывод, что «нет, и не может быть, характеристики отдельного, конкретного преступления»³⁵⁶. Такого же мнения придерживается и С. Н. Чурилов. Он считает ошибочными все рассуждения о существовании криминалистической характеристики конкретного преступления³⁵⁷. Следует согласиться с тем, что результатом расследования (познания) преступления является не его криминалистическая характеристика (она также не является целью расследования), а установление всех его обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Достигается это посредством собирания доказательств, достаточных для изобличения виновного лица.

Типовая КХП, как ее вид, признается большинством ученых-криминалистов. Она понимается как совокупность сведений о наиболее устойчиво повторяющихся отдельных обстоятельствах совершения преступления, которые могут иметь поисковое значение в установлении лиц, совершивших аналогичные преступные деяния.

Следует заметить, что разработанные типовые КХП не являются чем-то раз и навсегда сформированным. Они требуют постоянной корректировки и совершенствования с учетом специфики и особенностей совершения преступлений в современных условиях. Но, как заметил В. Н. Исаенко, при достаточно распространенной практике разработки типовых КХП отдельных видов авторы соответствующих работ уходят от освещения практических возможностей использования содержащихся в них сведений³⁵⁸.

По мнению белорусских ученых «криминалистическая характеристика преступлений дает следователям информацию для обоснованного выдвижения версий; установления основных направлений предотвращения, раскрытия и расследования преступлений; прогнозирования данных о личности преступника и ряда других сложных вопросов по уголовным делам»³⁵⁹. Такая позиция представляется верной при соблюдении нескольких условий. Во-первых, в КХП содержится информация о типичных версиях, которые могут использоваться на первоначальном этапе расследования преступлений. Но дальнейшая их конкретизация происходит на основании имеющейся информации о совершенном преступлении. Для этих целей содержащиеся в КХП наиболее обобщенные сведения об элементах данного вида преступлений не всегда приемлемы. Во-вторых, для формирования версий используется информация, определяемая не типичной, а реальной следственной ситуацией, которая не охватывается КХП. В-третьих, прогнозировать данные о личности преступника можно только в случае, если

КХП содержит криминалистическую информацию о субъекте преступления. Чаще всего КХП различных преступлений содержат криминологические сведения о личности преступника, что фактически не способствует верному прогнозу.

Криминалистическая характеристика того или иного вида преступлений, будучи известной следователю, уже на начальном этапе расследования указывает, как обычно складывалась обстановка при совершении преступлений данного вида, какой способ его совершения чаще избирают преступники, где и какие остаются следы преступления и т. п. Тем самым она служит следователю своеобразным «инструментарием» для определения основных путей и средств доказывания, способствует определению пределов доказывания по уголовному делу³⁶⁰.

А. Н. Колесниченко и В. Е. Коновалова рассматривают КХП как основу для расследования конкретных преступлений³⁶¹. Данное утверждение вызывает сомнение, так как КХП является составной частью частной методики, на основе которой осуществляется процесс расследования. О КХП можно говорить как об одном из важных информационных источников для расследования.

Следовательно, «целевое назначение криминалистической характеристики состоит, прежде всего, в информационном обеспечении организации расследования и разработке научно обоснованной криминалистической методики»³⁶².

На «уголовно-правовое и процессуальное значение» КХП указал Н. И. Порубов³⁶³. Такая позиция обосновывается тем, что криминалистическая характеристика, во-первых, дает объективное представление о преступлении, а, во-вторых, включает элементы сходные с обстоятельствами предмета доказывания (способ подготовки и совершения преступления, непосредственный предмет криминального посягательства, личность субъекта преступления и др.).

Все это представляется верным, но только отчасти. Действительно, криминалистическая характеристика расширяет представление о преступлении, но об этом можно говорить в случае, если она содержит иную, дополнительную информацию, а не ту, которая уже отражена в уголовно-правовой характеристике. Нередко, разработчики КХП отражают в них именно уголовно-правовые сведения о преступлении, что не несет за собой ничего нового как для теории, так практической деятельности. КХП ориентирована на деятельность по расследованию уголовного дела, что, соответственно, способствует ее оптимизации и определяет практическую значимость.

И. А. Кузнецова и Н. Г. Шурухнов, оценивая значение КХП, представляют ее как идеальную основу для построения методики расследования. По их мнению «без криминалистической характеристики, в основе которой лежит знание о типичных особенностях преступлений

соответствующего вида, невозможно создание частной практически значимой методики расследования»³⁶⁴.

Данная позиция не выдерживает критики, если обратить внимание, что методики расследования формировались до появления научной категории «криминалистическая характеристика преступления». Причем такие методики, содержащиеся в учебной литературе, более подробно рассматривали особенности деятельности, рекомендуемой следователю. Например, в учебнике по криминалистике 1959 г., в котором КХП еще не упоминается, особенности расследования взяточничества рассматриваются на восьми страницах текста³⁶⁵, а в учебнике 1999 г. расследованию мошенничества вместе с криминалистической характеристикой этого преступления отведено всего лишь четыре страницы³⁶⁶.

Методики расследования, сформированные до появления в научном обороте КХП, служили хорошей теоретической основой для практической деятельности, в рамках которой успешно расследовались преступления различных видов, вне зависимости от их сложности. Нельзя считать, что КХП явилась панацеей, свершившей прорыв в деле борьбы с преступностью. Учитывая ее недостатки и малую практическую значимость, современные разработчики методических рекомендаций по расследованию преступлений, иногда не рассматривают КХП в качестве обязательного элемента методики следственной деятельности, на что мы обратим больше внимания в разделе 3.3.

Кроме практического значения ученые отводят КХП роль критерия оценки деятельности следователя. Как считает В. Н. Исаенко, «умение использовать в расследовании данные, составляющие КХП отдельных видов, стало рассматриваться в качестве одного из факторов, определяющих уровень служебной подготовки следователей»³⁶⁷. С таким мнением трудно согласиться, так как умение пользоваться КХП не может являться определяющим фактором при оценке качества работы следователя. Пояснить это можно и тем, что весьма затруднительно проявить умение работать с несовершенным «средством», которым является КХП.

Несмотря на различие во взглядах на понятие, содержание и виды КХП, ученые-криминалисты едины в понимании ее места в криминалистической методике. При этом подчеркивается, что важным общим положением, характеризующим современную методику, является разработка криминалистической характеристики данного вида или группы преступлений³⁶⁸.

Не вызывает сомнения, что результативность современной следственной деятельности во многом зависит от уровня развития (разработанности) криминалистической методики, которая служит для следователя рабочим инструментарием. Но в нынешнем виде криминалистическая методика является малоэффективной теоретической системой, а существующие частные методики расследования преступлений не достаточно эффективны.

3.2. Теоретико-прикладные проблемы криминалистической характеристики преступления

Учение о КХП, на основе которого до настоящего времени формируются методики расследования, прочно вошло в научный арсенал криминалистики и превратилось в «составную часть частных криминалистических методик»³⁶⁹. Вместе с тем, ученые и практики давно обратили внимание на ее абстрактность³⁷⁰.

Абстракция предполагает отвлечение от ряда свойств изучаемого предмета, объекта. Для научного исследования преступлений, а тем более для расследования конкретного преступления, необходимо осуществить выявление максимально большего числа элементов, составляющих его, связей между ними и т.д.

На несущественную значимость КХП для расследования, ее недостатки впервые указали Р. С. Белкин, И. Е. Быховский и А. В. Дулов, которые в научной статье отметили, что комплекс сведений, составляющих содержание криминалистической характеристики преступления, ничего нового для науки и практики не дает³⁷¹.

Многие ученые не обратили либо не пожелали обратить внимание на этот вывод. Они по-прежнему продолжают придерживаться учения о КХП в первоначальном его виде, ничего в нем не меняя. Мы ранее рассмотрели имеющиеся проблемы криминалистической характеристики преступления, выразили свое отношение к ней³⁷². В данной работе хотелось бы заметить, что мы не отрицаем все позитивное, что связано с КХП и ее значением для развития криминалистической науки. Считаем, что данная научная категория занимает достойное место в системе криминалистики, но некоторые ее положения требуют корректировки.

Несомненным наследием для будущих поколений криминалистов является одна из последних работ Р. С. Белкина под названием: «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики». В этой работе видный российский ученый указал на наличие в криминалистической науке «различных умозрительных конструкций и «открытий», которые не имеют ни теоретических, ни практических обоснований»³⁷³. Далее Р. С. Белкин указал на необходимость «серьезно разобраться с этими криминалистическими «фантамами», наносящими явный ущерб и науке, и практике борьбы с преступностью». В числе таких «фантомов» Р. С. Белкин назвал КХП, которая, «не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом»³⁷⁴.

Последователей учения о КХП Р. С. Белкин называет как «недостаточно компетентных или простодушных читателей»³⁷⁵.

Столь категоричное высказывание авторитетнейшего ученого о КХП имело обратный эффект. С одной стороны ученые активнее стали отстаивать данную научную категорию, высказывая аргументы в ее пользу. Но до сих

пор никто не смог объективно, научно грамотно возразить тому, на что указал Р. С. Белкин в своей работе.

С другой стороны имели место случаи использования высказываний Р. С. Белкина с целью критики криминалистической структуры преступления³⁷⁶. Они оказались не состоятельными и скоро прекратились.

Не учитывая категоричность высказывания Р. С. Белкина о КХП, все же следует признать ряд ее недостатков, проблем практического применения и необходимость совершенствования.

Одним из проблемных является вопрос о месте КХП в криминалистике. Н. П. Яблоков в учебнике по криминалистике³⁷⁷ в ее общетеоретической части рассматривает наиболее общие вопросы КХП: понятие КХП, ее элементы и их содержание. Аналогично и в некоторых других учебниках³⁷⁸. Такой подход указывает на придание особой значимости КХП как научной, так и практической категории криминалистики.

Более радикальные предложения о структуре системы криминалистики высказаны В. Ф. Ермоловичем. По его мнению, она должна состоять из пяти разделов: 1) введение в криминалистику, общая теория криминалистики; 2) криминалистическая характеристика преступлений; 3) криминалистическая техника; 4) криминалистическая тактика; 5) криминалистическая методика расследования преступлений.

«Криминалистическая характеристика преступлений в системе криминалистики, как считает В. Ф. Ермолович, сегодня может состоять из двух частей:

1) общие положения КХП (понятие, задачи, уровни и виды, подходы и способы построения, место в криминалистике и системе юридических наук, структура, теория компонентного состава криминалистической характеристики отдельных видов преступлений);

2) криминалистическая характеристика отдельных видов (групп, компонентов) преступлений»³⁷⁹.

По нашему мнению, учитывая отношение и тесную связь с криминалистической методикой, КХП следует рассматривать в данном разделе криминалистики. В этом случае вопросы о понятии, задачах, уровнях и видах, подходы и способы построения, место в криминалистике и системе юридических наук, структура, теория компонентного состава криминалистической характеристики отдельных видов преступлений следует освещать в общей части раздела криминалистическая методика. В частных методиках расследования как составном подразделе криминалистической методики содержатся КХП отдельных видов и групп преступлений.

До настоящего времени среди ученых-криминалистов нет единого мнения по вопросам соотношения КХП с рядом научных категорий как собственно криминалистики, так и иных наук. Не решенным остается вопрос о соотношении КХП со следственной ситуацией и версиями, а также не определена связь КХП с предметом доказывания.

Следственную ситуацию одни ученые предлагают рассматривать как составную часть криминалистической характеристики преступлений. Определяя основные компоненты КХП В. Д. Гавло в их качестве называет следственную ситуацию³⁸⁰. Другие ученые считают, что «информационное назначение КХП, как правило, с неполным или ориентирующим содержанием, должно входить во внутренне содержание понятия следственных ситуаций, играя также в нем роль информационной основы получения сведений о преступлении»³⁸¹. Такая позиция обосновывается тем, что КХП определяется как информационная модель и в данном аспекте она связана с другой информационной категорией, которой является следственная ситуация. Через определение следственной ситуации как «совокупности фактических данных, отражающих существенные черты события преступления»³⁸², предлагается понять в их содержании значение КХП³⁸³.

Предлагая такую точку зрения по вопросу соотношения криминалистической характеристики и следственной ситуации, А. А. Файзуллина не учитывает характер информационных составляющих этих понятий. КХП является научной абстракцией, а следственная ситуация имеет отношение к объективной действительности определенного этапа расследования. КХП являясь по своей сути описанием наиболее значимых элементов преступления, их свойств и признаков, может содержать и описание особенностей типичных следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования.

Не учитывается А. А. Файзуллиной и то обстоятельство, что следует различать следственную ситуацию по расследованию конкретного преступления и следственную ситуацию как научную криминалистическую категорию.

Индивидуальность предварительного расследования уголовного дела связана с множеством специфических объективных обстоятельств и условий, которые также связаны с личностью следователя, наличия у него навыка и опыта следственной деятельности, интеллекта, особенностей характера и т. п. Все это в совокупности влияет на конкретную следственную ситуацию предварительного расследования. Неповторимость следственной ситуации при расследовании уголовных дел даже одного вида не позволяет разработать стандартные криминалистические рекомендации, в противном случае можно говорить не о криминалистике, а, как верно заметил А. М. Ларин, о «паракриминалистике»³⁸⁴.

О криминалистической категории «следственная ситуация» следует говорить как об информационной модели типичной следственной ситуации. Информационный характер следственных ситуаций является главным их отличительным признаком, т. к. «отражает криминальные ситуации, образующие преступления»³⁸⁵. Типичные следственные ситуации «выступают своеобразными теоретическими моделями, которые позволяют правильно ориентироваться в сложившемся положении вещей в общем и

выбирать наиболее характерные для данного случая приемы и способы расследования»³⁸⁶.

В. Я. Колдин, подразумевая КХП в качестве типовой информационной модели, указал, что она может привлекаться для ситуационного анализа³⁸⁷. Эта позиция В. Я. Колдина не лишена рациональности, т.к. в ходе расследования следователю приходится оценивать имеющуюся информацию в сравнении с той, которая отражена в КХП.

«Следственные ситуации и КХП, как считает В.Ф. Ермолович, представляют собой самостоятельные криминалистические категории. Данные категории подвижные, динамичные. Они отличаются друг от друга по многим показателям. Ни одна из них не является частью другой. Они относятся к разным, хотя и взаимосвязанным явлениям и в первую очередь к преступлению и его расследованию»³⁸⁸.

Криминалистическая характеристика позволяет получить знания о типичном проявлении преступления, которое не всегда соответствует действительности конкретного преступного деяния. Вместе с тем эти знания могут служить основой для определения совокупности действий, необходимых для раскрытия и расследования преступления. Следственные ситуации также содержат сведения о преступлении, которые позволяют определить задачи расследования преступления. Это позволяет сделать вывод, что следственные ситуации, особенно типичного характера, играют аналогичную с КХП роль в раскрытии и расследовании преступления.

Криминалистическая характеристика, как уже было отмечено, представляет собой систему (комплекс) криминалистически значимой информации, своеобразную модель, передающую в обобщенном виде типичные признаки, свойства и черты преступления. Следственная ситуация, по сути, приобретает реальность с момента возбуждения уголовного дела.

Подмечено, что «криминалистическая характеристика существует независимо от этого события (имеется в виду конкретное преступление – А. Х.). Следственная ситуация передает состояние процесса расследования и представляет собой на каждый момент расследования преступления определенный срез этого процесса. Криминалистическая характеристика описывает типичное для единичного преступления исходя из общего»³⁸⁹.

Для любого конкретного вида преступлений имеется своя криминалистическая характеристика. Она не подменяет ту следственную ситуацию, которая складывается в связи с совершением конкретного преступления данного вида. Эта следственная ситуация не входит в содержание КХП в качестве одного из ее составляющих элементов. В совокупности КХП, как абстракция, и следственная ситуация, имеющая непосредственную связь с реально совершенным преступлением, выражают сумму криминалистически значимой информации о расследуемом деянии.

Связь КХП и следственной ситуации В. Ф. Ермолович видит следующим образом. По его мнению, «охватываемая КХП информация о

преступлении в конкретной следственной ситуации отыскивается частями поэтапно, на протяжении всего расследования, пока в ней имеется потребность. Каждая ее часть, познанная и рассмотренная применительно к конкретному моменту расследования, является информационным компонентом следственной ситуации. В этом состоит непосредственная связь криминалистической характеристики с информационным компонентом следственной ситуации. С остальными компонентами следственной ситуации криминалистическая характеристика также связана, но не прямо, а опосредованно. Они своеобразным образом «замыкаются» и работают на информационный компонент следственной ситуации»³⁹⁰.

Проанализировав различные взгляды на связь КХП и следственной ситуации, мы предлагаем следующее.

Во-первых, следует согласиться с мнением тех ученых (В.Ф. Ермолович и др.), которые считают, что КХП и следственные ситуации самостоятельные научные категории, которые не поглощают друг друга.

Во-вторых, следственные ситуации необходимо рассматривать как фактические обстоятельства, сложившиеся на этапе расследования в их взаимосвязи с деятельностью субъекта расследования.

В-третьих, ситуации, связанные с совершением преступления, предшествуют следственным ситуациям. Эти «фактические положения, возникающие в процессе совершения преступлений и их отражения вовне в виде следов-последствий» Н.П. Яблоков назвал «криминальными ситуациями»³⁹¹. Криминальные ситуации связаны с действиями преступника, которые отражаются в окружающей обстановке многообразием следов. Эти следы имеют криминалистическое значение и подлежат исследованию в процессе раскрытия и расследования преступлений. В некоторых случаях их изучение осуществляется в не процессуальном, т.е. доследственном порядке. Такое изучение могут проводить органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий они анализируют документы, собирают образцы, исследуют предметы, вещества и др. В результате действий органов, осуществляющих ОРД, ситуации, называемые Н. П. Яблоковым криминальными, претерпевают изменения. Не смотря на это, учитывая криминалистический характер следов, образуемых в процессе преступной деятельности, ситуации сложившиеся в доследственный период, следует называть криминалистическими. Следственные ситуации также имеют криминалистический характер, но они соотносятся с криминалистическими ситуациями как частное с общим. Такой подход позволит, в аспекте рассматриваемой нами проблемы, более четко представлять соотношение КХП и криминалистических ситуаций, к которым и относятся следственные ситуации.

В-четвертых, в процессе криминалистического описания преступления определенного вида, т. е. составления его криминалистической характеристики возможно и по нашему мнению необходимо описание

криминалистических ситуаций, складывающихся до момента начала следственной деятельности. Эти криминалистические ситуации должны иметь типичный характер. В связи с этим, КХП в качестве элемента своей структуры должна содержать описание типичной криминалистической ситуации.

Предмет доказывания и КХП имеют различие. Они отличаются целевой направленностью. По мнению В. Б. Шабанова и В. Ф. Ермоловича «предмет доказывания определяет конечную цель расследования преступления, а криминалистическая характеристика помогает найти конкретные пути и способы ее достижения. Предмет доказывания не является элементом криминалистической характеристики преступлений»³⁹².

Не столь категоричны в отрицании предмета доказывания в качестве элемента КХП иные исследователи данной проблемы. Например, А. Р. Белкин считает, что «содержание КХП охватывает все элементы предмета доказывания с теми их особенностями, которые присущи именно расследованию конкретной категории преступлений»³⁹³.

Для уяснения соотношения КХП и предмета доказывания необходимо рассмотреть их в развитии.

До появления в научном обиходе КХП структура частных методик расследования в качестве своего элемента содержала предмет доказывания. При этом говорилось о необходимости упоминания в частной методике некоторых сведений из области уголовного права, т. к. «уяснение сущности состава предполагаемого преступления позволит правильно определить предмет и пределы доказывания и наметить непосредственные задачи расследования»³⁹⁴.

Предмет доказывания до настоящего времени составляет примерно одинаковый перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию. Основой определения предмета доказывания является уголовно-процессуальный закон, а также нормы уголовного закона, определяющие конкретные составы преступления и уголовно-правовая характеристика преступления.

Для целей нашего исследования данный перечень со ссылкой на ст. 89 УПК необходимо привести полностью.

«1. При производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела подлежат доказыванию:

- 1) наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения);
- 2) виновность обвиняемого в совершении преступления;
- 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность обвиняемого);
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, подтверждающие, что имущество приобретено преступным путем или является доходом, полученным от использования этого имущества.

2. По уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, кроме того, подлежат установлению следующие обстоятельства:

- 1) возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения);
- 2) условия жизни и воспитания;
- 3) степень интеллектуального, волевого и психического развития;
- 4) наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников»³⁹⁵.

Очевидно, что предмет доказывания представляет собой совокупность реальных и значимых юридических фактов, определенных законом и требующих специальной процедуры доказывания правовыми средствами. Предмет доказывания (обстоятельства, подлежащие выяснению и доказыванию) – это сформированная законодателем цель, которая должна быть достигнута на этапах предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач, вытекающих не только из перечня обстоятельств, подлежащих выяснению и установлению, но уголовно-правовой характеристики преступления.

Представленный нормативный перечень этих обстоятельств образует типовой предмет доказывания абстрактного характера. В частных криминалистических методиках расследования предмет доказывания по конкретному виду уголовных дел обычно именовался обстоятельствами, подлежащими установлению в процессе следственной деятельности. Круг этих обстоятельств был шире типового предмета доказывания. Он включал такие обстоятельства, которые определялись уголовно-правовой характеристикой преступления.

С момента появления КХП ученые разделились в решении вопроса о месте обстоятельств, подлежащих установлению: следует ли в конкретной частной методике выделять эти обстоятельства в виде самостоятельного элемента методики или отражать их в КХП.

По мнению А. Р. Белкина при решении этого вопроса возможно «одно из двух: либо следует признать необходимость достаточно полной КХП – и тогда исключить перечень указанных обстоятельств из числа элементов конкретной частной методики, либо отказаться от характеристики – и тогда оставить перечень»³⁹⁶.

Реальность же такова, что при конструировании КХП не охватывается предмет доказывания (обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу). В тоже время, в КХП рассматриваются в качестве ее элементов, некоторые обстоятельства, имеющие отношение к предмету доказательства. В качестве таких элементов-обстоятельств рассматривают те, которые имеют непосредственное отношение к общественно опасному деянию: время, место, способ и другие обстоятельства его совершения. Это указывает на определенную объективно существующую связь между предметом доказывания и КХП. Имея аналогичные признаки соотношения теории доказательств и учения о преступлении, эта связь не позволяет

рассматривать предмет доказывания и КХП в отношении части и целого и тем более отношении тождества³⁹⁷.

Предмет доказывания категория нормативно-процессуальная, которую обязательно нужно учитывать. На ее основе определяются ключевые задачи расследования. Следовательно, она в той или иной форме должна найти свое место в частной методике расследования.

По нашему мнению, предмет доказывания (обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию) следует рассматривать в виде самостоятельного элемента частной методики расследования. Обосновывается это тем, что именно обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию, определяют перечень задач, которые подлежат решению в процессе раскрытия и расследования преступлений. Причем в перечне этих обстоятельств, кроме предусмотренных законом, находятся обстоятельства, характерные для конкретного случая расследования уголовного дела. КХП, отражая типичную специфику преступлений данного вида, не определяет задачи расследования конкретного преступления.

Построение криминалистических версий, а также использование типичных осуществляется, как правило, с момента обнаружения признаков преступления. При раскрытии и расследовании преступлений версии состоят в причинно-следственной связи с задачами расследования преступления и знаниями криминалистической характеристики, а также признаками преступления, которые отражены в следственной ситуации. Версии занимают промежуточное место между криминалистической характеристикой преступлений и следственной ситуацией.

Версии находятся в состоянии постоянной конкуренции между собой, которая приводит к исключению одних версий, усилению других и появлению новых. Процесс формирования версий и их проверки находится в постоянной динамике. Это обусловлено меняющейся следственной ситуацией, а также криминалистической характеристикой данного вида преступлений.

«Версии не передают отдельных свойств, признаков и черт преступления в определенной системе. Эти качества версий в криминалистической характеристике преступлений отсутствуют и позволяют проводить различного характера отличия с другими категориями, используемыми в криминалистике, теории уголовного процесса»³⁹⁸.

На основании изложенного можно сделать некоторые выводы теоретико-прикладного характера.

Во-первых, до настоящего времени отсутствует единообразный подход к пониманию структуры и содержания элементов КХП.

Во-вторых, учитывая разноплановые взгляды на категорию «криминалистическая характеристика преступлений», абстрактность этого понятия, представляется целесообразным, при разработке теоретической

части частной методики расследования преступлений, осуществить иной подход к познанию преступлений.

В-третьих, использование данных КХП целесообразно в сочетании с элементами материальной структуры преступлений, о которой речь пойдет в следующей главе.

3.3. Криминалистическая характеристика взяточничества: понятие, элементный состав и значение для формирования методики расследования

Методика раскрытия и расследования преступлений является одним из главных средств в арсенале следователя, находящегося на передовом крае борьбы с преступлениями. Отсутствие методики, а также ее недостаточная разработанность составляют проблему на этапе раскрытия и расследования преступлений.

По сложившейся традиции формирование современных частных методик раскрытия и расследования преступных деяний основывается на их информационных моделях, в качестве которых рассматривается КХП.

В современной учебной литературе в части посвященной методике расследования взяточничества отсутствует формулировка определения понятию «криминалистическая характеристика взяточничества». В равной степени это относится и к методикам расследования иных преступлений. По всей видимости, авторы методик расследования, содержащихся в учебной литературе, руководствуются общим определением понятию «криминалистическая характеристика преступления» как научной категории. Именно такой подход позволяет в общем определении понятия «криминалистическая характеристика преступления» заменить термин «преступление» словом, обозначающим конкретный вид преступного деяния. Иначе потребовалось бы в каждом конкретном случае рассмотрения преступлений определенного вида формулировать оригинальное определение их криминалистической характеристики, что, по нашему мнению, не является правильным и не имеет практической значимости. Наличие формулировок понятий криминалистических характеристик, определенного вида преступлений, оправдано в монографических и диссертационных исследованиях. Например, криминалистическую характеристику взяточничества «предлагается рассматривать как иерархическую, по степени криминалистической значимости, систему элементов, определяемых способом и механизмом его совершения, характером субъектов указанной деятельности, сферой и особенностями основной хозяйственной и административной деятельности, в которой задействованы вовлеченные лица»³⁹⁹.

Оригинальность предложенной Н. Н. Лашко формулировки понятию «криминалистическая характеристика взяточничества» состоит в указании на иерархичность системы элементов, образующих эту характеристику.

В качестве элементов криминалистической характеристики взяточничества Н. Н. Лашко называет способы и механизм совершения взяточничества, виды предметов взятки (в том числе источники их появления), основные особенности субъектов, виды действий, совершаемых за взятку, способы сокрытия средств переданных и полученных в виде взятки⁴⁰⁰.

Высказав мнение об иерархичности системы элементов, образующих криминалистическую характеристику взяточничества, Н. Н. Лашко не рассматривает субъекта преступления в качестве главного ее элемента. Анализ способов и механизма совершения взяточничества предшествует рассмотрению основных особенностей субъектов и видов их действий, совершаемых за взятку.

Субъект взяточничества (в равной степени взяткополучатель, взяткодатель или посредник во взяточничестве) является главным звеном преступной системы. В иерархии элементов криминалистической характеристики субъект взяточничества занимает центральное положение. Он же определяет выбор способа совершения преступного деяния и необходимые для этого средства.

Взяточничество ученые относят к группе должностных преступлений⁴⁰¹, что является верным по отношению к его подсистеме – получению взятки (ст. 430 УК). Это также будет верным, если в даче взятки или в посредничестве во взяточничестве участвуют должностные лица, но это не всегда происходит. Поэтому в законодательстве Республики Беларусь эта группа противоправных деяний именуется преступлениями против интересов службы (глава 35 УК). Вне зависимости от того как называется группа преступлений, к которой относится взяточничество, это не влияет на их основной отличительный признак, т. е. совершение преступного деяния должностным лицом.

Наличие этого общего признака позволило А. Л. Сергееву разработать методику расследования должностных преступлений, в сфере деятельности органов местного самоуправления⁴⁰². Ориентируясь на субъектный состав должностных преступлений, в том числе и взяточничества, А. Л. Сергеев разработал их криминалистическую характеристику. По его мнению криминалистическая характеристика должностных преступлений – это «система данных о взаимосвязанных между собой элементах в виде личности виновных, противоправных действий должностных лиц органов местного самоуправления, которые осуществляются посредством конкретных способов, следов реализации преступных намерений, используемых системно для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения данных противоправных деяний»⁴⁰³. В качестве элементов криминалистической характеристики должностных преступлений, совершаемых в сфере деятельности органов местного самоуправления, названы: 1) понятие должностного лица, как основа криминалистической характеристики; 2) цель, умысел и мотивы совершения должностного деяния;

3) законодательные и иные правовые нормы, определяющие полномочия и функции должностных лиц; 4) обстановка преступления, т. е. то место, где создаются условия для преступных действий должностных лиц; 5) особенности обстановки, влияющие на механизм и способы их совершения; 6) имущественный, физический и моральный вред⁴⁰⁴.

Фактически А. Л. Сергеев рассматривает общегрупповую криминалистическую характеристику должностных преступлений, совершаемых в сфере деятельности органов местного самоуправления.

В. Ф. Ермолович в своей монографии, посвященной КХП, также высказался о возможности разработки общегрупповой КХП. По мнению В. Ф. Ермоловича она «представляет собой совокупность (комплекс) криминалистически значимых сведений о группе (виде) преступлений»⁴⁰⁵.

О групповой криминалистической характеристике говорит Е. Н. Котов, рассматривая коррупционные преступления⁴⁰⁶. По его мнению «в зависимости от уровня сведений, содержащихся в ней, криминалистическая характеристика коррупционных преступлений может быть двух видов:

1) общая криминалистическая характеристика коррупционного преступления;

2) криминалистическая характеристика определенного вида (группы) коррупционных преступлений»⁴⁰⁷.

Общая криминалистическая характеристика коррупционного преступления должна содержать описание общей структуры преступного деяния, связей и отношений между элементами данной структуры на самом общем уровне. В не также включено описание общих закономерностей, определяющих раскрытие и расследование коррупционных преступлений. Знание структуры коррупционного деяния и его внутренних связей позволяет, познавая один элемент системы преступления, определить и некоторые другие элементы, и, в конечном счете, раскрыть преступление.

«Криминалистическая характеристика определенного вида (группы) коррупционных преступлений, по мнению Е. Н. Котова, – это описание общих черт, присущих всем коррупционным деяниям, имеющим значение для раскрытия и расследования коррупционных преступлений. Ее назначение – служить теоретической базой для разработки общих положений и методов раскрытия и расследования коррупционных преступлений, обусловленных объективными свойствами самого преступления»⁴⁰⁸.

Представленных формулировок определений данных понятий («криминалистическая характеристика преступлений» и «криминалистическая характеристика взяточничества») достаточно, чтобы видеть разнообразие авторских подходов к их конструированию. Рассмотрим некоторые их особенности, акцентируя внимание на криминалистической характеристике взяточничества.

Во-первых, сущность КХП раскрывается по-разному. В одном случае КХП – это «значимые признаки», в другом – «данные», «сведения», в

третьем – «элементы». В качестве «данных» представлена информация о элементах криминалистической характеристики взяточничества

Во-вторых, большинство авторов в КХП видят системное образование. Аналогично и криминалистическая характеристика взяточничества представлена как «система данных о элементах». Но также имеется мнение, что КХП – «совокупность данных». Рассматривая КХП как систему, следует иметь в виду, что ее элементы должны образовывать определенную целостность и находиться в отношениях и связях друг с другом. В действительности множество элементов, образующих КХП, не имеет четкой количественной определенности, а связи между ними не всегда усматриваются. Аналогично складывается и криминалистическая характеристика взяточничества. Это позволяет согласиться с утверждением В. Ф. Ермоловича, что КХП – это «совокупность (комплекс) криминалистически значимых сведений»⁴⁰⁹. Усмотреть связь между элементами криминалистической характеристики взяточничества практически невозможно. Объясняется это наиболее общим характером содержащихся в ней сведений.

В-третьих, по-разному понимается сфера реализации данных (сведений) криминалистической характеристики. Речь идет в отдельности, как о «раскрытии преступлений»⁴¹⁰, так и о «расследовании преступлений»⁴¹¹. Но расследование преступлений не всегда связано с их раскрытием, т. к. в практике встречаются преступления, которые только расследуются при условии наличия исходной информации о лице, совершившем преступление. В тоже время в ходе расследования осуществляется, как отметил Р. С. Белкин, процессуальная деятельность, направленная на выяснение всех обстоятельств совершения преступления, виновных в нем лиц, а, в конечном счете, на раскрытие преступления⁴¹². Это позволяет понимать раскрытие преступления в широком смысле, как деятельность, направленную на установление всех обстоятельств предмета доказывания, которое позволяет завершить предварительное расследование. В узком смысле «раскрытие преступления – это получение разноплановой информации (ориентирующей, доказательственной) в объеме, позволяющем выдвинуть версию о совершении преступления определенным лицом, в ситуации, когда все контрверсии проверены и опровергнуты»⁴¹³.

Учитывая специфику взяточничества, обосновано говорить об использовании сведений его криминалистической характеристики на этапе выявления преступления, т. е. в период, до возбуждения уголовного дела. Речь идет о ситуациях, когда органы, осуществляющие ОРД, производят задержание взяточника с поличным. Предоставленные следователю материалы ОРД служат основанием для возбуждения уголовного дела. На это указал А. Л. Сергеев, рассматривая КХП должностных преступлений. По его мнению, данные КХП подлежат использованию «системно для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения данных противоправных деяний»⁴¹⁴.

В-четвертых, не все ученые указывают на необходимость наличия в содержании КХП только криминалистически значимых элементов. Мы согласны с мнением С. Н. Чурилова, который заметил, что криминалистическую науку, интересуют объекты, участвующие в акте отражения преступления, а также результаты этого отражения, т. е. то, что «составляет информационную основу для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений определенного вида»⁴¹⁵. Элементы криминалистической характеристики не должны дублировать уголовно-правовую, криминологическую и иную характеристику преступления. Видовая КХП тем «содержательней и ценней для следственной деятельности, если в ней больше и детальней представлены элементы, имеющие криминалистическое значение»⁴¹⁶. Но нередко среди элементов криминалистической характеристики упоминаются сведения, не имеющие отношения к криминалистике. Например, в учебнике под редакцией И. Ф. Пантелеева и Н. А. Селиванова упомянуты сведения о наиболее распространенных мотивах и целях совершения преступлений. Здесь же подчеркивается, что они не являются элементами уголовно-правовой и криминологической характеристик. В тоже время, признавая мотив и цель элементами уголовно-правовой характеристики преступлений, авторы учебника считают, что для большинства умышленных преступлений мотив и цель не являются необходимыми элементами субъективной стороны преступления. Следовательно, в таком случае мотив и цель должны быть отнесены к КХП. Но здесь не акцентировано внимание авторов рассматриваемого учебника на то, что мотив и цель не обязательные элементы уголовно-правовой характеристики отдельных *составов* (курсив наш – А. Х.) преступлений. Также во всех преступлениях, совершаемых по неосторожности, такие элементы отсутствуют. В системе же любого умышленного преступления имеются такие элементы как мотив и цель, тесно связанные между собой. Это значит, что их следует рассматривать как элементы уголовно-правовой характеристики. Обосновывая свою позицию, авторы учебника приводят неудачный пример о совершении поджогов с целью сокрытия хищений материальных ценностей в организации. Но здесь надо говорить не о мотиве или цели совершения преступления, а о его способе. Поджог в данном случае не имеет самостоятельного мотива и цели, он является способом сокрытия первичного преступления, которым является хищение, т. е. поджог выступает элементом в системе способа совершения хищения.

Современные исследователи не избежали указанных ошибок. В качестве элементов криминалистической характеристики взяточничества (иных должностных преступлений) по-прежнему называют «цель, умысел и мотивы»⁴¹⁷ совершения деяния. Трактовка целей и мотивов деяния, особенно в сочетании с рассмотрением умысла виновного, не содержит ничего нового, как только то, что имеет отношение к уголовному праву. Тем не менее, это не послужило препятствием для диссертационного рассмотрения

мотивационно-смысловой сферы личности преступника в аспекте ее криминалистической характеристики⁴¹⁸.

В-пятых, КХП ученые рассматривают в качестве информационной⁴¹⁹ или вероятностной модели⁴²⁰. При этом КХП, как считают авторы учебника под редакцией Р. С. Белкина, играет роль своеобразной матрицы: она «накладывается» на конкретный случай и позволяет построить его вероятностную модель. Именно в этом видится ее практическая значимость⁴²¹. Но как использовать в практической деятельности такую матрицу авторы учебника не говорят. По-нашему мнению рассматривать криминалистическую характеристику взяточничества в качестве матрицы не представляется возможным по следующим причинам.

Первая причина объективна. Она обусловлена тем, что «вследствие своеобразия процесса отражения и действия принципа индивидуальности отмеченная система не может быть неизменной и жесткой»⁴²². Это представляется верным, как в отношении частной методики расследования, так и ее составной части – КХП. Разработав ту или иную методику расследования, ученые не всегда утруждают себя внесением в нее коррективы в связи с изменившимися условиями совершения преступлений определенного вида. Это же касается частной методики расследования взяточничества. Внесение изменений требуется, в первую очередь, в части криминалистической характеристики взяточничества, которая является наиболее динамичной.

Вторая причина имеет субъективный характер. Это значит, что криминалистические характеристики одного и того же вида преступлений представляются учеными по-разному. Не является исключением криминалистическая характеристика взяточничества.

Например, в учебнике под редакцией Р. С. Белкина рассматривается родовая криминалистическая характеристика должностных преступлений, в рамках которых подлежит описанию взяточничество. В ней выделены следующие общие элементы: субъекты преступлений; предмет преступления; объективная сторона действий должностного лица; мотивы преступления. Авторы учебника осуществили «привязку» элементов криминалистической характеристики к элементам состава преступления. Отмечено, что «определив объекты и объективную сторону рассмотренных выше преступлений (должностных преступлений – А. Х.), мы тем самым определили не только основные элементы предмета доказывания, но и элементы криминалистической характеристики этих преступлений»⁴²³.

В курсе криминалистики под редакцией О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова криминалистическая характеристика взяточничества представлена следующими элементами: субъекты взяточничества; физическая деятельность субъектов взяточничества; способ совершения взяточничества; место и время совершения взяточничества; предмет взятки; психическая деятельность субъектов взяточничества; обстановка совершения взяточничества⁴²⁴.

В учебнике под редакцией В. Д. Грабовского и А. Ф. Лубина, в разделе, посвященном расследованию взяточничества и коррупции, криминалистическая характеристика содержит сведения о субъектах взяточничества и коррупции, современных тенденциях и особенностях передачи предмета взятки⁴²⁵.

На основе рассмотрения различных мнений о криминалистической характеристике взяточничества закономерна постановка вопроса: какую из перечисленных криминалистических характеристик следует использовать в качестве матрицы при расследовании взяточничества? По всей видимости, ответ на него зависит от мнения и авторитетности ученых, разработавших КХП определенного вида преступлений.

Третья причина имеет отношение к свойствам матрицы. В качестве матрицы нельзя использовать то, что «носит не достоверный, а вероятностный характер»⁴²⁶. И это утверждение, касающееся КХП, следует признать верным. Получается, что криминалистическая характеристика взяточничества в силу ее неопределенности не может быть матрицей. Если представить обратное, что КХП является матрицей, то она фактически преобразуется в криминалистический метод матрицирования, что, по всей видимости, вызовет возражения и научный спор.

Впервые матрицирование как метод расследования предложен А. В. Дуловым. Применительно к расследованию должностных преступлений А. В. Дулов под матрицей понимал «установленную в ходе следствия совокупность фактов, характеристик, закономерностей, общих требований, регулирующих деятельность учреждения, должностного лица, требований к изделию, к производственному или иному процессу. Матрица сопоставляется с изучаемым объектом, дает возможность выявить отклоняющиеся или отсутствующие элементы либо элементы, не предусмотренные типовой схемой (матрицей)»⁴²⁷. Матрица также понимается как «отражение (схема) должной структуры и порядка какого-либо процесса или объекта»⁴²⁸.

Исследователи различают два вида криминалистических матриц: материальные и идеальные. Для примера материальных матриц Д. Ю. Симинягин называет слепки со следов ног на сыпучей поверхности. В качестве идеальных матриц он же рассматривает «нематериальные объективно существующие информационные комплексы, описывающие различные явления»⁴²⁹.

Мнение Д. Ю. Симинягина позволяет любое описание считать матрицей, что не является верным, так как не всякое описание в идеале отражает предмет или явление. Такой подход позволил П. П. Ивахову и Д. В. Лапикову в качестве матриц назвать уголовно-правовой и уголовно-процессуальный законы, криминалистические знания, описание криминалистической структуры преступления и ее отдельных элементов, описание среды, в которой паразитирует преступление и отражения в ней структуры преступления⁴³⁰.

Вопрос об отнесении уголовно-правового и уголовно-процессуального законов к разновидностям матрицы не однозначный. С уверенностью можно отметить, что эти законы определяют сферу и границы деятельности уполномоченных лиц. Вместе с тем имеется мнение, что именно эти акты составляют нормативную матрицу в различных сферах деятельности. Например, применительно к судебной-экспертной деятельности, как считают А. В. Дулов и А. Е. Гучок, метод криминалистического матрицирования позволяет «создать нормативную матрицу, т. е. модель процессуального и материального закона»⁴³¹. По мнению названных авторов понятия «матрица» и «модель» аналогичны. По нашему мнению эти понятия имеют существенное различие. Общим для них является то, что они результат действий человека. Но если созданная модель позволяет познать неизвестный (либо известный) предмет в его отсутствие в момент исследования, то матрица представляет собой идеальную форму, с которой сравнивается исследуемый предмет (явление). Представленное различие между понятиями «модель» и «матрица» позволяет не согласиться с мнением о матричной предназначенности упомянутых законов.

Не является матрицей и система криминалистических знаний, которая не имеет императивный характер, а только лишь рекомендательный. Это же касается и КХП, представляющей собой совокупность не только криминалистических знаний, но и иных знаний, заимствованных из других научных областей (уголовное право, криминология и др.).

Анализируя криминалистическую характеристику взяточничества нельзя не обратить внимания на ее структуру и содержание. В связи с этим необходимо отметить существенное различие во взглядах ученых-криминалистов на структурный состав общей КХП. Так, например, О. Я. Баев в криминалистической характеристике выделил восемь элементов (данные о механизме следообразования, способах совершения преступлений, о личности преступников, мотиве, месте и времени совершения преступлений, о виктимологических особенностях потерпевших), но при этом ученый оставил открытым список возможных элементов структуры⁴³². В. А. Гамза упоминает семнадцать элементов⁴³³, а С. Н. Коновалов в ходе исследования выделил девятнадцать элементов в КХП⁴³⁴.

Рассматривая элементы КХП, ученые проявляют единообразие в отношении отдельных их видов. В качестве общих элементов характеристики ученые называют способ совершения преступления; предмет преступного посягательства; обстановку совершения преступления; механизм следообразования; сведения о личности преступника и потерпевшего. Но перечислением только этих элементов криминалистической характеристики не ограничивается авторский подход в их выделении и рассмотрении. К КХП относят элементы, не имеющие криминалистического значения. Например, в качестве элементов КХП рассматривают «способ дачи заведомо ложных показаний»⁴³⁵, «материальный ущерб»⁴³⁶. Знание способов дачи заведомо ложных показаний способствует определению тактики производства

допроса, что должно рассматриваться в прикладной части методики расследования. Установление размера причиненного деянием материального ущерба является задачей следователя. Знание о материальном ущербе позволяет правильно квалифицировать совершенное деяние.

Выше изложенное позволяет сделать вывод о том, что не существует единого подхода к определению структурных элементов КХП и их количества.

Отсутствует единый взгляд и на структуру криминалистической характеристики взяточничества. Ранее мы уже обратили внимание на ее конструктивные особенности, рассматриваемые в учебной литературе⁴³⁷. Свою специфику имеет криминалистическая характеристика взяточничества в частной методике расследования данного вида преступлений, адресуемой практическим работникам. Например, в пособии для следователей и оперативных работников правоохранительных органов криминалистическая характеристика взяточничества содержит сведения о следующих элементах: субъекте взяточничества; взаимоотношении, сложившемся между участниками взяточничества; о мотиве и цели взяточничества; способах совершения взяточничества и предмете взятки⁴³⁸.

Ориентируясь на мнение Е. Н. Котова, рассмотревшего элементы структуры криминалистической характеристики коррупционных преступлений, криминалистическая характеристика взяточничества может быть представлена следующими данными: о криминалистически значимых признаках, характеризующих должностных и иных лиц, участвующих в совершении взяточничества и факторах, влияющих на формирование их личности; о механизме совершения взяточничества (способах подготовки, совершения и сокрытия, типичных следах их применения); о типичных факторах, детерминирующих выбор способов и условий подготовки, совершения и сокрытия преступления; мотивов и целей деяния; о типичных условиях криминальной ситуации (месте, времени и иных условиях); о наиболее вероятных свидетелях; о характере и размерах причиненного вреда⁴³⁹.

Перечисленные элементы в основном традиционны при криминалистическом описании взяточничества. Исключение составляет рассмотрение взаимоотношений, сложившихся между участниками взяточничества. Авторы указанного пособия считают, что «во взаимоотношениях между взяткополучателем и посредником особого внимания заслуживает вопрос о времени их знакомства, что может свидетельствовать о начале преступной деятельности. Установление обстоятельств, характеризующих знакомство взяткополучателя и посредника, может привести к раскрытию другого преступления»⁴⁴⁰. Считаем, что изучение взаимоотношений между субъектами взяточничества является важным направлением следственной деятельности, ориентированной на познание взаимосвязей между субъектами взяточничества. Но выделять взаимоотношения участников взяточничества в

самостоятельный характеризуемый элемент не целесообразно. Сведения о взаимосвязях при совершении взяточничества соотносимы с таким элементом криминалистической характеристики как личность преступника. В пределах ее описания следует анализировать возможные взаимосвязи с иными элементами преступной структуры, в том числе и с иными «участниками взяточничества».

В частной методике расследования взяточничества отсутствует информация о том, как должны быть использованы те или иные сведения об элементах криминалистической характеристики в практической деятельности. В целом не указывается на значение криминалистической характеристики взяточничества для его расследования. Такая ситуация приводит к независимому положению криминалистической характеристики в рамках соответствующей методики расследования и, как следствие, ее исключение из системы методических рекомендаций по расследованию. На это можно обратить внимание, ознакомившись с некоторыми практическими разработками, адресуемыми следователям. Например, в методических рекомендациях по расследованию преступлений, связанных с получением взятки (ст. 430 УК)⁴⁴¹, отсутствует раздел, рассматривающий КХП. Эти методические рекомендации содержат четыре части. В первой части рассматривается уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 430 УК. Фактически дан правовой анализ основным элементам состава преступления: объекту и объективной стороне преступления, субъекту и субъективной стороне преступления. Здесь проведено разграничение взяточничества и провокации, а также инсценировки взятки.

Во второй и третьей частях методических рекомендаций рассматриваются обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании взяточничества, особенности возбуждения уголовного дела, типичные следственные ситуации и алгоритм действий следователя при производстве предварительного расследования.

Четвертая часть содержит методические рекомендации по производству отдельных процессуальных и следственных действий.

Проанализировав рассматриваемые методические рекомендации можно сделать вывод, что отсутствие в них криминалистической характеристики взяточничества является следствием признания ее малозначительности. Например, вызывает сомнение практическая значимость для расследования, содержащаяся в КХП информация о статусном положении взяткополучателей: должностные лица, не являющиеся руководителями (налоговые инспекторы, инспекторы госстраха, преподаватели средних и высших учебных заведений и т.д.); руководители структурных подразделений организаций, предприятий и учреждений; руководители организаций, предприятий и учреждений; заместители руководителей организаций, предприятий и учреждений; государственные служащие и т. д.⁴⁴².

По нашему мнению разработка методических рекомендаций для практических работников должна осуществляться с привлечением ученых. Такой подход к решению вопроса обеспечит взаимовыгодное обогащение знаниями, как практических работников, так и ученых.

В тоже время, ученые указывают на значимость КХП, которая позволяет на первоначальном этапе расследования преступления «выдвинуть и верно формулировать версии»⁴⁴³ в отношении не известных обстоятельств, при отсутствии либо минимальном количестве исходной информации. Такое возможно при наличии связей между отдельными элементами КХП.

Другие ученые указывают на возможность выдвижения обоснованных версий при наличии устойчивых корреляционных связей между отдельными элементами КХП⁴⁴⁴. При этом обращается внимание на закономерный характер связей между ее элементами.

Корреляция – это особый вид связей. В словаре С. И. Ожегова термин «корреляция» понимается как «взаимная связь, соотношение»⁴⁴⁵. В специальной литературе «корреляционная связь» представлена как связь, где воздействие отдельных факторов проявляется как тенденция (в среднем) при массовом наблюдении фактических данных. В корреляционной связи отсутствует полное соответствие между факторными и результативными признаками, в отличие от функциональной связи, где такое соответствие наблюдается. Примером корреляционной связи может быть зависимость между размерами активов банка и суммой его прибыли⁴⁴⁶.

Установить корреляционные связи между элементами КХП затруднительно. Единственным ученым, который исследовал корреляционные связи, и объявил об их установлении между элементами криминалистической характеристики убийств, является Л. Г. Видонов. В последующем репрезентативность его исследования была подвергнута критике А. М. Лариным⁴⁴⁷.

Р. С. Белкин по этому поводу заметил, что никто не последовал примеру Л. Г. Видонова и не исследовал корреляционные зависимости между элементами КХП. Проще описывать элементы характеристики, нежели заниматься трудоемким процессом выявления корреляционных связей между ними⁴⁴⁸.

О. Я. Баев не упоминает корреляционные зависимости между элементами криминалистической характеристики отдельного вида преступлений, но указывает на наличие взаимосвязи между ними. Он выделяет два их типа: однозначные и статистические взаимосвязи.

Установление взаимосвязей первого типа не вызывает затруднений, так как они очевидны и не вызывают сомнений. В качестве примера О. Я. Баев в своей работе указал на следующее: если совершенное убийство было сопряжено с изнасилованием, то, однозначно, что преступником (или одним из исполнителей) был мужчина. Это обеспечивает принятие решения о направлении поиска преступника на первоначальном этапе расследования. Вместе с тем, О. Я. Баев считает, что большинство взаимосвязей между

элементами криминалистической характеристики являются статистическими. Их выявить можно в результате научных исследований, проведенных на основании специально разработанной анкеты в отношении определенного минимально допустимого количества расследованных уголовных дел⁴⁴⁹.

А. А. Бессонов отрицает необходимость выделять связи в качестве самостоятельного элемента КХП. Если она является системой, то наличие связей составляющих ее элементов и так очевидно⁴⁵⁰. Мнение А. А. Бессонова верно частично. Если говорить о системном образовании, то связи между его составляющими безусловны. Но является ли криминалистическая характеристика системой сведений о преступлении? Вопрос на который не все ученые отвечают положительно.

Д. Д. Каплун, рассматривая значимость КХП как основы для построения информационных моделей события преступления и возможных преступников, отводит для нее роль элемента криминалистического прогнозирования⁴⁵¹. В целом соглашаясь с данным суждением, следует заметить, что, во-первых, КХП, являясь типовой информационной моделью преступления, служит основой для построения вероятностной модели события преступления и, во-вторых, может быть использована для краткосрочного прогноза практического характера. Например, для прогноза поведения взяточника при производстве допроса, возможного противодействия с его стороны и т. д.

С. Г. Павликов отметил, что практическое значение КХП заключается в том, что ее изучение позволяет правильно «диагностировать следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном и последующем этапах расследования»⁴⁵². По-нашему мнению, типичные следственные ситуации в состав криминалистической характеристики взяточничества включать не следует по следующим причинам. Во-первых, следственная ситуация самостоятельная криминалистическая категория. Во-вторых, она в большей степени относится к организации расследования и в меньшей – к механизму преступления.

При рассмотрении криминалистической характеристики взяточничества важным является вопрос о ее уровне либо видах. Это обусловлено тем, что понятие «взяточничество» охватывает собой три самостоятельных, но взаимосвязанных уголовно-правовых состава: получение взятки (ст. 430 УК), дача взятки (ст. 431 УК) и посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК).

В учении о КХП вопрос о их видах является проблемным. Н. А. Селиванов, предложил два вида КХП: индивидуальную и типовую. Индивидуальная криминалистическая характеристика, определяет конкретное преступление. Типовая КХП представлена Н. А. Селивановым, как совокупность типичных данных о преступлениях данного вида и связанных с ним обстоятельств⁴⁵³.

Классификация КХП, предложенная Н. А. Селивановым, нашла своих сторонников и противников. Спорным оказался вопрос об индивидуальных КХП. Поддерживая идею о необходимости существования индивидуальной

КХП, А. А. Фокина говорит следующее: «Составить типологическую характеристику совокупности можно лишь в результате исследования входящих в нее единиц. Поэтому в каждой из них должны быть выделены элементы, учтены имеющиеся между ними связи, характер взаимодействия с иными явлениями»⁴⁵⁴.

Мы разделяем мнение ученых, отрицающих необходимость выделения криминалистических характеристик конкретного преступления, в том числе и взяточничества. Поэтому поводу Р. С. Белкин заметил, что результатом познания единичного преступления является не его криминалистическая характеристика, а описание его обстоятельств. Далее им сделан вывод, что «нет, и не может быть, характеристики отдельного, конкретного преступления»⁴⁵⁵. Такого же мнения придерживается С. Н. Чурилов. Он считает ошибочными все рассуждения о существовании криминалистической характеристики конкретного преступления⁴⁵⁶. Результатом познания преступления является не его криминалистическая характеристика (она также не является целью расследования), а установление всех его обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Достигается это посредством собирания доказательств, достаточных для изобличения виновного лица.

Типовая КХП, как ее вид, признается большинством ученых-криминалистов. Она понимается как совокупность сведений о наиболее устойчиво повторяющихся отдельных обстоятельствах совершения преступления, которые могут иметь поисковое значение в установлении лиц, совершивших аналогичные преступные деяния.

Следует заметить, что разработанные типовые КХП не являются чем-то раз и навсегда сформированным. Они требуют постоянной корректировки и совершенствования с учетом специфики и особенностей совершения преступлений в современных условиях. Но, как заметил В. Н. Исаенко, при достаточно распространенной практике разработки типовых КХП отдельных видов авторы соответствующих работ уходят от освещения практических возможностей использования содержащихся в них сведений⁴⁵⁷.

Другие ученые выделяют еще большее количество уровней КХП. Например, Г. А. Густов различает общую криминалистическую характеристику, криминалистическую характеристику вида (группы) преступлений и криминалистическую характеристику отдельного преступления⁴⁵⁸.

Особенности взяточничества, наличие общих признаков, характерных для преступлений, входящих в эту группу позволяют говорить о единой, общей криминалистической характеристике. Фактически она формируется в результате обобщения данных, содержащихся в видовых характеристиках получения взятки, дачи взятки и посредничества во взяточничестве.

Несмотря на различие во взглядах на понятие и содержание криминалистической характеристики взяточничества, ученые-криминалисты едины в понимании ее места в криминалистической методике.

Не вызывает сомнений, что результативность современной следственной деятельности во многом зависит от уровня разработанности криминалистической методики, которая служит для следователя рабочим инструментарием. Но в нынешнем виде методика расследования взяточничества является малоэффективной теоретической системой.

Главную причину проблем, связанных с частными методиками расследования, А. С. Шаталов видит в невозможности использования субъектами расследования полезной информации, содержащейся в методических рекомендациях⁴⁵⁹. По-нашему мнению, не менее важной причиной возникших проблем реализации методики расследования является КХП.

Частные криминалистические методики имеют традиционное построение и содержат две основные части, в которых отражаются теоретические и практические основы процесса раскрытия и расследования преступлений. В качестве теоретической основы этого процесса выступает КХП. Практические основы процесса расследования образуют систему определенных рекомендаций, оптимизирующих деятельность при производстве конкретных следственных действий.

Учение о КХП, на основе которого до настоящего времени формируются методики расследования, прочно вошло в научный арсенал криминалистики и превратилось в теоретическую часть частных криминалистических методик. Вместе с тем, ученые и практики давно обратили внимание на ее абстрактность⁴⁶⁰.

В связи с этим мнение ученых разделилось. Одни усомнились в значимости КХП как научной, так и практической категории⁴⁶¹, другие наоборот – предлагают совершенствовать КХП⁴⁶², а третьи предлагают заменить КХП другими терминами⁴⁶³.

Некоторые ученые вообще не обратили либо не пожелали обратить внимание на вывод, сделанный Р. С. Белкиным⁴⁶⁴. Они настойчиво отстаивают учение о КХП с учетом всех проблем, которые не имеют разрешения.

Мнение Р. С. Белкина о КХП как абстрактном понятии, а также понимание низкого уровня ее практической значимости определило необходимость осуществления познания преступлений на иной информационной основе. В качестве такой основы было предложено рассматривать материальные элементы криминалистической структуры преступления⁴⁶⁵, а в рассматриваемом нами случае – взяточничества.

ГЛАВА 4 МАТЕРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕЕ ЭЛЕМЕНТОВ

4.1. Материальная структура преступления и ее место в частной методике расследования

Понимание преступления как системного образования предполагает выявление в нем материальных объектов, взаимосвязанных между собой в структуру. По этому поводу А. В. Дулов заметил: «Надо найти такую совокупность материальных объектов, которая обязательно имеется в системе, характерна для такого явления, как преступление, познание которой обеспечит полное выявление всех обстоятельств преступления»⁴⁶⁶. С этой целью применяется метод криминалистического анализа¹.

А. В. Дулов рассматривая существующие разновидности метода криминалистического анализа, применяемого при исследовании преступления, первым упоминает структурный анализ⁴⁶⁷.

Структурный анализ преступления представляет собой исследование, направленное на выявление всей совокупности материальных элементов, образующих преступление. Основанием выделения элементов материальной структуры может служить их свойство к образованию (восприятию) следов различной природы, как на самих структурных элементах преступления, так и в окружающей их обстановке. Благодаря этим следам представляется возможным познать оставившие их объекты⁴⁶⁸.

Исследуя преступление, как считает А. В. Дулов, необходимо выявить совокупность взаимосвязанных между собой материальных элементов, которые обязательно имеются в наличии при совершении преступления. Данные элементы образуют криминалистическую структуру преступления⁴⁶⁹.

В качестве общих элементов, характерных для многих преступлений, А. В. Дулов называет:

- субъект (лицо, совершившее преступление);
- объект (предмет, лицо, на которое направлено преступное воздействие);
- орудие преступления⁴⁷⁰.

Соглашаясь с мнением А. В. Дулова о необходимости выявления в преступлении совокупности материальных элементов и целесообразности использования в этих целях метода криминалистического анализа, мы хотели бы обратить внимание, что эти действия возможны не только на этапе научного познания преступления как объекта криминалистического исследования, но и на этапе следственной деятельности.

Криминалистическое исследование преступления с целью выявления его материальных элементов не обязательно должно основываться на эмпирической базе, т. е. определенном массиве раскрытых и расследованных уголовных дел. Конечно, эмпирическая база позволяет более объективно исследовать и представить преступление в криминалистическом аспекте, но такое исследование возможно, как мы считаем, с момента криминализации общественно опасных деяний, т. е. появления в УК нормы, предусматривающей уголовную ответственность за деяние, признаваемое преступным.

Для наиболее полного представления возможности

¹ Более подробно этот метод мы рассмотрим в § 4.2.

криминалистического исследования преступления на этом этапе и выявления составляющих его материальных элементов необходимо рассмотреть предшествующие этому действия. Они имеют отношение к упомянутой ранее криминализации общественно опасных деяний.

Под криминализацией деяний мы понимаем признание законодателем определенных сформировавшихся в обществе отношений общественно опасными и установление уголовной ответственности за деяния, связанные с ними. Именно признание законодателем деяния опасным играет ключевую роль в решении вопроса об установлении уголовной ответственности за его совершение. При этом не имеет значения, для кого криминализируемое деяние представляет опасность. В ряде случаев деянию объективно может быть не характерна опасность, но когда им затрагивается интерес государства, то это выступает обязательным условием его криминализации. Такой взгляд не соответствует представлению оснований для криминализации деяний, под которыми Л. М. Прокументов понимает «появление общественно опасного деяния с достаточно высокой степенью общественной опасности (появление новых общественных отношений – объекта посягательства), а также повышение степени общественной опасности деяния»⁴⁷¹.

Следует заметить, что Л. М. Прокументов также считает, что общественная опасность деяния «появляется» не всегда, она устанавливается и признается в различных условиях развития государства и общества. В качестве примера можно вспомнить криминализацию деяния, названного в советский период «спекуляцией». В постсоветский период и в настоящее время это уже не уголовно-наказуемое деяние, а разновидность предпринимательской деятельности. Очевидно, что одно деяние в разных условиях общественного развития воспринимается по-разному на законодательном уровне: в одном случае признается опасным для общества и государства, а в другом, наоборот, оценивается как общественно-полезная деятельность, стимулируемая и поощряемая государством. В последнем случае предпринимательская деятельность не противоречит интересам государства, которое, более того, извлекает из нее выгоду в виде занятости населения и уплачиваемых в бюджет налогов. Для идеологии советского государства изначально была неприемлема предпринимательская деятельность, по своей сути частнособственническая, допускавшая наемный труд, что повлекло за собой признание ее общественно опасной и уголовно-наказуемой.

Результатом криминализации деяния является принятие законодательным органом государства нормы права, предусматривающей уголовную ответственность за совершение этого деяния.

Вновь принятая уголовно-правовая норма имеет свою структуру⁴⁷², в которой один или несколько элементов отражают состав запрещенного деяния⁴⁷³. Именно состав преступления служит отправной точкой в момент квалификации деяния, совершенного в реальности. Это достаточно важное

обстоятельство при решении вопроса об ответственности виновного лица за инкриминируемое ему деяние.

Состав преступления, используемый для квалификации деяния, представляет собой научную, нормативно не закрепленную категорию уголовного права.

Первое представление о материальной структуре преступления формируется на основе его уголовно-правового состава, который сам по себе имеет абстрактный характер и таковым сохраняет свое состояние вне зависимости от каких-либо обстоятельств. На основе анализа состава преступления возможно построение модели его материальной структуры, которая также будет абстрактной. Данная модель является наиболее общей и содержит определенное количество структурных элементов, которые возможно выделить с учетом конструкции состава данного преступления. В дальнейшем, при совершении преступлений данного вида, количество структурных элементов может, как совпадать, так и отличаться от общей модели в большую или меньшую сторону. В момент совершения преступного деяния в реальную взаимосвязь вступают конкретные материальные составляющие преступной структуры. Говорить об их абстрактности уже не приходится. Абстрактная модель преступного деяния превращается в материальную основу, позволяющую его познание в процессе расследования.

Описывая криминалистическую (материальную) структуру преступлений, А. Е. Гучок⁴⁷⁴ рассматривает в ней только материальные объекты, к которым относит:

- субъект, совершающий преступление;
- объект преступного посягательства;
- средство совершения преступления;
- предмет преступного посягательства;
- предмет преступления⁴⁷⁵.

Выделенная А. Е. Гучком совокупность материальных элементов является наиболее общей, которую следует рассматривать как типовую криминалистическую (материальную) структуру преступления, которая является результатом научного обобщения, а составляющие ее элементы представлены в оптимальном, максимально исчерпывающем количестве.

Для структуры преступлений любого вида или группы, в том числе и взяточничества, характерно наличие определенного количества материальных элементов, которые выделены в типовой структуре преступления, но их количество и сочетание различаются. Эта особенность позволяет говорить о типичной структуре каждой разновидности преступных деяний.

Структура конкретного преступления определенного вида может отличаться от типичной структуры. Количество элементов одного вида не является постоянной величиной и меняется в зависимости от особенностей совершаемого преступления. Также и количественный показатель

определенного элемента структуры преступления не постоянен. Субъектов посягательства может быть несколько, а в ряде случаев величина этого структурного элемента характеризуется множественностью, например, преступление совершено организованной преступной группой, состав которой исчисляется несколькими десятками и более человек. Объектов посягательства также может быть несколько, например, преступление совершено в отношении нескольких человек. Более того, объекты могут различаться по своей природе. Одновременно это может быть и человек и организация. Количественный показатель предмета преступного посягательства и средства совершения преступления также может меняться при совершении некоторых деяний.

Криминалистический анализ структуры преступления не ограничивается выделением ее элементов. Целью дальнейшего изучения является познание их признаков, специфических свойств, приведших к преступному деянию, а также особенностей отражаемой в пространстве следовой картины.

Познание преступления, основанное на данных о его типовой и типичной криминалистической структуре, позволяет в ходе расследования установить материальные элементы структуры конкретного преступного деяния.

На первоначальном этапе они могут быть не в полном объеме представлены необходимой для расследования информацией. Изучение взаимосвязей, закономерно существующих между элементами криминалистической (материальной) структуры преступления, позволяет выявлять недостающую информацию об отдельных элементах и, тем самым, решать уголовно-процессуальные задачи по установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

Таким образом, для формирования сведений о типичной криминалистической (материальной) структуре (построение соответствующей информационной модели) отдельного вида или группы преступлений, а затем использования их в процессе раскрытия и расследования конкретного криминального события, необходимы знания о его уголовно-правовом составе. Только при условии правильного представления о структуре преступлений определенного вида или группы, ее материальных элементах и связях между ними, можно разработать эффективные методы, приемы и средства ретроспективного познания расследуемого события, прогнозирования и пресечения продолжаемой преступной деятельности.

Учение о материальной структуре преступления⁴⁷⁶ представляет собой новый концептуальный подход к его криминалистическому познанию. В равной степени и КХП является определенным способом понимания, трактовки преступления. Она также рассматривается учеными как концепция.

Каждая из упомянутых концепций (учение о КХП и учение о материальной структуре преступления), следует заметить, имеет право на

существование. Но, в тоже время, они требуют развития и совершенствования в сочетании друг с другом.

Проводя сравнение между двумя упомянутыми информационными моделями (криминалистическая характеристика и криминалистическая (материальная) структура) преступления, следует отметить следующее.

Во-первых, КХП является абстрактным понятием, а для криминалистической структуры, учитывая ее материальную сущность, – это не свойственно.

Во-вторых, элементы КХП, как считают многие ученые, имеют корреляционные связи и зависимости, но и это, с учетом выше изложенного, не всегда возможно установить. Связи между материальными элементами преступления имеют функциональный характер.

В-третьих, сведения об элементах КХП реализуются в практической деятельности как ориентирующая информация. Информация об одних материальных элементах преступления, полученная в ходе расследования преступления, создают основу для познания других, неизвестных или менее известных структурных элементах.

В-четвертых, не все элементы КХП, в отличие от элементов его материальной структуры, имеют криминалистическую значимость. КХП составляют сведения о криминалистических, уголовно-правовых и криминологических элементах.

В-пятых, выделение и познание материальных элементов структуры преступления определяют целевую направленность практической деятельности и обеспечивают достижение значимых результатов при расследовании преступлений. Такой взгляд наиболее полно раскрывает гносеологическую составляющую «материальной структуры преступления» как криминалистической категории. Только при условии обеспечения практической результативности «такой научный подход к использованию криминалистической категории имеет право на существование»⁴⁷⁷.

Исследуя понятия «криминалистическая характеристика» и «криминалистическая структура» ученые здесь видят проблему соотношения таких философских категорий, как «форма» и «содержание»⁴⁷⁸. Имея общее представление о содержании, форма предлагается учеными разная: характеристика или структура. Представляется более верным с точки зрения предлагаемого подхода рассматривать структуру преступления в качестве его формы. Для характеристики это не приемлемо, т. к. она раскрывает содержание элементов образующих форму. Так, один и тот же элемент, например, средство совершения преступления, образующий (составляющий) форму многих преступлений может иметь различную характеристику, раскрывающую его содержание. Мы считаем верным утверждение, что «можно говорить о криминалистической структуре преступления в целом и криминалистической характеристике какого-либо ее элемента (например, личность преступника, потерпевшего и т. д.) в частности»⁴⁷⁹. Это позволяет

при анализе преступления рассматривать его материальную структуру и криминалистическую характеристику в неразрывном единстве.

Объединение рассмотренных учений позволяет охватить комплекс разноплановых криминалистических взглядов на преступление, не только соединить их между собой, но и образовать на этой основе взаимосвязанную систему, по сути, представляющую собой новую криминалистическую концепцию⁴⁸⁰. Такая концепция позволит определить стратегию противодействия преступной деятельности и тактику действий при расследовании ее конкретных проявлений.

Стратегию противодействия преступной деятельности можно представить в виде общего, не детализированного плана. Он рассчитан на длительный период выявления и раскрытия преступной деятельности, определенной категории социума, для которой такая деятельность является жизнеобеспечивающей. Разработка стратегии, в этом случае, необходима, чтобы опережать преступность в не прекращающейся борьбе с нею и указывать на возможные способы ее ликвидации либо максимального ограничения.

Тактическая составляющая предлагаемой концепции является не только инструментарием реализации стратегической цели, но, главным образом, она призвана обеспечивать решение промежуточных тактических задач, непременно возникающих в период расследования конкретных уголовных дел. По сути тактика ориентирована на обеспечение результативной, малозатратной следственной деятельности.

Мы считаем, что знания о данных информационных моделях (криминалистическая характеристика и материальная структура преступления) в равной степени должны быть использованы при формировании частных методик расследования преступлений и, в частности, преступлений коррупционной направленности. Следует заметить, что ученые указывают на имеющиеся проблемы методик расследования коррупционных преступлений⁴⁸¹ и отмечают необходимость их совершенствования⁴⁸².

Проанализируем вначале общие материальные элементы структуры преступлений. Детальному рассмотрению материальной структуры взяточничества посвящены другие разделы данной работы².

Как уже было отмечено, в структуре преступлений можно выделить такие материальные составляющие как субъект, объект, предмет и средства преступного посягательства. Для некоторых преступлений характерно наличие и такого элемента как предмет преступления. Материальный характер этих элементов является их общим признаком, отличающим от одноименных элементов состава преступления.

Основополагающим элементом материальной структуры любого преступного деяния является человек, рассматриваемый в качестве субъекта совершения преступления.

² См. параграф 4.3, 4.4, 4.5.

Криминалистический аспект в познании личности субъекта совершения преступления определяется основным назначением данной науки и предполагает изучение широкого диапазона ее свойств. С позиции криминалистики субъект совершения преступления представляет интерес как элемент его структуры, участвующий во всех материальных процессах, связанных с образованием различных следов преступления. При этом субъект является не только следообразующим, но и следовоспринимающим элементом материальной структуры преступления, который объединен, имеет взаимную связь с иными материальными элементами.

При исследовании субъекта существенное значение имеют его свойства. Они подразделяются на несколько классов: параметрические, физические, химические, биологические, психические, психологические и социальные. Каждый из этих классов составляет основу для множества других производных свойств. Например, производными психологических свойств являются деятельностьно-психологические, социально-психологические, рефлексивно-психологические и духовные свойства человека.

Параметрические свойства отражают информацию о размерах человеческого тела и его частей. Они изучаются как анатомические свойства человека. При совершении преступлений проявляются в виде информации о росте человека, размере его ноги, длине кисти руки и др.

Физические свойства (качества) характеризуют механические возможности человеческого тела. В следах совершенного преступления отражаются такие качества человеческого организма как быстрота, сила, выносливость, ловкость и др. Например, совершая карманную кражу, преступник демонстрирует незаурядную ловкость рук. При ходьбе, беге возникают не только традиционные следы ног, но и следы локомоционных движений, содержащих информацию об определенных свойствах человека⁴⁸³.

Химические свойства отражают информацию о составе веществ, образующих человеческий организм, его ткани, органы и системы. На месте совершения преступления эта информация содержится в следах крови, слюны, мочи, спермы, потожирового вещества и др.

Биологические свойства характеризуют особенности жизни организмов, их телесную (соматическую) организацию человека.

Психические свойства относятся к характеристике нервно-психической деятельности как процесса отражения человеком внешних воздействий на его организм через органы чувств (сенсорную организацию). Они обнаруживают себя в реакциях организма на эти воздействия и в психических образах объектов взаимодействия.

Психологические свойства характеризуют телесно-психические возможности человека как субъекта рефлексивной, предметно-практической и совместной деятельности людей. Они обнаруживают себя в суждениях, продуктах деятельности, поступках, поведении, знаково-символических формах информационной коммуникации и человеческих отношениях. В

процессе преступной деятельности человек проявляет для окружающих качества своих действий, поступков, поведения.

Социальные свойства характеризуют положение человека в общественных связях и отношениях. Они включают в себя коммуникативные и правовые свойства субъекта общественного взаимодействия. Коммуникативные свойства обеспечивают контактность человека в любом социальном взаимодействии. Правовые свойства наиболее часто проявляются как результат противоправной деятельности субъекта, наделенного определенными полномочиями в системе совместной жизнедеятельности. Эти полномочия закреплены как функциональные обязанности субъектов социального взаимодействия, что имеет отражение в соответствующих нормах. Их невыполнение граничит с нарушением уголовно-правовых норм, что и приводит к ответственности.

Для каждого конкретного преступления не требуется в полном объеме информация о всех свойствах личности субъекта совершения преступления. Для некоторых преступлений свойства субъекта могут быть конкретизированы, с учетом необходимости выявления наиболее существенных. Например, Г. А. Шумак, рассматривая должностные преступления, выделил наиболее важные признаки, характеризующие субъекта:

- осуществление преступной деятельности в ходе выполнения своих профессиональных функций;

- наличие специальных знаний или профессионального опыта;

- возможность оказания противодействия выявлению и раскрытию хищения на основе знания системы защиты объекта и ее недостатков⁴⁸⁴.

Для большинства коррупционных преступлений, в том числе и взяточничества, субъект совершения преступления характеризуется признаками должностного лица³.

Объект преступного посягательства рассматривается в криминалистике как комплексное понятие, отличающееся от соответствующего уголовно-правового элемента состава преступления.

Объект как элемент криминалистической (материальной) структуры преступления можно представить в виде материальной совокупности или системного образования, на которые оказывается непосредственное воздействие, одна или несколько составляющих их частей могут определять целевую направленность преступного деяния. Необходимо иметь в виду, что сам по себе объект как единое целое так же может являться целью преступной деятельности. Это происходит в тех случаях, когда умысел виновного ограничивается причинением объекту посягательства вреда. Например, ст. 218 УК предусматривает ответственность за умышленное уничтожение либо повреждение имущества. Это имущество, например, автомобиль, дом, иное строение и др., является объектом посягательства,

³ Субъект совершения взяточничества рассматривается в параграфе 2.3.

совершаемого с целью причинения вреда в виде их уничтожения или повреждения.

Объект преступного посягательства может быть простым и сложным, единым и множественным, многоуровневым. Особенности объекта определяют специфику деятельности субъекта и механизм преступления, что, в итоге, сказывается на его следовой картине, следах-отражениях, той первооснове, на которой базируется вся криминалистическая деятельность⁴⁸⁵.

Объектами преступного посягательства являются человек (в единственном числе или группа людей), имущество (движимое и недвижимое), компьютерные и иные электронные системы, денежные средства, ценные бумаги, транспортные средства, предприятия и учреждения, фирмы, государственные органы. Действия в отношении объекта могут быть связаны как с причинением ему вреда, так и без такового.

Рассматривая человека в качестве объекта преступного посягательства, следует исходить из того, что «именно человек (общество) является главным элементом в системе государства и права... Человек, его права, свободы, гарантии их реализации провозглашаются высшей ценностью общества и государства. Это значит, что все общественные и государственные институты должны быть организованы и осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы максимально полно оберегать, сохранять, ценить законные права и интересы каждого человека. Это высшая ценность, т. е. главный критерий оценки любых ситуаций, требующих принятия решений в деятельности государственных органов, негосударственных организаций и в жизни людей»⁴⁸⁶. В результате преступных действий на человека оказывается определенное непосредственное воздействие. К таким деяниям относятся, в частности, насильственные преступления.

Большое разнообразие отличительных особенностей имеет такой объект преступного посягательства как имущество. Оно охватывает собой множество различных вещей, находящихся в собственности физических и юридических лиц.

Компьютерные и иные электронные системы являются объектом преступного посягательства с момента появления в УК главы 31 «Преступления против информационной безопасности».

Транспортные средства как объекты посягательства редко встречаются среди норм УК. Наиболее типичным примером транспортного средства как объекта посягательства является неправомерное завладение и поездка на нем без цели хищения, т. е. угон (ст. 214 УК).

Предприятия, учреждения и фирмы являются объектом преступного посягательства многих преступлений, относящихся к различным разделам УК, но в первую очередь это преступления против порядка осуществления экономической деятельности.

Применительно к должностным хищениям понятие объекта, отмечает Г. А. Шумак, весьма синтетично. К нему относится звено хозяйственного

механизма, в рамках которого развивается преступление. Чаще всего это определенное предприятие, учреждение, организация. В ряде случаев объект рассматривается несколько уже – конкретный производственный участок, цех, магазин, склад. Иногда объект хищения может охватывать совокупность предприятий, учреждений, организаций, связанных общей хозяйственной деятельностью⁴⁸⁷.

Государственные органы как объекты преступного посягательства можно выделить в некоторых составах преступлений. При этом следует иметь в виду, что совершаемым преступлением нарушаются интересы именно государственного органа. Например, объектом посягательства в ст. 231 УК «Уклонение от уплаты таможенных платежей» является таможенный орган.

Определенной спецификой отличаются объекты преступного посягательства при совершении взяточничества и иных коррупционных преступлений⁴.

С точки зрения криминалистического учения о материальной структуре преступления предметом преступного посягательства следует считать материальный элемент деяния, который всегда определяет целевую направленность в деятельности субъекта посягательства. Действия в отношении данного элемента структуры преступления не сопряжены с причинением ему вреда. Цель преступника – завладеть этим предметом и, в дальнейшем, незаконно распорядиться по своему усмотрению.

Объект и предмет преступного посягательства в ряде случаев могут соотноситься как общее и частное⁴⁸⁸. Это характерно для тех преступлений, где предмет посягательства выступает в качестве элемента материальной системы, которая в структуре преступления является объектом посягательства. Например, при совершении квартирной кражи, помещение, в котором она совершена, рассматривается как объект преступного посягательства, а всё похищенное из помещения – предмет преступного посягательства. Другой пример: в криминалистической структуре разбойного нападения потерпевший является объектом посягательства, а отнятые у него деньги (золотые украшения) – предметом посягательства. Эти примеры указывают на целевую направленность совершенных преступных деяний.

Предметом преступного посягательства может являться практически любой материальный объект, представляющий преступный интерес. Для примера можно назвать следующие предметы посягательства: жилые помещения (дома, квартиры, коттеджи), денежные средства и иные ценности, транспортные средства, предметы и вещества, запрещенные в гражданском обороте (оружие, наркотические средства, отравляющие вещества) и т. д.

Предметом посягательства может являться и то, что характеризуется как нематериальное. В первую очередь в качестве такого предмета следует назвать информацию. Хотя, по-нашему мнению, информация, имея

⁴ Объект преступного посягательства при взяточничестве рассматривается в § 4.4.

материальную основу своего происхождения, сама по себе является материальной. Такая позиция представляется спорной, но мы свое мнение по данному вопросу аргументировали ранее⁴⁸⁹.

Информация может являться как предметом завладения, так и предметом различных манипуляций с нею. В первом случае информация подлежит копированию и последующему использованию в противоправных целях. Согласно ст. 352 УК «Неправомерное завладение компьютерной информацией» ответственность предусмотрена за несанкционированное либо неправомерное завладение информацией, хранящейся в компьютерной системе. Компьютерная система, с позиции рассмотрения материальной структуры данного преступления, является объектом преступного посягательства, а информация, хранящаяся в ней, – предметом посягательства, которому, согласно конструкции состава преступления, вред не причиняется. В другом случае, в результате преступного проникновения в компьютерную систему, сеть, машинные носители, хранящие информацию, последняя подвергается изменению, в нее вносятся фрагменты заведомо ложной информации (ст. 350 УК).

Развитие информационных технологий, а также объективные процессы, происходящие в мировой экономике, способствовали появлению нового предмета преступного посягательства – криптовалюты. Криптовалюта представляет собой разновидность цифровой валюты, которая имеет вид электронных денег, используемых в качестве альтернативных или дополнительных валютных средств⁴⁹⁰. Имеют место первые случаи хищения криптовалюты в Беларуси⁴⁹¹, которые показали неготовность правоохранительных органов противодействовать таким преступлениям. Если в Беларуси это единичный и, в общем-то, мелкий случай хищения криптовалюты, то за рубежом это активно развивающийся вид хищений, причиняющий потерпевшим огромные убытки. Так в Японии в результате хищения криптовалюты собственникам причинен ущерб эквивалентный 534 миллионам долларов США. Хищение совершено в результате хакерской атаки в отношении крупнейшей в Японии биржи цифровых валют⁴⁹².

Средство совершения преступления как научное и прикладное понятие в равной степени используется в криминалистике и уголовном праве, но его смысловое содержание различается в этих науках. Вне всяких сомнений, устранение терминологической нестыковки будет способствовать интеграционным процессам, получившим развитие в науках, обеспечивающих борьбу с преступностью⁴⁹³.

М. В. Салтевский определяет средства совершения преступления как материальные объекты, используемые для достижения преступного результата. В процессе преступного события средства совершения преступлений взаимодействуют с элементами материальной обстановки, в результате чего образуются следы-отражения. Последние несут информацию о взаимодействующих объектах и участвующих в преступлении лицах,

источниках энергии и причинах слеодообразования, а также о других обстоятельствах, имеющих криминалистическое значение⁴⁹⁴.

А. В. Наумов относит к средствам совершения преступления предметы внешнего мира (например, орудия, приспособления, химические вещества или другие предметы) либо физические процессы (например, электрический ток), которые использует преступник для воздействия на потерпевшего, предмет и объект преступления⁴⁹⁵.

По мнению Н. А. Бабия, средствами совершения преступления являются «предметы, устройства, механизмы, приспособления, используемые в процессе совершения преступления»⁴⁹⁶.

Очевидно, что формулировки ученых не дают исчерпывающего представления о возможных средствах совершения преступлений. Не однозначно решается вопрос о выделении в структуре взяточничества средства его совершения.

М. В. Салтевский разделил средства совершения преступлений на четыре группы: 1) орудия, 2) оружие, 3) источники повышенной опасности (машины, механизмы, вещества), 4) силы и явления природы⁴⁹⁷. Такая классификация указывает на общий характер понятия «средство совершения преступления», но виды средств совершения преступлений, перечисленные М.В. Салтевским, выходят за рамки понимания их как материальных объектов.

В УК не проводится различие между понятиями «средство» и «орудие» совершения преступлений. Специалисты в области уголовного права в своем большинстве не акцентируют внимание на том обстоятельстве, что орудия также являются средством совершения преступления, но не все средства могут рассматриваться в качестве орудий. По-нашему мнению это является следствием нормативного закрепления данных понятий в одно сочетание слов. Например, ч. 6 ст. 61 УК «Конфискация имущества» предусматривает специальную конфискацию, которая состоит в «...принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства орудий и средств совершения преступления...».

Также отсутствует четкое представление о данных понятиях в учебной литературе. Например, Н. А. Бабий в качестве орудий совершения преступления рассматривает «предметы, устройства, которые используются для разрушающего воздействия на предмет преступления или для причинения физического вреда»⁴⁹⁸. Такое понимание орудия совершения преступления не в полной мере отражает его сущность. С криминалистической точки зрения речь идет о причинении вреда объекту посягательства, имеющему материальный характер, но не предмету преступления.

По мнению Н. В. Вискова, единственными материальными предметами, способствующими достижению преступного результата, являются именно средства⁴⁹⁹. Такой взгляд вызывает возражение, т. к. и орудия совершения

преступлений, являясь разновидностью средств преступления, обеспечивают наступление результата преступной деятельности.

С позиции отдельных авторов основным отличием средств от орудий преступления является непосредственное воздействие последних на объекты посягательства⁵⁰⁰. Получается, что средством преступления может быть любой материальный предмет, способствующий наступлению преступного результата, но в том случае, если эти предметы напрямую воздействовали на объект преступления, то их следует рассматривать как орудия преступления. Такое мнение не в полной мере отражает действительность, т. к. наряду с орудиями в качестве средств совершения преступления могут использоваться иные материальные вещества, отличающиеся своим агрегатным состоянием, образующим самостоятельную группу средств. Например, ядовитое вещество, использованное для совершения убийства, является средством совершения преступления, но не подпадает под определение понятия «орудие совершения преступления». Это вещество имеет, во-первых, специфическое агрегатное состояние, во-вторых, особенности воздействия на материальный объект посягательства. Мы согласны с мнением о том, что понятие «средства» является родовым по отношению к понятию «орудия»⁵⁰¹.

В качестве средств для субъекта преступления ученые рассматривают преимущественно орудия, инструменты, вещества и т. п. материальные предметы. Но имеется мнение, что в качестве средств преступления необходимо считать все то, что использовалось преступником в ходе совершения преступного деяния. С точки зрения И. Л. Марогуловой, к средствам совершения преступления относятся и предметы, используемые для защиты или маскировки⁵⁰². С таким мнением трудно согласиться. Поскольку в связи с этим потребуются признавать средством совершения преступления широкий перечень предметов, используемых преступником, например, перчатки, специальную одежду, обувь, маску, тряпку для уничтожения своих следов на месте преступления и др. Эти предметы не могут рассматриваться в качестве средств совершения преступления, потому что они, во-первых, используются в иных целях: защита, маскировка субъекта преступления; во-вторых, их наличие или отсутствие не влияет на преступный результат; в-третьих, они не оказывают воздействия на иные структурные элементы преступления; в-четвертых, они могут рассматриваться в процессе совершения преступных действий как составные, неотъемлемые части, какого-либо структурного элемента. В предлагаемом И. Л. Марогуловой варианте таковым является человек, совершающий преступное деяние.

Проведенный анализ понятия «средство совершения преступления» позволяет увидеть спектр проблем, связанных с ним в теоретическом и практическом аспектах. Несомненным является наличие характерной специфичности средств, используемых для совершения преступлений определенных видов и групп преступлений. Проявляется эта особенность и при совершении отдельных преступлений конкретного вида.

На основании проведенного ранее исследования мы пришли к выводу, что «с криминалистической точки зрения, под средством совершения преступлений следует понимать материальный объект, находящийся во взаимосвязи с иными элементами преступной структуры, обеспечивающий целевую направленность субъекта посягательства на достижение преступного результата»⁵⁰³. Выбор того или иного средства совершения преступления в каждом конкретном случае зависит от избранного субъектом способа своих действий.

Разнообразие видов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК, а также значительное количество способов их совершения позволяет все средства совершения преступления разделить на следующие группы: 1) орудия (топор, лом, кирпич и др.); 2) оружие (пистолет, ружье, револьвер, штык-нож и др.); 3) транспортные и иные технические средства, механизмы (автомобиль, мотоцикл, бензопила и др.); 4) документы (организационные, распорядительные, информационно-справочные и др.); 5) вещества (психотропные, взрывчатые, лекарственные и др.); 6) животные (собаки, обезьяны, змеи и др.); 7) предприятия, учреждения, фирмы (лжепредприятие, оффшорная фирма и др.); 8) информация и ее материальные носители (вербально выраженные и воспринятые адресатом деструктивные сведения и др.); 9) компьютерная техника и программное обеспечение (компьютер, нетбук, вредоносная программа и др.)⁵⁰⁴.

В криминалистической структуре предмет преступления играет самостоятельную роль. Для большинства уголовно-наказуемых деяний, в структуре которых выделяется такой элемент как предмет преступления, характерно его существование независимо от совершенных преступных действий, образующих объективную сторону преступления. Данный элемент преступной структуры «отличается от других элементов тем, что в отношении него не совершается преступное посягательство, и он не используется как средство совершения преступления»⁵⁰⁵.

Наличие такого элемента в структуре преступления характерно для многих общественно опасных деяний. В качестве примера предмета преступления в его криминалистическом понимании можно назвать деньги, наркотики, иные материальные вещи как предметы взятки и т. д.⁵⁰⁶.

Обобщив изложенное, можно сделать следующие выводы о элементах материальной структуры преступления:

1. Субъектом совершения преступления может быть только человек, в результате преступных действий которого на нем и на других элементах преступной структуры образуются следы, представляющие интерес для расследования.

2. Объект, как один из ее элементов материальной структуры преступления, представляет собой систему, на которую направлено преступное посягательство. Это может быть человек, имущество, деньги, иные ценности, жилье и иные объекты собственности, недвижимость, транспортные средства, предприятия, учреждения, а в ряде случаев

«государство, в лице его органов, чьи интересы нарушаются противоправным деянием»⁵⁰⁷. Критерием выделения этих объектов в качестве элементов материальной структуры преступления является их свойство неизбежно и закономерно формировать следы совершения преступного деяния. На основе исследования следов на объекте может быть получена информация о субъектах, их оставивших.

3. С предметом преступного посягательства связана целевая направленность противоправных действий. Как правило, предметом преступного посягательства является тот материальный объект, которым преступник завладевает противоправным путем.

4. В уголовном праве и криминалистике отсутствует единообразное понимание средств совершения преступления и их классификация. В структуре системы преступления средство совершения преступления является одним из входящих в нее материальных элементов, представляющих собой совокупность взаимосвязанных объектов, обеспечивающих достижение преступного результата.

Средство совершения преступления обладает определенными свойствами, позволяющими воспринимать отражения и отражаться в виде материальных и идеальных следов, способствующих воспроизведению модели произошедшего события. Представляется приемлемым использование в уголовном праве и криминалистике формулировки, согласно которой средство совершения преступления – это материальный объект, находящийся во взаимосвязи с иными элементами преступной структуры, обеспечивающий целевую направленность субъекта посягательства на достижение преступного результата.

Криминалистическое понятие средств совершения преступления включает все предметы и явления материального мира, которые так или иначе взаимодействовали при совершении преступления с иными структурными элементами и несут о них информацию. Данный элемент в структуре преступления обеспечивает достижение его результата.

5. В материальной структуре предмет преступления занимает особое положение. Его выделение возможно на основе отличительных признаков в сравнении с предметом преступного посягательства и средством совершения преступления.

Анализ имеющих место критических замечаний, высказанных в связи с новыми подходами к построению информационной модели преступления, позволяет сделать вывод о нежелании отдельных ученых уходить от давно сложившихся стереотипов на отдельные криминалистические проблемы. Значительно проще отстаивать раз и навсегда занятую позицию, при этом критиковать всех, кто пытается искать новые пути решения научных и практических проблем.

Следует отметить, что методика расследования отдельных видов преступлений не является окончательно сформировавшейся частью науки криминалистики. В качестве теоретической основы для ее формирования

предлагается в равной степени использовать знания о КХП и криминалистической (материальной) структуре преступления. Только на такой основе возможна разработка эффективной частной методики расследования.

4.2. Формирование деструктивного поведения субъекта взяточничества и криминалистический анализ его личности

В действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь нет определения понятиям «личность обвиняемого» (ст. 6 УПК), «личность субъекта преступления» (ст. 4 УК). Данные термины производны от понятия «личность».

Личность – это человеческий индивид, обладающий социальными качествами, сформированными в процессе исторически конкретных видов деятельности и общественных отношений⁵⁰⁸. Понятие «личность обвиняемого» более узкое. В нем интегрируются социально значимые свойства лиц, которым инкриминируется совершение преступления. Однако между людьми, совершившими и не совершившими преступления, нет каких-либо отличающих качеств⁵⁰⁹.

Термин «личность обвиняемого» следует отличать от понятий «обвиняемый», «подозреваемый», «осужденный», «субъект преступления».

Уголовно-процессуальные понятия «обвиняемый», «подозреваемый», «осужденный» указывают на совершение преступления определенным лицом. Больше никакие признаки в этих понятиях не изучаются. В данном случае чаще всего речь идет об одном человеке, но выступающем в различном уголовно-процессуальном качестве. Термин «личность обвиняемого» более широкое понятие, так как помимо самого факта совершения преступления он содержит основополагающие свойства личности.

«Личность обвиняемого» не тождественна понятию «субъект преступления». В уголовном праве субъект преступления – вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. «Личность обвиняемого» шире по содержанию, так как содержит не только уголовно-правовые свойства личности. Тем не менее, между этими понятиями есть связь: лицо может стать обвиняемым только в том случае, если оно отвечает требованиям, предъявляемым к субъекту преступления.

Основополагающей для изучения личности субъекта преступления является теория идентификации. Следы деятельности субъекта преступления, образцы для сравнительного исследования являются объектами идентификационного исследования. Например, по следам папиллярных узоров можно отождествить конкретного человека, оставившего эти следы. При исследовании почерка можно установить его исполнителя. Таким образом, с помощью криминалистической идентификации можно получить информацию о некоторых биологических свойствах личности субъекта

преступления. Сказанное относится и к теории криминалистической диагностики. С её помощью можно, например, установить пол, рост, анатомическое строение человека и иные данные.

Изучение личности субъекта преступления играет роль для планирования расследования. Оно позволяет определить круг следственных и иных процессуальных действий, определить последовательность и тактику их проведения. Такие данные должны отражаться в письменных планах расследования преступлений.

В ходе расследования преступлений возникает необходимость выдвижения версий. Иногда в число версий включаются предположения о причастности к совершению преступлений лиц, ранее судимых за аналогичные преступления, лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, а также ведущих аморальный образ жизни, несовершеннолетних. Без изучения личности субъекта преступления невозможно подтвердить или опровергнуть версии о причастности его к совершению преступления.

Основополагающую роль изучение субъекта преступления, обвиняемого во взяточничестве, играет при производстве следственных действий. С учётом личности субъекта взяточничества осуществляется выбор тактических приёмов их производства. С помощью следственных действий обеспечивается процесс общения с субъектом взяточничества, собирание документов, характеризующих его как личность, определяется необходимость производства экспертных исследований. Именно в ходе следственных действий собирается значительная часть информации о личности субъекта взяточничества.

Наиболее значимы, в аспекте познания личности субъекта взяточничества, такие следственные действия, как допрос, очная ставка, а в ряде случаев и назначение экспертиз в связи с его деятельностью. Так, изучение личности позволяет установить психологический контакт между следователем и субъектом преступления, а также определить последовательность допроса нескольких лиц, обвиняемых во взяточничестве.

Следует также иметь в виду, что «собранная информация о личности взяточника обеспечивает возможность выбора тактических средств, применяемых при задержании преступника с поличным»⁵¹⁰. С этой целью проводится оперативный эксперимент⁵ либо может быть организовано проведение соответствующей тактической операции⁶.

Определенной спецификой отличается изучение личности субъекта не только взяточничества, но и иных коррупционных преступлений. Дело в том, что субъекты коррупционных преступлений, в числе которых и взяточники, характеризуются следующими чертами, имеющими важное криминалистическое значение:

⁵ См. гл. 6, § 6.1.

⁶ См. гл. 5, § 5.2.

осуществляют преступную деятельность в ходе реализации должностных функций;

наделены специальными должностными полномочиями.

Субъекты коррупционных деяний из числа должностных лиц, как правило, высокообразованны, владеют знаниями, позволяющими скрывать преступную деятельность в течение длительного времени.

Изучение субъекта совершения любого коррупционного преступления предполагает познание его юридических признаков, а также личностных свойств во взаимосвязи с криминогенными признаками объекта посягательства.

Исследованию общих юридических признаков субъектов коррупционных преступлений посвящена работа А. В. Баркова⁵¹¹.

В нашем исследовании мы уделили внимание свойствам личности должностного лица как субъекта взяточничества и их проявлениям в его деятельности.

Одним из важнейших условий результативности борьбы с коррупцией и взяточничеством является своевременный сбор и реализация достаточно полной информации о коррумпированной деятельности должностных лиц. Анализ субъекта конкретного взяточничества необходимо основывать на общей информации о нем, содержащейся в криминалистической характеристике данного вида преступлений. Тем самым, мы утверждаем, что некоторые сведения из криминалистической характеристики целесообразно использовать при изучении не только взяточника, но и иных материальных элементов структуры преступления.

Практика изучения личности подозреваемого (обвиняемого) во взяточничестве зачастую не способствует достижению целей расследования уголовного дела. Это обусловлено как субъективными, так и объективными причинами, например, загруженностью следователей, их недостаточной профессиональной подготовкой и др. Поэтому до сих пор проблема изучения личности субъекта совершения взяточничества остается актуальной.

Основоположник аналитической психологии К. Г. Юнг в начале 20-х годов XX века указал на психологические особенности индивида, находящиеся в зависимости от его интереса к окружающему миру. Они получили название «экстраверсия–интроверсия»⁵¹². В результате своего исследования К. Г. Юнг не делает вывод о предрасположенности того или иного типа к совершению преступлений.

Экстраверсия характеризует особенности психологии личности, при которой индивид сосредотачивает свои интересы на внешних объектах. Экстраверты способны на самопожертвование и затраты личного времени в интересах других. Интроверсия в противоположность экстраверсии характеризуется фиксацией внимания личности на своих собственных интересах. Интроверт ориентирован на удовлетворение своих личных потребностей. Он проявляет желание материального обогащения, не брезгует любыми способами достижения своих целей. Может показаться, что

индивиды, относящиеся к интровертам более склонны к совершению преступлений, но данное мнение будет ошибочным. Более правильное считать, что типология человека определяет склонность индивида к совершению того или иного вида или группы преступлений. Такие черты личности как «импульсивность, тенденция поступать по первому побуждению, под влиянием эмоций, застревание аффекта (ригидность), склонность к подозрительности, злопамятность, повышенная чувствительность, а также отчужденность, уход в себя, стремление к соблюдению дистанции между собой и окружающим миром более всего характерны для лиц, виновных в совершении грабежей и разбоев»⁵¹³. Эти черты свойственны для интровертов. Значительно «реже эти черты встречаются у убийц, насильников, воров и очень редко – у расхитителей»⁵¹⁴, что указывает на преимущественную принадлежность последних к типу экстравертов.

Психологи рассматривают склонность к коррупции (соответственно и взяточничеству) как неотъемлемое свойство каждой конкретной личности, проявляющееся в период психологических неурядиц, стрессов, проблем и т. п. По мнению О. В. Ванновской «оно базируется на потребности материальной компенсации недополученного в ходе развития личности, усиливается у людей с редуцированным восприятием моральных норм, с приоритетом потребительства во внутренней системе ценностных ориентаций»⁵¹⁵.

Основываясь на этом, О. В. Ванновская выявила «признаки и закономерности формирования коррупционной личности государственных служащих:

госслужащие с низкой нормативностью поведения и высокой общительностью более подвержены явлению коррупции, выше ее оценивают и придают большее значение деньгам;

чем больше стаж работы в госслужбе, тем выше риск возникновения профессиональной деформации, в том числе и склонности к коррупции, и др.»⁵¹⁶.

Ф. Ходеев и Т. Шутенко в своем исследовании отмечают, что психологическая потребность получения взятки изменяется с возрастом. Чем моложе человек, тем меньше вероятность того, что он взяточник. Данная позиция объясняется тем, что человеком движут побуждения, направленные на оптимальное удовлетворение его потребностей. Наиболее сильным из побуждений является страсть, которая доминирует над другими потребностями человека. Состояние страсти неустойчиво во времени, но страсть к власти и деньгам с возрастом только растет⁵¹⁷.

Когда человека обуревают страсти, он находится в болезненном состоянии. Некоторые из таких болезненных состояний хорошо известны науке и описаны: kleптомания, пиромания и т. д. По наблюдениям авторов, часть взяточников находится в состоянии своего рода мании, страсти. В таком случае взятка берется без выражения корысти. Такое поведение

является следствием психоподобного расстройства сознания и может быть обозначено как взяточмания⁵¹⁸.

Исследуя психологию взяточничества с точки зрения теории мотивации, Ф. П. Ходеев и Т. Шутенко пришли к основным выводам, суть которых сводится к следующему:

«1. В ряде случаев взятка берется без выраженной корысти.

2. Даче взятки может способствовать особое эмоциональное состояние взяточдателя.

3. Если, беря взятки, человек удовлетворяет потребности роскоши, богатства, престижа и превосходства, самостоятельно остановиться, прекратить брать взятки он не в состоянии.

4. На человека с неудовлетворенными физиологическими потребностями (голод, жажда, отсутствие жилья) угрозы наказания эффективно не действуют.

5. Наказания за взятки и их ужесточение не могут изменить чувства удовлетворения от их приема.

6. Психологическая потребность получения взятки изменяется с возрастом. Чем моложе человек, тем меньше вероятность того, что он взяточник.

7. Попытки стимулирования честной работы чиновников повышением их зарплаты чреватые стагнацией для организации»⁵¹⁹.

На необходимость исследования психологии взяточничества обращает внимание А. М. Клим. По его мнению «ядром психологии коррупционера обычно признается мотивация поведения, под которой понимается совокупность мотивов, то есть осознанных потребностей, выступающих как побудительные причины активности. В формировании мотивации личности участвуют два процесса: первый – это становление уникальной потребностной структуры, второй – усвоение индивидом системы ценностей, характерной для данной структуры. Если потребностная структура личности соответствует системе ценностей, то личность успешно адаптируется в социальной жизни, а если нет, то возникает психологический дискомфорт, проявляющийся в девиантном поведении, что зачастую приводит человека к совершению преступления. Многообразие видов девиантного поведения определяется индивидуально-психологическими особенностями личности»⁵²⁰.

С позицией психологов и специалистов в области криминологии следует согласиться, но, по нашему мнению, признаки коррупционной личности, о которых они говорят, – всего лишь следствие иных объективных проявлений, влияющих на формирование человека. Именно они, имея деструктивную составляющую, как мы считаем, находятся в основе формирования личности коррупционера.

Рассмотрим общие основы формирования деструктивного поведения личности⁵²¹, которые имеют непосредственное отношение к субъекту взяточничества.

Что же оказывает влияние на возникновение свойств, качеств человека, способствующих формированию деструктивных свойств (качеств) его личности? Ответ на этот вопрос не однозначен. Требуется всестороннее и глубокое исследование различных факторов, которые в итоге приводят к отклонениям в сознании личности. В рамках нашего исследования обратим внимание на отдельные негативные факторы, отрицательно влияющие на личность человека и потенциально способствующие совершению коррупционных преступлений. Их выявление в процессе расследования уголовных дел позволяет определить стратегическое направление профилактической деятельности государственных органов, осуществляющих противодействие коррупции и взяточничеству.

Значимым аспектом в формировании личности субъекта взяточничества являются особенности воспитательного процесса, в котором он оказывается в период, предшествующий моменту совершения преступления, и сопутствующего этапу развития личностной установки на преступную деятельность. Представляется недопустимым воспитание личности молодого человека, в основе которого негативные примеры при отсутствии их отрицательной оценки. На особенностях воспитания человека в современный период мы акцентируем внимание в заключительной главе данной монографии, посвященной проблемам профилактики коррупции и взяточничества⁷.

«Процесс воспитания и формирования личности человека длительный, и связан с восприятием, оценкой и накоплением разноплановой информации (сведений). При этом сформировавшаяся на определенном жизненном этапе личность способна меняться в результате информационного воздействия»⁵²².

Наличие информации, возможность ознакомления с ней – это благо для современного человека. Но только в том случае, если информация носит позитивный (полезный) для него характер. Доступ человека к информации деструктивного характера, в ряде случаев, лучше ограничить. Дело в том, что не все люди в равной степени устойчивы к восприятию негативной информации.

Под негативной (деструктивной) информацией мы понимаем такие «сведения, которые целенаправленно оказывают воздействие на сознание человека, вызывают отрицательные эмоции и могут существенно влиять на психологическую структуру (свойства) его личности, приводят либо могут привести к противоправным деяниям. Такая информация может являться основой для формирования у человека устойчивой ориентации на совершение преступлений»⁵²³ и иных противоправных деяний.

Главным источником информации, оказывающим воздействие на сознание человека, и являющимся одним из факторов влияющим на формирование личности человека являются средства массовой информации. Под средством массовой информации (далее – СМИ), согласно ст. 1 Закона

⁷ См. § 7.1.

Республики Беларусь «О средствах массовой информации», понимается форма периодического распространения массовой информации с использованием печати, вещания теле- или радиопрограммы, глобальной компьютерной сети Интернет⁵²⁴.

В век технологического прогресса современные люди не представляют свою жизнь без СМИ. Основное назначение этих средств – доведение информации до широких слоев населения как внутри государства, так и за его пределами. Но это является хорошим делом при условии, что информация носит объективный и позитивный характер. В тоже время она имеет и оборотную сторону. Все зависит от содержания и способов представления информации, доведения ее до масс.

СМИ, распространяя определенного рода информацию, могут, как провоцировать совершение преступлений, так и быть пособниками преступников. В первом случае распространяемая через СМИ информация может способствовать развитию ксенофобии либо ее содержание характеризуется экстремистской направленностью, побуждающей отдельных личностей к совершению преступлений. Свидетельством тому являются события, произошедшие во Франции 7 января 2015 года. В офис сатирического журнала *Charli Hebdo* ворвались вооруженные люди и убили 12 человек⁵²⁵. Мотив преступления – месть за опубликованную в журнале карикатуру пророка Мухаммеда.

Также СМИ могут оказать содействие преступной деятельности, например, способствовать терроризму, для которого характерно наличие двух целей. Одна из них основная, связанная с идеологической концепцией, а вторая вспомогательная – запугать властные структуры, общественность и добиться от них реализации основной цели. В достижении вспомогательной цели террористам способствуют СМИ (газеты, радио, телевидение), часто нагнетающие страх в обществе, к чему и стремятся преступники, совершая насильственные преступления.

Посредством негативной информации сегодня формируется негативная модель общественного сознания. В условиях демократии и свободы слова, любые идеи и элементы пропаганды через СМИ проникают в сознание обывателя. Поток низкокачественных иностранных сериалов, кинокартин, несущих идеи насилия и вседозволенности, влияет на психику людей. Ничего хорошего для формирования личности человека они не несут. А в отдельных примерах это определенно оказывает влияние на формирование отрицательных свойств личности и приводит к совершению различных преступлений.

Не вызывает сомнения, что СМИ используются, как государственными, так и иными организациями, для пропаганды различных взглядов, идей, учений и т. д. С точки зрения изучения психологического воздействия на людей понятие «пропаганда» трактуется как механизм скрытого принуждения. Наиболее характерным, отражающим сущность пропаганды является определение английского теоретика Л. Фрезера, который полагает,

что «пропаганду можно определить как искусство принуждения людей делать то, чего бы они не делали, если бы располагали всеми относящимися к ситуации данными»⁵²⁶. Американский ученый Г. Лассуел подчеркивал, что не цель, а метод отличает управление людьми с помощью пропаганды от управления ими при помощи насилия, бойкота, подкупа или других средств социального контроля⁵²⁷.

Мы считаем, что основу для формирования деструктивной личности взяточника является процесс воспитания на отрицательных примерах без должной их оценки, подпитываемый общим негативным информационным сопровождением.

В ходе расследования уголовных дел изучению подлежит личность лица, совершившего преступление. В научной литературе выделяют четыре направления изучения личности обвиняемого: уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, криминологическое, криминалистическое⁵²⁸. Отдельно друг от друга они не существуют. Например, вопрос о психическом здоровье лица значим для уголовно-правового направления исследования, так как уголовной ответственности подлежит только вменяемое лицо. Состояние невменяемости лица имеет значение и для уголовно-процессуального направления, например, для решения вопросов об обязательности или необязательности предварительного следствия, о необходимости участия защитника в производстве по уголовному делу. Важен этот вопрос и для криминалистического направления исследования. Он служит основанием для выдвижения версий о психическом состоянии субъекта, определяет тактические приемы производства отдельных следственных действий в отношении невменяемых лиц.

Вопрос о вменяемости субъектов совершения взяточничества, как правило, не возникает, так как ими являются должностные лица, у которых психическое состояние здоровья определяется при назначении их на должность. Однако неизбежны исключения из этого правила. Психические отклонения должностного лица возможны в процессе осуществления им профессиональной деятельности. На основе профессиональной деградации не исключены и иные проявления вредных наклонностей, влекущих за собой криминальные деяния. Вызывает недоумение и крайнюю обеспокоенность случай, когда два работника прокуратуры были задержаны в связи с несанкционированным оборотом наркотических средств⁵²⁹.

На практике вопрос о вменяемости может возникнуть в отношении взяточдателей или посредников во взяточничестве, не являющихся должностными лицами, но это исключительные случаи. Чаше возникают ситуации дачи взятки в состоянии алкогольного опьянения, что не исключает уголовную ответственность даже в случае осознанного раскаянья в момент наступившего протрезвления.

Криминалистический аспект в познании личности обвиняемого определяется основным назначением данной науки и предполагает изучение широкого диапазона ее свойств.

Криминалистикой разработаны методы, средства, приемы и рекомендации по организации практической деятельности, направленной на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. Это позволяет выделить несколько направлений криминалистического изучения личности.

Первое направление связано с раскрытием и расследованием преступлений. В данном случае криминалистика призвана установить конкретное лицо, совершившее преступление, и определить его основные качества, то есть дать ответы на вопросы: кто он и что из себя представляет? Для решения этой задачи используются все существующие достижения криминалистической техники: осуществляется обнаружение и изъятие следов рук, ног, зубов, биологического происхождения, изучается почерк личности и т. д.

Второе направление связано с предупреждением преступлений. Криминологическое и криминалистическое изучение социальных, биологических и психологических аспектов личности позволяет выявить причины преступности и конкретного преступления, предотвратить его. В ряде случаев познание причин преступлений связано с выявлением свойств личности обвиняемого⁵³⁰.

Вместе с тем недостаточно выявить конкретные характерные свойства (качества) личности подозреваемого (обвиняемого). Необходимо углубленно изучить все то, что послужило основой для их формирования. В этих целях, в ходе расследования, целесообразно использовать разработанный в криминалистике метод криминалистического анализа.

Для представления значимости криминалистического анализа в познании личности субъекта взяточничества, рассмотрим данный метод более детально.

В научной криминалистической литературе одним из первых об анализе как методе логики упомянул немецкий ученый-криминалист Эрих Анушат. В своей книге «Искусство раскрытия преступлений и законы логики» Э. Анушат непосредственно не говорит о криминалистическом анализе. Он указывает на возможность использования анализа и синтеза как методов логики во время расследования преступлений. По мнению автора, эти методы используются для «умственного наблюдения» в практической деятельности по расследованию преступлений⁵³¹.

Приступая к рассмотрению анализа как метода криминалистических исследований, следует помнить, что данный общенаучный метод, наиболее полно представлен в философии, логике, социологии и других науках. Каких-либо открытий в связи с методом анализа в аспекте его сущности и содержания не предвидится. Следует также учесть, что существует большое количество видов анализа, в зависимости от области научных исследований и практической деятельности. Например, существуют следующие виды анализа: экономический, технологический, химический, психологический, социологический, биологический и т. д.

Современные ученые-криминалисты, подобно Э. Анушату, также указывают на существенную значимость методов, основанных на логике. Но особое внимание в своих исследованиях, несмотря на значительное количество методов логики, они уделили методу анализа, как общенаучному методу, применяемому в исследованиях криминалистической науки, а также на практике по расследованию преступлений.

Н. П. Яблоков в структуре исследования выделяет аналитическую стадию, сущностью которой является движение мысли от общих до отдельных качеств объекта. При этом ученый усматривает предел анализа: исследуемый объект детализируется до уровня элементарных признаков, что исключает его дальнейшее деление.

Анализ, используемый в криминалистике, Н. П. Яблоков представляет в качестве фундаментального приема исследований, вне зависимости от вида исследуемых объектов. Сосредоточив внимание на его практическом применении, Н. П. Яблоков видит в нем средство построения криминалистических информационных и доказательственных систем⁵³².

По мнению Р. Г. Зорина криминалистическому анализу подвергаются не только элементы преступного деяния, но и материалы уголовного дела⁵³³, как результаты деятельности следователя.

В сочетании с иными методами познания криминалистический анализ, как считает Г. А. Густов, обеспечивает надлежащую глубину исследования криминалистической ситуации и различных объектов. Аналитическая деятельность пронизывает весь процесс предварительного следствия – от принятия дела к производству до завершения расследования⁵³⁴.

Формулируя определение понятию «криминалистический анализ», ученые указывают только одно направление его использования: познание преступления (преступной деятельности) в процессе его расследования. Например, Н. В. Кручинина представила «криминалистический анализ» как совокупность познавательных процедур, направленных на наиболее полное познание преступления в целях его раскрытия и решение других задач уголовного судопроизводства. Она же указала на четыре основных направления использования криминалистического анализа для познания преступления: 1) изучение структуры преступления; 2) познание общих закономерностей образования следов-отображений; 3) исследование последствий совершенного преступления; 4) исследование противоречий, порождаемых преступлением⁵³⁵.

Обращает внимание первое направление использования криминалистического анализа: изучение структуры преступления. Выделив его, Н. В. Кручинина не указала на материальные особенности структурного построения преступления и специфику исследования его элементов. Вместе с тем, она стала одним из первых ученых, указавших на структуру преступлений.

Рассматривая метод криминалистического анализа, Э. И. Оржинская считает, что это «метод подхода к выявлению преступной деятельности, ее

механизма во времени ее становления и развития, сущность которого состоит в условном расчленении исследуемого объекта (преступной деятельности) на отдельные составные части»⁵³⁶. Это верный взгляд, но он лишь частично отражает возможность применения криминалистического анализа. Данный метод используется в процессе повседневной деятельности следователя по расследованию преступлений.

Содержание метода анализа в каждой области научных исследований и практической деятельности имеет свою специфику, зависит от объекта исследования. По нашему мнению криминалистический анализ призван обеспечить изучение всех объектов криминалистики.

Для эффективного осуществления криминалистического анализа необходимы определенные знания об объектах познания. Затруднительно анализировать отдельные элементы, не имея представления о структуре объекта, к которому они относятся. Поэтому «методологическую основу криминалистического анализа составляют знания криминологии, уголовного права, теоретических основ криминалистики»⁵³⁷ о преступлении и других объектах криминалистики. Данный метод основывается на теоретических знаниях о преступлении, накопленных уголовно-правовой наукой.

Сущность метода криминалистического анализа А. В. Дулов видел в максимальном использовании знаний криминалистики для изучения информации, которую приходится обрабатывать при расследовании уголовного дела. Чтобы использование этих знаний сформировалось в научный метод, он предлагает разработать четкий порядок, последовательность действий по применению средств и операций, что и создает структуру метода криминалистического анализа. А. В. Дулов считает, что метод криминалистического анализа призван реализовать системный подход при изучении преступления. Он отметил, что «так как метод криминалистического анализа является средством реализации в криминалистике системного подхода к исследованию, то при определении его общей структуры надо иметь в виду, что системный подход, в свою очередь, включает системно-структурный, системно-функциональный, системно-исторический (генезисный), системно-коммуникационный, системно-прогностический подходы»⁵³⁸. А это, в свою очередь, определяет содержание метода криминалистического анализа, его элементов и этапов применения.

Для познания личности взяточника в процессе раскрытия и расследования преступления применяется субъектно-функциональный анализ. Являясь разновидностью криминалистического анализа, он предполагает исследование функций субъекта взяточничества, осуществляемых для достижения преступного результата. В процессе анализа исследуются сознательные волевые действия, проявления функций человека в наступивших вредных последствиях преступления.

Субъектно-функциональный анализ позволяет:

1) выявить совокупность функций человека, осуществление которых обеспечивает достижение целей преступления;

2) изучить существующие возможности совершения определенной функции конкретным лицом;

3) изучить особенности выполнения функции при совершении преступления конкретным лицом;

4) установить психологические, профессиональные особенности, навыки, свойства, состояние человека в момент совершения преступления через анализ механизма действий и их результата;

5) выделить такую совокупность взаимосвязанных действий человека, которые не могут быть произведены без предварительной сознательной подготовки и которые характеризуют реализацию заранее разработанного способа совершения преступления⁵³⁹.

В ходе применения данного анализа можно также установить причинную связь между особенностями осуществления действий (функций) взяточника и его психологическими качествами, умениями и особыми профессиональными навыками.

Кроме вышеуказанного субъектно-функциональный анализ обеспечивает возможность выявления всего, что послужило основанием для формирования конкретных свойств (качеств) личности взяточника, определило мотивацию и направленность криминального умысла.

Изучение личности взяточника необходимо осуществлять по двум основным направлениям.

1. Необходимо изучать признаки, свидетельствующие об отнесении личности к категории должностных лиц. Это позволит правильно определиться с выбором тактических средств в определенной криминалистической ситуации. Неверное определение статуса лица, совершившего преступное деяние, влечет за собой не только ошибки в его квалификации на этапе досудебного производства, но и в его тактическом обеспечении. Например, в процессе предварительного следствия деяние Б. было квалифицировано по ч. 2 и 3 ст. 430 УК. Предварительному расследованию предшествовала ОРД на основании заведенного дела оперативного учета. Было проведено значительное количество ОРМ, в числе которых прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативный эксперимент. В ходе судебного разбирательства суд устанавливает, что обвиняемый Б. не является должностным лицом. Пользуясь своим служебным положением, К. предоставлял С., заместителю директора коммерческой фирмы, информацию, что не представляет собой юридически значимое действие. Несмотря на это, информация, предоставленная К., послужила руководству фирмы для правильного выстраивания коммерческой деятельности, получению максимальной прибыли, заключению выгодных сделок и эффективного взыскания дебиторской задолженности с должников. Деяние

К. судом было переквалифицировано на ч. 3 ст. 433 УК «Принятие незаконного вознаграждения»⁵⁴⁰.

2. Необходимо познать особенности поведенческого характера должностного лица в различных ситуациях. От этого зависит эффективность задержания с поличным и изобличения взяточника. Например, «взятокодатель» Р. действовала под контролем сотрудников милиции. Она дважды в разные дни приходила к Г. на работу и склоняла принять взятку за предоставление торгового места, но Г. отказывался ее принять. Только третье посещение и попытка вручить взятку привели к тому, что Г. уступил настойчивой посетительнице, после чего был задержан⁵⁴¹. Такое поведение Г. свидетельствует о его нежелании совершать преступление, что исключало какие-либо дальнейшие действия со стороны правоохранительных органов. Действия Р., наравне с сотрудниками милиции, должны рассматриваться как провокация преступления.

Главным содержанием познания личности взяточника, является выявление признаков, характеризующих его как должностное лицо, а также изучение общественных отношений, складывающихся в процессе его деятельности на основе предоставленных полномочий.

Решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности конкретного должностного лица предполагает, во-первых, необходимость соотнесения его должностного (служебного) положения с категорией должностей, предусматривающих в соответствии с законодательством ответственность за коррупционные преступления, в том числе и за получение взятки. Во-вторых, оценку его полномочий, в связи с которыми возможно совершение противоправных действий.

Закон о борьбе с коррупцией в ст. 1 называет две группы субъектов, имеющих отношение к коррупции⁵⁴². К первой группе отнесены субъекты, совершающие правонарушения, которыми создаются условия для коррупции. В их числе названы государственные должностные лица и лица, приравненные к государственным должностным лицам. Вторую группу составляют субъекты собственно коррупционных правонарушений.

К ним отнесены, кроме выше названных, иностранные должностные лица и лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц.

К категории государственных должностных лиц Законом о борьбе с коррупцией отнесены:

1) лица, занимающие определенные должности, включенные в исчерпывающий перечень (Президент Республики Беларусь, депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе);

2) иные государственные служащие;

3) сотрудники Следственного комитета Республики Беларусь, имеющие специальные звания;

4) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь и относящиеся в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь к должностным лицам (военнослужащие, лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь);

5) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и негосударственных организациях, в уставном фонде которых доля государственной собственности составляет не менее 50 процентов.

6) иные государственные служащие⁵⁴³ и др.

Обширным выглядит перечень тех, кого следует относить к категории лиц, приравненных к государственным должностным лицам.

В соответствии с абзацем 4 ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией к кругу лиц, приравненных к государственным должностным лицам, относятся:

1) осуществляющие свои полномочия на непрофессиональной основе:

члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь;

депутаты местных Советов депутатов;

2) граждане, зарегистрированные в установленном законом порядке:

кандидатами в Президенты Республики Беларусь;

кандидатами в депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь;

кандидатами в члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь,

кандидатами в депутаты местных Советов депутатов;

3) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в негосударственных организациях должности:

связанные с выполнением организационно-распорядительных функций;

связанные с выполнением административно-хозяйственных функций;

4) лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

5) представители общественности при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, отправлению правосудия.

Иностранные должностные лица образуют особую группу субъектов коррупционных правонарушений. В соответствии с абзацем 5 ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией к иностранным должностным лицам относятся:

должностные лица иностранных государств; члены иностранных публичных собраний; должностные лица международных организаций; члены международных парламентских собраний; судьи и должностные лица международных судов.

Важным направлением познания субъекта получения взятки является изучение и оценка его полномочий, в связи с которыми совершаются противоправные действия. Согласно словарю русского языка С. И. Ожегова «полномочие – это право, предоставленное кому-нибудь на совершение чего-нибудь»⁵⁴⁴.

Полномочия субъектов правонарушений, создающих условия для коррупции и коррупционных правонарушений, отражены в соответствующих НПА и должностных инструкциях.

НПА, в которых содержатся полномочия изучаемых субъектов, подразделяются на три вида: Конституция (Основной Закон) Республики Беларусь (далее – Конституция), законы и подзаконные акты.

В качестве примера рассмотрим должностные полномочия некоторых потенциальных субъектов взяточничества. На основе реализации ими полномочий затрагиваются интересы иных лиц, а также возможно возникновение коррупционных отношений, приводящих, в ряде случаев, к взяточничеству.

В Конституции содержится указание на отдельные полномочия высших и иных государственных должностных лиц. Например, Президент Республики Беларусь, согласно ст. 84 Конституции наделен широкими полномочиями. Их обширный перечень, а в ряде случаев исключительный характер, создает возможность нахождения Президента в состоянии коррупционного риска. Имеют место примеры попыток установления с ним коррупционных отношений. Так, например, олигархи соседних стран предлагали Президенту в качестве взятки 5 миллиардов долларов США при условии продажи Белорусской калийной компании за половину ее стоимости⁵⁴⁵.

Правовому статусу и, соответственно, полномочиям депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики посвящен специальный закон⁵⁴⁶.

Депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики реализуют свои полномочия в период участия в заседаниях, а также в совместных заседаниях Палаты представителей и Совета Республики; в работе постоянных комиссий и иных органов палат; в работе согласительных комиссий, создаваемых палатами в соответствии с частью 4 ст. 100 Конституции; в работе межпарламентских органов и органов межгосударственных образований, в состав которых входит Республика Беларусь; в выполнении поручений Палаты представителей, Совета Республики и их органов; в парламентских слушаниях; в проверках работы государственных органов, органов общественных объединений, учреждений, организаций и предприятий; в работе депутатских групп, объединений, ассоциаций и клубов.

Депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики вправе обратиться с запросом к Премьер-министру, членам Правительства, руководителям государственных органов, образуемых или избираемых Парламентом, по вопросам, входящим в компетенцию этих органов.

Так же они вправе обратиться к должностным лицам государственных органов, органов общественных объединений, к руководителям учреждений, организаций и предприятий независимо от форм собственности и подчинения, иным должностным лицам по вопросам, связанным с их парламентской деятельностью, и принимать участие в рассмотрении поставленных вопросов.

Депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики имеют преимущественное право выступать по вопросам своей деятельности в государственных СМИ. При этом материалы, представляемые депутатами Палаты представителей, членами Совета Республики по поручению соответствующей палаты и ее органов, подлежат обязательному опубликованию или распространению через государственные СМИ.

В комплексе полномочий депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики наличествуют такие полномочия, при реализации которых могут быть установлены коррупционные отношения. Например, депутат Палаты представителей, член Совета Республики пользуется правом доступа в государственные органы, органы общественных объединений, в учреждения, организации, на предприятия, расположенные на территории Республики Беларусь. В случае обнаружения нарушения законности они вправе направить представление должностному лицу правоохранительных или контрольных органов, других государственных органов, органов общественных объединений, учреждений, организаций и предприятий. Реализация этого права не исключает возможности совершения коррупционных правонарушений⁵⁴⁷.

Кроме этого, право законодательной инициативы, предоставленное депутатам Палаты представителей, также предполагает определенную опасность возникновения коррупционных отношений. Реализуя право законодательной инициативы, депутат Палаты представителей или группа депутатов, могут лоббировать на основе коррупционных отношений интересы различных коммерческих организаций, противоречащие интересам государства. При этом коррупционные отношения, как правило, завуалированы, а совершаемые на их основе действия имеют высокую степень латентности. Выявить такие отношения возможно посредством проведения ОРД, которая специфична в отношении данных лиц⁵⁴⁸. Проведение некоторых ОРМ в отношении указанной категории лиц требует строгого соблюдения ряда условий. К числу таких ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, относятся оперативный осмотр, слуховой контроль, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; контроль в сетях электросвязи. В отношении депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики Национального собрания

Республики Беларусь в случае, если на них уголовное дело не было возбуждено или они не привлекались в качестве подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, возбужденному в отношении других лиц либо по факту совершенного преступления, могут проводиться указанные ОРМ с санкции Генерального прокурора Республики Беларусь либо по постановлению Министра внутренних дел Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, заместителя Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь – директора Департамента финансовых расследований или лиц, исполняющих их обязанности.

Должностной статус депутатов местного Совета соответствует такой категории должностного лица, как «представитель, уполномоченный участвовать в осуществлении государственной власти» (ст. 1)⁵⁴⁹, т. е. представитель власти. В связи с этим не исключены коррупционные отношения представителя государственной власти с заинтересованными в таких отношениях субъектами⁵⁵⁰.

Статус граждан, зарегистрированных кандидатами в 1) Президенты Республики Беларусь, 2) депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, 3) члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, 4) депутаты местных Советов депутатов определяется Избирательным кодексом Республики Беларусь (далее – Избирательный кодекс)⁵⁵¹.

Правовое положение перечисленных кандидатов определяется ст. 77 Избирательного кодекса. Они освобождаются от выполнения производственных или служебных обязанностей со дня регистрации до дня выборов без сохранения заработной платы. Это означает, что если гражданин, зарегистрированный кандидатом, до этого обладал полномочиями какого-либо должностного лица, то, будучи освобожденным от выполнения производственных или служебных обязанностей во время предвыборных мероприятий, он временно утрачивает эти полномочия. Также кандидаты не вправе использовать преимущества своего должностного положения в интересах избрания. Под использованием преимуществ должностного положения понимаются:

привлечение лиц, находящихся в подчинении или иной служебной зависимости, для осуществления в рабочее время деятельности, способствующей выдвижению и (или) избранию;

использование помещений, занимаемых государственными органами, организациями, для осуществления деятельности, способствующей выдвижению и (или) избранию, в случае, если иные кандидаты в Президенты, депутаты, обратившиеся по такому же вопросу, не могут использовать эти помещения на аналогичных условиях;

использование телефонной и иных видов связи, оргтехники, предназначенных для обеспечения функционирования государственных

органов, организаций, для осуществления деятельности, способствующей выдвижению и (или) избранию;

бесплатное или на льготных условиях использование транспортных средств, находящихся в государственной собственности, для осуществления деятельности, способствующей выдвижению и (или) избранию;

проведение сбора подписей избирателей, предвыборной агитации в ходе служебных командировок.

При нарушении названных требований Центральная избирательная комиссия, окружная, территориальная избирательные комиссии вправе отказать в регистрации кандидата или отменить решение о его регистрации. Прекращается статус кандидата в следующих случаях:

при снятии гражданином своей кандидатуры (ст. 69 Избирательного кодекса);

при отмене решения о выдвижении кандидата в депутаты (ст. 70 Избирательного кодекса);

при вступлении в должность Президента или регистрации гражданина в качестве избранного депутатом. Полномочия Президента начинаются с момента вступления в должность⁵⁵².

Представители общественности при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, отправлению правосудия аналогично выполняют функции представителей власти. Они осуществляют эти функции не в связи с занятием должности в государственном органе. Эти функции выполняются временно или по специальному полномочию и, как правило, не связаны с трудовой или служебной деятельностью лица. К таким лицам, в частности, относятся «члены добровольной дружины, внештатные сотрудники правоохранительных органов, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, участники объединений граждан, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка, общественные инспекторы, народные заседатели»⁵⁵³.

Не менее важным направлением при изучении личности взяточника является познание его характерных признаков, особенностей поведения в различных ситуациях, что весьма значимо для обеспечения эффективности задержания преступника с поличным. В целом для расследования имеют значение различные общие свойства субъекта. В их числе можно выделить физические, социально-демографические, биологические, психофизиологические, психологические свойства. Например, социально-демографические данные о личности (пол, возраст, образование, национальность и др.) позволяют определить круг лиц с точки зрения их вероятного участия в совершении преступления. В большинстве случаев познание указанных свойств субъекта возможно на основе изучения следов, оставленных им на объектах, относящихся к различным элементам преступной структуры⁵⁵⁴.

На этапе подготовки к задержанию взяточника с личным изучением личности должно вестись с целью познания его психологической структуры (свойств). Неполное владение информацией о свойствах личности подозреваемого лица может привести к ошибкам при задержании. Простая же фиксация факта передачи-получения предмета взятки недостаточна для доказывания преступных намерений взяточников. Следует помнить, что современные взяточники осведомлены, благодаря СМИ, о методах работы правоохранительных органов. Владея информацией о возможном задержании сразу после передачи предмета взятки, они предпринимают различные меры предосторожности и противодействия. Зная об этом, не следует торопиться с моментом задержания, особенно в случаях, когда имеется заявление о вымогательстве взятки и заявитель сотрудничает с правоохранительными органами, оказывает им содействие в задержании преступника с личным. В таком случае необходимо дождаться окончания встречи взяточполучателя и «взяткодателя», получить информацию от заявителя («взяткодателя») о поведении подозреваемого при получении взятки, а затем принимать решение о задержании с личным. Так, например, «проводился оперативный эксперимент по заявлению о вымогательстве П. взятки за оценку экскаватора. После получения акта оценки заявитель в кабинете П. достал из портмоне 120 тыс. рублей и со словами «как договаривались» протянул их последнему. Но тот взглядом и жестом руки указал на находившийся на столе калькулятор и «дал понять, что деньги надо положить под калькулятор», что заявитель и сделал. После его ухода из кабинета туда сразу же вошли работники милиции, но на вопрос, получил ли он только что взятку за оценку транспортного средства, П. ответил отрицательно. По поводу же находившихся под калькулятором меченых денег заявил, что, когда он выходил к руководству подписать акт оценки, их подложил ему заявитель, который остался один в кабинете. Опровергнуть данное утверждение в процессе расследования не удалось. На руках и одежде подозреваемого отсутствовали следы «меченых» денег. На фонограмме разговор о деньгах (взятке) не зафиксирован. Он действительно выходил к руководству, а заявитель в его отсутствие оставался один в кабинете. В итоге расследование было прекращено в связи с недоказанностью участия П. в совершении преступления»⁵⁵⁵.

Как видно из примера, учет особенностей поведения личности в период как предшествующий, так и в момент получения предмета взятки позволил бы избежать ошибок.

Следует также иметь в виду, что собранная информация о личности взяточника обеспечивает возможность выбора тактических средств, применяемых при задержании преступника с личным.

С целью задержания преступника с личным в ситуации, когда имеет место информация о вымогательстве взятки, как правило, проводится оперативный эксперимент. Одновременно проверяется информация, содержащаяся в заявлении физического лица и послужившая поводом для

начала оперативной проверки. Однако практика свидетельствует, что проведение оперативного эксперимента не всегда эффективно. В отдельных случаях негативную роль играют просчеты, допущенные работниками правоохранительных органов. Так, например, был проведен оперативный эксперимент в отношении К. без предварительного оперативного осмотра будущего места происшествия. Отсутствие информации о месте передачи-получения предмета взятки привело к тому, что в период времени после ухода «взяткодателя» из кабинета К. и прихода туда оперативных работников, он успел уйти из помещения через второй выход и спрятать полученные в качестве взятки деньги, которые так и не были найдены. В итоге цель оперативного эксперимента не была достигнута, а деньги оказались утерянными. Как следствие, предварительное расследование было прекращено за отсутствием в деянии состава преступления. Подобных примеров много, что указывает на необходимость тщательной подготовки к проведению оперативного эксперимента. Оперативные работники должны осуществлять рекогносцировку места, где будет проводиться данное ОРМ. Это необходимо для того, чтобы исключить возможность сокрытия (спрятать, выбросить в случае опасности) предмета взятки. В течение всего времени проведения оперативного эксперимента проверяемое лицо должно находиться в поле зрения оперативных работников. Необходимо осуществлять наблюдение не только за помещением, в котором происходит передача взятки, но и за прилегающей местностью⁵⁵⁶.

Проведение по предложенной схеме познание и анализ должностного положения, свойств личности субъектов коррупционных отношений позволяет выявить признаки взяточничества, своевременно решить вопрос о возбуждении уголовного дела и определить необходимые тактические средства раскрытия и расследования преступлений.

4.3. Объект посягательства и средство совершения взяточничества

Объект преступления является важным признаком уголовно-правового состава. Существует тесная связь между объектом и субъектом преступления, который в результате осуществления своей деятельности, оказывает воздействие на объект преступления. Это приводит к определенным изменениям в объекте, соответствующим действиям субъекта. Исследование изменений объекта позволяет познать и оценить действия субъекта с точки зрения соответствия целесообразности, логичности и правомерности их совершения.

Уголовно-правовое и криминалистическое понимание объекта преступления различается. Это создает не только теоретическую, но и практическую проблему. Для ее понимания необходимо рассмотреть развитие представлений об общем объекте преступления в уголовном праве и особенности его преломления в область криминалистического познания.

Только на такой основе можно будет выделить и проанализировать объект преступления как элемент материальной структуры взяточничества.

Еще в середине прошлого столетия ученые в области уголовного права указали на важность проблемы объекта преступления, недостаточную ее разработанность⁵⁵⁷ и на наличие многих спорных аспектов учения об объекте преступления⁵⁵⁸. Казалось бы, что с тех пор все проблемы объекта преступления разрешились, но, в действительности, это не так. До сих пор проблема объекта преступления – одна из самых сложных и спорных в теории уголовного права, а его понятие, как отмечают современники, является «наиболее дискуссионным в науке уголовного права»⁵⁵⁹.

Следует заметить, что на начальном этапе проблема объекта преступления разрабатывалась дореволюционными криминалистами.

В. Д. Спасович, формулируя определение понятию «преступление» утверждает, что это «есть посягательство на чье-либо право, охраняемое государством посредством наказаний»⁵⁶⁰.

А. Ф. Бернер в качестве объекта преступления видит общее и частное право, которое нарушается непосредственно и количественно⁵⁶¹.

В качестве объекта преступления, А. Ф. Кистяковский видел только человека «со всеми правами и учреждениями, которые им, как существом общественным, создаются»⁵⁶².

По мнению С. В. Познышева «объектом преступлений являются те конкретные отношения, вещи и состояния лиц или вещей, которые охраняются законом под страхом наказания. Их можно назвать для краткости правовыми благами...»⁵⁶³.

Таким образом, можно заметить, что дореволюционные ученые, характеризуя объект преступления, усматривали наличие в нем, как *абстрактной (общественные отношения), так и материальной (человек, вещи) составляющих* (курсив мой – А. Х.).

Вне всякого сомнения, работы указанных авторов, несмотря на их содержательное различие, явились основой для дальнейшего изучения объекта преступления как уголовно-правового института.

В послереволюционный период в советской литературе по уголовному праву сложился единый взгляд на объект преступления. Как заметил по этому поводу А. А. Пионтковский, «советская теория уголовного права, с первых лет ее существования, рассматривает объект преступления в качестве общественного отношения»⁵⁶⁴. Такого понимания объекта преступления придерживалось большинство ученых советского периода.

В последние годы теория уголовного права пополнилась новыми концептуальными подходами к рассмотрению объекта преступления. Некоторые из них известны уголовному праву XIX века, но были популяризованы в наше время. Критический анализ основных концепций объекта преступления сделал Р. Д. Шарапов⁵⁶⁵.

Незыблемым остается мнение об объекте преступления как общественных отношениях, охраняемых нормами уголовного права. В связи

с этим В. Н. Винокуров пишет: «...Фактические общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны – это социальное явление, не включающее в себя ничего материального, и, являясь основой правоотношений, составляют материальную предпосылку их возникновения. Элементами структуры общественных отношений являются субъекты отношений, их деятельность и предметы отношений»⁵⁶⁶. Далее исследователь заметил, что «для вступления в общественные отношения необходим предмет, который бы представлял интерес для его участников (как потребность и цель взаимоотношений), поэтому он позволяет определить суть и специфику конкретных общественных отношений». Автор ставит знак равенства между предметом отношений и непосредственным объектом: «Общественные отношения – это отношения по поводу каких-либо объектов, под которыми следует понимать все то, что входит в сферу потребностей людей»⁵⁶⁷.

Новый концептуальный подход к объекту преступления представлен в научном исследовании Г. П. Новоселова. Объектом любого посягательства, по его мнению, является человек⁵⁶⁸.

В теории уголовного права существуют и иные мнения по вопросу о понимании объекта преступления. Разнообразие концепций объекта посягательства рассмотрено белорусским ученым И. О. Грунтовым⁵⁶⁹, который придерживается теории понимания объекта преступления как общественного отношения⁵⁷⁰. Он же отметил, что в научной и учебной литературе по уголовному праву Республики Беларусь в течение длительного времени придерживаются традиционной концепции общественных отношений, как объекта преступного посягательства⁵⁷¹. Аналогичный подход закреплён и в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по вопросам применения права⁵⁷².

Для истории советского уголовного права характерно множество взглядов ученых на понимание объекта взяточничества. Причём всегда акцентировалось внимание на представление объекта получения взятки, несмотря на то, что и в советский период взяточничество охватывало несколько составов (получение и дачу взятки). В советский период взяточничество относилось к группе должностных преступлений.

На начальном этапе, когда проблемы взяточничества начинают осмысливаться с научной точки зрения, объект данного преступления ещё не подвергался глубокому анализу. Этот период охватывает вторую половину XIX – начало XX веков.

В советский период многие ученые непосредственным объектом взяточничества считали то, что фактически совпадало с родовым объектом должностных преступлений.

Проанализировав советский период развития науки уголовного права, А. А. Пухов выделил шесть научных подходов определения объекта должностного преступления. Критерием для этого послужила общность

(схожесть) научных взглядов. Считаем целесообразным рассмотреть их формирование, ссылаясь на исследование А. А. Пухова.

«Первоначально существовал научный подход, который определял объектом должностного преступления «государственную дисциплину» (А. Н. Трайнин). Господствующим и принятым в советском уголовном праве определением объекта должностного преступления являлась «правильная, отвечающая интересам социалистического строительства работа государственного и общественного аппарата» (А. Н. Трайнин, М. Шаргородский, М. Красильников, З. Вышинская, В. Меньшагин, А. Герцензон, Н. Д. Дурманов, А. Б. Сахаров, Н. П. Кучерявый, В. Ф. Кириченко, Б. В. Волженкин, Б. В. Здравомыслов, Й. Й. Прапестис, Ю. И. Ляпунов). Идея третьего научного подхода заключалась в понимании под объектом должностного преступления государственного аппарата в целом (М. Исаев и А. Пионтковский). Суть четвертого – в признании объектом должностных преступлений «управления социалистическим государством и социалистическим хозяйством» (Б. С. Утевский). В рамках пятого подхода объект должностного преступления рассматривался с позиции личных качеств должностных лиц: «служебный долг (служебные обязанности) должностного лица», «честность и неподкупность должностных лиц» (А. Жижиленко, М. Кожевников и П. Лаговьер, С. А. Голунский, Н. Дурманов, Г. Мишин). Шестой подход базировался на утверждении, что должностным преступлениям присущи два объекта: нормальная деятельность государственного аппарата и гарантированные законом права и интересы граждан (М. Шаргородский, К. Безносовых)»⁵⁷³.

Не все советские ученые отождествляли объект взяточничества и родовой объект должностных преступлений. По мнению В. Ф. Кириченко и А. Я. Светлова непосредственный объект взяточничества находится в зависимости от характера действий взяточполучателя. Они считали, что если взятка получена за выполнение законного деяния, то имеет место один непосредственный объект посягательства, но если в результате взятки совершаются незаконные действия, то преступник посягает на два объекта. С. Закутский указал на самостоятельный характер непосредственного объекта взяточничества, выделив его из совокупности родового и непосредственных объектов других должностных преступлений. В качестве непосредственного объекта взяточничества он указал на публично-правовой характер оплаты служебной деятельности должностных лиц советского государственного аппарата.

А. А. Пухов сделал вывод, что если под «объектом преступления понимать общественные отношения, то родовым объектом должностных преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие соответствующее интересам службы содержание деятельности государственного, общественного и хозяйственного аппарата управления. В данном случае непосредственным объектом взяточничества будут являться общественные отношения, опосредующие публично-правовой характер

оплаты служебной деятельности должностных лиц. Если же под объектом преступления понимать ценность, благо, то непосредственным объектом взяточничества будет выступать неподкупность должностных лиц. Неподкупность в данном случае выступает не как моральная категория, а как правовая ценность. Кроме всего прочего, неподкупность нарушается только взяточничеством, т. е. это та специфическая категория, которая отличает взяточничество от всех иных должностных преступлений»⁵⁷⁴.

Объект преступления является основанием (критерием) для построения особенной части уголовного кодекса и объединения преступлений в главы по признаку единого родового объекта. В этой связи правильное и единообразное определение объекта взяточничества имеет важное теоретическое значение для науки уголовного права, правоприменительной практики, а также для правильной квалификации уголовно наказуемых деяний.

В постсоветский период сохраняется проблема понимания и доктринального определения объекта взяточничества⁵⁷⁵.

Наиболее приемлемым для правоприменительной деятельности считается определение объекта взяточничества, предложенное Б. В. Волженкиным: «Как и все преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, *взяточничество посягает на нормальную деятельность публичного аппарата управления* (курсив мой – А. Х.)»⁵⁷⁶. «Важнейшим условием правильного функционирования этого аппарата, – заметил Б. В. Волженкин, – является осуществление принципа публично-правовой, законной оплаты служебной деятельности должностных лиц. Должностное лицо обязано в своей деятельности руководствоваться интересами службы и может получать вознаграждение за свою службу <...> только в установленном законом порядке и ни в коем случае не частным образом от отдельных граждан и организаций, заинтересованных в том или ином действии (бездействии) должностного лица»⁵⁷⁷. Данное мнение поддерживает П. С. Яни⁵⁷⁸.

Ученые до сих пор указывают на проблему определения объекта взяточничества, замечая, что она не является только теоретической. Судам рекомендуется исследовать и учитывать объект взяточничества при назначении наказания. «При этом, как считает В. Н. Борков, недостаточно просто констатировать общественную опасность взяточничества и назвать разрушаемые общественные отношения, необходимо раскрыть их содержание, создав предпосылки для определения меры ущерба и индивидуализации ответственности»⁵⁷⁹.

Но как «раскрыть их содержание» и, тем более, как в дальнейшем на этой основе определять «меры ущерба», понимая, что объект преступления – определенная разновидность общественных отношений, В. Н. Борков не поясняет. Это, по всей видимости, не возможно. Сравнительный анализ мнений ученых в области уголовного права по данному вопросу, позволяет

сделать вывод, что среди различия взглядов главным остается мнение об объекте взяточничества как общественном отношении.

На это указывают и белорусские ученые, уделившие внимание проблемам противодействия взяточничеству⁵⁸⁰.

Рассматривая объект взяточничества с точки зрения общественных отношений, обеспечивающих объект взяточничества, например, «нормальную деятельность публичного аппарата управления», затруднительно «раскрыть их содержание» по причине абстрактности данного элемента состава преступления. Получается замкнутый круг: с одной стороны надо показать содержание этих отношений, которые, с другой стороны, не отражают действительность, т. е. являются абстрактными.

Решить обозначенную проблему посредством науки уголовного права по причине консервативности взглядов многих ученых не представляется возможным, по крайней мере, в настоящее время. Но выход есть и он проявляется в иной научной области, призванной исследовать реальности совершенного взяточничества, т. е. в криминалистике.

Криминалистика, по меткому выражению Г. Гросса, являясь наукой «о реальностях уголовного права»⁵⁸¹, призвана изучать в первую очередь все материальное, что образует структуру системы преступления. Одним из элементов этой системы является объект преступного посягательства (в уголовном праве чаще используют термин «объект преступления»).

Объект преступного посягательства как элемент материальной структуры преступления существенно отличается от аналогичного элемента состава преступления, рассматриваемого традиционной и некоторыми новыми уголовно-правовыми концепциями. Упомянутые уголовно-правовые концепции не приемлемы для рассмотрения объекта посягательства как равноценного понятия, используемого в криминалистике. Дело в том, что абстрактные по своей сути общественные отношения, не отражают систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах. Уголовно-правовая концепция Г. П. Новоселова, в которой объектом преступления представлен человек, только частично отражает соответствующий криминалистической (материальной) структуре преступления элемент.

Рассмотрев уголовно-правовые проблемы единообразного понимания объекта преступления, проанализировав его общее представление с криминалистической точки зрения, и основываясь на этом, мы можем обратить внимание на особенности объекта взяточничества.

Любое, упомянутое в Особенной части УК преступление, равно как и взяточничество, представляет собой абстрактную модель. Это характерно для уголовного права и является естественным для данной отрасли права. В дальнейшем, в момент реализации преступного замысла, т. е. совершения, оно проявляется в окружающей действительности, что уже исключает возможность говорить о преступлении как об абстракции. В силу этого обстоятельства в окружающей действительности отражаются конкретные

составляющие преступленного деяния, а также на них может быть оказано определенное воздействие преступного характера, влекущее за собой изменения, как окружающей среды, так и самих элементов преступной системы.

Определение объекта преступного посягательства как материального элемента взяточничества, представляет определенную трудность, так как не является очевидным этот элемент преступной системы, на которого оказывает воздействие субъект взяточничества.

Для понимания объекта посягательства с позиции криминалистики необходимо вспомнить, что общественные отношения, на которые посягает взяточник, связаны с деятельностью «публичного аппарата управления»⁵⁸². Именно в рамках этого системного образования субъект взяточничества осуществляет свою деятельность. Он реализует предоставленные ему полномочия, которые в момент совершения преступления используются против этой системы, вопреки ее интересам, когда нарушается нормальный, установленный законодательством, а также внутренними правилами, порядок ее функционирования.

Что скрывается за понятием «публичный аппарат управления»? Данное понятие объединяет собой ряд самостоятельных терминов («публичный», «аппарат», «управление»), требующих как отдельного их рассмотрения, так и в сочетании с другими из упомянутых слов.

Итак, «управление» традиционно понимается как «процесс воздействия с определенной целью субъекта управления на объект управления»⁵⁸³. По-разному представлено понятие «управление» в словарях русского языка.

В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова «управление» – это «деятельность, направляющая и регулирующая общественные отношения через посредство органов государственной власти»⁵⁸⁴.

В Толковом словаре С. И. Ожегова «управление» представлено как «деятельность органов власти» либо «крупное подразделение какого-нибудь учреждения, крупное административное учреждение»⁵⁸⁵.

Энциклопедический словарь дает следующее определение понятию «управление» – элемент, функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ⁵⁸⁶.

Анализ приведенных примеров и дальнейшее рассмотрение источников толкования слова «управление» позволяет сделать вывод о том, что оно является ключевым звеном в системе взаимосвязи между субъектом и объектом.

Понятие «публичный» применяется для обозначения того, «что не погружено в себя, не партикуляризовано и что, следовательно, связано с «другим», заинтересовано в нем и живет его жизнью. Отсюда идея «публичности» указывает на связь с «обществом», предполагает отношение к обществу как к целому»⁵⁸⁷.

Понятие «публичное управление» (public governance) впервые упомянул в 1887 году Вудро Вильсон в своей работе «Наука государственного управления»⁵⁸⁸.

Термин «публичное управление» активно используется не только в научном обороте, но и в лексике государственных служащих различного уровня (федерального, республиканского и местного) в России и Беларуси, а также в СМИ.

«Если рассматривать смыслы слов «публичный» и «управление», то словосочетание «публичное управление» приобретает несколько иной смысл. А. Н. Чудинов в словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, дает следующее определение слову «публичный» – (по лат. Publicus) явный, известный; для публики, для общества, для народа устроенный, общедоступный, всенародный»⁵⁸⁹.

Следовательно, можно согласиться с выводом, что под «публичным управлением» понимается открытое, гласное, происходящее в присутствии людей управление, предназначенное для публики, общества, находящееся в их распоряжении»⁵⁹⁰.

Аппарат управления представляет собой «совокупность органов, служб и подразделений, основной задачей которых является осуществление управленческих процессов»⁵⁹¹.

Таким образом, «публичный аппарат управления» следует рассматривать в качестве субъекта (в организационном плане), реализующего функцию управления (воздействия, влияния) в отношении объекта, с целью обеспечения существования, сохранения и развития определенного системного образования, элементами которого является некоторое множество субъектов и объектов.

Реализация управленческой функции осуществляется посредством деятельности входящих в состав (штат) субъекта управления физических лиц. Они наделены соответствующими их статусу полномочиями и им предоставлено право принимать управленческие решения. Фактически речь идет о должностных лицах, которые в единственном числе или некотором множестве образуют субъект управления.

В зависимости от своего организационного положения, субъект управления ориентирован на осуществление управленческой функции в государственной или общественной сфере деятельности.

Деятельность должностных лиц в любом государстве регламентирована НПА, принимаемыми на законодательном, а также подзаконном уровне. Такая деятельность должна осуществляться с соблюдением следующих условий:

во-первых, должностное лицо осуществляет свою деятельность в пределах правил, установленных нормами законодательства;

во-вторых, деятельность должностного лица согласуется с интересами государства и общества.

Соблюдение этих условий обеспечивает *нормальное функционирование субъекта управления, элементом (звеном) которого является каждое должностное лицо* (курсив мой – А. Х.), входящее в его состав. И с точностью наоборот, несоблюдение этих требований, совершение действий, выходящих за пределы предоставленных должностному лицу полномочий, приводит к различным нарушениям, которые с юридической позиции оцениваются как дисциплинарные (служебные), административно-правовые, гражданско-правовые проступки или уголовные преступления.

На этой основе мы приходим к пониманию объекта преступного посягательства как элемента материальной структуры взяточничества, в качестве которого следует рассматривать, предусмотренное белорусским законодательством, значительное количество государственных и общественных органов (организаций), представляющих собой субъекты управления различного уровня, должностные лица которых совершили взяточничество.

Совершив взяточничество, должностные лица причиняют вред, т. е. посягают на нормальную деятельность того органа или организации, в которых осуществляется их служебная деятельность.

Вред, причиняемый должностным лицом в связи со взяточничеством, может быть реальным, т. е. определяемым в денежном выражении или условным, не имеющим фактического проявления. Вне зависимости от внешнего проявления причиненного вреда, взяточник посягает на деловую репутацию того субъекта управления, в котором осуществляется его служебная деятельность.

Вступая в процесс взаимодействия с объектом посягательства, субъект взяточничества в ряде случаев не может достичь преступной цели без использования иных объектов, предметов окружающей среды, которые облегчают достижение преступного результата и выполняют в криминалистической структуре роль средств преступления. Средства могут быть использованы на всех этапах развития взяточничества: подготовки, совершения и сокрытия. На каждом из этих этапов могут использоваться различные средства, но не исключается на этапах подготовки и совершения преступления применение одного и того же средства. Средства совершения взяточничества содержат криминалистически значимую информацию о иных элементах его структуры.

Анализ уголовных дел о взяточничестве позволяет сделать вывод о том, что из представленного множества групп средств совершения преступлений чаще всего используются документы.

Документы необходимо рассматривать в качестве средства совершения преступлений в экономической, финансовой, налоговой и других сферах человеческой деятельности. Впервые внимание на документы как средства совершения преступлений обратил Г. А. Шумак, который проанализировал один из видов коррупционных преступлений: хищения, совершаемые должностными лицами (ст. 210 УК). Г. А. Шумак отметил, что «наиболее

распространенным средством совершения хищений являются различного рода документы (нормативные, учетные, удостоверяющие), содержащие материальный или интеллектуальный подлог»⁵⁹².

При расследовании взяточничества необходимо изучать те документы, которые отражают служебную деятельность должностного лица. Именно в них могут содержаться сведения, указывающие на взаимосвязь взяточполучателя и взякодателя. Документы, регламентирующие деятельность должностного лица, могут содержать информацию о его незаконных действиях, совершенных в интересах заинтересованного лица или третьих лиц.

Анализ таких документов позволяет выявить различные злоупотребления должностного лица своими служебными полномочиями, в том числе совершенными за взятку. Такие документы следует рассматривать как результат деятельности должностного лица с негативным содержанием, противоречащим законодательству и общественной нравственности.

В практике расследования встречаются случаи, когда должностное лицо не приняло решение, закрепленное в документе, но по обстоятельствам своей служебной деятельности должно было и могло принять это решение, придав ему форму документа. Отсутствие такого документа с положительным содержанием служит основанием для дальнейшей проверки деятельности должностного лица с целью выявления факта получения взятки за бездействие.

Документы являются средством совершения преступления в системе действий должностного лица, т. е. взяточполучателя. Но следует помнить, что в совершении взяточничества принимают участие иные лица, в отношении которых также предусмотрена уголовная ответственность. Ими являются взякодатель и посредник во взяточничестве, использующие иные средства совершения преступления. Необходимость их использования обусловлена различием в способах передачи предмета взятки. Не всегда денежная сумма передается взяточнику в наличной форме. Деньги могут быть перечислены на банковский счет (пополнить электронный кошелек, например, Webmoney) взяточполучателя. В такой ситуации банковские или иные финансовые учреждения в системе взяточничества выступают в качестве средства совершения преступления.

На подобную функцию организаций в системе преступной деятельности указали Е. Курицина и С. В. Шолохов. Они рассматривают «юридическое лицо»⁵⁹³ и «коммерческую организацию»⁵⁹⁴ в качестве орудия совершения преступлений. Возражая такому мнению, Н. В. Висков указал, что орудием совершения преступления может являться только материальный предмет, а юридическому лицу, как абстрактной правовой конструкции, не характерна овеществленность⁵⁹⁵. Соглашаясь с мнением Н. В. Вискова об абстрактности понятия «юридическое лицо», мы считаем, что конкретные организационные формы юридических лиц в виде предприятий, учреждений, фирм могут являться средством, но не являются орудием совершения преступления.

Современные процессы глобализации обусловили развитие информационных технологий и компьютерной техники, что позволило их использование в обеспечении способа передачи предмета взятки. В связи с этим вопрос о противоречии между прогрессом и безопасностью остается открытым. Компьютерную технику, компьютерные программы как средства совершения преступлений следует рассматривать в самостоятельной группе технических средств совершения взяточничества. В некоторых случаях судами в качестве средства совершения преступления по делам связанным со взяточничеством признается техника иного назначения. Например, по одному уголовному делу мобильный телефон использованный обвиняемым для общения с потерпевшим был конфискован в доход государства как средство совершения преступления⁵⁹⁶. По другому уголовному делу аналогичный телефон, несмотря на содержащуюся в нем значимую для определения вины информацию, не рассматривался в качестве средства совершения преступления⁵⁹⁷.

На основании выше изложенного можно констатировать следующее. Во-первых, в теории уголовного права отсутствует единое мнение на понимание объекта преступления. В научной и учебной литературе по уголовному праву Республики Беларусь придерживаются традиционной концепции общественных отношений, как объекта преступного посягательства. Проблема объекта преступления обусловила необходимость дальнейшей теоретической разработки данного института уголовного права. В результате появились новые взгляды на эту проблему. В качестве объекта преступления предлагается рассматривать социальные блага (интересы) и человека.

Во-вторых, уголовно-правовые концепции не приемлемы для рассмотрения объекта посягательства как равноценного понятия криминалистики. Абстрактный характер общественных отношений, социальных благ (интересов) исключает возможность отразить систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах.

В-третьих, развивающиеся интеграционные процессы в системе наук уголовно-правового цикла предполагают унификацию научных категорий, которыми оперируют эти науки. Реализация этого будет способствовать решению многих проблем теоретико-прикладного характера.

В-четвертых, наиболее распространенным средством совершения коррупционных преступлений являются различного рода документы. В них вносятся изменения либо они могут быть специально оформлены в ходе преступной деятельности. Например, при злоупотреблении должностное лицо совершает действия по службе, не выходящие за пределы полномочий, но не в интересах службы, где должностное лицо вправе премировать работников, но принимает решение о премировании того, кто это не заслуживает.

4.4. Предмет взятки как элемент материальной структуры взяточничества

Нормы уголовного права, устанавливающие ответственность за взяточничество, должны адекватно отражать степень общественной опасности данного вида преступлений и в полной мере обеспечивать реализацию уголовной ответственности в отношении лиц, виновных в их совершении. В нормах уголовного закона не должны содержаться формулировки, допускающие разнообразие в их толковании.

Для любого научного работника, а также в практике работы следователя, прокурора, судьи признаки состава, установленные законодателем, даже в случае их оценочного характера, должны быть однозначными и предельно ясными. Предмет взятки является сложным признаком преступления, на что обращают внимание многие ученые⁵⁹⁸.

В этом смысле, законодательное определение предмета взятки и разъяснения Верховного Суда Республики Беларусь относительно ее признаков, не в полной мере отражают современную действительность.

В соответствии с УК взятка может быть в виде «материальных ценностей» либо «выгод имущественного характера» (ст. 430 УК). Такая формулировка порождает ряд вопросов, которые частично урегулированы соответствующим постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.06.2003 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве». Согласно пункту 5 данного постановления «предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т.п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ и т. п.)»⁵⁹⁹.

Таким образом, взятка представляет собой имущественную выгоду для должностного лица, который выполняет (либо не выполняет) свои служебные действия в интересах ее дающего⁶⁰⁰.

Деньги преимущественно выступают в качестве предмета взятки. Для этих целей используется как отечественная, так и иностранная валюта. Основным требованием к деньгам как к предмету взятки является нахождение их в обороте на момент совершения преступления.

В настоящее время во многих государствах, в том числе и Республике Беларусь, введены в оборот электронные деньги, что позволяет злоумышленникам использовать технические возможности многочисленных электронных платежных систем и Интернета. В ситуации использования электронных денег взяткодатели и взяткополучатели существенно затрудняют процесс их изобличения в совершении преступления. С целью передачи такого предмета взятки используется электронная почта

взятополучателя. Ему сообщается код электронных денег, которые затем обналичиваются в банкоматах компаний-гарантов Webmoney⁶⁰¹.

Следует обратить внимание на еще одну разновидность электронных денег – криптовалюту. Ее появление обусловлено интенсивным развитием информационных технологий, а также объективными процессами, происходящими в мировой экономике. Криптовалюта – это разновидность цифровой валюты, имеющей вид электронных денег. Она используется в качестве альтернативной или дополнительной валюты⁶⁰². В практике противодействия преступности появились первые случаи совершения преступлений, где предмет посягательства выступает криптовалюта⁶⁰³. Учитывая высокий уровень латентности взяточничества, нельзя исключать, что при его совершении в качестве предмета взятки может использоваться криптовалюта, контроль оборота которой еще не урегулирован.

Предметом взятки могут быть ценные бумаги, к которым, согласно ст. 144 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07.12.1998 г. № 218-З (далее – ГК) относятся государственная облигация, облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, коносамент, акция, приватизационные ценные бумаги и другие документы. Взятка в виде ценных бумаг не характерна для уголовной практики в Республике Беларусь. В зарубежных государствах подобная ситуация «выглядит в виде включения лица в акционеры какой-либо коммерческой организации путем передачи ему части акций»⁶⁰⁴. В Республике Беларусь такое исключается изначально, т. к. в Законе Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» для государственных служащих предусмотрена обязанность передать такие акции на ответственное хранение в государственные органы (п. 3 ст. 22)⁶⁰⁵. Невыполнение этого условия лишает права на занятие государственной должности.

Деньги и ценные бумаги, согласно ст. 130 ГК, приравниваются к вещам и относятся к такой их разновидности как движимое имущество. Предмет взятки в виде вещей может быть представлен весьма значительным количеством объектов. Понятие «вещь» не относится к категориям уголовного права, а является объектом исследования гражданского права. В ГК все вещи разделены на две группы: недвижимые и движимые (ст. 130 ГК).

Следовательно, вещи, передаваемые в виде взятки, могут быть как недвижимыми, так и движимыми. В соответствии с гражданским законодательством, к недвижимому имуществу относятся: «земельные участки, участки недр, поверхностные водные объекты и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе леса, многолетние насаждения, капитальные строения (здания, сооружения), незавершенные законсервированные капитальные строения, изолированные помещения, машино-места. К недвижимым вещам также приравниваются предприятие в целом как имущественный комплекс, подлежащие государственной

регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, суда плавания «река-море», космические объекты. Законодательными актами к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество» (ч. 1 ст. 130 ГК). Но если предметом взятки является недвижимое имущество, то должностному лицу передается право собственности на него, которое оформляется соответствующей гражданско-правовой сделкой⁶⁰⁶.

Предметом взятки может являться движимое имущество, которое также выступает объектом гражданско-правовой сделки вуалирующей коррупционные отношения. Например, по одному из уголовных дел предметом взятки послужил автомобиль «Тойота Хайлюкс». В связи с необходимостью сокрытия факта безвозмездного получения автомобиля был составлен взяткодателем фиктивный договор купли-продажи между взяточником и третьим лицом, не осведомленным о коррупционной сделке. Оплату за автомобиль производил взяткодатель в несколько платежей⁶⁰⁷. Криминалистический анализ имущественного состояния должностного лица, заключенных им гражданско-правовых сделок может способствовать выявлению признаков коррупции и, в частности, взяточничества.

Не все виды недвижимого имущества могут быть предметом взятки. Например, леса, многолетние насаждения, участки недр, воды и т. п. не могут быть предметом взятки, так как находятся в государственной собственности⁶⁰⁸.

Изъятые из гражданского оборота вещи (предметы), например, оружие, наркотические средства, могут быть предметом взятки, в связи с их имущественным характером. Но дача-получение таких вещей (предметов) предполагает дополнительную квалификацию по статьям об ответственности за их незаконный оборот, что в равной степени касается и взяткодателя, и взяткополучателя⁶⁰⁹.

Вещи, не относящиеся к недвижимости, в том числе деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется (ч. 2 ст. 130 ГК).

Понятие «выгоды имущественного характера» как предмет взяточничества также является неоднозначным. Следует отметить, что в отличие от ст. 430 УК, в которой используется термин «выгоды имущественного характера», Верховный Суд Республики Беларусь в п. 5 вышеназванного постановления, толкуя данное понятие, использует выражения «различного вида услуги» и «работы», которые имеют имущественный характер. На первый взгляд, такое несущественное различие, может повлечь отрицательные последствия для правоприменительной практики. Представляется, что такая формулировка сужает круг объектов, относимых к предмету взятки.

Понятие «услуга» в большей степени является гражданско-правовой категорией, хотя ГК и не содержит его определения.

В словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «выгода» определяется как «польза, преимущество»⁶¹⁰. А термин «услуга» имеет два значения. Во-

первых, это «действие, приносящее пользу, помощь другому», и, во-вторых, «бытовые удобства, предоставляемые кому-нибудь». Следует обратить внимание, что в основе «выгоды» и «услуги» лежит получение какой-либо пользы, т. е. положительных последствий для ее приобретателя. В тоже время, услуга может иметь и нематериальный характер, что выходит за рамки «выгоды имущественного характера», как основания для признания предмета взятки. В связи с этим, предметом взятки может быть не любая услуга, а только та, которая имеет материальный характер.

Понятие «выгода имущественного характера» по объему шире понятия «услуга имущественного характера». Оно охватывает собой как правомерные, так и неправомерные действия по удовлетворению различных потребностей человека⁶¹¹. Выгоду для взяткодателя может представлять также и работа, выполненная в его интересах или интересах его близких, например, произведенный в его (их) жилище ремонт.

Сравнение определений позволяет сделать вывод, что понятие «выгоды» действительно шире понятия «услуги», так как выгода может быть получена и в результате выполненной в чьих-либо интересах работы. Понятие «работа» не соответствует понятию «услуга». В связи с этим мы соглашаемся с мнением А. Р. Хасеновой, что «любые имущественные услуги могут трактоваться как получаемая польза, т. е. выгода», но, в тоже время не считаем верным, что «не любая приобретаемая выгода может быть представлена в виде работ или удобств, т. е. услуг»⁶¹². Получается, что выгода может быть предоставлена чем-то иным, кроме работы или услуги. В качестве «иного» А. Р. Хасеновой названа «оплата расходов и развлечений должностного лица, оплата его долга, занижение стоимости передаваемого имущества, приватизируемых объектов являются имущественными выгодами, не являясь при этом услугами»⁶¹³. С этим можно было бы согласиться, если не учитывать, что «услуга» – это «действие, приносящее пользу, помощь другому»⁶¹⁴. Приведенные А. Р. Хасеновой примеры указывают именно на действия (оплата расходов, долга должностного лица, занижение стоимости передаваемого ему имущества и т. д.), которые совершаются в интересах получающего таким образом взятку и приносят ему выгоду имущественного характера. В подтверждение этого хотелось бы привести пример, сославшись на работу П. С. Яни. Анализируя судебное решение по одному из уголовных дел, П. С. Яни обратил внимание, что судом «...выгоды в обвинении не упоминались», а обвиняемые, согласно приговору, «по предварительному сговору между собой, пользуясь своим должностным положением, получили взятки от стремившегося избежать проверок директора... в виде обедов и ужинов...». «Суд посчитал обеды взяткой в виде имущества, то это, по мнению П. С. Яни, вряд ли верно, поскольку размер взятки определяется в этом случае не только ценой продуктов как имущества, а и стоимостью услуг ресторана, включающей затраты на закупку и хранение продуктов, заработную плату обслуживающего персонала (поваров, официантов, разнорабочих,

бухгалтеров и т. д.), аренду и содержание помещения, обеспечение безопасности (пожарной, физической) посетителей, охрану их транспорта и др. Ясно, что, получив имущественную выгоду в виде сбережения своих средств, бесплатно Гуров и Гашев получили, прежде всего, услугу, и это должно было найти отражение в обвинении»⁶¹⁵.

Вне зависимости от того предоставлена ли услуга имущественного характера взяткодателем лично или была им оплачена, она представляет собой для взяткополучателя выгоду имущественного характера.

Вместе с тем, неоднозначным в уголовном праве является и вопрос о возможности признания предметом взятки услуг, носящих запрещенный характер. В качестве примера таких услуг чаще всего рассматриваются услуги, связанные с удовлетворением сексуальной потребности. В связи с этим в учебнике по уголовному праву 1997 года под редакцией И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселова сказано, что «...если должностному лицу предоставляют мужчину или женщину, чьи услуги оплачены, о чем субъект осведомлен, то принятие такой услуги, без сомнения, должно квалифицироваться по ст. 290 УК»⁶¹⁶, т. е. получение взятки.

Сексуальные услуги в качестве предмета взятки признаются не всеми учеными. Никто не отрицает факт существования в обществе проституции. Но оказываемую услугу можно считать имущественной выгодой только в случае ее легального характера, а услуги сексуального характера таковыми не являются⁶¹⁷.

Также вызывают разногласия по вопросу о том, могут ли быть предметом взятки фиктивные документы (дипломы, аттестаты и им подобные). А. В. Грошев считает, что «нет достаточных оснований... признавать в качестве предмета взятки фиктивные документы...»⁶¹⁸. С ним соглашается Н. А. Лопашенко, указывая, что «имущественная выгода здесь отнюдь не безусловна, и незаконное получение фиктивных дипломов... не означает, что должностное лицо получит в результате их использования имущественную выгоду»⁶¹⁹.

Предмет взятки должен обладать свойством имущественной ценности в момент принятия взятки. Аналогично следует рассматривать и выгоду, имущественный характер которой должен проявляться непосредственно в момент передачи предмета взятки. Предположительная возможность получить пользу от использования документа в неопределенном будущем исключает признание его предметом взятки.

По нашему мнению главным свойством предмета взятки является ее имущественный характер, проявляемый в момент его передачи (предоставления) взяткополучателю. Этот признак позволяет отделить преступное и не преступное поведение субъектов, а также отграничить взяточничество от смежных составов.

Выше указано на часть проблем, связанных с таким неоднозначным в уголовно-правовой теории понятием как предмет взятки.

Предмет взятки представляет интерес и для криминалистики, которая, является наукой «о реальностях уголовного права»⁶²⁰. Данное понятие используется как объект теоретических исследований, так и в практической деятельности. Вместе с тем, его понимание среди ученых-криминалистов не однозначно, учитывая, что в последнее время в криминалистике многие научные категории и подходы подвергаются пересмотру.

В учебной литературе по криминалистике 70–х годов XX века предмет взятки не конкретизирован, ничего не говорится о его характере. В его качестве рассматривают какие-либо вещи или деньги, передача которых осуществлялась под различным предлогом: обмена дорогой вещи на менее ценную, проигрыша в карты (иные азартные игры), получение денег по фиктивному трудовому договору и т. п. Обращено внимание на необходимость доказывания предмета взятки, его признаков, источники получения средств для дачи взятки.

В отдельных учебниках и справочных пособиях для практических работников предмет взятки практически не упоминается, но в дальнейшем ситуация начинает меняться.

Учебники по криминалистике начала нынешнего столетия содержат перечисление всего, что может являться предметом взятки со ссылкой на нормы уголовного кодекса.

В работе, подготовленной Н. П. Яблоковым, также подчеркивается значимость предмета взятки, знание особенностей которого позволяет «разобраться в деталях механизма преступления (в наличии особых связей между субъектами взяточничества, предварительной договоренности между ними и др.) и его способе»⁶²¹.

В курсе криминалистики, подготовленном питерскими учеными-криминалистами в 2004 году под редакцией О. А. Коршуновой и А. А. Степанова⁶²², предмету взятки отводится существенная роль. Обращено внимание не только на различные виды предметов взятки, но и указано на необходимость детализации в процессе доказывания описания и установления их индивидуальных свойств и признаков.

Изложенная в курсе криминалистики информация свидетельствует о значимости предмета взятки, его ключевой позиции в системе доказывания события преступления. Однако не все действия представлены в отношении предмета взятки, а также ничего не говорится о подготовке предмета, предшествующей моменту его передачи взяточнику.

Анализ многочисленной учебной и научной криминалистической литературы позволяет сделать вывод о том, что вопрос о предмете преступления (в нашем случае это соответствует предмету взятки) рассматривается, как правило, в рамках такой научной категории как криминалистическая характеристика⁶²³. В тоже время криминалистическое описание предмета взятки, за редким исключением, или отсутствует, или изложено поверхностно, без указания на существенные криминалистически значимые свойства.

Мы же считаем, что максимально подробное криминалистическое описание предмета взятки имеет существенное значение для практической деятельности. Вопрос, где должна быть отражена криминалистическая информация о предмете взятки, не должен возникать, т. к. ответ на него очевиден: сведения о предмете взятки должны содержаться в криминалистической характеристике взяточничества. С такой позицией согласится большинство ученых-криминалистов, а также практических работников. Мы также считаем, что предмет взятки является одним из главных элементов криминалистической характеристики взяточничества, сведения о котором должна содержать данная научная категория.

Следует заметить, что в криминалистике предмет взятки не имеет однозначного понимания. Его рассматривают одним из элементов криминалистической характеристики взяточничества, описывая в соответствии с уголовно-правовым пониманием, либо в нем видят материальный элемент структуры преступления.

В последнем варианте также имеются разногласия. По мнению С. П. Кушниренко элементами криминалистической структуры взяточничества, кроме предмета взятки, являются «субъекты преступления (взятокодатель, взятополучатель, соучастники взятокодателя, соучастники взятополучателя), их физическая и психическая деятельность, выражающаяся в умысле, целеполагании и мотивации, место и время взяточничества»⁶²⁴.

А. Е. Гучок в системе взяточничества, выделяет «предмет преступления». На данный элемент преступления не совершается преступное посягательство. Он также не используется в качестве средства совершения преступления. В структуре взяточничества в качестве предмета преступления А.Е. Гучок называет «предмет взятки во всех видах его материального выражения»⁶²⁵.

В целом данное утверждение верно, но оно лишь в части отражает криминалистическую составляющую в понимании предмета взятки. Структуру данного преступления составляют «субъекты, совершающие преступление, предмет или предметы преступления»⁶²⁶. Это следует признать верным только для некоторых случаев совершения взяточничества. Например, взятокодатель предлагает врачу денежную сумму за выдачу ему справки (листка) о временной нетрудоспособности. Врач принимает деньги и необоснованно оформляет данный документ. В этом случае действительно отсутствует посягательство на предмет преступления, т. е. на предмет взятки. Но имеют место криминальные ситуации, когда должностное лицо за совершение действий, которые должен совершать в силу предоставленных полномочий, требует взятку в определенной сумме. Равнозначны ли приведенные примеры? Ответ очевиден – нет. В чем же тогда разница? По всей видимости, во втором примере имеет место посягательство на предмет взятки, т. е. ту денежную сумму, которую требует должностное лицо за совершение действий в интересах обратившегося к нему гражданина. Для

понимания этого необходимо обратиться к толкованию слова «посягательство». В словаре русского языка оно определяется как «попытка (незаконная или осуждаемая) сделать что-нибудь, распорядиться чем-нибудь, получить что-нибудь и т. п.»⁶²⁷.

Требование взятки, следовательно, является случаем преступного посягательства на ее предмет. В приведенном примере предметом взятки выступают деньги, которые незаконно «пытается получить» должностное лицо. Изложенное позволяет сделать вывод, что предмет взятки в материальной структуре взяточничества может быть не только «предметом преступления», но и «предметом преступного посягательства».

Предмет преступного посягательства в структуре преступления является материальным элементом, который определяет целевую направленность совершаемого деяния. Должностное лицо, которое требует за выполняемые действия деньги или иные материальные ценности имеет цель на завладение ими в процессе своей служебной деятельности.

Имеют место и иные ситуации, когда предмет взятки в преступной структуре играет роль предмета преступного посягательства. Речь идет о совершении преступления путем вымогательства взятки (ч. 2 ст. 430 УК). Используя данный способ, должностное лицо реализует свой умысел на получение взятки посредством требования, сопровождаемого угрозой неблагоприятных последствий для обратившегося к нему гражданина. В некоторых случаях виновный предварительно создает условия, оказавшись в которых гражданин находится в сложной ситуации принятия решения. Ему предстоит выбрать одно из двух возможных решений: либо дать должностному лицу взятку и избежать неблагоприятных последствий, связанных с его дальнейшими действиями либо не давать ему взятку, но претерпеть негативные в отношении себя последствия. Учитывая сложность ситуации, а также возможные последствия и их тяжесть, гражданин нередко выбирает первый путь решения возникшей проблемы, т. е. предлагает должностному лицу взятку, при этом сам совершает преступление, становится взяткодателем. И в этой ситуации предмет взятки является предметом преступного посягательства.

В практике противодействия коррупции имеют место примеры, когда должностное лицо создает для гражданина неблагоприятные условия, которые фактически являются провокационными. При этом может быть заявлено требование либо оно отсутствует, но объективно на него указывают особенности поведения должностного лица. Гражданин оказывается в ситуации выбора варианта решения возникшей проблемы. В действительности должностное лицо имеет иную цель и реализует в направлении ее достижения умысел «подставить» потенциального взяткодателя и реально привлечь его к уголовной ответственности. Например, Ш., являясь оперуполномоченным группы БЭП, доложил руководству ОВД, что за не привлечение к ответственности С. она предлагает ему взятку в размере 500 долларов США. Руководством отдела

было принято решение о проведении оперативного эксперимента. После прихода С. в ГОВД, Ш. провел ее в свой служебный кабинет и, создавая условия для дачи взятки, запер входную дверь. С. длительное время не решалась передать деньги Ш., но он, вместо того, чтобы пресечь попытку дачи взятки, уговорил ее сделать это. Когда С. положила на стол перед Ш. указанную сумму, он подал сигнал своим коллегам, которые задержали С. на выходе из кабинета⁶²⁸.

В правоприменительной деятельности должностных лиц правоохранительных органов немало случаев, когда граждане совершили проступки, влекущие, например, административную ответственность. В этой ситуации должностному лицу, например, сотруднику ОВД, нет необходимости создавать неблагоприятную для гражданина ситуацию, она уже сложилась в результате неправомерного поведения последнего. В дальнейшем даче-получению взятки предшествует подготовительный период. Правонарушитель вступает в общение с представителем власти, выясняет у него возможные для себя последствия привлечения к ответственности. Прояснив ситуацию, гражданин высказывает предложение, просьбы, выгодные для него, намекает на возможность решения проблемы иным путем. Если сотрудник правоохранительного органа проявляет беспринципность, не категоричен в своей позиции представителя власти, уклончиво отвечает на вопросы нарушителя, то это определяет дальнейшее поведение привлекаемого к ответственности лица.

Дальше ситуация развивается по одному из двух возможных вариантов. В первом варианте неприступный сотрудник правоохранительного органа выполняет возложенные на него обязанности, оформляет документы, необходимые для привлечения виновного к ответственности и резко пресекает всякие попытки оказать на него воздействия, как со стороны правонарушителя, так и иных лиц с ним связанных. Жесткость демонстрируемой позиции сотрудника правоохранительного органа не позволит рискнуть дать ему взятку.

Но развитие сложившейся ситуации может пойти и по иному пути. Развитие событий в этом случае всецело зависит от желания правоохранителя. Во-первых, он, поддавшись уговорам и соблазнившись предлагаемыми деньгами или вещами, сам становится на путь преступления. Во-вторых, контролируя ситуацию, выслушивая намеки на возможность «договориться» страж порядка как бы соглашается. У нарушителя появляется надежда, но он и не подозревает, что ловят-то его самого. Далее следует: «пойдем отойдем в сторону, поговорим» и т. п. Нарушитель «проглатывает» наживку и вскоре становится взяткодателем⁶²⁹.

Предмет взятки в приведенных примерах выступает в качестве предмета преступления либо предмета преступного посягательства. Различие состоит в отношении взяткополучателя к предмету до момента его получения: если взяткополучатель требует (вымогает), например, деньги или имущество, то они представляют собой предмет преступного посягательства.

В теории уголовного права не проводится различие между предметом преступления и предметом преступного посягательства. Любая взятка всегда рассматривается как предмет преступления. Он представлен в качестве социальных благ, «...по поводу которых возникают и существуют общественные отношения, и при воздействии на которые виновный нарушает эти отношения»⁶³⁰. Следует заметить, что воздействие как волевой акт не всегда характерно для предмета преступления, особенно когда речь идет о такой его разновидности как предмет взятки. В словаре русского языка «воздействие» как понятие означает «действие, направленное на кого-что-нибудь с целью добиться чего-нибудь, внушить что-нибудь»⁶³¹. Ни о каком воздействии на предмет взятки не может идти речи, если заинтересованное лицо (гражданин), по собственной инициативе, и, исходя из личных потребностей, вручает его государственному служащему за совершенное им действие (бездействие). С большой долей условности можно говорить о воздействии (причем опосредованном) на предмет взятки в той ситуации, когда должностное лицо требует взятку.

Криминалистика отражает реальности уголовного права, а они таковы, что один и тот же элемент в системе разных (учитывая их индивидуальность), но одноименных преступлений (в данном случае взяточничества), имеет различное функциональное назначение. Разница очевидна между двумя вариантами одной и той же ситуации. В первом варианте, взяткодатель по своему желанию передает должностному лицу взятку, в виде, например, денег. Во втором варианте наоборот, должностное лицо требует взятку в том же виде и за те же действия.

Какое значение это имеет для правоприменительной практики? Различие в понимании предмета взятки (предмет преступления или предмет преступного посягательства) влияет на квалификацию преступления и ответственность за него. Понимание этих вопросов лежит в плоскости науки криминалистики, выделяющей и изучающей в системе преступления элементы его материальной структуры.

Уголовное право не делает различия между предметом преступления и предметом преступного посягательства, а закрепляет норму, предусматривающую повышенную ответственность за вымогательство взятки (ч. 2 ст. 430 УК), тем самым указывая на повышенную общественную опасность требования должностным лицом взятки. Но и здесь не проводится различие между требованием, сопровождаемым угрозой неблагоприятных последствий для гражданина, обратившегося к должностному лицу и требованием, которое такой угрозой не сопровождается. Это достаточно важные обстоятельства, которые должны учитываться при назначении наказания виновному. На практике не всегда учитывается наличие или отсутствие угрозы при заявлении незаконного требования о взятке.

По нашему мнению, наличие требования взятки, особенно в случаях, когда после этого проводилось задержание подозреваемого с поличным, является основанием для рассмотрения деяния по ч. 2 ст. 430 УК, т.е.

«вымогательство взятки». На практике наличие одного лишь незаконного требования о взятке не рассматривается как ее вымогательство, так как не сопровождается угрозой. Но всякая угроза, судя по примерам из практики, воспринимается как таковая. Например, К., занимая должность начальника бюро по реализации запасных частей и товаров управления продвижения и реализации запасных частей ОАО «Минский тракторный завод», стал требовать от Г., являющегося коммерческим директором ЧТУП «Агроснабпоставка», денежные средства за благоприятное решение вопроса об исполнении заключенного договора, в том числе своевременного исполнения заявок ЧТУП «Агроснабпоставка» на поставку товаров. К. периодически намекал Г. о том, что срок исполнения заявок может увеличиться. В подтверждение этого имела место задержка отгрузки товара по причине несвоевременного оформления документов. К. недвусмысленно намекал Г. «Когда ты меня порадуешь?», ожидая денежного вознаграждения. В момент получения взятки К. был задержан. Суд, несмотря на имевшие место требование взятки квалифицировал деяние К. по ч. 1 ст. 430 УК. При этом не была дана правовая оценка угрозы, сопровождавшей требование взятки⁶³².

Уголовно-правовое понятие «вымогательство» содержится в ст. 208 УК. В его содержании наличествуют две части: требование и угроза. Требование незаконного характера касается «передачи имущества или права на имущество либо совершения каких-либо действий имущественного характера» (ч. 1 ст. 208 УК). Аналогично требование и при совершении взяточничества. Угрозой при вымогательстве является применение насилия к потерпевшему или его близким, уничтожение или повреждение их имущества, распространение клеветнических или оглашение иных сведений, которые они желают сохранить в тайне (ч. 1 ст. 208 УК). Все перечисленные варианты угрозы при вымогательстве не характерны для вымогательства взятки. Угрозой при вымогательстве взятки признаются такие действия по службе, которые «...могут причинить ущерб законным интересам гражданина...». Требование взятки может быть выражено под «...угрозой бездействия по службе, вследствие чего он (*гражданин* – А. Х.) был вынужден дать взятку для предотвращения вреда его правоохраняемым интересам. Важным признаком вымогательства является угроза со стороны должностного лица совершить или не совершать соответствующие действия по службе»⁶³³.

На основании изложенного выше можно сделать следующие выводы.

1. Наличие требования взятки в равной степени повышает общественную опасность деяния вне зависимости от того сопровождается ли оно угрозой вредных последствий для гражданина, находящегося в правовых отношениях с должностным лицом.

2. Решение обозначенных проблем при квалификации деяния как «вымогательство взятки», мы видим в необходимости совершенствования

уголовного законодательства. В связи с этим в ч. 2 ст. 430 УК предлагается слова «путем вымогательства» заменить словами «путем требования».

ГЛАВА 5 ВЫЯВЛЕНИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

5.1. Криминалистические ситуации и версии при выявлении и расследовании взяточничества

Жизнь каждого человека, а равно его любая деятельность, наполнены многими событиями и ситуациями. Данные понятия различны. Если «событие» – это «то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни», то «ситуация» – это «совокупность обстоятельств, положение, обстановка»⁶³⁴. Очевидна терминологическая разница этих слов, не требующая пояснений, но в контексте данной работы нам необходимо особое внимание уделить понятию «ситуация».

Понятие «ситуация» не указывает, а предполагает необходимость определенного реагирования субъекта, оказавшегося в условиях конкретной жизненной обстановки. Она «...имеет объективное и субъективное содержание, является частью, элементом социальной среды. В отличие от условий формирования личности, оказывавших длительное влияние на субъекта и в прошлом, ситуация взаимодействует с личностью непосредственно в момент, предшествующий совершению преступления»⁶³⁵. Если субъект никаким образом не реагирует на ситуацию, имеющую к нему отношение, то ее дальнейшее развитие происходит независимо от его желания. Находясь в условиях той или иной ситуации, отдельный индивид нередко оказывается перед выбором дальнейшего поведения, в том числе и конкретных действий. Верное понимание и должный анализ сложившейся ситуации способствуют принятию человеком правильного для него решения.

В процессе расследования преступлений следователю приходится разрешать множество различных ситуаций. Особое значение имеют ситуации, формирующиеся на первоначальном этапе расследования. Их правильная оценка влияет на принятие следователем тактических решений, определение направления расследования, выбор тактических средств и последовательность их осуществления.

Наиболее сложными являются ситуации, складывающиеся при выявлении и дальнейшем расследовании латентных преступлений, к числу которых относится и взяточничество.

В практике борьбы со взяточничеством имеют место случаи, когда недостаток в анализе сложившейся ситуации приводит к неверным тактическим решениям, в результате которых некачественно закрепляются фактические данные. В итоге это затрудняет процесс расследования,

формирование доказательственной базы и приводит к прекращению дела. Например, в орган, осуществляющий ОРД, поступила информация, что директор ООО «Гремо» Г. вымогает взятку в особо крупном размере (100 тыс. долларов США) у индивидуального предпринимателя Д. за решение вопроса о поставке пищевого мака в количестве 20 тонн. Принимается решение о проведении оперативного эксперимента, в ходе которого Г. была задержана. Материалы оперативного эксперимента переданы в прокуратуру для возбуждения уголовного дела. В ходе их проверки было установлено, что сумма, переданная Г., предназначалась для оплаты поставленного товара. В возбуждении уголовного дела было отказано⁶³⁶.

Все это определяет потребность в детальном исследовании ситуаций, складывающихся на момент выявления и первоначальном этапе расследования взяточничества. С этой целью мы проведем криминалистический анализ ситуаций, складывающихся при выявлении и расследовании взяточничества.

В криминалистике понятие «ситуация» трансформировано в специальную криминалистическую категорию «следственная ситуация». Изучению данной категории посвящены труды многих ученых-криминалистов: А. Н. Колесниченко, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина, Н. П. Яблокова, Р. С. Белкина, Т. С. Волчецкой и других.

В числе первых сформулировал определение понятию «следственная ситуация» А. Н. Колесниченко. Он представил следственную ситуацию в виде определенного положения, сформированного в ходе расследования, характеризуемого доказательствами и информационным материалом, на основе которых возникают конкретные задачи его собирания и проверки⁶³⁷. И. Ф. Герасимов предложил иное определение следственной ситуации. По его мнению, следственная ситуация – это «сложившаяся на определенный момент расследования, внутренне склонная к изменению совокупность характеризующих расследование материальных, информационных и иных факторов и их оценка, которая обуславливает основные направления расследования, принятие решений и выбор способов действий»⁶³⁸.

О. Я. Баев представил следственную ситуацию как модель реальной обстановки расследования преступлений⁶³⁹.

Л. Я. Драпкин также рассматривает следственную ситуацию в качестве модели, но в отличие от предыдущей позиции она представлена как «мысленная динамическая модель». В такой модели отражаются информационно-логическое, тактико-управленческое и организационное состояния, сложившиеся по уголовному делу на определенный момент расследования⁶⁴⁰.

В. Е. Старостина и В. В. Яровенко под следственной ситуацией понимают обстановку расследования, сложившуюся в результате проведения следственных действий и ОРМ⁶⁴¹. Но следственная ситуация изначально объективна и, в основном, не зависит от воли и желания субъекта предварительного расследования, который с ней столкнулся. В дальнейшем,

в результате проведения как следственных действий, так и оперативно-розыскных мероприятий, первоначальная ситуация изменяется. И так происходит до тех пор, пока длится расследование и возникает необходимость в получении новой информации. Следовательно, «до начала расследования следственная ситуация никаким образом не связана со следственными действиями. Оперативно-розыскные мероприятия могут быть проведены до момента возбуждения уголовного дела, но это имеет место в тех случаях, когда в отношении конкретных фактов или лиц проводилась оперативная проверка (разработка)»⁶⁴².

Н. П. Яблоков отметил, что процесс возникновения и исчезновения доказательственной и иной информации сопровождается возникновением и изменением разнообразных фактических положений. Рассматривая ситуационную природу деятельности, различает криминальную и следственную ситуации. «Криминальные ситуации представлены в виде фактических положений, возникающих в процессе совершения преступлений и их отражения вовне в виде следов-последствий. А фактические положения, возникающие в начале расследования и на других его стадиях, называются следственными ситуациями»⁶⁴³.

Сравнивая «ситуацию расследования» и «следственную ситуацию», Р. С. Белкин представил последнюю с внешней стороны по отношению к процессу расследования, т. е. она является совокупностью «условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, т. е. та обстановка, в которой протекает процесс доказывания»⁶⁴⁴.

Представленные мнения ученых-криминалистов свидетельствуют об отсутствии единого взгляда в понимании следственной ситуации и ее видов.

Н. П. Яблоков предложил следующую классификацию:

по уровню: ситуации следственных действий и по видам операций;

по первоначальному моменту выявления: первоначальные, последующие и заключительные;

по характеру оцениваемого момента: этапные и промежуточные;

по степени обобщения: типовые и конкретные. Конкретные, в свою очередь, в зависимости от преобладания в них типовых или нетиповых признаков могут быть типичными или атипичными;

по степени проблемности: сложные и простые, конфликтные, бесконфликтные и тупиковые⁶⁴⁵.

И. Ф. Герасимов и Л. Я. Драпкин разделили следственные ситуации на простые и сложные. Сложные ситуации, в свою очередь, делятся на проблемные, конфликтные, ситуации тактического риска, организационно-неупорядоченные, комбинированные. Все эти ситуации, включая простые, делятся на исходные, промежуточные и конечные⁶⁴⁶.

Весьма детальную общую классификацию криминально-криминалистических ситуаций предложил Г. А. Зорин, который выделяет значительное количество их видов⁶⁴⁷.

Н. А. Бурнашев в основе выделения ситуаций рассматривает: объем и сферу функционирования; процесс ситуационного развития; этапы расследования; тактическую характеристику; алгоритмизационную ориентацию; степень достоверности отражения положений расследования; характеристику информационной основы ситуации; время функционирования; прогностические свойства; степени непрерывности функционирования; динамическую характеристику; сферу ситуационного обеспечения⁶⁴⁸.

Не анализируя достаточно большое количество предложенных Г. А. Зориным и Н. А. Бурнашевым ситуаций, а также учитывая высокую степень их научного обобщения, следует заметить, что не все из них имеют практическую значимость. Практического работника будут интересовать те ситуации, информация о которых будет служить основой для его дальнейшей деятельности. По всей видимости, такому назначению не соответствуют такие ситуации, как, например, перманентные, пульсирующие, сглаженные⁶⁴⁹. А предложенные Г. А. Зориным лабиринтные, ядерные, экспрессивные и т. п. ситуации Р. С. Белкин назвал экзотическими⁶⁵⁰.

Р. С. Белкин указал на основание для общей классификации следственной ситуации. Для этого должна служить ее качественная по отношению к возможности достижения целей расследования характеристика. В связи с этим признается деление следственных ситуаций на типичные и специфические; начальные, промежуточные и конечные; бесконфликтные и конфликтные (с дальнейшим их подразделением); на благоприятные и неблагоприятные для расследования.

Всякое достижение следователем намеченных целей, как считает Р. С. Белкин, должно начинаться с оценки существующей следственной ситуации и при необходимости – с принятия мер по изменению ее в благоприятную сторону, при этом наиболее эффективное средство такого воздействия на следственную ситуацию – тактическая комбинация⁶⁵¹. Последнее утверждение Р. С. Белкина верно лишь в части, т. к. тактическая комбинация не единственное тактическое средство, применяя которое можно воздействовать на следственную ситуацию. Кроме тактических комбинаций в процессе расследования применяются тактические операции, а также в этом аспекте следует говорить и об отдельных следственных действиях, посредством которых решаются частные задачи расследования. Изменить следственную ситуацию возможно также посредством непроцессуальной деятельности, например, путем проведения в период расследования ОРМ.

В дальнейшем в учебнике, написанном под редакцией Р. С. Белкина, отрицается наличие типичных следственных ситуаций, которые всегда индивидуальны. «Типизировать следственные ситуации, как считают авторы учебника, можно лишь по одному из их компонентов, а если быть еще более точным, лишь по одному из образующих его элементов»⁶⁵². В качестве объекта типизации предлагается, как правило, элемент, относящийся к информационному компоненту. Образуют же следственную ситуацию

система условий, состоящая из четырех характерных компонентов: психологического, информационного, процессуального и тактического, материального и организационно-технического.

И. А. Копылов указал на необходимость преимущественного использования термина «криминалистическая ситуация»⁶⁵³, а не «следственная ситуация», что следует признать правильным.

О криминалистической ситуации идет речь в монографии Т. С. Волчецкой, которая ввела в научный оборот понятие «криминалистическая ситуалогия»⁶⁵⁴. Объясняется такая позиция тем, что термин «следственная ситуация» имеет ограничительное использование в связи с деятельностью следователя. Фактически же складывающаяся на определенном этапе ситуация безотносительна к статусу субъекта, который участвует в выявлении, раскрытии и расследовании преступления. Это представляется верным и очевидным, если мы рассматриваем ситуации, складывающиеся в момент выявления признаков взяточничества. Криминалистический характер этих ситуаций не изменяется в зависимости от того, что деятельность по выявлению взяточничества преимущественно осуществляют оперативные работники. Их статус позволяет рассматривать разновидность криминалистических ситуаций и именовать их как оперативно-розыскные. В зависимости от содержания этих ситуаций они в дальнейшем могут трансформироваться в следственные на этапе расследования уголовного дела.

Рассматривая криминалистическую ситуалогия, Г. А. Зорин оценил ее как «концепцию расследования, центрированную на личность»⁶⁵⁵.

Представленные мнения ученых-криминалистов свидетельствуют об отсутствии единого взгляда в понимании следственной ситуации. Ученые не достаточно уделяют внимания ситуациям, складывающимся в доследственном периоде.

Практика выявления признаков взяточничества на этапе до возбуждения уголовного дела нередко ограничивается деятельностью органов, осуществляющих ОРД. Это позволило специалистам в сфере ОРД правомерно говорить о типичных оперативно-розыскных ситуациях по делам о взяточничестве.

Исследование практики проведения оперативного эксперимента по делам о взяточничестве позволило В. Н. Крюкову выявить типичные оперативно-розыскные ситуации, складывающиеся в момент задержания взяточников с поличным. Они выделены по различным основаниям, в зависимости от: 1) поведения задерживаемых лиц; 2) места передачи взятки; 3) количества задерживаемых и последовательности их задержания; 4) способа передачи взятки⁶⁵⁶.

В зависимости от поведения задерживаемых лиц различают следующие типичные оперативно-розыскные ситуации:

поведение задерживаемого лица по отношению к представителям правоохранительных органов: а) задерживаемый не оказал сопротивления; б) оказал сопротивление в момент задержания;

поведение задержанного в связи с возникшей ситуацией задержания: а) задерживаемый пытался скрыться с места преступления на транспортном средстве; б) пытался скрыться иным способом (бегством);

поведение задерживаемого лица по отношению к предмету взятки: а) пытался скрыть предмет взятки; б) пытался выбросить предмет взятки; в) пытался уничтожить предмет взятки.

В зависимости от места вручения взяткополучателю взяткодатель либо посредником во взяточничестве предмета взятки выделены следующие типичные оперативно-розыскные ситуации: а) по месту работы (службы); б) по месту жительства; в) в транспортном средстве (личном или служебном автомобиле, ином транспорте); г) в общественном месте на улице; д) в помещении общественного пользования.

В зависимости от количества задерживаемых и последовательности действий по их задержанию типичные оперативно-розыскные ситуации подразделяются на: а) задерживается один взяткополучатель, взяткодатель или посредник во взяточничестве; б) задерживается одновременно несколько лиц, причастных ко взяточничеству (взяткополучатель и взяткодатель); в) задерживается в определенной последовательности несколько лиц, причастных ко взяточничеству.

В зависимости от способа передачи взятки выделены следующие типичные оперативно-розыскные ситуации: а) непосредственный (из рук в руки от взяткодателя к взяткополучателю); б) опосредованный (используется посредник в открытую или и «втемную»).

На основе предложенной В. Н. Крюковым классификации можно заметить, что оперативный эксперимент проводится в конкретных, реально сложившихся условиях. Их совокупность определяет содержание ОРД, результативность которой будет зависеть от анализа информации о личности проверяемых лиц и их возможного противодействия реализации ОРМ. Следовательно, оперативно-розыскная ситуация при взяточничестве – это совокупность объективных условий развития преступления, тщательный анализ которых определяет направление и результативность ОРД.

С предложенной формулировкой определения понятия «оперативно-розыскная ситуация» не в полной мере согласуются, предложенные В. Н. Крюковым, виды ситуаций. Например, поведение задерживаемых за взяточничество лиц формируется в момент проведения оперативного эксперимента, но никак не предшествует ему. Можно только в результате анализа личности задерживаемого, места и обстоятельств его задержания прогнозировать возможное сопротивление либо попытку скрыться с места преступления. Представляется, что поведение задерживаемых лиц является фактором, влияющим на формирование ситуации, но само по себе ею не должно рассматриваться.

Криминалистическая ситуация изначально объективна и в основном не зависит от воли и желания субъекта ОРД (либо органа предварительного расследования), который с ней столкнулся. В дальнейшем, в результате проведения ОРМ (равно как и следственных действий), первоначальная ситуация изменяется. И так происходит до тех пор, пока длится оперативная проверка (разработка) либо расследование и возникает необходимость в получении новой информации. Например, реализуя оперативный эксперимент, сотрудники органа, осуществляющего ОРД, столкнулись с ситуацией задержания одного из троих подозреваемых в получении взяток, прибывших к условленному месту передачи взятки на автомобиле. После задержания одного взяточника сложилась новая ситуация, потребовавшая принятия срочных мер, направленных на задержание лиц, скрывшихся с места преступления⁶⁵⁷. В первоначально сложившейся ситуации действия должностных лиц правоохранительных органов должны быть грамотными, четкими, быстрыми, решительными и законными. В приведенном примере оперативные работники должны были принять все меры для задержания на месте передачи взятки всех подозреваемых. В подобных случаях предусматриваются действия, направленные на пресечение попыток взяткополучателя уничтожить, выбросить предмет взятки либо сообщить соучастникам о задержании. Также «нежелательно, чтобы факт задержания привлек внимание сотрудников учреждения, где работает взяточник. В противном случае неустановленные соучастники преступления, друзья взяткополучателя могут принять меры к сокрытию следов преступления, ценностей, нажитых преступным путем»⁶⁵⁸.

Представляет интерес мнение Н. П. Яблокова, который заметил, что процесс возникновения и исчезновения доказательственной и иной информации сопровождается возникновением и изменением разнообразных фактических положений. Рассматривая ситуационную природу деятельности, он выделил криминальную и следственную ситуации. Криминальные ситуации представлены в виде фактических положений, возникающих в процессе совершения преступлений и их отражения вовне в виде следов-последствий. А фактические положения, возникающие в начале расследования и на других его стадиях, называются следственными ситуациями⁶⁵⁹. В целом соглашаясь с Н. П. Яблоковым, мы рассматриваем оперативно-розыскные ситуации промежуточным звеном между криминальными и следственными ситуациями.

Выделение оперативно-розыскных ситуаций, по нашему мнению, правомерно, так как возникновение ситуации – это объективная реальность, зависящая от многих факторов, в том числе и субъективного характера.

В тоже время оперативно-розыскная ситуация является разновидностью криминалистических ситуаций, к числу которых относятся и следственные ситуации.

Рассматривая следственные ситуации, возникающие при расследовании взяточничества, можно заметить отсутствие их общего понятия, а также единого взгляда на классификацию.

Вопрос о необходимости формулирования общего понятия следственной ситуации взяточничества неоднозначный. Дело в том, что взяточничество охватывает несколько самостоятельных видов преступлений (получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве), для которых характерны собственные следственные ситуации. Тем не менее, у них имеется общее, что позволяет говорить о возможности выделения типичных следственных ситуаций по одному или нескольким условиям (признакам), образующим их компоненты. Образует же следственную ситуацию система условий, состоящая из следующих характерных компонентов: психологического, информационного, процессуального и тактического, материального и организационно-технического.

«Типизировать следственные ситуации, как считают авторы учебника под редакцией Р. С. Белкина, можно лишь по одному из их компонентов, а если быть еще более точным, лишь по одному из образующих его элементов»⁶⁶⁰. В качестве объекта типизации предлагается, как правило, элемент, относящийся к информационному компоненту.

При рассмотрении следственных ситуаций, складывающихся при взяточничестве, наибольший интерес также представляют компоненты информационного характера, в части осведомленности следователя об обстоятельствах совершенного преступления, его структурных элементах.

Конечной целью расследования любого преступления, в том числе и взяточничества, является установление субъекта преступления и его изобличение в инкриминируемом деянии. В связи с этим одним из основных вопросов, возникающих на первоначальном этапе расследования взяточничества, является вопрос о личности преступника. Это позволяет говорить о выделении типичной следственной ситуации, отражающей информацию о субъекте преступления. Объем этой информации определяет возможность принятия решения о возбуждении уголовного дела, производстве отдельных следственных действий и планировании ОРМ.

Чем больше на первоначальном этапе информации о субъекте преступления, его поведении и действиях, тем конкретнее обозначается следственная ситуация и, наоборот, ситуация неопределенна, если информации о нем недостаточно.

С учетом изложенного можно предложить формулировку определения понятия «типичная следственная ситуация, связанная со взяточничеством»: это сложившаяся на первоначальном этапе расследования (получения взятки или дачи взятки либо посредничества во взяточничестве) совокупность сведений, характеризуемых информационной определенностью (или неопределенностью) о субъекте взяточничества, его уголовно-релевантных действиях и иных материальных элементах структуры преступления, анализ и оценка которых определяют направление деятельности, обосновывают

принятие тактических решений и выбор тактических средств выявления и расследования преступления.

Однако существуют различные мнения по вопросу видов следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования взяточничества, в зависимости от того, что рассматривается: получение взятки, дача взятки или посредничество во взяточничестве.

Значительное количество видов типичных следственных ситуаций предлагается авторами монографических и диссертационных работ. Например, Р. А. Степаненко, рассматривая посредничество во взяточничестве, различает следственные ситуации по следующим основаниям в зависимости от: 1) источника исходных данных; 2) обстоятельств получения первичной информации.

В зависимости от источника исходных данных на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве, по мнению Р. А. Степаненко, складываются следующие ситуации:

1) информация о взяточничестве получена из обращения гражданина в орган, осуществляющий ОРД или в орган предварительного расследования;

2) должностное лицо уведомляет представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы об обращении к нему каких-либо лиц (взятокодателя, посредника и т. п.) в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений;

3) информация о фактах взяточничества, в том числе посредничества либо мнимого посредничества, получена органом, осуществляющим ОРД, или органом предварительного расследования из собственных оперативных (негласных) или иных источников;

4) информация, указывающая на факты взяточничества, в том числе посредничества либо мнимого посредничества, получена анонимно;

5) та же информация, но не анонимного характера, получена из источников в СМИ, из обращений и жалоб граждан и организаций в суд, в прокуратуру, в иные правоохранительные и контролирующие органы⁶⁶¹.

Интерес представляют случаи так называемого мнимого посредничества во взяточничестве. Фактически это способ мошенничества, причем достаточно распространенный. Криминальная ситуация развивается следующим образом. Один гражданин предлагает свои услуги в решении существенной для другого гражданина проблемы. Для ее решения требуется определенная денежная сумма, которую «посредник» намерен передать должностному лицу, от которого якобы зависит решение этой проблемы. Получив денежную сумму «посредник» ее присваивает.

В таких случаях действия «посредника» квалифицируются, в соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о взяточничестве»⁶⁶², по ст. 209 УК «Мошенничество». Кроме того, обвиняемому вменяется в вину подстрекательство к даче взятки (ч. 5 ст. 16, ст. 431). «Взятокодателя» суд

освобождает от ответственности, руководствуясь примечанием к ст. 431 УК, в соответствии с которым «лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки либо если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о содеянном». Например, бывший сотрудник милиции Л. путем обмана, представившись сотрудником ОВД, под предлогом благоприятного решения вопроса о не привлечении К. и С. к административной ответственности за занятие проституцией, заведомо не намереваясь исполнять обещанное, из корыстных побуждений завладел их деньгами в сумме 50 долларов США с каждой⁶⁶³. Аналогичны действия преступника в другом примере, где Ш. подстрекает Н. к даче взятки неустановленному должностному лицу за оказание помощи в прохождении государственного технического осмотра легкового автомобиля, принадлежащего Н. В качестве посредника, между Н. и должностным лицом, Ш. предложил себя. Получив от Н. оговоренную денежную сумму, Ш. присвоил ее себе⁶⁶⁴.

Дача взятки тесно связана с ее получением, поэтому следственные ситуации формируются в зависимости от отношения к взятке должностного лица. В связи с этим для расследования дачи взятки характерна типичная следственная ситуация, когда должностное лицо заявляет о вручении (либо о попытке вручения) ему предмета взятки. Например, Е., находясь в состоянии алкогольного опьянения, был задержан за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.1. КоАП Республики Беларусь «Мелкое хулиганство». Задержавшим его работникам милиции К. и Г. он пытался передать в качестве взятки денежную купюру номиналом 100 долларов США, за освобождение и не доставление в опорный пункт охраны правопорядка. Милиционеры не приняли деньги. В дальнейшем, в момент составления протокола об административном правонарушении, Е. делает повторную попытку вручить деньги, но уже участковому инспектору милиции, за не привлечение к административной ответственности за совершенное правонарушение⁶⁶⁵.

В иных случаях авторы учебных и научных работ указывают на следственные ситуации взяточничества безотносительно к какому-либо из его видов. Ученые называют в числе следственных ситуаций следующие:

1) информация о передаче взятки должностному лицу и совершении им определенных действий в интересах взяткодателя получена спустя значительное время, взяткополучатель и взяткодатель отрицают этот факт;

2) имеется информация о предполагаемой взятке или заявление о предстоящей ее передаче;

3) взяткодатель и взяткополучатель задержаны с поличным;

4) взяткополучатель задержан с поличным по заявлению лица, у которого он вымогал взятку;

5) в организации, ведомстве или регионе установлены многочисленные факты дачи и получения взяток, имеются добровольные заявления рядовых сотрудников и граждан о передаче взяток руководящим работником;

б) установлены факты регулярного субсидирования государственного служащего через одну или несколько коммерческих структур (заработная плата, туристические поездки, предоставление ценных бумаг, покупка недвижимости и т. д.)⁶⁶⁶.

Н. П. Яблоков указывает на три типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования взяточничества:

наличие аргументированных сведений об уже свершившемся взяточничестве, поступивших от органов дознания и от взяткодателя;

наличие заявления конкретного лица о вымогательстве у него взятки и предполагаемой ее передаче;

сведения о взяточничестве стали известны из материалов расследования другого уголовного дела⁶⁶⁷.

В практической деятельности по расследованию взяточничества правильное определение следственной ситуации позволяет следующее:

во-первых, обосновать выбор тактического решения в соответствии с нормами уголовного процесса, а также современными достижениями криминалистической науки;

во-вторых, организовать и спланировать совместные действия следователя и органа, осуществляющего ОРД;

в-третьих, сформировать обоснованные версии и оптимизировать проведение следственных действий, необходимых для их проверки.

Это позволит сделать правильный анализ и дать оценку следственной ситуации, т. е. «выбрать верное направление расследования»⁶⁶⁸.

По нашему мнению с учетом проведенного анализа 40 уголовных дел о взяточничестве можно выделить три основные криминалистические ситуации.

1. Имеет место заявление заинтересованного лица о состоявшемся либо предстоящем взяточничестве. Известна информация о субъекте преступления, его криминальных намерениях и действиях. Имеется информация и о других структурных элементах преступления, ее объем в каждом конкретном случае взяточничества может быть различным, что и определяет возможность принятия тактических решений. К этой ситуации также относятся случаи явки с повинной. Заявителем в данном случае может быть любой субъект взяточничества: взяткополучатель, взяткодатель, посредник во взяточничестве, а также любое физическое лицо, которому что-либо известно о совершенном или совершаемом преступлении.

2. Информация (сведения) о совершенном взяточничестве (или множественных случаях) либо предполагаемом преступлении получена органом, осуществляющим ОРД. Такая информация может быть получена от физических лиц, в том числе сотрудничающих на конфиденциальной основе с органом, осуществляющим ОРД. Она может быть добыта и в результате проведения органом, осуществляющим ОРД оперативной разработки в отношении конкретного должностного лица либо определенной организации (сферы деятельности). Объем полученной информации о личности,

например, взяткополучателя и иных структурных элементах взяточничества также отличается в каждом конкретном случае, что не всегда позволяет возбудить уголовное дело и начать процесс расследования. Особенность такой информации в том, что она имеет не процессуальный характер и не может изначально служить доказательством вины лица, подозреваемого во взяточничестве. Ее использование в качестве доказательств предполагает процедуру легализации в уголовном процессе.

3. Сведения о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях получены следователем в результате расследования иных уголовных дел. Такая ситуация в дальнейшем может трансформироваться в первую либо вторую ситуации.

Указанные следственные ситуации имеют наиболее общий характер. Дальнейшее их развитие может происходить как в сфере ОРД, так и следственной деятельности. Каждая из них может быть разделена на несколько видов, но представленные ситуации определяют единый подход к процедуре дальнейших действий по выявлению, раскрытию и расследованию взяточничества.

Поясним это на примере одной из разновидностей первой общей криминалистической ситуации: имеет место заявление гражданина о вымогательстве у него взятки. Такое заявление может поступить как в орган предварительного расследования, так и в орган, осуществляющий ОРД, от чего в дальнейшем зависит перспектива расследования уголовного дела. Объем информации, полученной на начальном этапе, определяет возможность возбуждения уголовного дела. Следует также заметить, что нередко поступившее к следователю заявление гражданина о вымогательстве у него взятки передается для проверки в орган, осуществляющий ОРД. Это оправдано, если объем заявленной информации о взяточничестве недостаточен для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Но если представляется возможным возбудить уголовное дело на основании признаков преступления, содержащихся в заявлении гражданина, то дальнейшие действия следователя должны быть связаны с организацией и проведением тактической операции по задержанию вымогателя взятки с поличным. Такое решение проблемы позволяет получить достаточный объем доказательств, изобличающих лиц, виновных в совершении взяточничества.

Если заявление гражданина о вымогательстве у него взятки оказывается в органе, осуществляющем ОРД, то независимо от имеющейся первоначальной информации, уголовное дело не возбуждается. Задержание с поличным производится в рамках не процессуальной деятельности этого органа. В этом случае, как правило, проводится оперативный эксперимент или иные ОРМ. В дальнейшем материалы ОРД предоставляются в орган предварительного расследования, который на их основе принимает (или не принимает) решение о возбуждении уголовного дела и легализует их в качестве источника доказательств.

Очевидно, что данный путь борьбы со взяточничеством при равных условиях значительно сложнее и, следует заметить, не всегда оказывается результативным, например, «в процессе проведения оперативного эксперимента в отношении К. по заявлению коммерческого директора частного унитарного предприятия о вымогательстве у него 60 тыс. долларов США за заключение договора купли-продажи детского санаторно-оздоровительного лагеря. Директор ЧУП во время завершающей стадии проведения оперативного эксперимента потребовал от К. написать расписку на передаваемую ему сумму денег. Начав писать расписку и написав слово «паспорт» К. обнаружил, что паспорт оставил в автомобиле. Положив ручку, он поднялся из-за стола и направился к выходу из своего кабинета, где должна была произойти передача денег, предупредив, что идет за паспортом. Но как только он вышел из кабинета, его задержали работники милиции. Это позволило К. впоследствии выдвинуть версию, что от получения взятки он отказался добровольно, которая ничем опровергнута не была. В итоге расследование по делу было прекращено за отсутствие в деянии состава преступления»⁶⁶⁹.

Причиной допущенной ошибки в приведенном примере явилась поспешность оперативных работников и недостаточная продуманность тактики проведения оперативного мероприятия. Представляется, что данная ошибка была бы исключена в случае проведения тактической операции, организация и проведение которой также наталкивается на ряд проблем. Некоторые проблемы проведения тактической операции по задержанию взяточника с поличным рассматриваются нами в § 5.2, а также проанализированы ранее в нескольких публикациях⁶⁷⁰.

На основе результатов обработки исходной информации, характеризующей следственную ситуацию, выдвигаются версии, призванные объяснить с позиции лица, осуществляющего выявление, раскрытие и расследование взяточничества, ряд обстоятельств, связанных с преступным деянием. Выдвигая и формулируя версию, субъект процессуального либо непроцессуального исследования конструирует связи между известными ему фактическими данными (следствиями преступления) и их предположительной причиной.

Криминалистическое учение о версии считается устоявшимся в науке, несмотря на некоторую разницу в формулировании дефиниции термина «версия».

Р. С. Белкин представил версию как «обоснованное предположение относительно отдельного факта (обстоятельства) или группы фактов из числа имеющих значение для дела, объясняющее происхождение этих фактов (обстоятельств), их связь между собой»⁶⁷¹.

По мнению О. Я. Баева «криминалистическая версия есть обоснованное предположение профессионального участника процессуального исследования преступлений о сути и значении отдельных фактов, обстоятельств, их связях между собой и совокупностях, лежащих в области и

пределах такового исследования, формулируемое в целях объективизации и оптимизации достижения результатов последнего и проверяемое в рамках уголовного судопроизводства»⁶⁷².

Выдвижение версий Р. С. Белкин и О. Я. Баев ограничивают областью уголовного судопроизводства, что не является верным в случаях противодействия латентным преступлениям, в том числе и взяточничеству, в выявлении которых значительная роль отводится органам, осуществляющим ОРД. Это позволяет говорить о версиях, выдвигаемых вне процессуальной деятельности, осуществляемой на этапе проверки оперативной информации о фактах совершенного или подготавливаемого взяточничества.

С точки зрения Е. П. Ищенко: «Криминалистическая версия – это одна из сторон мысленного моделирования, это мысленная реконструкция события, отдельных его обстоятельств, осуществляемая на основе известных фактических данных»⁶⁷³.

Е. П. Ищенко представил криминалистическую версию как мыслительную деятельность, результатом которой является суждение ее субъекта о неизвестных обстоятельствах дела.

Вне всякого сомнения, назначение криминалистических версий в том, чтобы «углублять и расширять знания следователя (дознателя) по конкретному делу и обеспечивать переход от вероятности к достоверности»⁶⁷⁴.

Используя криминалистическое учение о материальной структуре преступления и учитывая разнообразие мнений ученых-криминалистов можно предложить иной вариант определения понятию «криминалистическая версия», под которой мы понимаем предположительное суждение субъекта правоохранительной деятельности о наличии или отсутствии преступного деяния, его сущностном содержании и элементах материальной структуры, их взаимосвязях, а также иных неизвестных обстоятельствах, подлежащих установлению в результате непроцессуальной и процессуальной деятельности.

Основываясь на этой дефиниции, можно заметить, что криминалистические версии, выдвигаемые в связи со взяточничеством, подразделяются на две группы, в зависимости от области их приложения. Речь идет о версиях, выдвигаемых в ходе ОРД, осуществляемой инициативно на предмет выявления признаков взяточничества в определенной сфере деятельности, а также с целью осуществления предварительной проверки факта преступной деятельности должностного лица. Субъектами выдвижения таких версий являются оперативные работники органов, осуществляющих ОРД.

Другую группу криминалистических версий выдвигаемых, как правило, в процессе раскрытия и расследования уголовного дела по факту совершенного взяточничества, составляют следственные версии. Наименование данных версий прямо указывает на субъекта их выдвижения, которым является следователь.

Наиболее общими, типовыми версиями, выдвигаемыми на базе первичной информации в связи с данной категорией дел, являются следующие: 1) факта взяточничества не было; 2) взяточничество имело место или предполагается⁶⁷⁵.

На основе этих версий формируются типичные версии. Предполагая отсутствие события взяточничества, формулируются следующие версии: взятка не давалась, имеет место оговор должностного лица; должностному лицу правомерно переданы деньги, иные ценности (возвращен долг, получен гонорар за публикацию и др.); должностное лицо выполнило в интересах иного лица действия, руководствуясь не корыстным мотивом и т. д.

Типичные версии, основывающиеся на предположении факта взяточничества, следующие: имел место единичный случай передачи должностному лицу предмета взятки; должностное лицо систематически получает взятки, пользуясь своим служебным положением; должностное лицо совершило в интересах давшего взятку действия, противоречащие установленным правилам и т. д.

Перечень типичных версий широк, но их выдвижение создает условия для выдвижения версий в отношении более узкого информационного блока, например, о субъектах взяточничества (их связях и мотивах), о предмете взятки (способах, приемах, технических средствах передачи), о месте, времени и обстановке, в которых совершалось или будет совершаться взяточничество.

Перечисленные и иные версии могут быть сформулированы и проверены как в период предварительной проверки поступившей информации о взяточничестве, так и на стадии возбуждения уголовного дела.

Предварительную проверку поступивших сведений могут проводить следователь, а также орган, осуществляющий ОРД (орган дознания). Но преимущественно эту функцию реализуют органы, осуществляющие ОРД, которые в первую очередь получают информацию о взяточничестве. Они же могут проводить проверку (либо оперативную разработку) должностного лица инициативно на основе оперативной информации. Такая проверка может проводиться на основании поручения следователя, выявившего признаки взяточничества в действиях лиц, являющихся фигурантами расследования иного уголовного дела.

В основе выявления признаков взяточничества лежит оперативно-розыскная версия о источнике происхождения благосостояния разрабатываемого должностного лица.

Проверка этой версии позволяет установить признаки взяточничества либо иных злоупотреблений, совершенных должностным лицом любого ранга. Возможно ли это в практической деятельности? Вопрос не однозначный. Можно говорить и да, и нет, так как все зависит от должностного положения (статуса) лица, потенциально подлежащего проверке, и заинтересованности в публичном скандале тех лиц, кто следует

за ним по служебной лестнице либо лиц вышестоящих по должностному статусу.

Масса примеров из российской практики государственного управления, когда чиновник, вне зависимости от своего должностного статуса, обладает имуществом и за рубежом, и в России, которое многократно превышает реальные доходы, определенные его должностным положением. Многие крупные российские чиновники (бывшие и настоящие) имеют огромные богатства, исчисляемые в долларовом эквиваленте, которые хранятся за рубежом в виде банковских вкладов и недвижимости. Эти сведения не скрываются, используются СМИ для ознакомления широких масс населения страны⁶⁷⁶.

Такое положение дел не способствует противодействию коррупции (взяточничеству), а, наоборот, ее процветанию и постоянному воспроизводству. Эта ситуация свойственна многим странам, где общественность остается вне реальной борьбы с коррупцией и взяточничеством. В тоже время антикоррупционное законодательство постсоветских государств (по всей видимости, как наследие советского прошлого) рассматривает общественные организации, общественность в широком смысле этого слова в качестве субъекта борьбы с коррупцией и ее основным проявлением – взяточничеством.

Одной из причин недостаточной активности в выявлении признаков взяточничества в отношении высокопоставленных должностных лиц является, по нашему мнению, отсутствие в УК статьи, предусматривающей ответственность за незаконное обогащение. Наличие такой статьи позволило бы правоохранительным органам активнее осуществлять проверку законности наличия имущества, денежных средств должностных лиц.

5.2. Проблемы проведения тактической операции при раскрытии и расследовании получения взятки

Учеными-криминалистами написано большое количество научных работ по проблемам теоретико-прикладного характера тактической операции. Но, несмотря на это, ученые не пришли к единому пониманию этого тактического средства, его содержания, видов и порядка проведения при раскрытии и расследовании преступлений, в том числе и взяточничества.

Следует отметить, что совершенствование тактических операций по задержанию взяточника с поличным это одно из направлений разработки эффективной методики расследования взяточничества. На необходимость совершенствования частных методик расследования коррупционных преступлений указывают многие ученые⁶⁷⁷.

Впервые термин «тактическая операция» предложен А. В. Дуловым в 1972 году. Наряду с ним в литературе с 1979 года используется иной термин – «тактическая комбинация». По мнению Р. С. Белкина, содержание понятия

«тактическая операция» аналогично понятию сложной тактической комбинации⁶⁷⁸, что признается не всеми учеными.

Анализируя предложенное А. В. Дуловым определение понятию «тактическая операция»⁶⁷⁹ можно выделить ряд положений, раскрывающих его специфическую сущность и отличающих данное тактическое средство от других.

Во-первых, тактическая операция представляет собой совокупность различных по своему содержанию действий и мероприятий: следственных, оперативных, организационных и др. С такой позицией согласуется мнение и других авторов⁶⁸⁰.

Во-вторых, действия и мероприятия разрабатываются и проводятся в процессе расследования. Данное положение является ключевым в понимании тактической операции, отражающим ее организационно-тактические основы. Игнорирование этого обстоятельства приводит к стиранию грани между тактической операцией и оперативно-тактической операцией. Например, А. В. Дулов выделил различные варианты реализации содержания тактической операции, в числе которых автор назвал контролируемые перевозки. В качестве примера он назвал перемещение груза наркотиков, который сразу не изымают, осуществляют контроль за его движением, а захват с поличным осуществляется на последнем этапе его перемещения⁶⁸¹. Очевидно, что данный пример имеет отношение к ОРМ «контролируемая поставка», которое относится к виду оперативно-тактических операций⁶⁸², проводимых в рамках ОРД. Неудачный пример привел к пониманию контролируемой поставки, являющейся комплексным ОРМ, в качестве тактической операции⁶⁸³. Такой подход не позволяет разграничивать понятия «тактическая операция» и «оперативно-тактическая операция»⁶⁸⁴, которые представляются как идентичные понятия, что не соответствует действительности. Оперативно-тактические операции имеют непроцессуальный характер, осуществляются в рамках ОРД должностными лицами оперативных подразделений, а их материалы могут служить основанием для возбуждения уголовного дела и (или) источником доказательств после процедуры легализации в уголовном процессе.

В-третьих, тактическая операция проводится по единому плану под общим руководством следователя. В процессе раскрытия и расследования уголовного дела таким сложным тактическим средством руководить целесообразно следователю.

В-четвертых, тактическая операция обеспечивает решение такой задачи расследования, которая не может быть решена посредством производства отдельных следственных действий. По-нашему мнению, при проведении тактической операции можно решать не одну, а несколько взаимосвязанных тактических задач. Так, при проведении тактической операции по задержанию взяточника с поличным основной целью является фиксация получения должностным лицом предмета взятки. Решение этой задачи способствует одновременному решению иных задач.

1) Обеспечение раскрытия преступления, чему способствует проводимый, посредством осуществления различных следственных действий и ОРМ, поиск и сбор доказательств.

2) Обеспечение изобличения лица, подозреваемого во взяточничестве, которое возможно только в контакте с тем, кто изобличается.

3) Осуществление сбора доказательств, совокупность которых затрудняет для обвиняемого в совершении взяточничества возможность их опровержения и заявления ходатайств по поводу их проверки. Кроме того, при проведении тактической операции по задержанию взяточника с личным непосредственному его осуществлению может предшествовать комплекс мероприятий по изучению личности подозреваемого и созданию определенных условий его задержания.

Таким образом, тактическая операция представляет собой комплекс следственных и проверочных действий, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий, осуществляемых на основании общего плана, под единым руководством следователя, направленных на решение таких задач расследования, которые, с учетом сложившейся по уголовному делу следственной ситуации, не могут быть решены в результате проведения отдельных следственных и иных действий⁶⁸⁵.

Тактическая операция в своем развитии проходит несколько этапов:

- 1) подготовительный;
- 2) проведение тактической операции;
- 3) заключительный.

На этапе подготовки тактической операции по задержанию с личным необходимо проанализировать имеющуюся информацию, осуществить выбор средств и способов ее реализации, подобрать участников, подготовить технические средства и т. д.

Тщательному анализу подлежат требования лица о предмете взятки, особенности его личности, предполагаемые место и способ передачи незаконного вознаграждения. Необходимо помнить, что вымогатель взятки может в любой момент изменить определенные условия передачи требуемого предмета (например, место или способ), к чему должны быть готовы лица, планирующие и осуществляющие задержание с личным.

Подготовительный этап тактической операции состоит из двух стадий: до момента возбуждения уголовного дела и после его возбуждения.

В период до возбуждения уголовного дела необходимо определить задачи расследования и принять решение о проведении тактической операции. Принятие решения о ее проведении обусловлено наличием тактических задач, которые могут быть решены посредством производства совокупности следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также возможностью возбуждения уголовного дела.

Для возбуждения уголовного дела необходимы повод и основания. Поводом для возбуждения уголовного дела, согласно Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)⁶⁸⁶ являются:

«заявления граждан; явка с повинной; сообщение должностных лиц государственных органов, иных организаций; сообщение о преступлении в средствах массовой информации и непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления» (ст. 166 УПК). Основаниями для возбуждения уголовного дела являются наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. 167 УПК). Основанием к возбуждению уголовного дела также могут являться материалы ОРД (ст. 49 Закона об ОРД).

Данные, указывающие на признаки преступления, содержатся в заявлении гражданина о взяточничестве. Но практика раскрытия взяточничества не идет по пути признания информации, содержащейся в заявлении гражданина, в качестве «достаточных данных» о признаках совершаемого или совершенного преступления. Здесь кроется одна из процессуальных проблем, решение которой будет способствовать эффективному проведению тактической операции и, соответственно, задержанию с поличным. По-нашему мнению, решение этой проблемы возможно двумя путями. Во-первых, «заявление гражданина в связи с таким специфическим преступлением как взяточничество следует рассматривать не только как повод для возбуждения уголовного дела, но и как информационное сообщение, указывающее на признаки преступления»⁶⁸⁷. Особенно это значимо в случае вымогательства взятки. Такой подход к рассмотрению заявления гражданина должен основываться на максимально подробной информации, содержащейся в объяснениях гражданина в форме опроса, который может провести следователь.

В ходе опроса выясняется следующая информация о: 1) характере взаимоотношений заявителя с потенциальным подозреваемым в совершении взяточничества; 2) времени, месте, поводе для возникновения отношений; 3) количестве и подробном описании всех имевших место встреч и лицах, присутствовавших при этом; 4) месте, времени встречи с предполагаемым получателем взятки; 5) особенностях обстановки места встречи; 6) предмете взятки и особенностях ее передачи; 7) попытках заявителя решить свою проблему в обход закона; 8) наличии конфликта между заявителем и потенциальным взяточником и в связи, с чем он произошел; 9) факте оказания помощи заявителю проверяемым должностным лицом; 10) предположениях и фактах, на основании которых заявитель считает, что у него вымогают взятку; 11) способе предъявления заявителю требования дать взятку; 12) последствиях, которые могут наступить для заявителя, если он не выполнит требования вымогателя взятки и др.

Временной интервал до момента передачи предмета взятки позволяет проверить заявление гражданина посредством проведения ОРМ. Убедиться в преступных намерениях подозреваемого можно путем деления предмета взятки на части. Задержание планируется после передачи предмета взятки полностью, т. е. после передачи последней ее части. Именно так осуществлялась передача предмета взятки председателю общественного

объединения социальной реабилитации инвалидов «Доброе сердце», вымогавшего взятку в сумме 10 000 долларов США⁶⁸⁸.

Проверка сообщения о взяточничестве должна вестись с максимальной осторожностью. Преступник(-и) не должен(-ы) узнать о проверке. В противном случае будут уничтожены улики причастности к совершению преступления, а потенциальные свидетели склонены к даче ложных показаний.

На основе проведенного анализа информации, полученной в результате проведенного опроса и иных проверочных действий, принимается решение о возбуждении уголовного дела и проведении тактической операции по задержанию взяткополучателя с поличным.

Второй путь решения обозначенной проблемы связан с осуществлением ОРД. С целью проверки заявления гражданина о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении проводится ОРМ «оперативный опрос». Достигается эта цель путем решения задачи по выявлению, пресечению преступлений, а также установлению личности граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших. В ходе проведения оперативного опроса выясняются обстоятельства, упомянутые ранее.

Следует отметить, что, в соответствии с законодательством Республики Беларусь, оперативной проверке подлежат анонимные заявления граждан о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении⁶⁸⁹.

В результате осуществляемого оперативного поиска, могут быть проведены и иные виды ОРМ. Например, негласный оперативный опрос, наведение справок обеспечивают получение информации об иных фактах преступной деятельности проверяемого должностного лица. Контроль в сетях электросвязи⁶⁹⁰, проводимый в случаях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, позволит зафиксировать преступный умысел проверяемого лица.

Полученные в ходе предварительной проверки материалы ОРД, как уже было отмечено, являются основанием для возбуждения уголовного дела (ст. 49 Закона об ОРД). Но оперативные работники идут по иному пути. Уголовное дело не возбуждается, а проводится оперативный эксперимент. По-нашему мнению, проведение оперативного эксперимента при таких обстоятельствах является неверным решением, потому что здесь отсутствует вовлечение гражданина в созданную обстановку⁸. На это же обращает внимание В. В. Бачила⁶⁹¹. Следовательно, задержание должно проводиться по основаниям, предусмотренным ст. 108 УПК.

Компромиссный вариант соотношения тактической операции и оперативного эксперимента предлагают российские ученые. Рассмотрев значительное количество уголовных дел о взяточничестве, они обратили внимание, что следователь получал информацию о проведении оперативного

⁸ Подробнее об этом см. в § 6.1.

эксперимента постфактум. Это закономерно лишало его возможности участия в расследовании в полном объеме. По мнению ученых, «в идеале оперативный эксперимент должен являться частью тактической операции задержания взяточника с поличным»⁶⁹². Они же верно отметили, что тактическая операция «включает в себя помимо непосредственного задержания, осуществляемого оперативными работниками, осмотр места происшествия, т. е. того места, где было произведено задержание, личный обыск, осмотр предмета взятки, допрос взяткодателя и взяткополучателя»⁶⁹³.

Возбудив уголовное дело по результатам оперативного эксперимента, следователь лишен возможности участвовать в подготовке и проведении тактической операции. В результате имеет место несогласованность в деятельности следователя и органа, осуществляющего ОРМ. Российскими учеными сделан вывод, что «следователь должен быть активным участником организации тактической операции задержания взяточника с поличным»⁶⁹⁴. Соглашаясь с этим, мы хотели бы уточнить, что следователь не рядовой участник организации проведения тактической операции, он ее руководитель. На следователя возлагается ответственность за результат тактической операции.

Если возбуждено уголовное дело, то это служит процессуальным основанием для моделирования и планирования тактической операции, а также подготовки к задержанию с поличным. Это позволяет проводить следственные действия, осуществление которых возможно только после возбуждения уголовного дела.

Моделирование предполагает выбор совокупности тактических средств, которые, с учетом имеющейся на первоначальном этапе информации, обеспечат решение тактической задачи. Следователь обязан просчитать последовательность выполнения следственных и иных действий, выстроить их в четкую структуру. Мы согласны с мнением Г. А. Зорина считающего, что «следователь должен быть стратегом, т. е. обладать способностью к последовательной системе мыслительных действий, определяющих *оптимальность* (курсив наш – А. Х.) следственной деятельности»⁶⁹⁵.

Модель тактической операции служит началом ее планирования, в итоге которого составляется развернутый план проведения следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий. Он должен составляться коллегиально, с участием оперативных работников. Последним предстоит осуществлять ОРМ и производить задержание с поличным, поэтому их мнение должно учитываться при составлении плана тактической операции.

Применительно к данной категории уголовных дел в первую очередь следует планировать: фиксацию фактов передачи предмета взятки, обнаружение вещественных доказательств, документальных и личных свидетельств о подобных фактах; отслеживание фактов встречи, телефонных разговоров, переписки должностного лица с теми, кому он создает режим наибольшего благоприятствования при получении, например, кредита, в ходе коммерческих операций и т. п.; принятие мер с целью предупредить потерю

материальных следов и обеспечить защиту свидетелей; обнаружение и пресечение новых преступных действий заинтересованных лиц.

Такой план может предусматривать одновременное совершение действий и проведение мероприятий в разных местах или в одном месте либо последовательное осуществление действий следователем, а мероприятий – оперативными работниками.

Оценка хода и результатов тактической операции предполагает анализ приобретенного опыта, позволяет выявить недостатки в ее организации, подготовке, выборе метода и тактических средств.

Следует отметить необходимость совершенствования тактических операций, их «единообразного понимания и проведения в рамках возбужденного уголовного дела»⁶⁹⁶. Это будет способствовать результативному сбору доказательств и изобличению взяточника при его задержании с поличным.

5.3. Организационные, следственные и оперативно-тактические мероприятия, производимые на первоначальном этапе расследования до задержания взяточника с поличным

Для успешного расследования взяточничества требуется «оперативность в принятии решения следователем о производстве процессуальных действий с целью своевременного обнаружения и закрепления доказательств»⁶⁹⁷. Промедление в их осуществлении, учитывая специфику взяточничества, может повлечь за собой отрицательный результат в раскрытии преступления.

На основании составленного плана проведения тактической операции по «задержанию взяточника с поличным» осуществляются ОРМ, следственные и иные действия, которые объединены общностью задач и имеют подготовительный характер.

Производство ОРМ направлено на документирование преступной деятельности взяточника и обеспечение его задержания с поличным. Организация и тактика проведения ОРМ составляют секретную информацию, поэтому в данной работе не рассматриваются.

В группу следственных и иных действий на этом этапе входят следующие: 1) допрос заявителя; 2) осмотр предмета взятки; 3) осмотр специальной техники передаваемой заявителю, оказывающему содействие при задержании взяточника с поличным; 4) подготовка гражданина, участвующего в проведении тактической операции. Рассмотрим их отдельные особенности на примере ситуации вымогательства взятки.

Допрос заявителя предполагает получение информации об обстоятельствах, при которых произошло вымогательство взятки. Допрос заявителя – это по своей сути процессуальное закрепление сведений, ранее изложенных в ходе опроса, проведенного на основании заявления или сообщения гражданина о подготавливаемом, совершенном или совершаемом преступлении.

Определенную сложность может вызвать вопрос о процессуальном статусе лица, заявившего о вымогательстве взятки. Если незаконное требование предъявлено заявителю, то его следует рассматривать в качестве потерпевшего, т. к. вымогательство (требование) взятки по своей сути является посягательством на чужое имущество. Если о вымогательстве взятки стало известно третьему лицу, то он в уголовном процессе выступает в роли свидетеля. В обязательном порядке допрашиваемый (и потерпевший, и свидетель) предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 400 УК).

Допрос потерпевшего, проводимый, как правило, до задержания взяткополучателя, становится одним из центральных следственных действий, позволяющих определить направление расследования и комплекс последующих организационно-тактических мероприятий.

Особенность производства допроса потерпевшего заключается в том, что максимально исчерпывающие сведения о событии преступления, определяют все последующие следственные действия и ОРМ. Проводимые в дальнейшем следственные действия и ОРМ, по существу, являются проверочными по отношению к показаниям потерпевшего. От правильности и тщательности проведения допроса потерпевшего зависит успех задержания взяточника с поличным и доказательство его виновности.

Одним из способов сокрытия преступления, вызывающим наибольшие трудности при доказывании виновности лица в совершении взяточничества, является маскировка корыстного умысла. Поэтому при допросе потерпевшего необходимо установить, не был ли он ранее знаком с подозреваемым лицом, были ли между ними гражданские правоотношения (займа и т.д.) или хозяйственные отношения. Отрицание потерпевшим каких-либо долговых обязательств в полной мере свидетельствует только об отношении последнего к требованиям подозреваемого. Однако нельзя исключать вариант, когда одна сторона (подозреваемый), воспринимает какое-либо обстоятельство как долг перед нею, но не реализует свое юридическое право (если имеется) на его востребование, а другая сторона (потерпевший) не признает за собой никакой обязанности (преднамеренно или по заблуждению). Поэтому, во-первых, потерпевший тщательно допрашивается по всем возможным вариантам предполагаемого долга, а во-вторых, если имеется устойчивая связь между потерпевшим и подозреваемым, определяется обоснованность требований последнего.

Своевременное выяснение этих обстоятельств позволяет принять меры к собиранию дополнительных доказательств об отсутствии связи взяточничества с ранее существовавшими отношениями потерпевшего и подозреваемого, либо исключают наличие состава получения взятки в действиях лица, образуя иной состав преступления.

Большое значение для дальнейшего доказывания виновности лица, предъявившего потерпевшему вымогательское взятки, является выяснение

характера возможной угрозы, в случае невыполнения незаконного требования.

Важнейшей особенностью допроса потерпевшего является исключение возможности огласки полученных сведений и самого факта обращения его с заявлением о вымогательстве взятки во избежание уничтожения подозреваемыми во взяточничестве следов преступления, создания ложных доказательств, а в случае назначения новой встречи потерпевшему – для успешного задержания получателя взятки с поличным.

Подготовка и осмотр предмета взятки (денег или иных ценностей), который предстоит передать взяточнику, является следующим следственным действием. Если предметом взятки являются денежные знаки, то необходимо на них нанести специальные обозначения химическим веществом, которые не видны визуально, но будут выявляться в ультрафиолетовом свете при помощи специальной техники. Также необходимо указать в протоколе осмотра предмета взятки его индивидуальные признаки. В отношении денег такими признаками являются серии и номера банкнот⁶⁹⁸.

В процессе осмотра предмет взятки должен быть сфотографирован по правилам масштабной фотосъемки. Осмотренный предмет взятки должен быть упакован в конверт либо пакет, который также обрабатывается ранее использованным химическим веществом. После обработки предмета взятки и его упаковки примененное химическое вещество целесообразно нанести в качестве образца на чистый лист бумаги, который затем упаковывается в отдельный конверт. Конверт заверяется подписями понятых, присутствующих при осмотре предмета взятки, и скрепляется печатью следователя. Это необходимо для назначения и проведения в будущем экспертизы.

В протоколе осмотра предмета взятки подлежат отражению объяснения заявителя о его предстоящих и иных действиях: почему он соглашается на передачу материальных ценностей, где и при каких обстоятельствах они будут переданы взяточполучателю; факт вручения заявителю указанного предмета в связи с вымогательством у него взятки⁶⁹⁹.

Осмотру подлежит техника, применяемая для негласной фиксации разговора между потерпевшим и взяточполучателем. Специальную технику применяют как до передачи денег (имущества), так и в процессе их передачи. Ранее для этих целей использовались малогабаритные магнитофоны (диктофоны). В настоящее время преимущественно используется миниатюрная цифровая специальная техника, обеспечивающая фиксацию происходящих событий. Перед вручением технического средства производится его осмотр. В протоколе осмотра указывают техническое состояние и параметры цифрового магнитофона (диктофона), а также флеш-карты, ее внешний вид, индивидуальные особенности, отсутствие записи (производится прослушивание флеш-карты). После этого записывается исходная информация об основании (заявление о преступлении) и цели данного действия, участниках следственного действия, месте и времени

предстоящей записи переговоров между субъектами взяточничества. Часть данной информации в обязательном порядке должна быть надиктована самим заявителем. Завершается осмотр техники ее опечатаванием (пломбированием) приемника флэш-карты магнитофона (диктофона) о чем делается соответствующая запись в протоколе.

Инструктаж гражданина, принимающего активное участие в раскрытии и изобличении взяточника, не является следственным действием, но имеет большое значение. Участие потерпевшего в проведении тактической операции по задержанию взяточполучателя с поличным оказывает на него сильное психологическое воздействие. Для преодоления отрицательных эмоций и подготовки к предстоящему участию в ряде следственных действий производится инструктаж потерпевшего. Во-первых, его инструктируют о порядке использования переданного ему технического средства и его возможностях. Во-вторых, в процессе инструктажа данного лица необходимо рассмотреть задачи, стоящие перед ним, его конкретные действия с учетом вероятностных ситуаций, а также действия в момент непосредственного задержания взяточника.

В процессе инструктажа потерпевшего необходимо также рассмотрение следующих вопросов:

- цель проведения тактической операции и ее значение для изобличения взяточполучателя;

- порядок выдвижения и расположение на месте передачи предмета взятки (в ряде случаев его позиция должна быть удобной для наблюдения и применения криминалистической техники);

- конкретные действия потерпевшего, в условиях изменившейся ситуации;

- характеристика места передачи предмета взятки, его особенности, местонахождение членов следственно-оперативной группы (далее – СОГ);

- особенности ведения и фиксации беседы со взяточполучателем;

- действия членов СОГ для обеспечения безопасности потерпевшего;

- условные сигналы для членов СОГ;

- действия потерпевшего после передачи предмета взятки;

- действия потерпевшего в момент непосредственного задержания взяточника с поличным.

От инструктажа зависит поведение потерпевшего, которое в целом определяет успех проведения задержания взяточника с поличным и, в целом, тактической операции.

Проводится самостоятельное организационное мероприятие, направленное на распределение обязанностей между членами СОГ и их инструктаж. В процессе инструктажа СОГ необходимо рассмотрение следующих вопросов:

- задачи, стоящие перед группой в целом и подгруппами в отдельности;

- конкретные действия каждой подгруппы и каждого из участников задержания, с учетом сложившихся различных ситуаций;

ознакомление с фото-, видеоизображением лица (лиц), подлежащего (-х) задержанию;

характеристика личностных качеств и особенностей лиц, подлежащих задержанию;

характеристика предполагаемого места передачи имущества, его особенности, местонахождение каждого из участников и последовательность их действий (при наличии видеозаписи возможно использование ее для более детальной подготовки операции);

применяемые технические средства, обеспечивающие связь между различными звеньями группы и используемые при этом команды и сигналы;

возможность и условия применения специальных средств при осуществлении задержания;

время и порядок выдвижения к месту задержания и занятие определенных позиций;

конкретные действия участников группы при оказании преступниками сопротивления;

конкретные действия, направленные на обеспечение безопасности потерпевшего при реально возникшей угрозе применения насилия;

действия лиц, обеспечивающих деятельность основных участников, по транспортировке задержанных преступников;

другие вопросы, вытекающие из конкретной обстановки задержания.

До непосредственного задержания взяточника с личным проводятся ОРМ, направленные на изучение лица (лиц), совершившего вымогательство взятки. В этих целях возможно проведение таких ОРМ как негласный оперативный опрос, наблюдение, контроль в сетях электросвязи и др.

Не менее значимым является ознакомление с обстановкой места предстоящей передачи предмета взятки, которое в большинстве случаев является и местом задержания. В качестве места задержания может быть: место жительства (взятополучателя, взяткодателя, посредника во взяточничестве); любое помещение по месту работы должностного лица (служебный кабинет, иное помещение организации); иное помещение общего пользования (ресторан, бар, сауна и т. д.); любое общественное место (улица, парк, подъезд и т.д.); автотранспорт (личный, служебный, общественный) и т. д.

Каждое из предполагаемых мест предстоящего задержания подозреваемого во взяточничестве подлежит тщательному изучению на предмет выявления их особенностей, которые могут быть использованы взяточником с целью маскировки своих преступных действий и уклонения от ответственности.

Если задержание с личным предстоит провести в общественном месте (на открытой местности), то в этом случае учитывается наличие на участке предполагаемого захвата проходных дворов и подъездов, параллельных улиц, переулков. Особое внимание уделяется участкам местности, где подозреваемый на какое-то время может исчезнуть из поля

зрения членов группы захвата. По результатам изучения места передачи взятки осуществляется расстановка группы задержания, блокирующая возможные пути отхода взяточника, а также предупреждения попыток «выбросить или уничтожить изобличающие его предметы и документы»⁷⁰⁰.

Если для передачи предмета взятки выбрано помещение, то оно изучается по планам, схемам, строительным чертежам, которые получают в домоуправлениях, бюро технической инвентаризации, отделах коммунального хозяйства местных администраций (исполкомов). Особое внимание уделяется выяснению следующих обстоятельств:

наличие пропускного режима в здание. Это обязывает «продумать вопрос о скрытом пропуске в здание основных и второстепенных участников группы задержания»⁷⁰¹;

расположение и особенности кабинета взяткополучателя (имеется ли приемная, комната отдыха, дополнительный выход из кабинета);

наличие и расположение мест общего пользования (коридоры, туалеты и т. д.).

Знание места предстоящей передачи предмета взятки с личным позволит СОГ предусмотреть и свести к минимуму возможные способы сокрытия следов и иного противодействия задержанию взяточника. В частности, взяткополучатель может:

а) закрыть кабинет на внутреннее запирающее устройство после ухода взяткодателя либо покинуть помещение вместе с ним и запереть дверь;

б) выбросить предмет взятки в окно, под которым по договоренности может находиться соучастник совершаемого преступления;

в) уничтожить предмет в случае осознания опасности задержания (сжечь, проглотить, растворить в специально приготовленном химическом веществе);

г) спрятать предмет взятки в тайнике;

д) передать предмет взятки сообщнику;

е) скрыть с места происхождения после получения предмета взятки.

Отсутствие анализа места предстоящего задержания, возможной реакции взяточника на задержание, привело в одном случае к утрате предмета взятки. Воспользовавшись моментом, когда два оперативных работника КГБ вышли из помещения для приглашения понятых, К. «неожиданно встал, взял из кейса портмоне, выхватил три крайние купюры, запихнул их себе в рот, начал жевать и рукой проталкивать в горло. Оперативный работник пытался ему помешать, но тот оказал ему физическое сопротивление и деньги проглотил»⁷⁰². В другом примере, предварительно не обследовав место задержания («Торговый дом «На Немиге»), СОГ не удалось задержать Б. с личным, который после получения взятки скрылся через запасной выход⁷⁰³.

Следующим этапом после подготовки является непосредственно задержание с личным. Для этого СОГ, заблаговременно, вместе с лицом, способствующим задержанию и изобличению взяточника, выезжает на место, где

должна состояться передача предмета взятки. В отдельных случаях лицо, содействующее изобличению взяточника, прибывает на место передачи взятки самостоятельно.

Прибыв на место, члены СОГ распределяются согласно выполняемым функциям и занимают заранее определенные позиции. Гражданин, содействующий раскрытию преступления, вступает в контакт с взяточполучателем.

После передачи предмета взяточполучателю, производится его задержание. Задержание с поличным должно быть неожиданным для лица, получившего взятку. При задержании необходимо использовать способы, позволяющие ограничивать действия преступника, и исключить возможность выброса (уничтожения) предмета взятки. Фактическое задержание с предметом взятки имеет существенное значение, так как вещественно подтверждается корыстный умысел взяточника.

Если до задержания с поличным предварительная запись переговоров между субъектами взяточничества не производилась либо характер угроз при вымогательстве взятки не конкретизирован, то лицу, содействующему раскрытию преступления, следует не только передать предмет взятки, но и завести разговор с взяточполучателем. В процессе такого разговора может быть получена и зафиксирована техническими средствами информация о требовании взятки и угрозе, возможно реализуемой при его не выполнении.

В процессе задержания взяточника необходимо быть готовым к попыткам задерживаемого уничтожить предмет взятки или иные изобличающие предметы и документы. Предусматривается и возможность заявления взяточника о наличии законных оснований для получения денег, ценностей (например, о якобы возвращенном долге либо о том, что предмет взятки забыт посетителем).

Ученые-криминалисты указывают на целесообразность задержания не сразу после получения взятки, а спустя незначительный промежуток времени⁷⁰⁴. Это связано с тем, что взяточполучатель может не успеть оставить свои следы на предмете взятки. Чаще всего, он не передается из рук в руки. Практике раскрытия взяточничества известны случаи, когда предмет взятки по указанию взяточполучателя помещался в иное место (например, на стол, под стол, в портфель и т. д.). В такой ситуации взяточполучатель будет отрицать предварительную договоренность о даче-получении взятки. Поэтому необходимо задерживать после того, когда взяточполучатель будет распоряжаться предметом взятки как своим собственным – положил в стол, поместил в личные вещи (дипломат, карман куртки) и т. д.

Момент задержания должен быть зафиксирован техническими средствами. Для этих целей возможно использование видеотехники. Наиболее целесообразно в процессе задержания проводить скрытую съемку специальной видеокамерой.

Основанием применения видеозаписи в ходе тактической операции по задержанию взяточника с поличным является получение следователя органом, осуществляющему ОРД. Видеозапись необходимо поручать специалисту

(сотруднику оперативно-технического подразделения органа, осуществляющего ОРД).

Общие вопросы содержания видеосъемки должны рассматриваться с участием следователя. Он обращает внимание на события, которые должны быть запечатлены как главные.

При производстве съемки в условиях открытой местности, в момент передачи предмета взятки и задержания с поличным, в качестве укрытия для оператора могут быть использованы автомобили с назеркаленными стеклами, автомобили-фургоны, стоящие напротив здания и другие укрытия, которые могут скрыть факт съемки. Выбор технических средств и их количество определяется обстановкой, в которой будет производиться задержание. Предварительно должно быть изучено место и возможности применения технических средств. Требуется учета вопрос использования технических средств, дублирующих основные. Это связано с тем, что в некоторых случаях, по причине внешних помех (движение транспортных средств, пешеходов), факт передачи предмета взятки может быть не зафиксирован.

Для обеспечения процессуальной пригодности видеосъемки о задержании взяточника с поличным необходимо соблюдать следующие правила:

все участники, процессуального действия, за исключением лиц, подлежащих задержанию, должны быть уведомлены об использовании видеозаписи с отражением этого в протоколе и на видеозаписи, в ее вводной части;

видеозапись части следственного действия не допускается;

отснятый видеофильм, после производства задержания с поличным, подлежит демонстрации всем участникам следственного действия;

перед просмотром на пленку должно быть записано уведомление следователя о факте демонстрации фильма;

после просмотра на ту же пленку оформляется заключительная часть, в которой должны быть записаны сообщения о соответствии содержания воспроизведенной видеозаписи ходу и результатам задержания взяточника с поличным, заявления, дополнения и замечания субъектов, принявших участие в задержании и их удостоверение в правильности зафиксированных видеоматериалов;

видеофильм должен заканчиваться сообщением следователя об окончании следственного действия с указанием времени;

в протокол о задержании с поличным должна быть внесена отметка о просмотре, а также дополнения, замечания участников следственного действия и запись, удостоверяющая правильность составления протокола и приложенного к нему видеофильма.

Видеофильм включает в себя вводную, основную и заключительную части.

Во вводной части крупным планом запечатлевается следователь (или руководитель оперативной группы), под руководством которого

производится задержание с поличным. Он указывает дату, время, называет место, где будет производиться задержание взяточника с поличным. Затем следователь поочередно представляет всех участников данного следственного действия. Далее сообщается информация об операторе и дается краткая характеристика техническим средствам.

В основной части подлежит фиксации момент передачи потерпевшим предмета взятки, действия с ним подозреваемого, действия подгруппы захвата по задержанию подозреваемого с поличным. Следует отметить, что видеозапись на этом не завершается. Последовательной фиксации с помощью видеотехники подлежат и другие неотложные следственные действия, которые фактически завершают тактическую операцию по задержанию взяточника с поличным. Речь идет о личном обыске и экспресс допросе подозреваемых лиц.

Фиксация заключительной части видеофильма проводится после просмотра результатов записи. В ней следователь предлагает участникам следственных действий изложить свои заявления, замечания, дополнения. Касающиеся соответствия снятой информации ходу и результатам действия при задержании с поличным, личном обыске подозреваемых лиц.

По результатам применения видеотехники может быть составлен самостоятельный протокол либо же сведения о применении видеотехники отражаются, как уже было отмечено, в протоколе наружного наблюдения. Ссылка на данный документ должна содержаться в протоколах, составленных по итогам задержания, а также личного обыска подозреваемого.

В протоколе осуществления видеозаписи должны содержаться следующие сведения: время, место, кем составлен протокол, сведения о лицах, участвующих в производстве задержания, в связи, с чем производилась видеозапись, описание объекта съемок, кем осуществлена видеозапись. В протоколе также отражается техническая характеристика используемой аппаратуры, сведения об исправности и отсутствии записи на магнитных носителях. Также же отражаются сведения о производившихся ремонтах данной техники, события, лица и иные, зафиксированные в ходе записи объекты в их динамике с указанием места, времени, условий видеозаписи, способ опечатывания, а также место и условия хранения носителей информации. Нарушение правил составления протокола может вызвать сомнения в достоверности зафиксированных в нем данных и привести к невозможности его использования в качестве доказательств.

5.4. Тактические особенности следственных действий, производимых после задержания взяточника с поличным и на последующем этапе расследования

После задержания взяточполучателя с поличным проводятся следующие следственные действия: личный обыск, допрос подозреваемого

(задержанного), освидетельствование, осмотр места происшествия, осмотр предмета взятки и специальной техники, на которой зафиксирован момент совершения взятничества.

Личный обыск производится с учетом следующих особенностей:

необходимо исключить возможность выброса изобличающих предметов;

обыск фиксируется при помощи видеотехники;

извлечение предмета взятки из карманов подозреваемого, иных носимых предметов целесообразно поручить одному из понятых (в дальнейшем исключается заявление о манипуляциях работников милиции)⁷⁰⁵.

Если же предмет взятки обнаруживается и изымается следователем или оперативным работником, то им необходимо обращать внимание понятых на момент его извлечения из кармана, а также на его индивидуальные признаки. «Момент обнаружения предмета взятки фиксируется крупным планом в процессе видеосъемки»⁷⁰⁶. В дальнейшем в протоколе личного обыска фиксируется, из какого кармана или носимого предмета был изъят предмет взятки и его индивидуальные признаки. После этого он помещается в упаковку, которая скрепляется печатью, подписями следователя и понятых. В протоколе личного обыска делается отметка о производившейся видеозаписи. Если предмет взятки при личном обыске не обнаруживается, то проводится обыск помещения, в котором произошла его передача. Это необходимо и для обнаружения денег, ценностей и имущества полученного преступным путем, предметов и документов, свидетельствующих о связях субъектов взятничества. Данный обыск, как правило, завершается наложением ареста на имущество. В случае задержания с поличным, обыск проводится сразу после задержания, параллельно с осмотром места происшествия. Если задержание с поличным производилось за пределами помещений, то затем, обыск проводится на рабочем месте подозреваемого, по месту его жительства, а также месту работы и жительства лиц, связанных со взятчиком.

После задержания целесообразно произвести *допрос подозреваемого*. Это следственное действие будет иметь значительно больший эффект, если его провести сразу после выявления преступных действий. В этом случае задержанный взятчик обычно сообщает более полные сведения о произошедшем, чем при несколько отсроченном допросе. «Здесь просматривается чисто психологический аспект, связанный с внутренним возбуждением допрашиваемого от совершенного преступления, поэтому чаще всего он рассказывает о том, что пережил в недавнем прошлом, скрывая, правда, при этом информацию, усиливающую его виновность»⁷⁰⁷.

Допрос проводят в помещении, где происходило задержание, либо в ином месте (административном здании, в автомобиле, на котором прибыла СОГ), если передача взятки производилась на нейтральной территории. При этом обязательно необходимо произвести его видеозапись в целях

предупреждения в последующем отказа преступника от показаний, данных им в качестве подозреваемого.

В ходе первого допроса подозреваемого особое внимание следует обратить на установление всех деталей передачи взятки и тех действий (бездействия), которые взяточник совершил или должен был совершить в интересах взяткодателя, а также на выяснение их связей.

Вопросы, задаваемые в момент такого допроса, должны быть просты по форме и содержанию. Их выяснение создает основу для изобличения взяточполучателя. Ценность такого допроса состоит в том, что взяточполучатель, будучи неожиданно задержанным с поличным, не успевает придумать себе «легенду». В ходе допроса реализуется такой эффективный тактический прием пресечения лжи как внезапность. Следует помнить, что в дальнейшем взяточполучатель может не только отказаться от первичных показаний, но и компрометировать правоохранительные органы, обвиняя их в применении незаконных методов для получения признания. Поэтому в процессе допроса подозреваемого, который надо рассматривать как экспресс-допрос, должны использоваться такие приемы, которые лишат его возможности обвинять следователя в нажиме или применении недозволенных методов. Самый распространенный и простой тактический прием, который должен применяться при допросе – собственноручная запись показаний или внесение в протокол допроса изменений и дополнений. При применении такого приема нужно стремиться, чтобы запись была подробной, отражала основное содержание действий и разговоров подозреваемого с потерпевшим. Однако и это не дает полной гарантии от указанных выше нежелательных последствий, поэтому, при его реализации, необходимо «подстраховаться» от ссылок на плохое здоровье во время дачи показаний и обвинения в использовании физического насилия. В этих целях, сразу после допроса, проводится освидетельствование подозреваемого.

Очень эффективный и имеющий широкое распространение прием – видеозапись допроса. Его преимущество в том, что он наглядно демонстрирует отсутствие применения незаконных методов, поэтому не требует освидетельствования на предмет выявления наличия/отсутствия телесных повреждений.

В случае, когда проведение допроса на месте задержания не представляется возможным, необходимо в пути следования к месту допроса не позволить задержанному сосредоточиться на обстоятельствах дела, обнаруженных доказательствах и т. д., постоянно отвлекая его от этого различными вопросами. Если задержанных несколько человек, то следует провести их одновременный, но отдельный допрос, предусмотрев оперативный обмен информацией между допрашивающими лицами. В этом случае может быть использован фрагмент показаний допрашиваемого лица, давшего правдивые, с учетом иных доказательств, показания. При этом целесообразно зафиксировать в вопросно-ответной форме показания

допрашиваемого, а уже затем предъявить ему имеющиеся доказательства или зачитать фрагмент показаний соучастника преступления.

Освидетельствование взяточполучателя проводится с целью обнаружения на его теле и одежде химического вещества, которым был обработан предмет взятки. С использованием ультрафиолетового осветителя осматриваются руки задержанного для обнаружения следов люминесцентного свечения от контакта с предметом взятки, обработанным специальным химическим составом. Такое действие оправдано, если взяточполучатель прикасался к предмету взятки. В противном случае проводить освидетельствование нецелесообразно. Выявив следы свечения, необходимо произвести смывы с ладоней рук взяточполучателя, которые в последующем будут использованы для назначения и проведения экспертизы с целью идентификации химического вещества, оставившего след на теле (одежде) взяточполучателя, а также вещества, которым был обработан предмет взятки.

Необходимость в проведении освидетельствования может быть вызвана оказанным в процессе задержания сопротивлением, а также с целью исключения возможных заявлений подозреваемого о причинении ему телесных повреждений в процессе задержания и после него.

Порядок производства освидетельствования определен ст. 206 УПК (выносится постановление о производстве, составляется протокол освидетельствования). В случае необходимости для фиксации могут применяться технические средства, о чем делается соответствующая отметка в протоколе.

Осмотр места происшествия проводится с целью уточнения обстановки, в которой происходила передача взятки. Основные решаемые при этом задачи: зафиксировать следы пребывания субъектов взяточничества на месте передачи взятки, обнаружить предмет взятки или его части, упаковочные материалы, документы, в которых отражены действия задержанного в интересах потерпевшего и т. п. Следователям необходимо во всех случаях производить осмотр данного места, т. к. в момент задержания взяточник старается избавиться от изобличающих его предметов⁷⁰⁸. Обнаруженные предметы и документы затем подвергаются более детальному осмотру.

Особое внимание обращается на документы. Их обнаружение не представляет большого труда, т. к. наиболее вероятными местами их расположения являются: сейф, стол и другие, находящиеся в кабинете предметы мебели, например, шкафы, навесные полки и т. д.

Для расследования представляют интерес следующие документы:

«управленческие документы (распоряжения, приказы, протоколы);

бухгалтерская документация, отражающая действия взяточполучателя в интересах взяткодателя и, наоборот сведения о заниженной сумме уплаченных налогов, сведения о получаемой в коммерческой структуре заработной плате;

сберегательные книжки, лицевые счета вкладчика, почтовые переводы, квитанции комиссионных магазинов, ломбардов как признаки получения денег или ценностей;

командировочные удостоверения, счета ресторанов, гостиниц, протоколы заседаний, путевки как признаки пребывания в определенном месте, признаки оказанной услуги, предоставленных льгот и т. д.;

первичные документы, фиксирующие очередность получения товара, кредита, квартиры, автомашины и т. п.»⁷⁰⁹.

Наибольший интерес представляют документы, свидетельствующие о незаконности действий (бездействия) должностного лица и документы, отображающие служебные действия должностного лица, аналогичные тем действиям, за которые была получена взятка. Это необходимо для выявления законных и незаконных действий должностного лица и для установления других фактов взяточничества и иных преступных действий⁷¹⁰.

Обнаруженный документ должен быть тщательным образом осмотрен, зафиксированы посредством использования фото или видеосъемки его место обнаружения и индивидуальные признаки.

Процесс осмотра документа имеет последовательные стадии исследования его формы и содержания:

уяснение назначения документа;

изучение его содержания;

осмотр знаков текста;

осмотр реквизитов документа;

осмотр иных признаков – помарок, следов перегиба и др.⁷¹¹

Такой порядок осмотра рекомендуется и при осмотре документов в связи с раскрытием и расследованием взяточничества. При этом подлежит неукоснительному соблюдению правило обращения с документом – вещественным доказательством: никаких изменений внешнего вида и обеспечение полной сохранности.

На первой стадии осмотра документа изучается его целевое назначение, соответствие установленной в данной организации форме. С этой целью параллельно изучаются другие, аналогичные документы.

Далее подлежит изучению содержание документа. Обращается внимание на наличие смысловых и иных ошибок в тексте. Документ может содержать интеллектуальный подлог, что свидетельствует об умысле подозреваемого, выполнившего (подписавшего) этот документ. Первоначальное содержание документа может быть изменено, на это будут указывать выявленные признаки какого-либо вида подделки: подчистка, травление, дописка и т. д.

После изучения содержания документа осмотру подлежат его реквизиты, среди которых особое внимание уделяется подписи и оттиску печати.

Следует помнить, что «в настоящее время обнаружить признаки подделки оттисков печатей и штампов довольно сложно. Современная

компьютерная техника позволяет изготавливать поддельные печати и штампы очень высокого качества. Изготовление печатей и штампов путем восстановления оригинала по оттиску с использованием компьютерного макетирования и лазерно-гравировальных устройств позволяет получать удостоверительную печатную форму с точным отображением общих и частных признаков оригинала»⁷¹².

В процессе осмотра документов может быть получена информация:

«о незаконности действий (бездействия) должностного лица;

об упрощенной процедуре принятия решения, о «льготном» прохождении документов через секретариат, канцелярию и др. отделы (например, принятие решения о предоставлении налоговых льгот без анализа финансового состояния плательщика и оценки основных показателей его деятельности, отсутствие на документе штампа о регистрации и т. д.);

о фальсификации и подложности документов (полностью или частично фальсифицированные расписки, справки, чеки, квитанции и т. д.);

о сумме разовой взятки или объеме систематического подкупа (осмотр трудовых соглашений, актов приемки выполненных работ, лицевых счетов, сберегательных книжек и т. д.);

об обстоятельствах, создавших условия для возможности вымогательства взяток и способствующих взяточничеству (например, увеличение перечня требований по первоочередному предоставлению кредитов, произвольное толкование правил о предоставлении налоговой отчетности, постановки и снятия с налогового учета, запущенный учет в организации, неправильный подбор кадров и др.)»⁷¹³.

Объектом самостоятельного следственного осмотра могут быть иные письменные носители информации. Они обнаруживаются визуально в ходе осмотра места происшествия.

К иным письменным носителям информации относятся: «записки, записные книжки, резолюции, телефонные справочники, блокноты, дневники (ежедневники), календари, личные записи взятополучателя, взяткодателя, посредника; материалы прессы и распечатки электронной сети Интернет и т. д., которые могут содержать относящиеся к искомому обстоятельству по уголовному делу, в частности шифрованные записи, всевозможные «дежурные» пометки, условные обозначения»⁷¹⁴.

В отдельных случаях объектом следственного осмотра являются электронные носители информации, которые обнаруживаются визуально в ходе осмотра места происшествия. К ним относятся компьютеры, мобильные телефоны, планшеты и т. п., а также их отдельные части (флешки, диски, электронные накопители информации), являющиеся носителями информации. Для их осмотра обязательно привлекают специалиста, задачами которого являются: «снять всю имеющуюся информацию; восстановить утраченные или уничтоженные файлы; блокировать имеющуюся в учреждении локальную сеть; исключить доступ к данным предметам посторонних лиц и др.»⁷¹⁵.

По итогам осмотра электронных носителей информации в протоколе подлежит отражению информация о месте их обнаружения, общие и частные признаки, комплектность, связь с иными техническими устройствами, если таковая имеется, состояние на момент осмотра (включено, отключено и т. д.). Вопросы изъятия стационарных компьютеров, их упаковка и транспортировка решаются с участием специалиста.

Если упомянутые документы, электронные носители информации и иные, представляющие интерес для следствия, предметы на момент начала осмотра места происшествия могут находиться в сейфе или ином труднодоступном хранилище (запертый металлический шкаф), а должностное лицо отказывается добровольно их вскрыть, то целесообразно принять решение о принудительном вскрытии их на месте происшествия. Предлагается иной вариант действий в подобной ситуации, состоящий в «изъятии, и доставке (сейфа, иного хранилища – А. Х.) по месту ведения предварительного следствия»⁷¹⁶. С этим предложением можно согласиться в случае, если после проведенного личного обыска и обыска в помещении не будут обнаружены ключи от сейфа (иного хранилища), а должностное лицо категорически отказывается его открывать либо утверждает, что ключи утеряны.

Принудительное вскрытие сейфа (иного хранилища) производится в присутствии владельца объекта или иных заинтересованных лиц. В противном случае нарушаются права собственника специального хранилища, что может повлечь сомнения в законности полученных доказательств, либо лицо, проводящее осмотр, может быть обвинено в пропаже находившихся в сейфе документов и иных ценных бумаг, а также в том, «что предмет взятки, в случае его обнаружения в сейфе, был подброшен»⁷¹⁷. Все обнаруженное в сейфе (ином хранилище) подлежит осмотру по общим правилам.

В ходе осмотра предметов, вещей и иных материальных объектов подлежат выявлению следы-признаки взяточничества и отображения. К объектам, на которых могут быть обнаружены такие следы, относятся:

«предметы со следами криминалистических маркеров;

следы пальцев рук взяткодателя или посредника в квартире, автомашине или служебном кабинете взятокополучателя, на предмете взятки (например, выброшенном в окно при задержании);

следы обуви, протектора автомобиля на месте встречи, слюна или губная помада, оставленная на брошенных окурках и т. п.»⁷¹⁸.

Кроме осмотра места происшествия и обнаруженных документов целесообразно провести иные виды следственного осмотра. Например, объектом осмотра является предмет взятки, одежда, в которой находился подозреваемый в момент задержания, материалы видео и звукозаписи.

Обнаружение и осмотр предмета взятки предполагает выявление следов рук взятокополучателя, а также ранее нанесенных на денежные купюры специальных химических веществ.

Если предмет взятки не был обнаружен в момент задержания взяткополучателя, то его местонахождение может быть установлено в процессе осмотра места происшествия. Его местонахождение устанавливается посредством «осмотра следующих объектов: рабочий стол, шкафы кабинета, сейф, личные вещи и одежда задержанного»⁷¹⁹.

В ходе осмотра места происшествия предмет взятки может быть обнаружен посредством использования ультрафиолетового осветителя. Его использование целесообразно в том случае, когда предмет взятки предварительно был обработан специальным химическим веществом, реагирующим на ультрафиолетовые лучи. По обнаруженным в затемненном помещении люминесцирующим следам устанавливается местонахождение искомого предмета.

Обнаруженный предмет взятки должен быть тщательным образом осмотрен, зафиксированы его место обнаружения и индивидуальные признаки. Проверяется наличие на предмете взятки свечения в ультрафиолетовом освещении, отмечается, какие при этом выявлены метки (слова, цифры и т. п.).

Исследование предмета взятки на месте происшествия ограничивается осмотром с целью выявления индивидуальных признаков. В протоколе осмотра места происшествия (либо осмотра предмета) «должно быть указано, что представляет собой предмет взятки, где именно и в каком виде он находился или в каком месте он обнаружен (в ящике стола, в шкафу, в сумке, портфеле, кармане, кошельке, портмоне и т. т.), был ли он упакован, и если да, то отмечается вид упаковки и ее состояние, в каком порядке расположено содержимое предмета взятки, а также в каком порядке расположен предмет взятки по отношению к иным находящимся в исследуемом месте вещам»⁷²⁰.

Для данной категории преступлений *осмотр одежды взяткополучателя* является одним из необходимых следственных действий при условии обработки предмета взятки специальным химическим веществом. В процессе совершения взяточничества происходит контакт преступника не только с элементами обстановки места совершения преступления, непосредственно с потерпевшим, но и, главное, с предметом взятки. Тщательно производимое рассматриваемое следственное действие позволит дополнительно выявить доказательства, изобличающие подозреваемого в совершении преступления.

В ходе осмотра одежды осуществляется поиск следов, образовавшихся в результате воздействия химического вещества, которым обрабатывался предмет взятки.

В некоторых случаях осмотр одежды предшествует осмотру предмета взятки, т. к. «предмет взятки вначале мог быть им положен в карман одежды, а затем перепрятан в иное место. По наличию следов свечения (используется ультрафиолетовый осветитель – А. Х.) можно установить, контактировал ли предмет взятки с одеждой взяткополучателя. При обнаружении таких следов

необходимо сделать соскобы с мест свечения или изъять одежду с этими следами для проведения по ним сравнительных исследований»⁷²¹.

В отличие от других предметов, *осмотр материалов звукозаписи (видеозаписи)* требует не только внешнего исследования, но и изучения тех данных, которые зафиксированы на магнитных или цифровых носителях.

В протоколе осмотра должна быть зафиксирована следующая информация: наименование; тип носителя; индивидуальные признаки флэш-карты. После внешнего осмотра приступают к исследованию информации, содержащейся на представленном носителе. Для воспроизведения записанной информации целесообразно использовать те же технические средства, которые применялись при ее записи. В случае невозможности их использования, применяются иные исправные технические средства, исключающие возможность повреждения либо уничтожения записи. В протоколе необходимо отметить наименование технического средства, применяемого для воспроизведения записи, его тип и технические характеристики.

При прослушивании фонограммы или просмотре видеозаписи необходимо обращать внимание на ее качество, на наличие шумов, посторонних записей и др. Содержание информации, записанной на носителе, переводится в машинописный текст и заносится в протокол осмотра. Наличие протокола исключает в последующем необходимость дополнительного воспроизведения записи.

Доказательственное значение результатов тактической операции зависит от процессуальной формы их закрепления. Вместе с тем, необходимо помнить, что материалы ОРД не имеют доказательственного значения, но они могут быть использованы в целях доказывания в уголовном процессе, в соответствии со ст. 49 Закона об ОРД.

К числу последующих следственных действий по делам о взяточничестве относятся допросы свидетелей, обвиняемых, очные ставки, назначение экспертиз, а в ряде случаев возможны также проверка показаний на месте, следственный эксперимент и предъявление предмета взятки для опознания.

Допросы свидетелей проводятся с целью подтверждения факта получения взятки должностным лицом. Свидетелями по уголовным делам о взяточничестве могут быть следующие лица: взяткодатель, добровольно заявивший о даче взятки (предмет взятки на момент заявления передан); лица, у которых вымогалась взятка; очевидцы дачи или получения взятки; очевидцы фактов хищения и других преступлений, связанных с расследуемым фактом взяточничества; сослуживцы взяткодателя, взяткополучателя и посредника; соседи и родственники взяточников; посетители учреждений и организаций, где работают взяточники.

Тактика допроса свидетелей во многом зависит от того, кто допрашивается, каково отношение допрашиваемого к фактам и участвующим в деле лицам, каким объемом информации он может располагать.

При допросе свидетеля-очевидца преступления устанавливаются время, место, подробные обстоятельства получения взятки должностным лицом. Целесообразно предложить свидетелю начертить схематический план места передачи взятки, размещения ее участников, расположения мебели в кабинете. Для проверки показаний свидетеля в последующем следует провести выход на место.

При допросе соседей по месту жительства взяткополучателя (иного участника взяточничества) в первую очередь выясняются их взаимоотношения. Наиболее результативным будет допрос тех соседей, с которыми у подозреваемого не сложились какие-либо взаимные отношения. Такие свидетели предоставят более объективную информацию о образе жизни подозреваемого, его посетителях, их взаимоотношениях, особенностях беседы. Наличие межличностных дружественных, в равной степени недружественных отношений не будет способствовать объективности этих свидетелей-соседей.

Коллеги по работе располагают сведениями о служебных полномочиях взяткополучателя. С их помощью выясняются обязанности задержанного лица, которые могут находиться в прямой связи с теми действиями, совершенными должностным лицом за взятку.

Допрос сотрудников взяткополучателя целесообразно начинать с руководителя организации. Допрос руководителя организации, в которой работает должностное лицо, подозреваемое во взяточничестве, производится не только для получения информации о деятельности данной организации и должностных лиц. Именно руководитель организации может представить наиболее полную информацию об инструктивных полномочиях подчиненного, подозреваемого во взяточничестве, а также и тех функциях, которые он выполнял по отдельным поручениям руководителя и по собственной инициативе. В ряде случаев руководитель может дать характеристику профессиональных и личностных качеств своего подчиненного. Он же дает представление о сложившемся микроклимате в организации и взаимоотношениях взяткополучателя с другими членами коллектива. Это, несомненно, позволит определиться в персональном выборе и последовательности допроса иных сотрудников организации, с которыми подозреваемый находился в служебных отношениях, и показания которых наиболее рациональны в интересах следствия.

В результате допроса иных сослуживцев взяткополучателя можно получить ответы на следующие вопросы:

Почему были допущены нарушения общепринятых правил оформления и разрешения заявления определенного лица (взяткодателя)?

Что собой представляют эти нарушения?

Как часто взяткополучателя посещали определенные лица?

О чем с ними говорил подозреваемый?

В чем выражалось особое отношение к ним взяткополучателя?

В какой момент они заметили внеслужебные отношения подозреваемого с определенным лицом?

Как часто подозреваемого посещали лица по внеслужебным вопросам?

Какие дорогие вещи (предметы или объекты) появились у подозреваемого лица вскоре после его встреч с определенными лицами, проходящими по уголовному делу о взяточничестве и др.?

Получение ответов на эти вопросы будет указывать на длительность коррупционной деятельности взяточполучателя и круг лиц, с которыми возможно установлены коррупционные отношения.

Если расследование проводится спустя длительное время с момента дачи взятки, то с целью изобличения взяточполучателя исследуется его материальное положение в последующий период. На получение взятки косвенно будут указывать сверхмерные затраты (покупка дорогостоящих предметов роскоши, множество затратных зарубежных поездок и т. п.), произведенные подозреваемым в этот период.

Допросы членов семьи взяточполучателя, совместно с ним проживающих, а также других родственников, проживающих отдельно, могут не привести к положительному результату. Это может быть связано со следующим: во-первых, с реализацией конституционного права, основанного на положении ст. 27 Конституции, согласно которому «никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов семьи, близких родственников». Запрет принуждать к даче показаний против членов своей семьи или близких родственников закреплено в качестве принципа уголовного процесса (ч. 4 ст. 10 УПК). Расследуя уголовное дело о взяточничестве, не следует рассчитывать, что право (но не обязанность) давать показания против членов своей семьи или близких родственников, не будет реализовано. Во-вторых, в случае дачи показаний против члена своей семьи или близкого родственника в их содержании может преобладать защитная доминанта, что не отражает объективный подход свидетеля.

Принятию решения о вызове на допрос членов семьи или близких родственников взяточника, должно предшествовать получение информации о его взаимоотношениях с ними. Установление фактов негативных отношений, сложившихся между взяточполучателем и отдельными членами семьи или близкими родственниками, позволяет остановиться на их выборе в качестве допрашиваемых свидетелей. В тоже время надо иметь в виду, что объективная составляющая их показаний может быть негативно приукрашена, основываясь на мотиве мести. Такое нередко имеет место в отношениях между взяточполучателем и матерью его жены, т. е. зятем и тещей. Теща может быть членом семьи взяточполучателя при определенных условиях, на которые указывает УПК. В соответствии с п. 53 ст. 6 УПК членами семьи являются «близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные лица, проживающие совместно с участником уголовного процесса и ведущие с ним общее хозяйство».

Основными условиями признания тещи членом семьи с точки зрения уголовного процесса являются следующие: 1) совместное проживание с участником уголовного процесса; 2) ведение с ним общего хозяйства.

Установить наличие первого условия не представляет больших трудностей, но для признания в наличии второго условия необходимо выявить факты совместного ведения хозяйства. Для этого требуется выявить факт полного или частичного объединения и расходования своих денежных средств и иного имущества (ст. 1. Закона о борьбе с коррупцией). Это имеет значение в случаях отказа давать показания со ссылкой на ст. 27 Конституции.

Понятие «член семьи» в уголовном процессе и иных отраслях права отличаются. Это объясняется сферой регулирования отраслью права общественных отношений. «Понятие члена семьи трансформируется в каждой отрасли под ее функциональную основу, цели, которые заложены в ней»⁷²². Нормы семейного, наследственного права, пенсионного законодательства, а также уголовного процесса, посвященные членам семьи не подлежат применению относительно жилищных правоотношений.

Приняв решение о допросе матери супруги взяточполучателя, следовательно, соблюдая требования закона, необходимо выяснить, относится ли она к членам семьи, и разъяснить ее право давать показания либо от них отказаться. В противном случае, она признается собственницей (родственницей, мать супруги) взяточполучателя и на нее распространяется обязанности, предусмотренные ч. 4 ст. 60 УПК.

Особенностью допроса такого свидетеля является выяснение отношений с взяточполучателем, наличия конфликтных ситуаций, их причины и последствий.

Если принято решение о допросе нескольких членов семьи (родственников) взяточполучателя, то их одновременно вызывают на допрос и раздельно допрашивают, исключив обмен информацией и возможность для их сговора. Члены семьи взяточполучателя должны быть немедленно и поочередно допрошены в случае их присутствия при обыске по месту жительства, при условии обнаружения предметов, вещей, имеющих отношение к взяточничеству.

Особую группу свидетелей составляют лица, которые лично воспринимали факт передачи предмета взятки должностному лицу, т. е. случайные свидетели-очевидцы и свидетели, которым стало известно о взяточничестве из сообщения иных лиц. На практике расследования уголовных дел о взяточничестве чаще всего встречаются свидетели, которые сами не воспринимали факт получения взятки должностным лицом, но знают о нем понаслышке или со слов конкретного лица. Такие показания являются производными, а свидетели, давшие их, обязательно должны назвать источник сведений. В такой ситуации целесообразно по возможности немедленно допросить другое лицо, на которое сослался свидетель. До

момента его доставления, свидетель давший производные показания, должен оставаться по месту проведения предварительного следствия.

В ходе *допроса заявителей* (лиц, которые ранее передали взятку) целесообразно применять звукозапись. Так же необходимо поступить и при допросе иных свидетелей. Это послужит не только дополнительным средством фиксации показаний, но и сдерживающим фактором для тех свидетелей, которые по различным причинам (внешнее воздействие со стороны обвиняемых, их близких или других заинтересованных лиц либо внутреннее побуждение) проявят в будущем желание изменить свои показания в интересах взяткополучателя.

При допросе заявителя, который передал предмет взятки под воздействием требований взяткополучателя, момент разьяснения ему об освобождении от уголовной ответственности в связи с вымогательством (примечание к ст. 431 УК) взятки откладывается до закрепления его показаний в протоколе следственного действия. Это необходимо для того, чтобы исключить возможность использования допрашиваемым лицом данной информации с целью оговора взяткополучателя.

Особенностью *допроса обвиняемого* по делам о взяточничестве является потребность в детальном рассмотрении фактов получения взятки. В доказывании получения взятки нередко решающую роль играют именно детали. Недостаточно тех сведений, о которых сообщает заявитель. Следователь должен получить максимально подробную информацию о совершении преступления. Необходимо детализировать показания, выясняя на первый взгляд незначительные и не представляющие ценности для дела сведения, которые могут знать лишь участники взяточничества. Такого рода данные можно использовать для изобличения не признающегося взяточника.

Следователю необходимо позаботиться о неразглашении данных предварительного следствия о взяточничестве с тем, чтобы преступники не узнали о начавшемся расследовании. С этой целью необходимо у допрашиваемых лиц отобрать подписку о недопустимости разглашения данных предварительного следствия без разрешения следователя. В противном случае взяточники и их сообщники могут оказать противодействие расследованию. Для этого они предпринимают активные и немедленные меры, направленные на уничтожение следов преступной деятельности.

Если по делу о взяточничестве проходит несколько подозреваемых (обвиняемых), то следователю важно определить очередность их допроса, учитывая особенности участия в совершении деяния. При этом принимаются во внимание следующие обстоятельства: имело ли место вымогательство взятки и кто предъявил требование; кто из должностных лиц выполнил обусловленные действия в интересах взяткодателя; однократный или неоднократный характер носило взяточничество; каково отношение лица к совершенному им преступлению.

По уголовным делам о взяточничестве лиц, допрашиваемых в качестве обвиняемых, можно разделить на три группы: взяткодатели, посредники и взяткополучатели. Обычно их допрашивают в такой же последовательности. Вместе с тем не следует во всех случаях механически устанавливать очередность допроса. Иногда правдивые показания дает взяткополучатель, с которого и начинается серия допросов.

Готовясь к допросу взяточника следователю надо учесть, что лица, виновные в получении взятки (нередко и взяткодатели), наделены определенной властью, занимают соответствующие должности. Это определяет возможность использования своего положения для компрометации следователя, заявляя о проявлении с его стороны произвола, клевете на честных людей и т. д. Кроме того, эта категория лиц обычно положительно характеризуется, имеет высшее образование, умеет с достоинством держаться на допросах, а также эмоционально воздействовать на собеседника. Поэтому результативность допроса подозреваемого (обвиняемого) зависит от выбранной следователем тактики.

Важным условием, обеспечивающим эффективность допроса, является установление с допрашиваемым лицом психологического контакта, «под которым понимается готовность допрашиваемого к общению со следователем, к даче правдивых показаний»⁷²³.

Психологический контакт с взяткополучателем оказывает существенное влияние на весь процесс допроса, получение от него информации. «Цели допроса не могут быть достигнуты без установления такого контакта между следователем и допрашиваемым. Установление контакта является необходимой предпосылкой для осуществления психического общения – допроса, является его первой стадией и во многом определяет направленность и содержание тех психических отношений, которые будут реализовываться в ходе допроса»⁷²⁴.

Для установления психологического контакта не следует допускать открытого недоверия ко всем показаниям лица, обвиняемого в получении взятки, любого иного необъективного отношения к его показаниям и материалам дела, проявления невнимательности и высокомерия, неосновательного отклонения ходатайств и личных просьб, панибратства, одобрения совершенного преступления. «Возбудив интерес к предстоящему общению, обмену информацией, в ходе последующего допроса следователь должен и сам постоянно проявлять интерес к передаваемой информации. В соответствии с этим ему нужно осуществлять такую линию поведения, при которой допрашиваемый чувствует определенный интерес следователя к передаваемой им информации, видит заинтересованность следователя в ее получении»⁷²⁵. Достичь желаемого контакта с допрашиваемым взяткополучателем помогают корректное поведение следователя и профессионально грамотное ведение допроса. Учитывая высокий образовательный уровень взяткополучателя, следователю надо постоянно помнить, что он является «объектом наблюдения и что исходящая от него

информация способна усилить контакт или ликвидировать достигнутые в этом отношении результаты. Именно поэтому в процессе установления контакта исключительно важно следователю проявлять все свои положительные коммуникативные свойства, четко продумывая план допроса»⁷²⁶.

В зависимости от отношения к предъявленному обвинению и объективности показаний различают пять основных типичных следственных ситуаций: 1) обвиняемый полностью признает себя виновным, чистосердечно и объективно рассказывает о содеянном, что соответствует собранным по делу материалам; 2) обвиняемый полностью признает себя виновным, но его показания противоречат материалам дела; 3) обвиняемый частично признает себя виновным; 4) обвиняемый не признает себя виновным, объясняя причину этого; 5) обвиняемый не признает себя виновным и отказывается давать показания.

Взятополучателя, дающего правдивые показания о совершении преступления, следует подробно допросить по всем вопросам, составляющим предмет доказывания по уголовному делу. В случае выявления новых эпизодов получения взятки надо допросить их участников по каждому отдельному факту их противоправных действий.

Готовясь к допросу любого субъекта взяточничества, следователь должен помнить о возможности получения от него ложных показаний. Поэтому следует руководствоваться правилом, согласно которому «лучше предупреждать ложь, чем разоблачать ее. Высказанная ложь создает дополнительные препятствия, так как от допрашиваемого требуются новые усилия для отказа от уже данных ложных показаний. Поэтому для применения тактических приемов, направленных на получение правдивых показаний, рекомендуется использовать тактические возможности психологического воздействия в самом начале допроса»⁷²⁷.

При допросе взяточников, которые не признают свою вину или дают ложные показания, могут быть использованы различные тактические приемы.

Для изобличения во лжи могут быть применены следующие тактические приемы:

- внезапная постановка вопросов, связанных с выявленными уликами поведения;

- детализация показаний с целью выявления противоречий;

- допущение легенды (взятополучателю предоставляется возможность изложить свою позицию в отношении получения им предмета взятки. Его объяснение произошедшего допускается до определенного предела, после чего следует изобличение в ложности занятой позиции);

- косвенный допрос или отвлечение внимания (следователь заведомо зная, что не получит от взятополучателя правдивого ответа на основной интересующий его вопрос, с целью маскировки задает ряд других,

кажущихся допрашиваемому менее «опасными», но которые позволяют получить косвенный ответ на основной вопрос);

смена при повторных допросах последовательности задаваемых вопросов, выяснение их в разбивку;

применение звукозаписи, помогающей не только опровергнуть последующее заявление о неправильности протоколирования показаний, но и оказывающей сдерживающее влияние при появлении установки на отказ от правдивых показаний или их ложность;

предъявление вещественных и иных доказательств и др.⁷²⁸

Для наглядной демонстрации явной неправдоподобности показаний взятополучателя (иного участника взяточничества) может применяться совокупность тактических приемов и их комбинаций. Наиболее эффективными в таких ситуациях будут приемы логического воздействия.

Основным тактическим приемом изобличения взятополучателя во лжи является предъявление доказательств. Его применение предполагает при подготовке к допросу определить тактику их предъявления. «Известны два порядка предъявления доказательств допрашиваемому: последовательно, в соответствии с их доказательственной силой – от менее веских к более веским; предъявление сразу наиболее важного доказательства»⁷²⁹. Для того, чтобы определиться с выбором способа предъявления доказательств взяточнику, необходимо предварительно оценить степень значимости и возможного воздействия доказательства на допрашиваемое лицо. Не менее важным является знание личностных характеристик допрашиваемого лица. В зависимости от количества имеющихся доказательств и обстоятельств дела, имеющиеся доказательства могут быть предъявлены все одновременно, т. е. в период проведения одного допроса в случае уверенности в их эффективном воздействии на допрашиваемого. Доказательства могут быть предъявлены последовательно с интервалом во времени, т. е. в течение нескольких допросов, когда предъявление менее веских доказательств не оказывает должного воздействия на допрашиваемого.

Одновременное предъявление всех доказательств оправдывает себя при наличии в отношении допрашиваемого лица данных, указывающих на его склонность к настойчивому отрицанию установленных фактов. В этом случае доказательства предъявляются в нарастающей последовательности: сначала предъявляются менее веские доказательства, а затем более значимые.

Может быть предъявлено одно самое веское доказательство. Этот способ предъявления доказательств достигнет цели признания вины в совершении взяточничества, если допрашиваемое лицо, в силу сложившейся ситуации, начинает понимать бессмысленность запирательства и отказа от дачи признательных показаний.

В условиях расследования взяточничества представляется тактически неверным подход к предъявлению при допросе менее значимых доказательств после предъявления допрашиваемому лицу наиболее сильного доказательства, которое не возымело на него положительного воздействия.

На выбор способа предъявления взяткополучателю доказательств влияет количество эпизодов совершения взяточничества. Если взяткополучатель (это же можно учитывать и в отношении взяткодателя и посредника во взяточничестве) единожды получил взятку и после этого был задержан с поличным, то ему целесообразно предъявить все имеющиеся доказательства его вины. Это может стимулировать его к даче правдивых показаний, т. к. вся совокупность предъявленных доказательств с очевидностью дает представление о совершенном деянии и его следовой картине.

Длительный характер преступной деятельности и многоэпизодность совершенного преступления предполагает необходимость предъявления доказательств по каждому эпизоду преступной деятельности. Именно таким образом соблюдается принцип всесторонности, полноты и объективности исследования результатов преступной деятельности взяточника (ст. 18 УПК).

Не следует предъявлять ему все доказательства на первом допросе, если в ходе его проведения становится понятным, что допрашиваемый не намерен давать правдивые показания. Предъявление доказательств как тактическое средство должно занять ключевую позицию в системе тактических приемов каждого последующего допроса. Это предполагает определение тактики допроса и взвешенный подход к выбору тех или иных доказательств, используемых при очередном допросе для изобличения взяткополучателя.

Если есть основания предполагать, что в ходе дальнейших допросов обвиняемый может отказаться от ранее данных показаний, то целесообразно оформлять протокол каждого предшествующего данному моменту допроса в виде вопросно-ответной форме, где содержание ответов закреплено подписью допрашиваемого.

В случае категорического отказа взяточника давать какие-либо показания либо в случае «пассивной лжи» допрашиваемого, когда он скрывает правду, заявляя «не знаю», «не помню» и т. п., следует использовать тактический прием эмоционального воздействия «убеждение в неправомерности занятой позиции». Проанализировав мотивы такой позиции, взяткополучателю разъясняются негативные для него последствия (усугубляет собственное положение), а также членам его семьи и близким родственникам. Разъясняется допрашиваемому задача следствия, состоящая не только в собирании отягчающих, но и смягчающих ответственность обстоятельств. Особое внимание акцентируется на том, что чистосердечное раскаяние и активное содействие расследованию преступления смягчают ответственность.

Изменению позиции взяточника, состоящей в отказе признать свою вину, могут способствовать иные следственные действия, в которых участвует обвиняемый во взяточничестве. В качестве наиболее эффективных следственных действий, оказывающих психологическое воздействие взяткополучателя, выступают очные ставки, в ряде случаев предъявления для

обвиняемого для опознания. Их результаты могут побудить обвиняемого дать правдивые показания.

Допрос по многоэпизодным делам о взяточничестве, с наличием большого количества субъектов взяточничества, как со стороны взяткополучателей, так и со стороны взяткодателей, ведется по каждому отдельному эпизоду преступления с закреплением в отдельном протоколе следственного действия. Нередко такой допрос сопровождается предъявлением и анализом большого количества различных документов, связанных с выполнением должностным лицом определенных действий в интересах взяткодателя, а также с сокрытием преступления.

В процессе расследования уголовных дел о взяточничестве следователь должен создавать для взяткополучателя видимость, что следствие располагает достаточными доказательствами его виновности. Во избежание сговора заинтересованных лиц с другими участниками преступления об отказе от ранее данных показаний или их изменении, подкупа свидетелей к даче заведомо ложных показаний следователю необходимо использовать возможности ОРД для пресечения этих проявлений. Не приняв должных мер для воспрепятствования указанным негативным действиям, следователь может столкнуться с ситуацией отказа взяточника от ранее данных показаний или их существенных изменений.

При расследовании взяточничества немаловажное значение имеет *допрос на очных ставках*. Очная ставка производится «с целью устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных» (ст. 222 УПК) взяткополучателей и свидетелей. Устранение существенных противоречий возможно путем результативного воздействия одного из участников очной ставки, показания которого проверены и не вызывают сомнений, на дающего ложные показания. Очная ставка достигает своей процессуальной цели в случае, когда взяточник, дающий ложные показания, отказывается от них и проявляет готовность содействовать расследованию.

При подготовке к очной ставке необходимо сформулировать вопросы, относящиеся к «существенным противоречиям» в показаниях ранее допрошенных лиц и определяется последовательность их постановки. Кроме того, изучаются особенности взаимоотношений между допрашиваемыми лицами, подготавливаются доказательства, которые предстоит предъявить в ходе очной ставки, средства ее фиксации и принимается решение о времени и месте проведения следственного действия.

В случае проведения очной ставки между лицами ранее находящимися в отношениях «руководитель-подчиненный» необходимо убедиться в психологической готовности лица (свидетеля подчиненного), давшего правдивые показания, повторить их в присутствии своего руководителя, являющегося взяточником и давшего ложные показания. Очная ставка между такими лицами исключается, если отсутствует уверенность, что свидетель-подчиненный сможет повторить свои показания в присутствии взяточника-руководителя.

В ходе проведения очной ставки следователь не должен допускать всякую возможность сговора между допрашиваемыми лицами, а также психологическое воздействие на лицо, давшее правдивые показания и опровергающего показания другого.

Обычно на очной ставке первым дает показания тот, кто, по мнению следователя, наиболее объективно описывает события. Допускается взаимная постановка вопросов участниками очной ставки. Их каждый вопрос и каждый ответ допускается только с разрешения следователя. Вопросы, задаваемые участникам данного следственного действия, должны детализироваться.

При наличии многих противоречий очную ставку целесообразно производить по одному или по группе наиболее исследованных вопросов. Для фиксации показаний на очной ставке целесообразно использовать звукозапись. Она оказывает сдерживающее влияние на тех лиц, которые могут изменить правдивые показания на ложные.

При расследовании взяточничества наиболее часто применяются графическая экспертиза и техническое исследование документов. Объектами их являются различные документы, оформленные в связи с выполнением тех или иных служебных действий взяточполучателя и взяткодателя. Также часто назначается трасологическая экспертиза, которая может дать ответ на вопрос, не составляли ли ранее одно целое предметы, переданные взяточполучателю в качестве взятки, их упаковка, а также оставшиеся у заявителя предметы и их упаковка. Если взятка сопровождалась застольем, выездом на пикник, в сауну и т. п., объектами криминалистических экспертиз могут быть отпечатки рук, ног, шин автотранспорта, следы зубов на продуктах питания. Могут быть назначены судебно-бухгалтерская и товароведческая экспертизы. Их предметом является решение вопросов, возникших при расследовании связанных со взяточничеством хищений.

Значительно реже по делам о взяточничестве проводятся такие следственные действия как проверка показаний на месте, следственный эксперимент и предъявление для опознания.

Проверка показаний на месте при расследовании взяточничества производится тогда, когда показания свидетелей, подозреваемых и обвиняемых по этим делам отражают события, связанные с особенностями определенного участка местности или помещения, например, когда взяткодатель утверждает, что взятка была передана на квартире ее получателя, который отрицает не только сам этот факт, но даже и посещение его квартиры взяткодателем. Точное совпадение показаний взяткодателя о деталях обстановки с действительным расположением вещей является серьезным доказательством ложности показаний взяточполучателя, если взяткодатель был в квартире впервые. Данный способ проверки дает возможность сопоставить показания разных участников взяточничества об этих местах и получить новые доказательства. Еще больший эффект может дать это следственное действие при изобличении ложного оговора в

получении взятки. Известен случай, когда человек, утверждавший на допросе, что им была передана взятка, не смог найти даже кабинета того должностного лица, которому он в нем якобы передал деньги.

Следственный эксперимент проводится при расследовании взяточничества в случаях, когда с помощью этого следственного действия необходимо проверить правдивость показаний. Например, мог ли свидетель слышать разговор взяточников, видеть какие-либо действия в определенной обстановке и конкретных условиях.

При расследовании дел рассматриваемой категории чаще всего *предъявляется для опознания предмет взятки*, который может быть предъявлен лицам, ранее его видевшим у взяточдателя. Предъявление для опознания проводится с целью получения доказательства того, что вещь, найденная у подозреваемого, ранее принадлежала взяточдателью.

Если в процессе расследования встал вопрос о предъявлении человека для опознания, то данное следственное действие необходимо провести незамедлительно, т. к. в результате естественного процесса забывания тех или иных моментов опознающий может дать искаженную информацию о воспринятом объекте. «Просрочка в предъявлении для опознания, даже в течение нескольких дней, иногда может поставить достоверность опознания под сомнение»⁷³⁰.

Для опознания могут быть предъявлены, например, взяточдатель – свидетелю, подтверждающему факт посещения им должностного лица в определенное время на рабочем месте.

ГЛАВА 6 ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

6.1. Оперативный эксперимент как средство задержания взяточника с поличным

В процессе раскрытия и расследования взяточничества осуществляются следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые находятся в определенном соотношении.

Оперативно-розыскная деятельность является одним из средств выявления, пресечения и раскрытия взяточничества. Одной из особенностей современной ОРД является то, что ее проведение регулируется не только законом, но и подзаконными (ведомственными) НПА. Она может носить как гласный, так и негласный характер. При осуществлении гласной ОРД лицо, интересы которого затрагиваются, осведомлено о соответствующем ОРМ и добровольно способствует его проведению. Негласное проведение ОРД предполагает, что лицо, в отношении которого она проводится, не знает и не

должно знать о ней. Такая форма проведения ОРД осуществляется в процессе выявления и раскрытия взяточничества.

На первоначальном этапе выявления и раскрытия взяточничества часто складывается ситуация, когда целесообразно проведение задержания взяточника с поличным. Решение данной задачи возможно несколькими способами. На один из них мы уже указали – это проведение тактической операции как средства, разработанного криминалистической наукой и осуществляемого в рамках следственной деятельности по раскрытию и расследованию преступления. Иной способ имеет непроцессуальный характер и связан с ОРД. Он наиболее распространен в практической деятельности правоохранительных органов и реализуется посредством проведения оперативного эксперимента, который является комплексным ОРМ. В ряде случаев оперативный эксперимент может приобретать форму оперативно-розыскной операции⁷³¹, осуществляемой в соответствии с заранее определенным планом. Такие операции в учебной литературе по ОРД нередко называются «тактическая оперативная операция»⁷³² либо ее можно назвать «оперативно-тактическая операция».

В результате ОРД возможно выявление и пресечение преступной деятельности взяточполучателя в различных ситуациях, рассмотренных нами ранее.

Источником информации для инициативной проверки, реализуемой в ходе ОРД, служат, как правило, сообщения лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими ОРД, на конфиденциальной основе. В иных случаях такого рода информация может быть получена с помощью средств технической разведки, например, в результате проведения специального ОРМ контроль в сетях электросвязи, скрытого видеонаблюдения, установленного в ходе оперативного осмотра и т. п. Это один из типичных способов начала целенаправленной ОРД, ориентированной на выявление взяточничества и задержание взяточполучателя с поличным либо получение таких материалов ОРД, которые объективно подтверждают преступность деяния, содержат указание на признаки преступления и могут служить основанием для возбуждения уголовного дела. Такой способ применяется не во всех случаях, а только в тех, когда необходимо выявить признаки квалифицированного взяточничества, характеризуемого как тяжкое или особо тяжкое преступление.

Наиболее оптимальным будет использование сил и средств ОРД в ситуации наличия информации о имевшем ранее случае передачи взятки должностному лицу и совершении им определенных действий в интересах взяткодателя. Также органы, осуществляющие ОРД, могут располагать оперативной информацией (получена ими в результате оперативно-разведывательной или аналитической работы) о многочисленных фактах дачи и получения взяток в конкретной организации определенной сферы деятельности (промышленность, финансы, здравоохранение и т. д.). С целью пресечения преступной деятельности и задержания лиц, подозреваемых в ее

осуществлении, проводятся различные ОРМ, среди которых ключевое место занимает «оперативный эксперимент».

По своему содержанию ОРМ, проводимые в связи со взяточничеством, имеют схожесть со следственными действиями и «являются как бы суррогатом следственных действий. Они представляют собой тот резерв, без которого невозможно расследовать некоторые преступления»⁷³³, среди которых особое место занимают коррупционные преступления.

Для выявления признаков дачи-получения взятки часто проводится оперативный эксперимент. Он «представляет собой вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, гражданина, в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе этих сведений обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина, в целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности» (ст. 34 Закона об ОРД)⁷³⁴.

Процесс вовлечения гражданина в созданную обстановку контролируется оперативным работником органа, осуществляющего ОРД. Оперативный эксперимент обеспечивает достижение нескольких целей. Во-первых, вызывает определенное событие, т. е. предполагаемую преступную деятельность лица, в отношении которого проводится оперативная проверка. Во-вторых, способствует получению сведений, необходимых для выполнения задач ОРД (ст. 34 Закона об ОРД). В итоге реализации оперативного эксперимента взяткополучатель задерживается с поличным.

С точки зрения Закона об ОРД проведение оперативного эксперимента в ранее перечисленных криминалистических ситуациях (см. § 5.1.) возможно при наличии оснований и соблюдения обязательных условий. Основанием могут служить сведения о совершенном преступлении, а также о гражданине, его совершившем. Вместе с тем, Закон об ОРД предусматривает обязательные условия, которые должны быть соблюдены при подготовке к проведению оперативного эксперимента.

Во-первых, необходимо наличие заявления либо сообщения гражданина о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении в отношении его или родных и близких ему лиц.

Во-вторых, заявление либо сообщение гражданина должно содержать сведения о признаках менее тяжкого, тяжкого или особо тяжкого преступления.

В-третьих, в проведении оперативного эксперимента должен принять участие гражданин, в отношении которого готовится, совершается или совершено преступление (ст. 34 Закона об ОРД).

Соблюдение этих условий не всегда представляется возможным. Дело в том, что в первой ситуации сведения о совершенном (либо предстоящем) преступлении могут быть получены не только от заинтересованных, т. е. тех,

кого преступное деяние непосредственно коснулось, но и третьих лиц. В отношении третьих лиц или их близких преступление не совершалось, и они не могут принять участие в проведении оперативного эксперимента. При этом надо учитывать, что ни взятополучатель, ни взятодатель не заинтересованы в распространении информации о заключенной между ними преступной сделке. Для возбуждения уголовного дела недостаточно информации, указывающей на признаки совершенного преступления.

Подготовка и проведение оперативного эксперимента в первой криминалистической ситуации также не целесообразно, если подтверждаются сведения об имевшем месте получении взятки в незначительных размерах (коробка конфет, бутылка коньяка, иной предмет в эквивалентной денежной сумме, либо незначительная денежная сумма) и у взятополучателя отсутствует умысел на совершение новых преступлений.

Проводимое в рассмотренных ранее ситуациях задержание взяточника с поличным оформляется органами, осуществляющими ОРД как оперативный эксперимент. Соответствует ли это требованиям Закона об ОРД? Вопрос дискуссионный, так как на основе известных сведений о времени, месте, сумме и условиях передачи взятки оперативными работниками не создается обстановка, максимально приближенная к предполагаемой преступной деятельности проверяемого гражданина. Эта «обстановка» может реально сложиться (либо развивается) и без участия оперативных работников.

Предполагается, что оперативный эксперимент проводится в «целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД» (ст. 34 Закона об ОРД). Но фактически на этапе подготовки к задержанию взяточника с поличным оперативные работники вручают гражданину, согласившемуся принять участие в задержании преступника, обработанные специальным веществом деньги, технические средства для записи разговора, определяют несложную линию поведения при общении со взяточником. Практиками считается, что таким образом создается обстановка, вызывающая событие, связанное со взяточничеством. Но реальность наступления этого события выше в идеальных условиях, когда отсутствуют какие-либо сомнения и тревоги у взятополучателя и взятодателя. По факту получается, что внесение оперативными работниками «корректив» в объективно сложившиеся отношения между должностным лицом и гражданином не гарантирует наступление ожидаемого события. Об этом свидетельствуют неудачно проведенные задержания при получении взятки, оформленные как оперативный эксперимент⁷³⁵.

В качестве примера создания «обстановки, максимально приближенной к предполагаемой преступной деятельности» можно представить ситуацию проверки оперативной информации о получении работниками Государственной автомобильной инспекции (далее – ГАИ) взяток за не привлечение к административной ответственности водителей, нарушивших правила дорожного движения. Так на проверяемом участке умышленно

нарушаются правила движения, например, превышена скорость движения транспортного средства. Нарушитель, после остановки работником ГАИ, признает свою «ошибку» и ожидает его решения. Такая «созданная обстановка» определяет возможность «вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД» (ст. 34 Закона об ОРД). Этим событием может быть требование (предложение решить проблему иным образом) работника ГАИ дать взятку за не привлечение к ответственности. Но если остановленный водитель, сотрудничающий с органом, осуществляющим ОРД, первым предлагает работнику ГАИ взятку, то такие действия расцениваются как провокация.

Проведение оперативного эксперимента в связи со взяточничеством представляется не основательным, так как сущность «эксперимента» состоит в проведении опытов⁷³⁶. О проведении опыта можно говорить основываясь на примере о проверке служебной деятельности работников ГАИ. Но какие опыты проводятся в момент задержания взяточника с поличным? Ответить на этот вопрос положительно можно только в одном случае, но это связано с нарушением закона. Эти нарушения нередко выражаются в создании «обстановки провокации преступления»⁷³⁷. На действия, связанные с провокацией взятки, распространяется ст. 396 УК «Инсценировка получения взятки, незаконного получения вознаграждения или коммерческого подкупа». К подобным действиям относятся «незаметное оставление денег или иных ценностей в кабинете должностного лица, отказавшегося их взять (например, подбрасывание их в ящик стола, папку, документы, одежду потерпевшего), направление их по почте, телеграфу, через иных лиц, передача ценностей близким соответствующего лица без его согласия, попытка оказать услуги имущественного характера (бесплатно или по явно заниженной стоимости) и т. п.»⁷³⁸.

Подстрекательством рассматривается ситуация, неоднократно повторяющихся провоцирующих действий со стороны лиц, участвующих в проведении оперативного эксперимента, которым удастся склонить должностное лицо к получению взятки. Например, Р. сотрудничая с органом, осуществляющим ОРД, в разное время приходила на работу к Г. и склоняла его принять взятку, более того насильно пыталась вручить ее Г. Только на третий раз Г. уступил назойливой посетительнице и принял взятку, после чего и был задержан с поличным⁷³⁹.

В практике расследования уголовных дел много примеров, связанных с подстрекательством к даче взятки. Например, М. подстрекал Д. к даче взятки неустановленным должностным лицам УГАИ ГУВД Мингорисполкома за благоприятное для него решение вопросов о возврате Д. водительского удостоверения на право управления транспортным средством в нарушение установленного порядка и об открытии Д. дополнительной категории «А» на право управления мотоциклами⁷⁴⁰.

Во второй криминалистической ситуации имеется информация, полученная в результате ОРД. Ее, как правило, недостаточно, для решения

вопроса о возбуждении уголовного дела, а также для проведения оперативного эксперимента. Поэтому собранную информацию оперативные работники используют для подготовки оперативного эксперимента, с соблюдением иных обязательных условий для его проведения.

Во-первых, предварительно проверяются сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного гражданином либо группой граждан преступления.

Во-вторых, полученная информация должна указывать на признаки не любого, а только тяжкого или особо тяжкого преступления.

В-третьих, недостаточно сведений о признаках преступлений, необходимых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

В-четвертых, выполнить задачу ОРД невозможно или затруднительно без проведения оперативного эксперимента (ст. 34 Закона об ОРД).

Рассматривая условия проведения оперативного эксперимента в этой ситуации взяточничества, напрашивается вопрос о возможности выполнить задачу ОРД без проведения данного ОРМ. Задачами ОРД являются выявление и пресечение деяний, связанных со взяточничеством, а также выявление граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 3 Закона об ОРД). Наряду с этими общими, нормативно регламентированными задачами орган, осуществляющий ОРД, решает задачу документирования преступной деятельности проверяемого (разрабатываемого) лица. В процессе выявления взяточничества такое документирование может осуществляться посредством проведения иных ОРМ. При задержании с поличным оперативные работники должны руководствоваться УПК, предусматривающим такое основание для задержания, как «лицо застигнуто при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения» (ст. 108 УПК). Например, в отношении Г. оперативные работники в течение недели проводили различные ОРМ, из материалов которых усматривались признаки преступного деяния в отношении З. В завершение оперативной проверки противоправных действий Г. было организовано проведение в отношении него оперативного эксперимента. Решение о проведении этого ОРМ было принято, несмотря на имеющиеся сведения (также получены в результате ОРМ), что Г. на встречу с З. для получения 20 000 долларов США направит В., не осведомленного о преступной деятельности Г. Встретившись с В., в его автомобиле, З. передал пакет с деньгами под видом документов. Вскоре после отъезда с автостоянки В. был остановлен и задержан⁷⁴¹.

Этот пример показывает необоснованное, с точки зрения теории и практики, проведение оперативного эксперимента. Целесообразно было бы продолжить ОРД и получить данные способствовавшие изобличению не только Г., но и иных лиц, в отношении которых, согласно материалам уголовного дела, имелись подозрения.

Следует обратить внимание, что органы, осуществляющие ОРД, имеют возможность выявить факт любого взяточничества, вне зависимости от времени его совершения и личности взяточника. Но наиболее результативна борьба со взяточничеством в случаях обращения граждан с заявлением о вымогательстве у них взятки. В такой ситуации, может проводиться оперативно-тактическая операция по задержанию взяточника с поличным. В ее проведении принимает участие гражданин, заявивший о вымогательстве взятки и проявивший согласие на оказание содействия органу, осуществляющему ОРД. Задача задержания взяточника с поличным решается посредством проведения нескольких ОРМ, осуществляемых на основе заведенного дела оперативного учета в ходе реализации оперативно-розыскной операции. В рамках такой операции проводятся иные, предусмотренные ст. 18 Закона об ОРД, ОРМ, например, наблюдение, контроль в сетях электросвязи, слуховой контроль и др. По факту на этапе завершения оперативно-тактической операции, как правило, проводится оперативный эксперимент, что, по нашему мнению, не обязательно.

Подготовительная стадия этой операции включает в себя: 1) изучение и оценку имеющейся на подозреваемое в вымогательстве взятки лицо оперативно-розыскной информации; 2) получение о нем дополнительных сведений, необходимых для успешного выполнения задач ОРД; 3) изучение предполагаемого места реализации ОРМ; 4) подготовка предмета взятки, обработка его специальным химическим веществом, невидимым визуально, но обеспечивающим слепообразование при контакте с ним; 5) подготовка специальных средств для фиксации ОРМ; 6) выдача специального задания под роспись гражданину, привлеченному к участию в проведении ОРМ (ст. 19 Закона об ОРД); 7) определение линии поведения гражданина, оказывающего содействие органу, осуществляющему проведение операции, его инструктаж; 8) составление плана проведения операции и входящих в нее ОРМ.

В плане оперативно-розыскной операции, как правило, предусматриваются: 1) обстоятельства, на проверку которых направлена операция; 2) обстоятельства проведения операции (место, время проведения, персональные данные лица, в отношении которого она проводится); 3) обоснование замысла и возможность исполнителя (гражданина, оказывающего содействие органу, осуществляющему ОРД) реализовать его; 4) состав участников операции и содержание их инструктажа; 5) вопросы взаимодействия и координации лиц, участвующих в операции; 6) иные ОРМ, реализуемые для достижения цели операции; 7) меры по задержанию проверяемого лица с поличным на месте осуществления операции или в ином месте; 8) средства фиксации хода и результатов операции; 9) меры по локализации возможных негативных последствий операции; 10) направления использования материалов, полученных в ходе реализации оперативно-тактической операции.

Недостаточная подготовленность либо игнорирование некоторых обстоятельств проведения операции может негативно сказаться на ее результатах. Например, нельзя не уделять внимание изучению места предстоящего проведения операции.

Нередко органы, осуществляющие ОРД, предварительно проводят проверку, основываясь на обращении к ним с соответствующим заявлением лица, у которого вымогают взятку либо подстрекают к даче взятки. Это также служит отправной точкой для производства ОРМ с целью проверки содержащихся в заявлении сведений. В тоже время эта ситуация существенно отличается от рассмотренной нами ранее, и имеет нормативную регламентацию. Дело в том, что заявление лица, у которого вымогают взятку, является поводом для возбуждения уголовного дела, предусмотренным ст. 166 УПК. Но заявление гражданина не влечет за собой автоматическое возбуждение уголовного дела. Законодатель в ст. 173 УПК предусмотрел, что «решение по заявлению или сообщению должно быть принято в срок не позднее трех суток, а при необходимости проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела – не позднее десяти суток». Такая формулировка закона позволяет в подавляющем большинстве случаев вымогательства взятки не возбуждать уголовное дело. Содержащиеся в заявлении сведения проверяются вплоть до момента задержания вымогателя взятки с поличным. И только после этого проверка заявления завершается принятием решения о возбуждении уголовного дела. Такое решение принимается следователем, которому передаются все документы: заявление гражданина, материалы, связанные с проверкой содержащихся в нем сведений и задержанием лица, подозреваемого во взяточничестве.

При этом не учитывается тот факт, что заявление гражданина о преступлении, оформленное в соответствии со ст. 168 УПК, наряду с явкой с повинной и рапортом об обнаружении признаков преступления, является официальным документом, влекущим за собой не только производство ОРД, но и обязанность для органа дознания принять решение «о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о передаче заявления, сообщения по подследственности, компетенции» (ст. 174 УПК). Причем такое решение «должно быть принято в срок не позднее трех суток, а при необходимости проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела – не позднее десяти суток» (ст. 173 УПК).

Из этого следует, что орган, осуществляющий ОРД, с целью выявления признаков взяточничества, одновременно являющийся органом дознания (ст. 37 УПК), получив заявление о взяточничестве должен в течение трех суток направить его по подследственности следователям Следственного комитета Республики Беларусь. Длительное производство ОРМ приводит к нарушению установленных УПК сроков, а уголовные дела возбуждаются

только после так называемой реализации оперативных материалов в форме задержания взяточполучателя с поличным после получения взятки.

Следует учесть, что заявление о вымогательстве взятки или о даче взятки, сделанное лицом в официальной форме, уже не относится к материалам оперативной разработки и является поводом к возбуждению уголовного дела. Порядок его рассмотрения регламентирован УПК. В случае, если такое заявление предоставляется следователю вместе с другими материалами ОРД, то это противоречит Закону об ОРД.

Эта ошибка наиболее часто встречается в практической деятельности. Ее допущение может повлечь за собой нарушение других норм УПК. Для маскировки такой ошибки заявления о преступлении или протоколы устных заявлений оформляются в конце проведения ОРД, после выявления конкретного факта взяточничества. Поэтому, если заявитель по собственной инициативе обратился с письменным заявлением, то рассматривать его необходимо в соответствии с УПК при одновременном ускоренном проведении ОРМ.

Наличие заявления о даче-получении взятки либо ее вымогательстве должно служить основой для сотрудничества органа, осуществляющего ОРД, со следователем. Получив такое заявление, орган дознания должен направить его следователю или прокурору, уведомив также о возможно проведенных ОРМ. Такой путь обеспечит участие следователя в проверке заявления совместно с оперативными работниками. В случае, если тактическая операция по какой-либо причине не может быть проведена, то возбудив уголовное дело, следователь немедленно подключается к реализации расследования сразу после задержания взяточника с поличным.

Если оперативные работники сообщают следователю или прокурору, о произведенном задержании с поличным, то это приводит к тому, что первоначальные неотложные следственные действия проводятся с опозданием и, нередко, без должной подготовки. Самостоятельно оперативные работники проводят только осмотр места происшествия, качество которого не всегда удовлетворяет требованиям. По делам о взяточничестве часто возникает потребность в обысках, освидетельствовании задержанных, выемке документов и т. п., проведение которых возможно только после возбуждения уголовного дела следователем. Все это указывает на необходимость участия следователя на стадии до возбуждения дела о взяточничестве, в обсуждении плана реализации оперативных материалов, в том числе и в форме оказания консультативной помощи оперативным работникам и одновременной выработки плана первоначальных следственных действий.

Представляется логичным вывод о целесообразности совместной работы следователя с оперативными сотрудниками на данном этапе (при условии затруднений в принятии решения о возбуждении уголовного дела), что, в итоге, обеспечит реализацию оперативных материалов и послужит залогом успеха дальнейшего расследования.

Материалы ОРД, полученные по итогам проведения оперативно-розыскной операции, не являются доказательствами в уголовно-процессуальном смысле, но они служат основанием для возбуждения уголовного дела. Кроме того, они могут быть использованы в уголовном процессе в качестве источника доказательств.

Следует также учесть, что «формирование доказательств на основе оперативных данных в компетенцию оперативных аппаратов не входит»⁷⁴². Важным является и то, что «доказательства формируют не те органы и лица, которые их представляют, а те, которые их получают. Поэтому представляются именно «предметы и документы» (ч. 2 ст. 103 УПК), которые после их приобщения к уголовному делу превращаются в «доказательство»»⁷⁴³. Формировать доказательства на основе материалов ОРД могут лица, уполномоченные вести уголовный процесс, и только уголовно-процессуальными методами.

6.2. Порядок использования материалов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу о взяточничестве

Противодействуя преступности, компетентные государственные органы широко используют методы ОРД. Полученная в результате этой деятельности информация служит гарантом достоверности истины по уголовным делам. Оперативно-розыскная информация «улавливает» факты, имеющие отношение к событию преступления, а также фиксирует связи этих фактов между собой и с источниками, которым они известны⁷⁴⁴. В сочетании с процессуальными доказательствами она обеспечивает познание глубинных связей, характеризующих развитие преступления. Информация содержится в материалах ОРД, которые используются для решения определенных законодательством задач, а также способствуют актуализации процесса расследования.

Действующие Закон об ОРД и УПК предусматривают возможность использования в уголовном процессе материалов ОРД. Их реализация в уголовном процессе обеспечивает быстрое раскрытие и полное, всестороннее и объективное расследование преступлений, особенно особо тяжких и замаскированных преступлений, таких как заказные убийства, террористические акты, незаконный оборот наркотиков, а также взяточничество и др. В ряде случаев такие преступления только гласными мерами не только пресечь, но и раскрыть невозможно.

Однако имеющиеся пробелы и коллизии отдельных норм указанных актов породили массу научных публикаций, нередко содержащих различные мнения по данной проблеме.

Различным аспектам обозначенной проблемы посвятили труды белорусские ученые: И. И. Басецкий, В. В. Бачила, А. Н. Башан, В. Н. Бибило, В. Ф. Ермолович, В. С. Красиков, Н. И. Лапатик, А. В. Пивоварчик,

В. Ч. Родевич, А. С. Рубис, Л. В. Саленик, А. Н. Тукало, В. Б. Шабанов, А. И. Швед, В. П. Шиенок, А. В. Яскевич и др.

По мнению авторов научно-практического комментария к Закону об ОРД, результаты (материалы) ОРД, полученные на негласной основе, относятся к государственной тайне и не могут подлежать разглашению⁷⁴⁵. Предание их гласности (введение в уголовный процесс) допускается лишь с согласия соответствующих лиц в письменной форме.

На необходимость законодательного разграничения оперативно-розыскной функции правоохранительных органов и функции предварительного следствия и дознания указывает А. В. Пивоварчик⁷⁴⁶. Он же указывает на необходимость четкого правового регулирования прокурорского надзора за ОРД. В связи с этим В. В. Бачила отмечает, что в предмет прокурорского надзора не входят сведения об организации, тактике, методах, силах и средствах ОРД⁷⁴⁷, что в общем является закономерным, учитывая негласный характер ОРД.

А. С. Рубис отмечает, что сведения о фактах, выявленные оперативно-розыскным путем, возможно ввести в уголовный процесс только через процедуру санкционирования прокурором соответствующих ОРМ⁷⁴⁸. А. И. Швед обращает внимание на необходимость регламентации использования результатов ОРД на стадии возбуждения уголовного дела⁷⁴⁹.

Долгие годы актуальна данная проблема также для ученых России. В некоторых ранних работах, например, Р. С. Белкина⁷⁵⁰, А. Н. Васильева, Н. П. Яблокова⁷⁵¹, С. А. Шейфера⁷⁵² прослеживается мысль о том, результаты (материалы) ОРД сами по себе доказательственного значения не имеют, хотя и могут использоваться в качестве ориентирующей информации для обнаружения доказательственной информации или выдвижения версий. Затем мнение ученых склоняется к иной позиции. Например, С. А. Шейфер уже считает, что «непроцессуальная информация может быть использована в доказывании по уголовному делу»⁷⁵³. Другие ученые – Д. И. Бедняков⁷⁵⁴, Ю. В. Корневский⁷⁵⁵ – рассматривают оперативно-розыскные действия одним из способов получения доказательств. По мнению Е. А. Доли⁷⁵⁶ результаты ОРД могут быть введены в уголовный процесс при условии соблюдения требований законодательства. При этом ключевое значение имеют УПК и Закон об ОРД.

Вместе с тем, несмотря на научные разработки, до сих пор отсутствует четкая и единая правовая регламентация последовательности действий органов, осуществляющих ОРД, и органов, осуществляющих предварительное расследование, в связи с введением материалов ОРД в уголовный процесс. Также мало уделено внимания учеными вопросу об условиях, которым эти материалы должны соответствовать.

В целях противодействия коррупционным преступлениям, в том числе и взяточничеству, уполномоченные государственные органы широко используют методы ОРД. Полученные в результате этой деятельности

сведения служат основанием достоверности доказательств по уголовным делам.

Необходимость в реализации полученных сведений в уголовном процессе определяет потребность в совместном сотрудничестве следователя и оперативных работников. Основывается это сотрудничество на положениях, прежде всего, уголовно-процессуального законодательства, которое, с одной стороны, устанавливает единые цели деятельности названных субъектов, а с другой – наделяет их различными полномочиями. Вопросы взаимодействия возникают еще и потому, что следователи и оперативные работники являются представителями различных структурных подразделений (либо разных государственных органов), их деятельность регламентируется многообразными законодательными и подзаконными актами.

Взаимодействие следователя и оперативных работников можно представить в виде согласованных действий, осуществляемых «для решения каких-либо задач, направленных на достижение общей цели»⁷⁵⁷. Одной из целей деятельности следователя и органа, осуществляющего ОРД, является раскрытие преступлений.

Раскрытое и расследованное преступление является плодом труда большой группы сотрудников правоохранительных органов. Особое место в этой деятельности занимает следователь, который по своему процессуальному положению является организатором раскрытия и расследования преступлений⁷⁵⁸. Для данного вида взаимодействия свойственен удостоверительный характер. Во всех случаях такое взаимодействие включает в себя действия, направленные на закрепление, удостоверение полученных в ходе познания фактов⁷⁵⁹.

Возможность использования материалов ОРД в доказывании по уголовным делам предусмотрена ст. 49 Закона об ОРД и ст. 101 УПК. Однако имеющиеся пробелы и коллизии отдельных норм указанных актов породили массу научных публикаций, содержащих различные мнения по данной проблеме. Суть проблемы – имеющееся противоречие, которое составляет, с одной стороны, принцип гласности (открытости) судебного разбирательства (ст. 114 Конституции, ст. 23 УПК), где на основе доказывания принимается решение о виновности обвиняемого и его ответственности, а с другой – характерная для ОРД конспиративность (засекреченность) (ст. 4 Закона об ОРД).

Принцип гласности судебного разбирательства оказывает свое регламентирующее воздействие и на другие стадии, в том числе и досудебные. Доказательства и иные материалы, полученные в ходе предварительного расследования, подлежат рассмотрению, преимущественно, в открытом судебном заседании. В связи с этим они, как правило, не должны содержать секретной информации. Предупреждение на стадии предварительного расследования об уголовной ответственности за разглашение материалов дела, рассмотрение уголовного дела в закрытом

заседании не обеспечивают достаточных гарантий для сохранения тайны. Утечка информации о технических средствах, оперативно-тактических методах и приемах, об источниках и каналах оперативно-розыскной информации, использованных в ОРД по конкретному уголовному делу о взяточничестве, может снизить эффективность в борьбе с коррупцией и взяточничеством, угрожать безопасности лиц, участвующих в ОРМ. Учитывая данное обстоятельство, сотрудники органов, осуществляющих ОРД, не всегда заинтересованы в использовании материалов ОРД в качестве источника доказательств.

Несмотря на научные разработки, до сих пор отсутствует четкая, единая правовая регламентация последовательности действий органов, осуществляющих ОРД, и органов, осуществляющих предварительное расследование, в связи с введением материалов ОРД в уголовный процесс.

Содержание ст. 101 УПК свидетельствует о том, что источником доказательств могут быть материалы ОРД только после их проверки и оценки, осуществляемой в порядке, установленном УПК.

Под источником доказательств следует понимать процессуальную форму, в которую облечены фактические данные-доказательства, показания участников процесса, документы, заключения экспертов, вещественные доказательства⁷⁶⁰. Но УПК установлена процедура проверки и оценки доказательств (ст.ст. 104, 105 УПК), а не их источников. При этом в ст. 101 УПК не названа важная составляющая процесса доказывания, присущая правовому режиму формирования доказательств в уголовном процессе, их собирание.

Безусловно, проверке в уголовном процессе подлежат доказательства, а не материалы ОРД. «Собранные по материалам и уголовному делу доказательства подлежат всесторонней, полной и объективной проверке органами уголовного преследования и судом» (ч. 1 ст. 104 УПК).

Несмотря на то, что ст. 101 УПК предусматривает возможность признания в качестве источника доказательств материалы, полученные в ходе ОРД, отношение к таким доказательствам не однозначное.

Важным условием использования материалов ОРД в уголовном процессе в качестве источника доказательств является приобретение ими в ходе легализации⁷⁶¹ таких свойств как относимость, допустимость и достоверность.

Наличие связи между конкретным преступлением и теми сведениями, которые получены в ходе ОРМ, указывает на их относимость. При этом оперативная информация должна иметь отношение к обстоятельствам, образующим предмет доказывания по уголовному делу.

Допустимым является доказательство, которое получено органом, ведущим уголовный процесс, законным способом, из предусмотренного законом источника и облечено в надлежащую форму (ч. 3 ст. 105 УПК). Содержащаяся в материалах ОРД информация изначально не обладает свойством допустимости, потому что способы ее получения и формы

закрепления не предусмотрены УПК. Следовательно, проверка наличия возможностей приобретения материалами ОРД свойства допустимости доказательства является одной из важнейших задач, возникающих в период их легализации. Решение данной задачи возможно на основе анализа порядка формирования материалов ОРД. Следует отметить, что не любые материалы ОРД могут быть использованы в доказывании по уголовному делу. Недопустимы в качестве доказательств, например, показания сотрудников спецслужб и исходящие от них документы со ссылкой на негласных агентов (осведомителей), которые не могут быть названы и допрошены в суде⁷⁶².

Формирование материалов ОРД должно осуществляться с учетом принципа законности: ОРМ должны быть проведены в соответствии с положениями Закона об ОРД и ведомственными нормативными правовыми актами.

Условием формирования материалов ОРД является обеспечение режима секретности. Материалы же уголовного дела подлежат проверке и обсуждению преимущественно в открытом судебном заседании. Поэтому материалы ОРД, как правило, не должны содержать сведений, составляющих государственную тайну⁷⁶³.

Согласно ч. 6 ст. 105 УПК, «достоверными признаются доказательства, если они соответствуют действительности». В основу процессуальных решений, принимаемых органом уголовного преследования или судом, могут быть положены только достоверные доказательства, не вызывающие сомнений.

Содержание ст. 101 УПК свидетельствует о том, что материалы ОРД могут быть источником доказательств только после их проверки и оценки, произведенной в порядке, установленном УПК. При этом УПК установлена процедура проверки и оценки доказательств, а не их источников. Более того, в ст. 101 УПК не упомянуто собирание материалов, важная составляющая процесса доказывания. Этап собирания присущ правовому режиму формирования доказательств в уголовном процессе. Именно с порядком собирания доказательств законодатель связывает систему гарантий доброкачественности получаемых доказательств. Следование на практике рассматриваемой формулировки указанной статьи, может привести к тому, что любые материалы ОРД будут приниматься в качестве источника доказательств. При этом не исключено нарушение прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве⁷⁶⁴. Кроме того, это таит в себе определенную «опасность совмещения функций расследования и осуществления ОРМ»⁷⁶⁵, т. к. самым отрицательным образом может сказаться на обеспечении принципа процессуальной самостоятельности следователя.

Данное обстоятельство привело некоторых авторов к выводу, что материалы ОРД ни при каких обстоятельствах не могут рассматриваться и использоваться в качестве доказательств по уголовным делам, даже после их проверки⁷⁶⁶. Безусловно, проверке в уголовном процессе подлежат доказательства, а не материалы ОРД. Часть 1 ст. 104 УПК устанавливает, что

собранные по материалам и уголовному делу доказательства подлежат всесторонней, полной и объективной проверке органами уголовного преследования и судом.

Поэтому любые сведения, имеющие значение для уголовного дела, в том числе содержащиеся и в материалах ОРД, для того чтобы стать доказательствами, должны быть получены из источников, предусмотренных законом (ч. 2, ст. 88 УПК), и в порядке, установленном законом, т. е. путем производства процессуальных действий (ч. ч. 1 и 2 ст. 103 УПК). И хотя содержание собираемых в уголовном процессе доказательств могут составлять сведения о тех же фактах и обстоятельствах, которые уже нашли отражение в результате ОРД, это не дает оснований для отождествления материалов ОРД с полученными доказательствами.

Следовательно, предоставляемые для использования в доказывании по уголовным делам о взяточничестве, материалы ОРД должны позволять формировать доказательства, также содержать фактические данные, имеющие значение для установления входящих в предмет доказывания обстоятельств и указывать на источник их получения с целью проверки доказательств, сформированных на их основе.

Поэтому, чтобы материалам ОРД стать доказательствами, им необходимо получить статус одного или нескольких указанных в ч. 2 ст. 88 УПК источников доказательств, которые должны быть введены в уголовный процесс в соответствии с нормами УПК, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Таким образом, материалы ОРД проходят путь легализации в уголовном процессе.

На наш взгляд легализация материалов ОРД в уголовном процессе должна проходить при непосредственном участии прокурора. Именно он имеет реальную возможность контролировать процесс перехода оперативно-розыскной информации в процессуальные источники доказательств. В этом случае прокурор является связующим звеном между органом, осуществившим ОРД и следователем (органом дознания), а также выступает гарантом законности легализации материалов ОРД в уголовном процессе. Объясняется это не только спецификой деятельности по легализации материалов ОРД в уголовном процессе, отдельные аспекты которой будут показаны далее, но и одновременной необходимостью осуществления прокурорского надзора. Тем более, что одним из его направлений является надзор за исполнением законодательства при осуществлении ОРД.

В литературе ранее была высказана точка зрения о порядке легализации материалов ОРД в уголовном процессе, который условно можно разделить на следующие этапы:

представление (передачу) материалов ОРД органу дознания, следователю;

проверка законности ОРМ, в результате проведения которых получены представленные материалы;

введение представленных материалов ОРД в уголовный процесс в качестве источника доказательств⁷⁶⁷.

Уточняя данную позицию, рассмотрим содержание выделенных этапов.

Вначале отметим, что по действующему УПК «представление доказательств» не относится к следственным действиям. Полученные материалы приобщаются к уголовному делу и приобретают статус доказательств, в виде вещественных доказательств или «иных доказательств», т. е. документов-доказательств. Это соответствует ст. 103 УПК «Собирание доказательств». Но следует заметить, что материалы ОРД – это «доказательства» в оперативно-розыскном смысле⁷⁶⁸, но не уголовно-процессуальном.

На этапе представления (предоставления)⁷⁶⁹ материалов ОРД инициатива в их получении может исходить от органов уголовного преследования, что согласуется с предписаниями ч. 2 ст. 103 УПК. Также инициатива в представлении (предоставлении) материалов ОРД органу уголовного преследования может исходить и от органа, осуществляющего эту деятельность. Согласно ст. 50 Закона об ОРД «материалы ОРД предоставляются для использования в другой орган, осуществляющий ОРД, орган уголовного преследования или суд...», в производстве которых находится уголовное дело.

Материалы ОРД могут быть использованы в различных целях: для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения ОРМ по предупреждению, выявлению, пресечению преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывающихся от органов уголовного преследования и суда, уклоняющихся от исполнения наказания, ответчиков, должников по гражданским делам и без вести пропавших (ст. 49 Закона об ОРД)). Что же касается материалов ОРД, которые предстоит ввести в уголовный процесс в качестве доказательств, то они, по нашему мнению, должны быть предоставлены непосредственно прокурору.

Внешняя форма, процедура представления (предоставления) материалов ОРД и порядок их принятия прокурором не имеет регламентации в УПК и Законе об ОРД.

Статья 50 Закона об ОРД предусматривает представление (предоставление) материалов ОРД в орган уголовного преследования или в суд на основании постановления должностного лица органа, осуществляющего ОРД. Для представления (предоставления) материалов необходимо письменное разрешение должностного лица органа, осуществляющего ОРД.

Действующий Закон об ОРД, в сравнении с ранее действовавшим законом, раскрывает понятие «материалы ОРД», к которым относятся оперативно-служебные документы и материальные носители информации, содержащие порядок проведения ОРМ и сведения, полученные при их проведении (ст. 2 Закона об ОРД). Фактически в ОРД используются все

формы фиксации собранных данных (вербальная (словесная), графическая, предметная и наглядно-образная), а также их различные комбинации.

Таким образом, данные (сведения), полученные в ходе проведения ОРМ, могут быть закреплены либо содержаться в следующих материальных результатах ОРД:

в оперативно-служебных документах (постановлении о проведении ОРМ, специальное задание, протокол ОРМ, рапорт, справка, сводка, акт, письменный запрос органа, осуществляющего ОРД и иные документы, образующиеся при проведении ОРД), составленных лицами, осуществляющими ОРМ, а также предметах (объектах), приобщенных к данным письменным источникам (ст. 2 Закона об ОРД);

на технических средствах фиксации (в материалах фото-, кино-, видеосъемки, звукозаписи, на магнитных лентах и т.п.);

в объяснениях лиц, участвовавших в ОРМ;

в сообщениях конфиденциальных источников⁷⁷⁰.

Следует обратить внимание, что от качества составления оперативно-служебного документа во многом зависит его дальнейшая легализация в уголовном процессе. Российские исследователи заметили «что оперативные работники осуществляют свои функции, зачастую недооценивают надлежащего грамотного оформления результатов своих действий, а это приводит к тому, что они не могут быть использованы в доказывании по уголовному делу»⁷⁷¹. Исследовав уголовные дела о взяточничестве, было обращено внимание на ряд недостатков, содержащихся в материалах ОРД. Среди наиболее распространенных, являются недостатки оперативно-служебных документов, подготовленных в связи с проведением оперативного эксперимента: 1) сопроводительное письмо о предоставлении результатов ОРД не соответствует требованиям инструкции о порядке предоставления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд; 2) не соответствие акта оперативного эксперимента указанной инструкции; 3) отсутствуют некоторые акты, свидетельствующие о некоторых оперативных действиях, например, акт осмотра предмета взятки до момента его передачи взяткополучателю; 3) в постановлении о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей не указаны компакт-диск и диктофон; 4) в акте осмотра, пометки и передачи денежных купюр отсутствует подпись заявителя; 5) в акте осмотра и вручения технических средств отсутствует подпись заявителя и др⁷⁷².

Требование качества составления оперативно-служебных документов касается всех их видов, среди которых упоминается и такой их вид как «протоколы ОРМ». В ч. 2 ст. 88 УПК также сказано, что источниками доказательств являются протоколы ОРМ. Эта формулировка позволяет заключить, что «протоколы следственных действий и протоколы ОРМ уравниваются по своей доказательственной силе»⁷⁷³. Эта процессуальная «лазейка» позволяет органу, осуществляющему ОРД, любое ОРМ оформить протоколом (в Законе об ОРД не говорится, когда и какие ОРМ должны

оформляться протоколом) и это на практике обеспечивает фактически беспрепятственно ввести этот оперативно-служебный документ в уголовный процесс в качестве источника доказательств.

Никто, ни прокурор, ни суд, не обращают внимание на то, что в ст. 99 УПК содержится существенная оговорка о том, что источниками доказательств являются лишь «протоколы оперативно-розыскных мероприятий о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленные в установленном законом порядке и с приложением соответствующей записи прослушивания». Из этого следует, что протоколы иных ОРМ относятся к разряду «материалов, полученных в ходе ОРД».

Внимательное ознакомление с оперативно-служебными документами позволяет прокурору установить соответствие материалов ОРД условиям, необходимым для решения вопроса об их легализации в уголовном процессе. Для работы с такими документами прокурор должен иметь специально оформленный допуск⁷⁷⁴.

Анализ практической деятельности и ведомственных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что предоставление материалов ОРД, как стадия легализации, должна включать в себя постановление, заверенное руководителем органа, осуществляющего ОРД (в необходимых случаях постановление о рассекречивании отдельных документов), сопроводительные документы и фактическую передачу материалов. Копия постановления приобщается к материалам дела оперативного учета.

Заслуживает внимания, в данном аспекте, точка зрения, согласно которой передача материалов, полученных в ходе ОРД, может быть осуществлена на основании постановления органа уголовного преследования⁷⁷⁵. Представляется, что в этом случае прокурор, в целях реализации и последующего незамедлительного предоставления материалов ОРД, предварительно проводит проверку и оценку документов, находящихся в деле оперативного учета. Тем более что прокурор вправе потребовать представить ему также иные материалы, касающиеся основания для проведения ОРМ.

В постановлении о передаче материалов ОРД должно быть отражено следующее: наименование ОРМ, в результате которого получены представляемые материалы; какие именно данные получены в ходе ОРМ; кем получены данные, т. е. кто проводил ОРМ и кто в нем участвовал (сотрудник оперативного подразделения, а также лица, оказывающие ему содействие); при каких обстоятельствах проведено ОРМ; сам факт представления предмета или документа (его содержание, определяющее относимость к делу); точное указание характеристик технических средств, если последние применялись в ходе проведения ОРМ (это нужно, прежде всего, в тех случаях, когда предстоит прослушивание либо просмотр аудио-или видеокассет, осуществляемые в процессе следственного осмотра и необходимо использовать аппаратуру с аналогичными техническими

данными); предложение о том, каким образом использовать представленные материалы в уголовном процессе (использования в качестве поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, подготовки и осуществления следственных и иных процессуальных действий, использования в доказывании по уголовным делам); информация о возможности использования конкретных лиц, принимавших участие в ОРМ, в проведении следственных действий (указать каких именно), а также информация о предусмотренных мерах защиты (конспирации) этих лиц; предложение о приобщении представляемых материалов к уголовному делу.

К постановлению приобщаются оперативно-служебные документы, отражающие результаты ОРД, а также иные предметы и документы.

Сам факт предоставления материалов ОРД не предопределяет введение их в систему доказательств. Принять решение об этом должен прокурор, осуществляющий проверку и оценку предоставленных материалов.

На втором этапе легализации материалов ОРД в уголовный процесс прокурор осуществляет деятельность по проверке предоставленных материалов. При этом речь идет не об осуществлении конкретных процессуальных действий, а о проверке их на соответствие Закону об ОРД. При проверке законности осуществления ОРМ прокурору необходимо убедиться в том, что они осуществлены в соответствии с законодательством, регулирующим ОРД.

В процессе осуществления такой проверки прокурору необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства:

а) предусмотрены ли Законом об ОРД мероприятия, в результате проведения которых получены предоставленные материалы (ст. 18 Закона об ОРД). В рамках ОРД могут осуществляться только те ОРМ, перечень которых предусмотрен ст. 18 Закона об ОРД;

б) проведено ли ОРМ уполномоченным на осуществление ОРД подразделением государственного органа. В ст. 12 Закона об ОРД содержится исчерпывающий перечень органов, имеющих право на осуществление ОРД;

в) проведено ли ОРМ в тех целях и для решения тех задач, которые изложены ст.ст. 1, 3 Закона об ОРД. Не допускается ОРД для решения задач, не предусмотренных Законом об ОРД;

г) имелись ли основания для производства ОРМ, предусмотренные ст. 16 Закона об ОРД;

д) соблюдены ли дополнительные условия, предусмотренные ст. 19 Закона об ОРД для проведения некоторых ОРМ. Например, таможенные органы Республики Беларусь проводят слуховой контроль, оперативное внедрение с использованием сил и средств ОВД Республики Беларусь, ОГБ Республики Беларусь и Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь (ч. 12 ст. 19 Закона об ОРД);

е) имеется ли в предусмотренных Законом об ОРД случаях санкция прокурора на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права

граждан. Оценивая законность проведения ОРМ, ограничивающих права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи (контроль почтово-телеграфной корреспонденции, контроль в сетях электросвязи), слуховой контроль, прокурор выясняет, было ли утверждено мотивированное постановление одним из руководителей органов, осуществляющих ОРД, имелись ли основания к его проведению⁷⁷⁶;

ж) соблюдены ли условия проведения ОРМ в отношении лиц, занимающих некоторые государственные должности. К числу таких лиц относятся, например, депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, судьи и др. (ст.ст. 35–39 Закона об ОРД).

Нарушение вышеперечисленных требований делает материалы ОРД ничтожными, а также препятствует использованию их в доказывании.

По итогам проверки законности получения материалов ОРД прокурор выносит постановление об отказе в приобщении материалов ОРД к уголовному делу, если не найдет их относящимися к делу или не удовлетворяющими требованиям допустимости (например, при неизвестности происхождения тех или иных данных).

Положительный результат указанной выше проверки (не процессуальной по своему содержанию) позволяет прокурору принять решение о возможности использования материалов ОРД в уголовном процессе в качестве источника доказательств. В этом случае прокурор выносит постановление о приобщении материалов ОРД к уголовному делу и дает поручение следователю (органу дознания) непосредственно перейти к этапу введения материалов ОРД в уголовный процесс.

Материалы ОРД должны быть проверены следственным путем и закреплены процессуальными средствами и только тогда они становятся процессуальными доказательствами⁷⁷⁷. Прокурору же необходимо убедиться в совершении определенных действий, осуществляемых в целях придания материалам ОРД процессуальной формы, и их правильности.

Данный этап имеет процессуальный характер и состоит из следующих действий:

процессуальное закрепление следователем полученных материалов ОРД;

проверка материалов ОРД с помощью процессуальных средств и способов;

признание доказательственного значения материалов ОРД.

Например, если следователю переданы, полученные оперативным путем, звуко- или видеозаписи, то необходимо осуществить следующие действия:

1) произвести осмотр звуко- или видеокассеты с их прослушиванием (просмотром) в соответствии с нормами УПК;

2) допросить лиц, производивших аудио-, видеозапись в качестве свидетелей по поводу обстоятельств записи;

3) составить протокол о приобщении аудио- или видеокассеты в качестве вещественного доказательства по уголовному делу⁷⁷⁸.

Среди наиболее распространенных способов проверки могут быть использованы:

- а) допрос должностного лица, предоставившего либо производившего оперативную запись;
- б) осмотр (просмотр, прослушивание) записи с участием специалиста;
- в) проведение экспертизы (например, фоноскопической);
- г) осмотр местности, помещения, зафиксированных в момент видеозаписи или на фотографиях;
- д) допросы лиц, зафиксированных на видео-, аудиозаписи;
- е) проверка показаний на месте и др.

По итогам проверки может быть вынесено постановление о приобщении к уголовному делу, например, оперативной записи в качестве вещественного доказательства, либо об отказе в приобщении к делу.

Во всех вышеуказанных документах, составленных оперативными работниками и следователем, в обязательном порядке указываются все реквизиты использованных технических средств и упаковочные данные⁷⁷⁹.

Осуществив по выше предложенной схеме проверку и оценку доказательств, источником которых явились материалы ОРД, можно признать их допустимыми и использовать для принятия процессуальных решений в связи с расследованием взяточничества.

Следовательно, материалы ОРД, предоставляемые для использования в доказывании по уголовным делам о взяточничестве, должны позволять формировать доказательства и содержать фактические данные, имеющие значение для установления входящих в предмет доказывания обстоятельств, а также указывать на источник их получения с целью проверки доказательств, сформированных на их основе.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в целях осуществления объективной проверки и оценки доказательств, сформированных на основе материалов ОРД, необходимы знания о порядке их легализации в уголовном процессе в качестве источника доказательств.

По-нашему мнению решение обозначенной проблемы может быть иным. И связано оно с устранением правовых барьеров, создающих препятствия для использования материалов ОРД в уголовном процессе. В национальном законодательстве, регламентирующем сферу противодействия преступной деятельности, исторически сложилась граница между процессуальной и непроцессуальной видами деятельности, у которых общая цель – борьба с преступностью и преступлениями. ОРД играет вспомогательную роль по отношению к уголовному процессу и это характерно не только для Республики Беларусь, но и Российской Федерации.

Отечественный законодатель не обращает внимание на положительный опыт тех государств, где нет искусственно созданных посредством норм права препятствий для прямого использования в уголовном

судопроизводстве доказательств, полученных в негласном порядке. Для примера можно рассмотреть опыт США, где «результаты негласных мероприятий и различного рода полицейские материалы, как например, данные уголовной регистрации, сведения, полученные в результате скрытого наблюдения, фиксации телефонных переговоров, судами рассматриваются в качестве доказательств»⁷⁸⁰. Уголовное судопроизводство не создает препятствий для допуска в уголовный процесс информации, собранной полицией до рассмотрения дела в суде⁷⁸¹.

Результаты исследований, проведенных российскими учеными, свидетельствуют, что «раскрываемость преступлений в странах, где ОРМ в виде специальных следственных действий включены в УПК, в сравнении с государствами, где такие действия законодательством не предусмотрены, выше примерно на треть»⁷⁸².

Это позволяет сделать вывод, что совершенствование организационного и правового регулирования процессуальной и непроцессуальной сфер деятельности, приобретение ими общего статуса, будет способствовать раскрытию и расследованию коррупционных преступлений, в том числе и взяточничества.

6.3. Особенности взаимодействия следователя и органов дознания при раскрытии и расследовании взяточничества

В нормах УПК не встречается слово «взаимодействие». Взаимодействие как понятие упоминается в специальных законах, регламентирующих деятельность различных государственных органов, одним из направлений которых является борьба с преступностью. Например, в ст. 5 Закона Республики Беларусь «О Следственном комитете Республики Беларусь» говорится, что «Следственный комитет осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими государственными органами и иными организациями»⁷⁸³. Аналогичным образом взаимодействие предусматривают Законы Республики Беларусь «Об органах внутренних дел»⁷⁸⁴ и «Об органах государственной безопасности»⁷⁸⁵. Специализированные подразделения органов внутренних дел и государственной безопасности уполномочены осуществлять дознание и ОРД.

Сравнительно недавно порядок взаимодействия в ходе досудебного производства указанных и иных государственных органов, для которых борьба с преступностью является одним из направлений деятельности, регламентирован соответствующей инструкцией⁷⁸⁶.

Взаимодействие следователя и органов дознания представляет собой основанную на законе, согласованную по цели, их совместную деятельность, осуществляемую в пределах предоставленной компетенции на основе сочетания присущих им методов и средств.

Возможность и необходимость взаимодействия следователя и органов дознания обусловлены нормами УПК. Например, ст. 36 УПК предоставляет

следователю право знакомиться с относящимися к расследуемому уголовному делу материалами ОРД. Он же вправе давать поручения органам, уполномоченным законом осуществлять дознание, ОРД, о производстве следственных действий, проведении ОРМ. Следователь уполномочен требовать от органа дознания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий.

На возможность взаимодействия косвенно указывает ст. 101 УПК, в которой говорится, что «материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть признаны в качестве источника доказательств». Этому предшествует осуществление предусмотренного ст. 103 УПК права следователя «требовать от... органов, осуществляющих ОРД, представления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела».

Согласно ст. 186 УПК на органы, уполномоченные осуществлять дознание, ОРД, возложена обязанность «проводить ОРМ для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя о полученных результатах», в случаях передачи следователю дела, по которому не представилось возможным установить лицо, совершившее преступление.

Нормативная основа взаимодействия между следователем и органом дознания позволяет определить данное понятие. Под взаимодействием этих субъектов правоохранительной деятельности следует понимать «взаимное согласование их действий, совместное решение каких-либо задач, направленных на достижение общей цели»⁷⁸⁷. Главными элементами, раскрывающими сущность взаимодействия как специфической связи, устанавливаемой между следователем и органом дознания, органом, осуществляющим ОРД, в процессе раскрытия и расследования взяточничества, является согласованность и совместность их действий.

По мнению В. Д. Зеленского, «взаимодействие – это согласованные действия следователя и других участников процесса, направленные для достижения целей расследования»⁷⁸⁸. Это, в целом, верное утверждение все же не в полной мере раскрывает взаимодействие следователя в каждом отдельном случаях и с отдельными субъектами, участниками уголовного процесса. Например, взаимодействие следователя и специалиста при осмотре места происшествия не ограничивается только согласованностью их действий. Для него характерна совместность действий в процессе осмотра места происшествия. В другом примере, взаимодействие следователя с экспертом может ограничиваться согласованностью их действий, но не всегда.

Термин «совместный» в словаре С. И. Ожегова означает «осуществляемый вместе с кем-чем-нибудь»⁷⁸⁹. Аналогично и при раскрытии и расследовании взяточничества совместность наблюдается в осуществлении действий следователем и органом дознания. Такая совместность очевидна при производстве многих следственных действий, реализуемых в рамках тактической операции по задержанию взяточника с поличным. Например, в

ходе осмотр места происшествия, обыска в помещении по месту задержания взяточника и др.

Целью взаимодействия является раскрытие и расследование преступлений. Направленность взаимодействия следователя и органов дознания раскрывают признаки, характеризующие данный процесс.

Первым признаком взаимодействия указанных субъектов является его познавательный характер. Следователь и органы дознания во время совместного сотрудничества идут к познанию прошлого события, приводящего к возникновению отношений между ними.

Вторым признаком взаимодействия, непосредственно вытекающим из первого, является его организаторский характер. Выявленное, раскрытое и расследованное преступление является результатом труда большой группы сотрудников правоохранительных органов. Особое место в этой деятельности занимает следователь, который по своему процессуальному положению является организатором раскрытия и расследования преступлений. Для данного вида взаимодействия свойственен достоверительный характер. Во всех случаях такое взаимодействие включает в себя «действия, направленные на закрепление, удостоверение полученных в ходе познания фактов»⁷⁹⁰.

При расследовании преступлений «против интересов службы» (гл. 35 УК) согласованная деятельность следователей и органов, уполномоченных осуществлять дознание, ОРД, наиболее часто осуществляется по уголовным делам коррупционной направленности.

Некоторые авторы считают, что «взаимодействие следователя и органа, осуществляющего ОРД, должно начинаться на заключительном этапе оперативной разработки»⁷⁹¹ лица, совершающего преступление, связанное со взяточничеством. Соглашаясь с этой точкой зрения, хотелось бы уточнить, что в случае поступления в орган, осуществляющий ОРД, информации о взяточничестве (гражданин обратился с заявлением), требующей оперативной проверки, следователь должен быть привлечен для участия в этой проверке. В таком случае, при наличии возможности, планируется совместная тактическая операция по задержанию взяточника с личным.

Для борьбы с организованной преступностью и коррупцией и, соответственно, для раскрытия взяточничества и иных коррупционных преступлений в органах внутренних дел и государственной безопасности выделены специальные подразделения (п. 1 ст. 37 УПК). Это определяет целесообразность проведения предварительного следствия по делам о коррупционных преступлениях следователями, специализирующимися на расследовании этой категории дел.

Согласованная деятельность следователей и органов дознания позволяет наиболее рационально использовать все предусмотренные законом меры для обнаружения признаков коррупционных преступлений, их раскрытия и расследования.

Обязательные для исполнения поручения следователя органам дознания служат процессуальным основанием для проведения ими, как следственных действий, так и ОРМ по делам о коррупционных преступлениях, находящимся в производстве следователей. Наличие поручения позволяет начальнику органа дознания (ст. 38 УПК) проконтролировать своевременность, обеспечить полноту и качественное выполнение поручения следователя.

Поручения следователя направляются начальнику органа дознания, а не тем или иным конкретным сотрудникам, которые непосредственно будут заниматься исполнением поручения. Непосредственные исполнители поручений следователя по делам о коррупционном преступлении выделяются по усмотрению начальника органа дознания.

При постоянном взаимодействии согласованная деятельность следователей и органов дознания осуществляется в течение всего предварительного следствия. Постоянная форма взаимодействия используется при расследовании сложных и больших по объему дел о взяточничестве. При такой форме взаимодействия создаются СОГ.

Обстоятельствами, указывающими на необходимость создания постоянных групп следователей и оперативных работников органов дознания, являются наряду с другими:

- а) сложность уголовного дела;
- б) большой объем дела;
- в) особое общественное значение дела⁷⁹².

Обычно постоянные группы следователей и оперативных сотрудников создаются или сразу после получения сообщения о преступлении коррупционной направленности, например, взяточничестве, или через определенное время в процессе расследования. Такая необходимость может возникнуть, например, после установления, что подозреваемый в совершении коррупционного преступления действовал не один, а в составе группы, а также в случае проведения тактической операции по задержанию взяточника с поличным.

Численный состав участников СОГ по задержанию взяточника с поличным определяется в зависимости от условий и обстоятельств задержания. Личный состав распределяется по соответствующим подгруппам. Функции, выполняемые каждой из них, служат основой деления оперативной группы на подгруппы. Таким образом, в составе СОГ могут быть выделены следующие подгруппы: захвата, наблюдения, обеспечения операции⁷⁹³, обеспечения процессуальных действий, прикрытия (создается в случае задержания одного или группы вооруженных лиц), применения технических средств, преследования, окружения⁷⁹⁴. На одну подгруппу может быть возложено выполнение несколько функций.

Функциональные обязанности каждой подгруппы состоят в следующем. Основное назначение подгруппы захвата заключается в производстве физического задержания взяточника. Подгруппа наблюдения осуществляет

контроль над поведением и действиями подозреваемого и иных лиц, вступающих в контакт с ним, а также анализирует окружающую обстановку и ее изменения. Подгруппа обеспечения операции создается для охраны местности, где предполагается произвести физический захват, от проникновения туда посторонних лиц (в зависимости от обстоятельства дела, создается не всегда). На подгруппу обеспечения процессуальных действий, в состав которой входят следователь, эксперт-криминалист, а в необходимых случаях понятые и специалист, возлагается обеспечение уголовно-процессуальной фиксации хода и результатов операции. При задержании вооруженных лиц создается подгруппа прикрытия. Основные ее функции заключаются в предотвращении попытки задерживаемого скрыться, а также в пресечении возможной попытки оказания какой-либо помощи взяточнику со стороны его соучастников либо подчиненных ему лиц. Все контактировавшие с взяточником на месте происшествия лица должны быть задержаны. Сотрудники подгруппы наблюдения сопровождают до конечного пункта следования лицо, которое проявило необычное поведение на месте проведения операции, но которое не вступало в контакт с подозреваемым. По возможности устанавливается его личность и другие сведения. Полученная информация передается в центр по организации и проведению операции, который с учетом конкретно сложившейся обстановки принимает тактическое решение в отношении данного лица. Если задерживается женщина, то для обеспечения последующего личного обыска на месте происшествия в группу по задержанию взяточника с личным включается сотрудница ОВД женского пола.

Собранная информация о личности задерживаемого лица, месте (местности), где будет проводиться тактическая операция подлежит совместной оценке и анализу. После выполнения иных подготовительных действий, руководитель СОГ (следователь) приступает к следующей стадии подготовки – составление плана тактической операции совместно с оперативными работниками. В плане фиксируются действия подгрупп, учитываются возможные нестандартные ситуации. План по своей природе динамичен. Он может быть изменен и дополнен в зависимости от конкретно сложившейся криминалистической ситуации. Составленный план утверждается руководителем операции и руководителем оперативной группы. План доводится до сведений всех участников тактической операции по задержанию с личным.

Элементом взаимодействия при подготовке СОГ к проведению тактической операции является ее инструктаж. При этом детально разъясняются как общие задачи – замысел тактической операции по задержанию с личным – так и персонально обращается внимание на обязанности и действия каждого участника в планируемых и непредвиденных ситуациях. Разъясняется, кто, где, когда и в каком месте подлежит задержанию. Оглашаются внешние признаки задерживаемого, а также знакомятся с фотографией. Каждому участнику в операции

разъясняется способ выполнения им тех или иных действий. Объясняется, какие меры необходимо будет принять для пресечения сопротивления со стороны задерживаемого лица, каким образом должны действовать старшие соответствующих подгрупп в случае изменения ситуации. После инструктажа, который проводит следователь совместно с руководителем оперативной группы, необходимо перепроверить знания обязанностей и действий каждого участника операции.

Между членами СОГ должен осуществляться постоянный обмен информацией. Следует заметить, что обмен информацией – это основа взаимодействия между следователем и органом дознания, органом, осуществляющим ОРД. На это обстоятельство давно обратили внимание. «Эффективность взаимодействия следователя и оперативных сотрудников органа дознания на протяжении предварительного следствия обеспечивается, по мнению Н. Н. Гапановича и И. И. Мартинович, при условии своевременного обмена информацией, полученной при выполнении оперативно-розыскных мер и отдельных следственных действий»⁷⁹⁵. Полная и объективная информация должна передаваться немедленно или в максимально короткие сроки после ее получения. Особенно это касается ОРМ, содержащих сведения о времени совершения тех или иных действий, которые необходимо проверить процессуальным путем. Так, оперативно-розыскные данные могут указывать на время и место совершения преступных действий.

При этом, несмотря на возможную противоречивость оперативно-розыскных сведений, их необходимо передавать следователю, в производстве которого находится дело о коррупционном преступлении.

Органы дознания могут получить также информацию о намерении заинтересованных в исходе дела лиц встретиться с потерпевшим или свидетелем, чтобы подкупить их, склонить к изменению правдивых показаний о сути расследуемого деяния и т. д. Промедление с передачей такой информации следователю может лишить ее ценности.

При использовании в процессе расследования коррупционных преступлений информации, полученной органами дознания негласным путем, следователь обязан принять меры, исключающие возможность разглашения источника информации.

Например, следователь не ограничивается обыском лишь того места, где согласно информации, полученной в результате ОРМ, подозреваемый оборудовал тайник для хранения денег или ценностей, нажитых преступным путем. Чтобы скрыть свою осведомленность, следователю необходимо избрать тактику обыска, при которой не сразу и не в первую очередь извлекаются из тайника деньги и ценности.

Обмен взаимной информацией тесно связан с согласованным планированием процессуальных действий и ОРМ. «Планирование – это нерв следственной деятельности, мгновенно реагирующий на изменения в процессе следствия, но это планирование сопряжено с фиксацией уже

совершившихся событий»⁷⁹⁶. Согласованное планирование немислимо без исчерпывающей взаимной информации. Эта информация необходима не только при составлении планов, но и при их дальнейшей корректировке, уточнении и изменении.

Нормы УПК, закрепляющие основы взаимодействия следователей и органов дознания создают реальную возможность планомерного и согласованного проведения процессуальных действий и ОРМ при расследовании взяточничества и иных коррупционных преступлений. Согласованное планирование исключает дублирование в исследовании тех или иных обстоятельств преступления. Планирование, определяя направление и объем расследования, является предпосылкой качественного и быстрого проведения процессуальных действий и ОРМ, необходимых для раскрытия взяточничества.

При расследовании взяточничества и иных коррупционных преступлений применяются различные способы планирования. Представляется, что более правильной и эффективной является практика составления следователем и работниками органами дознания раздельных, но всесторонне согласованных между собой планов следственных действий и ОРМ. При таком планировании достигается четкое разграничение процессуальных действий и ОРМ, а также обеспечивается невмешательство следователя в оперативную деятельность сотрудников органа дознания, которые используют в своей работе, как гласные, так и негласные методы и средства.

Посредством согласованного планирования все многочисленные следственные действия и ОРМ превращаются в неразрывные части единого непрерывного процесса взаимодействия следователей и органов дознания. При этом важно определить, какие обстоятельства совершения коррупционного деяния подлежат проверке и установлению посредством проведения следственных действий, а какие путем осуществления ОРМ.

Необходимость в помощи органов дознания возникает тогда, когда максимальный успех расследования возможен только при сочетании процессуальных действий и ОРМ.

Проведение ОРМ предусматривается планом лишь в случае их действительной необходимости. Если же те или иные факты, связанные с совершением коррупционного преступления, можно установить непосредственно процессуальным путем, без применения ОРМ, то именно так и следует поступить. При таком положении проще и быстрее достигается конечный результат. Путь к установлению истины становится короче, поскольку отпадает необходимость в проведении ОРМ и проверке процессуальным путем полученных в результате их проведения данных.

Нельзя забывать, что проведение ОРМ представляет определенную сложность. При согласованном планировании должно обязательно соблюдаться важнейшее положение взаимодействия, согласно которому исполнителями ОРМ могут быть только работники органов дознания, поскольку ОРД является их исключительной компетенцией. Вместе с тем следует иметь в виду, что отсутствие следователя, обладающего

соответствующими процессуальными полномочиями, на месте проведения ОРМ, ставит под угрозу срыва весь ход операции и проведение первоначальных следственных действий.

Это представляется реальным, например, в случае, когда в ходе осмотра места происшествия кабинета должностного лица, предмет взятки обнаружен не был, а взяточполучатель добровольно выдать его отказывается. Возникает потребность в производстве обыска в помещении. Но это следственное действие, как считают многие оперативные работники, может провести следователь после возбуждения уголовного дела. Конечно, орган дознания не только может, но даже обязан возбуждать дела и проводить неотложные следственные действия по делам о преступлениях, по которым предварительное следствие обязательно (п. 3 ч. 2 ст. 37, ст. 174, ст. 186 УПК). Также и следователь может проводить следственные действия после возбуждения уголовного дела и предварительной проверки представленных материалов. Если уголовное дело не возбуждается, то складывается тупиковая ситуация, граничащая с нарушением закона. В этот момент оперативные работники могут совершить действия, которые в последующем исправить невозможно, а их результаты использовать в доказывании по уголовному делу крайне затруднительно. Как правило, оперативные работники ограничиваются проведением осмотра места происшествия до возбуждения дела. Затем они передают полученные материалы следователю или прокурору.

По нашему мнению, в случаях, когда по объективным причинам не представляется возможным возбудить уголовное дело, для участия в проверке заявления о взяточничестве всегда необходимо привлекать следователя. После фактического задержания взяточника он может провести неотложные следственные действия, возбудив уголовное дело.

Из вышеизложенного следует вывод о том, что следователь должен подключаться к подготовке проведения операции по захвату взяточполучателя с поличным заранее, а не после ее проведения. Иначе говоря, реализацию должна проводить СОГ под руководством следователя.

Деятельность следователей и работников органов дознания по согласованному планированию не заканчивается составлением письменных планов. Необходимость различных дополнений и уточнений планов требует совместных обсуждений данных, полученных в результате проведения следственных действий и ОРМ. Без этого трудно обеспечить согласованность при расследовании коррупционного преступления. Для уточнения и дополнения планов также требуются согласованные действия следователей и сотрудников органов дознания.

При всем положительном, что связано с взаимодействием следователя и органа дознания, в практике раскрытия и расследования взяточничества и иных коррупционных преступлений, имеются примеры рассогласованности их действий.

Нередко вовлечению в процесс раскрытия и расследования преступлений следователя предшествует ситуация, когда на основе первичных сведений орган дознания осуществляет оперативную проверку (разработку) в отношении конкретного лица и накапливает в деле оперативного учета информацию о нем. Наличие достаточных данных о совершенном коррупционном преступлении позволяет органу дознания принять решение о проведении оперативного эксперимента, в результате которого подозреваемый в совершении коррупционного деяния задерживается с поличным. Основываясь на материалах ОРД, следователь возбуждает уголовное дело и начинает его расследование.

Наличие на первоначальном этапе расследования только материалов ОРД, имеющих не процессуальный характер, создает следователю трудности в доказывании события преступления. Сложной может оказаться их легализация в уголовный процесс в качестве источника доказательств.

Взаимодействие между следователем и органом дознания во многих ситуациях раскрытия любого коррупционного преступления, как уже было показано на примере раскрытия взяточничества, должно быть установлено до момента задержания преступника с поличным. Это необходимо, учитывая специфику коррупционных преступлений, для обеспечения эффективного сбора доказательств, используемых для изобличения виновного и доказывания его вины.

Если до задержания с поличным в распоряжении органа дознания имеется достаточная оперативная информация, указывающая на признаки преступления, то должно быть возбуждено уголовное дело (ст. 166 УПК). На этой основе представляется возможной организация тактической операции по задержанию преступника с поличным.

Например, по делам о взяточничестве на первоначальном этапе их раскрытия и расследования часто складываются следующие типичные криминалистические ситуации когда: 1) органы дознания располагают сведениями о предполагаемой взятке или 2) гражданин сообщает о ее вымогательстве.

Наличие сведений о предполагаемой взятке не всегда может служить основанием для возбуждения уголовного дела, т. к. отсутствует уверенность в окончательно принятом решении потенциальных взяткополучателя и взяткодателя, не заинтересованных в афишировании сложившихся между ними отношений. Эти сведения могут быть получены в результате ОРМ, проводимых в отношении разрабатываемого лица или предоставлены гражданином, сотрудничающим с органом дознания на конфиденциальной основе.

Дальнейшая деятельность сотрудников органа, осуществляющего ОРД, как правило, ориентирована на оперативную проверку этих сведений. В результате проверки могут быть проведены различные ОРМ: оперативный опрос, слуховой контроль и др. Полученные в ходе оперативной проверки материалы ОРД могут являться основанием для возбуждения уголовного

дела (ст. 49 Закона об ОРД). Но практические работники чаще избирают иной путь: уголовное дело не возбуждается, а принимается решение о проведении оперативного эксперимента. Следователь на этом этапе не информируется о наличии сведений о готовящемся совершении взяточничества и планируемых ОРМ в отношении конкретного лица. Какое-либо взаимодействие следователя и органа дознания фактически отсутствует.

По результатам деятельности органов, уполномоченных проводить дознание и ОРД, следователю передаются ОРМ. Порядок их оформления и представления (предоставления) определен специальной инструкцией для служебного пользования⁷⁹⁷. На основе материалов ОРД следователь возбуждает уголовное дело и начинает предварительное следствие.

Иная криминалистическая ситуация, связанная с сообщением гражданина о вымогательстве у него взятки, содержит потенциальную основу для максимальной активизации взаимодействия органов уголовного преследования, независимо от того кто первый принял заявление гражданина: следователь или орган дознания.

Мы считаем, что «при наличии заявления гражданина о вымогательстве у него взятки необходимо проводить не оперативный эксперимент, материалы которого без их легализации в уголовном процессе, не имеют доказательственного значения, а осуществлять тактическую операцию «задержание взяточника с поличным». Но здесь имеется процессуальная проблема. Реализовать тактическую операцию в полном объеме можно только после возбуждения уголовного дела»⁷⁹⁸. Принимать участие в ее реализации должны все органы уголовного преследования, т. е. следователь, органы дознания и прокурор. Прокурор, в данном случае, играет роль координирующего звена в системе органов, ведущих борьбу с преступностью⁷⁹⁹.

На основании составленного плана совместных действий следователь проводит следственные действия, а орган дознания осуществляет ОРМ. Производство следственных действий и ОРМ направлено на решение общих задач: задержать взяточполучателя с поличным и изобличить его и иных субъектов в совершении взяточничества.

По нашему мнению «взаимодействие следует рассматривать в качестве основополагающего принципа деятельности следователя и органа дознания в борьбе со взяточничеством и иными коррупционными преступлениями. В качестве связующего звена этой деятельности может являться тактическая операция как комплексное тактическое средство»⁸⁰⁰, применение которого обеспечит эффективность раскрытия и расследования деяний коррупционной направленности.

ГЛАВА 7 ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

7.1. Профилактика в системе целей правоохранительной деятельности в сфере противодействия коррупции и коррупционной преступности

Преступность в современных условиях является существенным дестабилизирующим фактором в обществе и государстве. Противодействие этому негативному явлению должно иметь строго целевую направленность, основанную на результатах научных исследований. Не является исключением в рассматриваемом аспекте и деятельность правоохранительных органов в сфере противодействия коррупции и коррупционной преступности.

Разработку методов и средств противодействия коррупции и коррупционной преступности призвана обеспечить наука криминалистика. Данное обстоятельство, подчеркивая взаимосвязь науки и практики, дает основание для понимания наличия общих целей, а также определяет их единый, криминалистический характер. Главной целью для науки криминалистики и практической деятельности является эффективное противодействие преступности.

Деятельность любой направленности предполагает в ходе ее осуществления предварительную постановку, а затем и достижение поставленных целей. Разработка системы деятельности при отсутствии четко сформированных целей теряет смысловое значение. Формулировка целей обуславливает содержательность, структурность и результативность деятельности.

Не является исключением в рассматриваемом аспекте и правоохранительная деятельность, направленная на противодействие коррупции и коррупционной преступности.

Цели деятельности в сфере противодействия преступности до настоящего времени окончательно не изучены и не сформированы в цельную систему. Более того, в научных исследованиях, а также, соответственно, в учебниках и учебных пособиях, вопрос о целях данного вида деятельности остается в стороне. В нормативных правовых актах, регламентирующих правоохранительную деятельность, речь идет о задачах (ст. 3 УПК).

Для рассмотрения данной проблемы необходимо разграничить понятия «цель» и «задача».

«Цель» является итогом, результатом деятельности. Она носит вероятностный характер и отражает стремление к чему-либо. В соответствии с философским определением понятия, цель это «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия»⁸⁰¹.

Понятие задачи предусматривает комплекс действий с конкретным результатом, который может быть получен (получен частично) либо не получен. Решение ряда задач практической деятельности обеспечивает, как правило, достижение конкретных целей.

Чтобы определить цели практической деятельности в сфере противодействия коррупционной преступности, необходимо выяснить, как данный вид деятельности возник, что послужило его появлению.

Рассматривая любой вид деятельности, можно отметить, что он призван удовлетворять какие-либо потребности человека и общества в целом. С появлением государства и права возникла необходимость в таком виде деятельности, который был связан с установлением виновных в совершении того, что стало называться преступлениями (правонарушениями). В государстве таким направлением деятельности занимались определенные лица (органы), обязанностью которых был поиск и изобличение преступников. Тем самым, государство в лице его специальных (правоохранительных) органов противостояло преступности. В итоге это повлекло за собой формирование специальной науки, которую в конце XIX века Ганс Гросс назвал криминалистикой. На нее изначально было возложено решение ряда задач, ориентированных на достижение соответствующих целей.

Рассматривая вопрос о целях криминалистики, необходимо совершить исторический экскурс во времена, когда была создана данная отрасль знания.

До появления специальной науки многие знания, наставления, рекомендации криминалистического характера содержались в разрозненных научных трактатах по уголовному, гражданскому праву, а также уголовному процессу. Так, в 1673 году в Париже издана книга Ж. Равено «Трактат об исследовании письма», в 1838-1841 гг. в Германии было издано двухтомное «Руководство по судебному расследованию» Людвиг фон Ягеманна⁸⁰². Период, предшествующий появлению науки криминалистики, характеризуется количественным и качественным ростом преступности, появлением профессиональной, а затем организованной преступности, перед которой государственные органы многих стран того времени оказались бессильны. В связи с этим произошла консолидация криминалистических знаний как результат социального заказа на «систему, способную противостоять преступности нового качества»⁸⁰³.

Учитывая условия, в которых была сформирована наука криминалистика, следует признать, что ее целью, с момента появления и до настоящего времени, является разработка эффективной научной системы противодействия преступности. Указанная цель характеризуется как основная, но не единственная. В системе целей криминалистики можно обнаружить дополнительные, второстепенные цели.

Процессы глобализации, происходящие в мировом масштабе, способствуют количественному и качественному росту преступности. В связи с этим в актуальном состоянии находится потребность в разработке

многоуровневой, эффективной государственной системы противодействия росту «преступности нового качества»⁸⁰⁴.

Цель «противодействие преступности» является общей по отношению к иным видам деятельности, в том числе и научного характера. В научном плане проблемы противодействия преступности разрабатываются криминалистикой, криминологией, уголовным и уголовно-процессуальным правом, теорией ОРД и др. Одновременно рассматриваемая цель является отдаленной, что предполагает вначале достижение иных, более близких и непосредственных целей.

Достижение любой цели требует решения ряда задач, из которых отдельные имеют комплексный характер (предполагается совершение определенного множества действий), что, в свою очередь, предопределяет возможность их рассмотрения в качестве самостоятельных целей. В связи с этим вполне оправдано вести речь о «дереве» целей⁸⁰⁵ практической деятельности.

В настоящее время в нормативных правовых актах, научной и учебной литературе чаще оперируют понятием «борьба с преступностью»⁸⁰⁶. При этом в учебной литературе она рассматривается не как цель, а задача⁸⁰⁷. Термины «борьба», «бороться» в своих значениях предполагают схватку, сражение, при наличии у каждой из сторон стремления к победе, уничтожению друг друга⁸⁰⁸. Говорить о ликвидации преступности не приходится, потому что она непреходящий атрибут любого общества и государства. Аналогично можно говорить о коррупции, как явлении, так и коррупционной преступности. Идея о беспреступном обществе, развитая в марксистско-ленинской теории, признана утопичной⁸⁰⁹. Следовательно, уместно говорить не о борьбе с преступностью, которую в обозримом будущем «побороть» невозможно, а о противодействии ей. В таком случае на каждое преступное действие предполагается адекватная реакция правоохранительных органов государства посредством грамотного, экономичного использования имеющихся сил и средств. Только таким образом может быть реализована рассматриваемая цель. Она же является основой для структурирования практической деятельности.

Справедливости ради необходимо отметить, что знания, которые используются в практической деятельности, направлены на борьбу с конкретными преступлениями и в целом ориентированы на противодействие преступности.

Стремление к достижению основной цели может стать той силой, которая обеспечит позитивное изменение действительности (снижение роста преступности) только во взаимодействии с определенными методами и средствами, необходимыми для ее практической реализации. Разработку методов и средств противодействия преступности призвана обеспечить наука криминалистика. Данное обстоятельство, подчеркивая взаимосвязь науки и практики, дает основание для понимания наличия общих целей, а также определяет их единый, криминалистический характер.

Деятельность в сфере практического противодействия преступности является самостоятельным объектом исследования науки криминалистики⁸¹⁰. Криминалистика является «сервисной наукой, призванной обеспечивать раскрытие, расследование и предупреждение преступлений»⁸¹¹. Вместе с тем, это не исключает для данного вида практической деятельности своей системы криминалистических целей, отличающейся от системы целей науки криминалистики.

Наличие указанной связи между теорией и практикой предполагает для них общую цель, которая выше была обозначена как противодействие преступности. В дальнейшем основная цель практической деятельности конкретизируется применительно к основным целевым направлениям уголовно-процессуальной деятельности – раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, в том числе и коррупционной направленности.

К числу промежуточных целей практической деятельности относится борьба с коррупционными преступлениями. Речь идет о конкретных коррупционных преступлениях как результате преступной деятельности. О состоянии борьбы с преступлениями свидетельствует ежегодная официальная статистика правоохранительных органов.

Показатель эффективности борьбы с коррупционными преступлениями напрямую зависит от достижения иных целей практической деятельности: 1) выявление; 2) раскрытие; 3) расследование; 4) предупреждение преступлений данной группы.

Необходимость выявления коррупционных преступлений обусловлена наличием высокой латентности, которая и по многим другим видам преступлений достигает 80–90%⁸¹².

Выявление коррупционных преступлений представляет собой этап деятельности уполномоченных субъектов, направленной на «достижение достоверного знания о наличии объективных признаков преступления, достаточных для возбуждения уголовного дела»⁸¹³. Выявление коррупционных преступлений и, в первую очередь взяточничества, обеспечивается преимущественно силами, средствами и методами органов, уполномоченных осуществлять ОРД. Однако, выявление неочевидных коррупционных преступлений возможно и в рамках процессуальной деятельности осуществляемой в связи с возбуждением иного уголовного дела.

Целью практической деятельности является выявление коррупционных преступлений, которая реализуется посредством решения следующих задач:

- 1) обнаружение признаков скрытого (латентного) коррупционного преступления;
- 2) установление этапов развития коррупционного преступления (подготовка, совершение, механизм, результаты, последствия);
- 3) установление фактов взаимосвязи «системы коррупционное преступление» с другими системами;

4) выявление и изучение отражений элементов криминалистической структуры коррупционного преступления.

Раскрытие коррупционного преступления как процессуальное понятие связывается с определенным решением по уголовному делу. Коррупционное преступление считается полностью раскрытым, когда фактически установлены существенные для дела обстоятельства, а также субъект преступленного посягательства. Составной частью такого раскрытия является выявление признаков латентного коррупционного преступления (например, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями). На стадии предварительного расследования преступление считается полностью раскрытым, когда составлено постановление (с приложением к нему справки) о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд (ст.ст. 260 – 261 УПК). Окончательно преступление раскрыто после вступления приговора суда в законную силу.

В криминалистическом аспекте «раскрытие преступления представляет собой деятельность, направленную на получение информации (возможно предположительной) о совершении преступления определенным лицом»⁸¹⁴. Раскрытие коррупционного преступления – это совместная цель следователя и оперативных работников органа дознания, которая может быть достигнута посредством решения следующих задач:

- 1) сбор и анализ информации о совершенном коррупционном преступлении;
- 2) изучение элементов криминалистической структуры коррупционных преступлений;
- 3) получение информации, дающей основание для выдвижения и проверки версий о совершении преступления определенным лицом⁸¹⁵.

Содержание расследования во многом определяется результативностью деятельности по раскрытию преступления. Основой для разграничения раскрытия и расследования преступлений находится в познавательной и удостоверительной функциях уголовного процесса. При расследовании факт преступления должен быть не только установлен и детально изучен, что существенно для его раскрытия и решения отдельных задач расследования, но и надлежащим образом процессуально оформлен. В процессе расследования осуществляется выявление обстоятельств, связанных с личностью преступника, выявлением смягчающих и отягчающих обстоятельств и других данных, которые в совокупности позволяют обеспечить правильное применение закона к расследуемому случаю, «гарантируют привлечение к ответственности именно виновного и не позволяют это сделать в отношении невиновного»⁸¹⁶. Наряду с этим в процессе расследования реализуются и процессуальные функции, в частности процессуальное руководство следователя, обеспечение прав и законных интересов участников процесса, защита интересов, нарушенных преступлением и др. Вместе с тем основная содержательная часть расследования связана с процессом доказывания.

Достижение цели расследования обеспечивается решением следующих задач, определяемых характером процессуальной деятельности и связанных с процессом доказывания: 1) собирание доказательств (ст. 103 УПК); 2) проверка доказательств (ст. 104 УПК); 3) оценка доказательств (ст. 105 УПК).

Содержательная сторона каждой из названных задач имеет сложную структуру, связанную с необходимостью совершения множества действий, которым предшествует постановка конкретных задач. Это определяет возможность рассмотрения названных задач (собирание, проверка и оценка) уже в качестве целей.

Собирание доказательств как цель деятельности требует решения задач и совершения соответствующих действий, связанных с обнаружением (отысканием, выявлением), фиксацией (закреплением), изъятием, сохранением и предварительным исследованием доказательств.

В ходе проверки доказательств выполняются действия направленные на решение следующих задач: 1) анализ, раскрытие содержания доказательств; 2) сопоставление проверяемого доказательства с другими, имеющимися в материалах и уголовном деле доказательствами; 3) выявление источников доказательств; 4) получение других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

В результате оценки доказательств устанавливается наличие и характер связей между доказательствами, определяются роль, значение, достоверность, достаточность и пути использования доказательств для установления истины. Оценка доказательств, как логический процесс, требует решения задач: 1) выяснить относимость и допустимость доказательств; 2) проверить достоверность доказательств; 3) установить согласованность или несогласованность доказательств; 4) определить достаточность доказательств; 5) определить значение доказательств.

Процесс доказывания не ограничивается только собиранием, проверкой и оценкой доказательств. В методических целях, для более углубленного изучения этого процесса, необходимо выделять в доказывании такой этап как использование доказательств.

Использование доказательств представляет собой заключительный этап работы с доказательствами: после их собирания, проверки и оценки субъект доказывания оперирует ими, решает с их помощью те или иные задачи доказывания⁸¹⁷. Достижение цели использования доказательств возможно посредством решения следующих задач: 1) проверка версий, иных доказательств; 2) получение новых доказательств, новой информации; 3) моделирование механизма преступления; 4) демонстрация доказательств в ходе следственных действий для: а) устранения в показаниях существенных противоречий; б) изобличения в даче ложных показаний; в) убеждения в бессмысленности противодействия расследованию.

Обязанности правоохранительных органов в сфере противодействия преступности не ограничиваются раскрытием, расследованием и привлечением виновных к уголовной ответственности. При производстве

дознания и предварительного следствия органы уголовного преследования обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 90 УПК).

Выявление этих причин и условий является одной из задач призванных, обеспечить достижение цели, формулируемой как предупреждение преступлений. В учебной литературе по криминалистике под предупреждением преступлений понимается «система приемов выявления причин и способствующих преступлению условий, объектов криминалистическо-профилактического воздействия, а также профилактических мер, затрудняющих совершение новых аналогичных преступлений, пресекающих или прерывающих преступную деятельность конкретных лиц»⁸¹⁸. Уточняя рассматриваемое определение, следует отметить, что в действительности надо говорить о системе мер предупредительного характера, применяемых после выявления причин и условий, способствующих преступлению, для предупреждения совершения аналогичных или иных преступлений.

Установление при производстве по уголовному делу нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления, перед органом уголовного преследования встает новая задача, связанная с необходимостью внесения в соответствующие организации или должностному лицу представления о принятии мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 199 УПК). Представление подлежит безотлагательному рассмотрению с принятием необходимых мер по выполнению содержащихся в нем требований. О принятых мерах соответствующая организация или должностное лицо, которым внесено представление, в месячный срок в письменной форме информируют субъекта, внесшего представление.

В дальнейшем правоохранительные органы вправе осуществить меры профилактического характера, предусмотренные законодательными актами Республики Беларусь⁸¹⁹. В юридической литературе и научных работах речь идет о профилактике уголовно-наказуемых деяний. Под профилактикой ученые понимают «комплекс различных взаимосвязанных между собой мероприятий, проводимых государственными органами, общественными объединениями, отдельными гражданами и направленных на то, чтобы предотвратить их (преступления – А. Х.), а также устранить, ограничить, нейтрализовать их причины и способствующие им условия»⁸²⁰.

Таким образом, система целей правоохранительной деятельности в сфере противодействия преступности носит криминалистический характер, в целом не совпадает с системой целей науки криминалистики. Общей целью для науки криминалистики и практической деятельности является цель, которая формулируется как эффективное противодействие преступности.

7.2. Меры общей профилактики коррупции и взяточничества в Республике Беларусь

Важными направлениями противодействия коррупции и взяточничеству являются их профилактика и предупреждение. На значимость профилактики преступности и предупреждения преступлений как направлений в правоохранительной деятельности обратили внимание многие белорусские ученые: Н. А. Аникеева⁸²¹, И. А. Анищенко⁸²², И. И. Басецкий и А. В. Башан⁸²³, В. И. Берестень⁸²⁴, В. Н. Бибило⁸²⁵, Г. А. Василевич⁸²⁶, И. Р. Веренчиков⁸²⁷, В. Л. Григорович⁸²⁸, А. Е. Гучок⁸²⁹, А. В. Дулов⁸³⁰, А. М. Клим⁸³¹, В. В. Коляго⁸³², В. С. Красилов⁸³³, Ю. В. Михайловская⁸³⁴, А. С. Рубис⁸³⁵, В. М. Хомич⁸³⁶, В. Б. Шабанов⁸³⁷, Е. А. Шаркова⁸³⁸, В. П. Шиенок⁸³⁹, Г. А. Шумак⁸⁴⁰ и др.

Действующий Закон о борьбе с коррупцией не содержит понятия «профилактика коррупции». В нем имеется глава, посвященная предупреждению коррупции. На государственных должностных лиц, а также на лиц, претендующих на занятие государственных должностей, возлагается письменное обязательство на соблюдение ряда ограничений. Перечень этих ограничений достаточно широк. Например, государственное должностное лицо не вправе заниматься предпринимательской деятельностью, принимать участие лично или через иных лиц в управлении коммерческой организацией (ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией); запрещается их совместная служба с супругами, близкими родственниками или свойственниками, если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому (ст. 18 Закона о борьбе с коррупцией); установлен запрет для руководителя (его заместителей), главному бухгалтеру (его заместителям) организации на вхождение в состав органов, осуществляющих функции надзора и контроля в этой организации (ст. 19 Закона о борьбе с коррупцией); государственные должностные лица, имеющие в собственности доли в уставных фондах (акции) коммерческих организаций, обязаны в трехмесячный срок после назначения (избрания) на должность (ст. 20 Закона о борьбе с коррупцией) и др.

Анализ главы 3 «Предупреждение коррупции» Закона о борьбе с коррупцией свидетельствует о «точечной» направленности применяемых мер, ориентированных на конкретных лиц, занимающих государственные должности или претендующих на их занятие. Такой подход отражает суть понятия «предупреждение», которое означает «заранее принятыми мерами отвлечь» или «опередить, сделать что-нибудь ранее, чем что-нибудь произошло»⁸⁴¹, т. е. в нашем случае это – предупредить коррупцию со стороны конкретного должностного лица, в отношении которого применяются соответствующие меры.

Впервые идея о том, что «предупреждение преступности имеет приоритет перед карательной политикой государства, была высказана еще Платоном в IV в. до н. э.»⁸⁴². Эта мысль получила правовое обоснование в

работах ученых XVIII века, заложивших основу государственной политики в борьбе с преступностью. Ее суть в том, что «мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него»⁸⁴³.

Предупреждение коррупции со стороны должностных лиц государственных и иных органов и организаций – это лишь часть государственной политики, направленной на противодействие коррупции. По мнению А. В. Дулова, И. Р. Веренчикова и с этим следует согласиться: «Предупреждение преступлений – это не только введение дополнительной охраны, изменение порядка учета и хранения материальных ценностей и т. д. Это, прежде всего, *сложная и длительная борьба за перестройку психологии человека* (курсив мой – А. Х.). Для этого надо предупреждать появление негативных психических качеств, перевоспитывать тех, кто совершил преступление, так воспитывать всех граждан, чтобы у них вырабатывались такие качества, которые исключали бы возможность совершения ими преступления»⁸⁴⁴.

Ценность данного мнения в том, что авторы, хотя и не называют это направление, расширяют рамки правоохранительной деятельности в аспекте профилактики преступности. Именно перестройка психологии сознания современного человека – это то, что нужно для эффективного противодействия преступности в целом и ее разновидности коррупционной преступности.

В полном объеме противодействие коррупции, как социальному явлению, следует рассматривать в аспекте ее профилактики.

Понятие «профилактика» представляется более широким. Оно означает «совокупность предупредительных мероприятий»⁸⁴⁵, которые могут осуществляться в различных сферах человеческой деятельности. Данная формулировка свидетельствует о том, что о профилактике можно вести речь в случае реализации «совокупности мероприятий». Эти мероприятия имеют предупредительный характер, что указывает на взаимосвязь «профилактики» и «предупреждения», последнее из которых может осуществляться посредством отдельной предупредительной меры.

Профилактика коррупции сочетает в себе совокупность предупредительных мер, реализуемых по различным направлениям определенной области, и осуществляется специальными государственными органами, уполномоченными на это законодательными актами.

В словаре по криминологии понятие «профилактика преступлений» определили как «деятельность, направленную на устранение, ослабление, нейтрализацию криминогенных факторов, недопущение совершения преступлений лицами с явной противоправной направленностью, разъяснение гражданам их юридических прав, обязанностей, способов ограждения себя, своего имущества от преступных посягательств»⁸⁴⁶. В данной формулировке очевиден широкий спектр действий профилактической направленности, которые не всегда связаны с совершением или

возможностью совершения преступлений (например, «разъяснение гражданам их юридических прав, обязанностей»). Для профилактики коррупции (взяточничества) как единому виду правоохранительной деятельности характерна многовекторная направленность.

Во-первых, выявляются и изучаются причины (условия), способствующие возникновению коррупционных отношений, ориентированных на совершение взяточничества.

Во-вторых, выявляются лица (группы лиц), которые склонны к совершению взяточничества и иных коррупционных преступлений в данных условиях.

В-третьих, разрабатываются и применяются меры, направленные на устранение причин и условий совершения взяточничества и иных коррупционных преступлений.

В-четвертых, разрабатываются и применяются меры предупредительного характера в отношении лиц (групп лиц), подготавливающих совершение взяточничества или иных коррупционных преступлений.

В-пятых, осуществляется контроль за лицами, склонными к совершению взяточничества и иных коррупционных преступлений.

Каждое из этих направлений имеет самостоятельный характер и может рассматриваться отдельным видом профилактической деятельности. В реализации этих видов деятельности принимают участие многие государственные органы и организации: милиция, органы государственной безопасности, таможенные органы и т. д. Применяемые ими меры имеют предупредительный характер, что указывает на «родственность» понятий «предупреждение» и «профилактика».

Ключевое место в системе профилактики, формирующей определенные правила поведения, по нашему мнению, должно занять воспитание.

Воспитательный процесс многогранен и состоит из различных систем, которые условно можно разделить на две: внутреннюю и внешнюю. К внутренней системе, в первую очередь, относится семейное воспитание. Главной внешней системой является воспитание в рамках образовательного процесса. Именно данная система воспитания существенно влияет на формирование личности и окончательно определяет ту систему правил, которые в дальнейшем будут претворяться в жизнь в практической деятельности индивидуума.

Считается, что в Беларуси наиболее подвержена коррупции и, соответственно, взяточничеству сфера экономики, о чем свидетельствуют источники СМИ⁸⁴⁷. Анализ сложившихся и складывающихся общественных отношений позволяет сделать вывод, что взяточничество и иные проявления коррупции характерны практически для всех областей человеческой деятельности. Не менее подвержена взяточничеству и социально-культурная область, составной частью которой является образовательная сфера.

Рассмотрим, с чем приходится сталкиваться молодежи в образовательных учреждениях многих постсоветских государств и как это влияет на воспитание обучаемых, восприятие ими коррупции и их дальнейшее к ней отношение.

Протекционизм, поборы и взяточничество не утратили своей актуальности в учебных заведениях. Незаконные отношения в сфере образования приобрели широкие масштабы. Сбор (поборы) денег у законных представителей (родителей) учащихся превратился в систему. Отсутствие должного реагирования компетентных органов способствует тому, что такие поборы осуществляются под любым предлогом. Их целью является удовлетворение различных интересов учреждения образования: озеленение территории школы (гимназии), замена входной двери в здание, внешний и внутренний ремонт здания, ремонт классов (замена окон и дверей, смена покрытия пола, оклейка обоев и т. п.), замена сантехнического оборудования и т. д.

Эти негативные социальные явления снижают уровень образованности молодежи, воздействие идеологической работы на учащихся и студентов. В сознании молодых людей, воспитанных на негативных и, более того, противоправных примерах формируется система правил, которые в последующем приносятся в среду их социальной деятельности. На такой негативной воспитательной основе возвращаются личности, потенциально готовые к совершению различных преступлений, в том числе и взяточничества.

Проблема незаконных отношений в сфере образования, имеет глубокие социальные корни, приобретает широкие масштабы. Различные коррупционные проявления снижают показатели образованности и размывают нравственные принципы молодого поколения. Молодые люди наблюдают за строительством государства, они видят, какие перспективы их ждут, стремятся получить качественное образование, а коррупция и взяточничество негативно влияет на формирование мировоззрения студентов, духовно-нравственное воспитание⁸⁴⁸.

Совершению коррупционного правонарушения (преступления) в сфере образования (равно как и в иных сферах) предшествует ситуация, охватываемая понятием коррупционный риск и не имеющая правовой оценки. По-нашему мнению, «коррупционный риск – это объективно сложившаяся либо субъективно созданная ситуация, которая может потенциально привести либо реально приводит к совершению коррупционного правонарушения»⁸⁴⁹.

Коррупционные риски в сфере образования возможны: 1) при формировании материально-технической базы учреждения образования; 2) на этапе приема в учреждение образования; 3) в процессе производства ремонта основных средств; 4) в ходе оказания дополнительных платных услуг; 5) в ходе приема зачетов и экзаменов; 6) при распределении учащихся в общежитиях; 7) в процессе оказания репетиторских услуг; 8) на этапе

выпуска из учреждения образования; 9) при распределении выпускников учебного заведения.

Наиболее эффективными методами, которые целесообразно использовать в процессе выявления коррупционных рисков, а также при раскрытии и расследовании преступлений в сфере образования являются криминалистический анализ и матрицирование⁸⁵⁰. Главным содержанием криминалистического анализа является изучение общественных отношений, складывающихся в процессе образовательной деятельности между субъектами образовательных отношений, порядка формирования и обеспечения материально-технической базы учреждения образования. В первую очередь анализу должна быть подвергнута деятельность, приносящая доходы учреждению образования.

Не менее важным представляется использование метода криминалистического матрицирования в целях своевременного выявления противоправного поведения, а также признаков правонарушений. Применение данного метода предполагает разработку и использование матриц по направлениям образовательной деятельности учреждения образования, например, процесса получения и использования безвозмездной (спонсорской) помощи, управления и т. д. Основой для разработки таких матриц является система нормативных правовых актов, регулирующих образовательные и связанные с ними общественные отношения в сфере образования. Сопоставление матрицы с действительным состоянием дел в деятельности учреждения образования обеспечит обнаружение дефектов, изучение которых позволит выявить ситуации, связанные с коррупционным риском либо признаки коррупционного правонарушения и принять адекватные меры реагирования.

На примере формировании материально-технической базы учреждения образования рассмотрим возможности развития ситуаций, ведущих к возникновению коррупционного риска и, что более пагубно, влекущих за собой восприятие и сохранение в сознании обучающихся практик негативного поведения.

Базовым нормативным правовым актом, регламентирующим образовательную деятельность в Республике Беларусь, является Кодекс Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании)⁸⁵¹. Согласно ст. 20 Кодекса об образовании, учреждения образования вправе «осуществлять образовательную деятельность» (п. 2.1), что является основной функцией связанной с обучением и воспитанием. Наряду с этой деятельностью учреждения образования имеют право «осуществлять приносящую доходы деятельность» (п. 2.3). Заниматься этой деятельностью учреждения образования не обязаны, но, в тоже время, обязаны обеспечивать «материально-техническое обеспечение образовательного процесса в соответствии с установленными санитарными нормами, правилами и гигиеническими нормативами» (п. 4.4).

Изначально «материально-техническая база учреждений образования формируется учредителями в соответствии с законодательством» (ст. 139 Кодекса об образовании). Перечень учредителей, установленный законодательством, достаточно широк, в числе которых преобладают государственные органы (ст. 21 Кодекса об образовании). На учредителей возложена также обязанность по обновлению и развитию материально-технической базы учреждений образования (ст. 140 Кодекса об образовании).

Какую деятельность, приносящую доходы, может осуществлять учреждение образования? В ст. 138 Кодекса об образовании упоминается деятельность, связанная с оказанием платных услуг. В итоге на платной основе проводятся факультативные занятия по наиболее значимым учебным дисциплинам, спортивной направленности, а также обеспечивающие развитие способностей учащихся, например, к рисованию, танцам и т. п.

Факультативные занятия являются основным источником, приносящим доходы учреждению образования. Они проводятся вне рамок основного учебного процесса и широко распространены на I ступени общего среднего образования (I–IV классы). Нередко на этой ступени образования создаются специальные классы (на основе предварительного опроса родителей), ученики которых в обязательном порядке должны посещать не менее 2–3 различных «кружков», организуемых на платной основе. Готовность оплачивать обучение в таких «кружках» выверяется посредством предварительно проведенного опроса родителей. Он проводится на этапе зачисления учеников в учебное заведение, а у родителей отбираются заявления с просьбой о зачислении детей в такие классы. В дальнейшем с родителями заключаются договора об оказании платных образовательных услуг, в которых основной акцент сделан на оплату, т. е. фактически ученик может не посещать эти занятия (это его право на посещение таких занятий), но они все равно должны быть оплачены⁸⁵².

В таких классах нередко количество учеников превышает допустимый законодательством лимит. Например, наполняемость классов не должна превышать: в I–IV классах – 20 учащихся, V–XI классах – 25 учащихся (п. 13 ст. 158 Кодекса об образовании). Условием-требованием зачисления вновь прибывших в школу-гимназию учеников является заключение с родителями договора об оказании платных услуг, который им в подобных случаях просто навязывается. Здесь и проявляется один из возможных коррупционных рисков, в ряде случаев приводящий к совершению взяточничества. Например, такое преступление совершил директор одной из минских гимназий, получивший взятку в размере 500 долларов США при решении вопроса о зачислении ученика в пятый класс гимназии⁸⁵³.

Согласно п. 4 ст. 138 Кодекса об образовании «средства, полученные учреждениями образования от приносящей доходы деятельности, поступают в их самостоятельное распоряжение». Но при этом права распоряжаться полученными средствами у руководителя учреждениями образования отсутствует (ст. 26 Кодекса об образовании). В Кодексе об образовании

порядок расходования полученных средств не установлен. Данный вопрос регулируется на уровне подзаконных актов, а также в соответствии с уставами учреждений образования (ст. 138 Кодекса об образовании). Таким образом, вопросы расходования полученных средств регулируются в порядке, который определяет непосредственно их учредитель, являющийся по отношению к ним, как правило, вышестоящим органом, наделенным государственно-властными полномочиями. А это значит, что фактически распоряжается всем имуществом, в том числе и полученными средствами от оказания платных услуг образования, только собственник, передавший имущество в оперативное управление учреждению образования, т. е. его учредитель. Согласно ст. 157 Кодекса об образовании учредитель назначает на должность и освобождает от должности руководителя, а также утверждает устав учреждения образования.

Тем самым, учреждение образования, занимаясь деятельностью, приносящей доход, не может самостоятельно решать без ведома учредителя объективно возникающие материальные проблемы.

Вышеизложенные обстоятельства, учитывая обязанность учреждения образования осуществлять материально-техническое обеспечение образовательного процесса, побуждают администрацию изыскивать иные источники материальных средств.

Эти средства получают за счет дополнительных источников финансирования учреждений образования. Одним из них является безвозмездная (спонсорская) помощь, оказываемая юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Порядок предоставления и использования безвозмездной (спонсорской) помощи регламентирован Указом Президента Республики Беларусь от 01.07.2005 № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи» (далее – Указ № 300)⁸⁵⁴.

Указ № 300 упорядочил благотворительную деятельность коммерческих структур (хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, производственные кооперативы, государственные объединения и др.) и индивидуальных предпринимателей. Но в Указе № 300 ничего не говорится об иных физических лицах, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Они не только могут, но и оказывают безвозмездную (спонсорскую) помощь учреждениям образования. Причем ею охватывается не вся система учреждений образования, а отдельные ее звенья. Преимущественно безвозмездную (спонсорскую) помощь физические лица оказывают на уровне дошкольного и общего среднего образования.

Интересы учреждения образования в отношениях с физическими лицами реализуются посредством деятельности органов самоуправления⁸⁵⁵, которые могут быть им образованы.

Если в учреждении образования функционирует родительский комитет либо попечительский совет, а, как правило, они действуют одновременно, то им отводится роль проводников идей руководства учреждения образования

до родителей учащихся. Попечительский совет создается с целью оказания содействия в обеспечении деятельности и развитии материально-технической базы учреждения образования и действует исключительно в интересах этого учреждения. Так денежные средства аккумулируются на текущем (расчетном) счете по учету внебюджетных средств учреждения образования и используются в соответствии с решением попечительского совета на удовлетворение потребностей учредителя.

Финансовые средства попечительскому совету могут быть предоставлены юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами (в первую очередь законными представителями учащихся). Юридические лица и индивидуальные предприниматели, участвуя в формировании финансовых средств попечительского совета, фактически предоставляют безвозмездную (спонсорскую) помощь учреждению образования. Порядок предоставления такой помощи определен Указом № 300. Поэтому основная задача попечительского совета состоит в активизации территориальных субъектов хозяйствования в направлении оказания ими спонсорской помощи учреждению образования, чьи интересы он представляет.

Что касается физических лиц, то здесь проблема состоит в порядке сбора денежных средств. Как уже было отмечено, отсутствует правовая регламентация предоставления и использования безвозмездной (спонсорской) помощи, получаемой от физических лиц. Можно предположить, что физические лица, предоставляющие такую помощь, относятся к разряду «иных источников, не запрещенных законодательством» (п. 1 ст. 137 Кодекса об образовании).

Но каким способом должен осуществляться сбор-передача денежных средств в виде добровольных взносов для учреждений образования, об этом законодательством не определено.

В положении «О попечительском совете учреждения образования»⁸⁵⁶ предусмотрен ряд последовательных действий, направленных на формирование финансовых средств попечительского совета. Вопрос об определении порядка формирования и использования финансовых средств и другого имущества относится к компетенции общего собрания попечительского совета, деятельность которого основана на принципе гласности. Решения общего собрания попечительского совета о необходимости сбора денежных средств на определенные цели доводятся до сведения всех заинтересованных лиц. Члены попечительского совета лично либо через представителей родительского комитета доводят информацию о решении собрания попечительского совета до родителей, иных законных представителей учащихся, а также обосновывают целесообразность взносов. При этом физическим лицам должно быть разъяснено, что решения попечительского совета для них не обязательны, а носят консультативный и рекомендательный характер. Должен быть разъяснен и порядок внесения денежных сумм. Денежные средства для попечительского совета должны

зачисляться на текущий (расчетный) счет по учету прочих государственных средств. Вот здесь и проявляется противоправное поведение, создающее очередное условие для коррупционных правонарушений.

Фактически происходит следующее. Законных представителей (родителей) обучающихся информируют о принятом общим собранием попечительского совета решении о необходимости сбора денежных средств на определенные нужды, и тут же осуществляется их сбор. При этом инициаторы сбора денег не утруждают себя разъяснениями для родителей о порядке зачисления денежных сумм на банковский счет. Следует заметить, что такие сборы денег в течение учебного года производятся неоднократно. Их размеры в каждом конкретном случае различны и воспринимаются многими родителями как «поборы», что непременно становится известным обучающимся, поскольку они также задействованы в передаче денег соответствующим лицам.

В иных случаях осуществляется сбор денег не только на ремонт помещений, в которых находятся обучающиеся, но и на иные цели, связанные с нуждами учреждения образования. Инициатива в сборе таких денег не обязательно исходит от руководства учреждением образования. До собрания родителей эту информацию доводят, как правило, представители родительских комитетов, которые непосредственно контактируют с представителями администрации учреждения, которые и сообщают о материальных проблемах. В дальнейшем члены родительского комитета либо рядовые сотрудники учреждения образования (например, классный руководитель) осуществляют сбор денег. Собранные деньги передаются руководителю учреждения образования, который определяет их дальнейшее движение. Какой-либо контроль за действиями руководителя отсутствует. Отсутствует и его отчетность перед собранием родителей об использовании собранных ими в интересах учреждения образования денежных средств. Очевидно, что в подобных ситуациях не исключается возможность злоупотреблений со стороны лиц, в распоряжение которых переданы собранные денежные суммы.

Весьма интересной представляется ситуация, когда, на первый взгляд, администрация учреждения образования как бы ни имеет никакого отношения к решению насущных проблем материального характера, успешно решаемых физическими лицами за их счет. При этом действия физических лиц осуществляются с устного согласия и одобрения руководителя учреждения образования. Так, например, на родительском собрании от классного руководителя либо другого представителя администрации, поступает информация о том, что за счет средств родителей учеников, ранее обучавшихся в данном классе (школе, гимназии), произведен конкретный ремонт, состоящий, например, в замене напольного покрытия либо входной двери. В дальнейшем, с учетом этой информации родительским комитетом (его отдельными представителями) сначала иницируется, а затем лоббируется решение, например, о ремонте оконных

проемов в конкретном классе, состоящем в установке современных теплоизоляционных стеклопакетов. Затем один из родителей, как правило, представитель родительского комитета, от своего имени заключает с коммерческой организацией договор подряда, предметом которого является установка в конкретном классе школы № XX оконных стеклопакетов. В выходные дни подрядчик быстро выполняет работу, оплачиваемую деньгами, собранными с родителей учеников, обучающихся в данном классе. С позиции действующего законодательства такое «благое» деяние совершается с нарушением норм права и, более того, содержит признаки правонарушения, за которым должна следовать ответственность. Но кто заинтересован в том, чтобы такая деятельность осуществлялась на основе принципа законности? Таких желающих, как правило, не находится.

А где же в приведенном примере проявляется коррупционный риск? На первый взгляд такие действия не могут повлечь противоправных последствий. Однако, в действительности, в дальнейшем возможна реализация криминальной схемы по изъятию денежной суммы, составляющей стоимость стеклопакетов и произведенных работ по их установке. Дело в том, что согласно ст. 138 Кодекса об образовании «осуществление государственными учреждениями образования приносящей доходы деятельности не влечет снижения их финансирования за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов». Рано или поздно, но финансирование текущего или капитального ремонта учреждения образования состоится. Но зачем проводить ремонт там, где он уже произведен? Вот здесь реально складывается ситуация, которая может привести к иному коррупционному преступлению.

На основе анализа имеющих место проблем современных учреждений образования мы фактически затронули вопросы общего воспитания молодого поколения. Решение этих проблем системы образования не гарантирует формирование личностей с антикоррупционным сознанием.

Современная молодежь не ограничена внутренней биполярной средой «семья-школа (колледж, ВУЗ)». На современного молодого человека оказывают значительное влияние многие факторы внешней среды, обрушивающие на неокрепшее сознание огромные информационные потоки, содержание которых далеко не всегда позитивно. В условиях настоящего времени идеи бихевиориста Джона Уотсона представляются утопическими. В начале прошлого века он говорил: «Дайте мне дюжину нормальных, здоровых младенцев и возможность по своему усмотрению выстроить мир, в котором они будут воспитываться, и я гарантирую вам, что, взяв любого, случайно выбранного ребёнка, я выращу из него такого специалиста, какого вы назовёте: доктора, юриста, художника, торговца, руководителя и, если хотите, даже нищего или вора, независимо от его талантов, склонностей, предпочтений, способностей, призвания или расовой принадлежности его родителей»⁸⁵⁷. Спустя сто лет с таким подходом к процессу воспитания можно согласиться, но для того времени, когда эта идея была высказана и

возможно было создать строго контролируемую обстановку вакуумного типа. С точки зрения сегодняшнего дня это уже не представляется возможным. Даже в идеальных условиях, созданных в системе «семья-школа», воспитательный процесс не может ограничиваться общими направлениями. Необходимо акцентирование воспитательных мер по специальным направлениям. На это же указывает и действующий Закон о борьбе с коррупцией, в котором представлена система мер борьбы с коррупцией (ст. 5 Закона о борьбе с коррупцией). Одной из таких мер упоминается организация «антикоррупционного обучения государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования» (п. 17 ст. 5 Закона о борьбе с коррупцией). Будет несправедливым обойти вниманием эту меру борьбы с коррупцией.

Следует обратить внимание, что ни эта норма, ни другие, содержащиеся в Законе о борьбе с коррупцией, не указывают на целевую направленность деятельности государственных органов, осуществляющих предупреждение и профилактику коррупции. Эта цель состоит в воспитании граждан, формировании у них негативного отношения к коррупции как социальному явлению. Рассматривать антикоррупционное образование необходимо в «связке» с антикоррупционным воспитанием, т. е. упомянутую ранее меру надо представлять, как организацию «антикоррупционного обучения *и воспитания* (курсив наш – А. Х.) государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования».

Для понимания сущности указанной меры необходим анализ составляющих ее элементов: антикоррупционное образование и антикоррупционное воспитание. Они рассматриваются как элементы единого целого, но по сути имеют отличительные признаки.

Для понятия «воспитание» характерно наличие множества различных научных взглядов. Их анализ с указанием на единство мнений современных ученых, важных для развития теории воспитания, а также выявленные разногласия в научном подходе подробно изложены в исследовании П. В. Степанова⁸⁵⁸.

Для целей нашего исследования мы ограничимся словарной формулировкой термина «воспитание», под которым понимаются «навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни»⁸⁵⁹. Учитывая специальную направленность воспитания можно представить «антикоррупционное воспитание» как элемент общего воспитания и систему правил поведения, усвоенных в процессе обучения, которыми индивид руководствуется в повседневной жизни.

В представленной формулировке понятия «антикоррупционное воспитание» акцент сделан на процесс обучения, реализуемый в учреждениях образования, т. к. семья, тем более, среда не могут способствовать формированию антикоррупционного сознания.

На процесс обучения указывает А. М. Клим, который раскрывая сущность антикоррупционного воспитания утверждает, что оно «сводится к

тому, чтобы в процессе целенаправленной систематической деятельности сформировать и развить у обучаемых антикоррупционное мировоззрение, повысить уровень правосознания и правовой культуры, ориентировать на общественно полезное антикоррупционное поведение и подготовить их к антикоррупционной деятельности»⁸⁶⁰. Такая формулировка более подходит к понятию «антикоррупционное образование», т. к. именно оно может «ориентировать на общественно полезное антикоррупционное поведение и подготовить их к антикоррупционной деятельности». На это же обращает внимание И. В. Годунов. По его мнению «антикоррупционное образование представляет собой целенаправленный процесс обучения антикоррупционному поведению и антикоррупционной деятельности, реализуемый компетентными образовательными учреждениями»⁸⁶¹.

Человек, получивший должное антикоррупционное воспитание и оказавшись в условиях формирующихся или сформировавшихся коррупционных отношений, будет проявлять негативную к ним реакцию. На примере взяточничества это можно представить следующим образом: государственный служащий (иное должностное лицо) отказывается от предлагаемого предмета взятки за совершаемые им по службе действия, а с другой стороны гражданин отказывается дать взятку, возражая требующему ее должностному лицу.

Антикоррупционное воспитание тесно связано с антикоррупционным образованием и является его важной составной частью, которая зависит от последнего. Антикоррупционное воспитание невозможно без антикоррупционного образования, а последнее бессмысленно без первого. Данный тезис мы поясним, основываясь на общем понятии «образование», под которым понимается «совокупность знаний, полученных специальным обучением»⁸⁶². Для антикоррупционного образования характерна совокупность знаний о коррупции как социальном явлении. Мы считаем, что антикоррупционный образовательный процесс должен начинаться с дошкольных учреждений образования, за год-два до прихода в школу, т. е. в возрасте детей 5–6 лет. На это же обращают внимание в некоторых учебных заведениях Российской Федерации. Например, Министерством образования и науки Республики Татарстан разработаны методические рекомендации по антикоррупционному воспитанию, согласно которым «работа по формированию антикоррупционного мировоззрения воспитанников дошкольных образовательных организаций включает следующие составляющие: 1) анализ практик семейного воспитания по данному вопросу; 2) уточнение представлений детей о таких понятиях, как «честность», «порядочность», «правдивость», «справедливость», «ответственность», «долг», «правила» и противоположных им понятий – «ложь», «коррупция», «проступок», «преступление»; 3) расширение первоначальных детских представлений, накопление новых знаний о правилах поведения в социуме»⁸⁶³.

Отечественная реальность такова, что антикоррупционное образование, о котором начали говорить в последние годы, касается молодых людей, получающих высшее образование. Об этом свидетельствуют новые дисциплины, появившиеся в системе обучения студентов, которые имеют отношение к антикоррупционному образованию. Например, в образовательных процессах юридического факультета Белгосуниверситета и Академии управления при Президенте Республики Беларусь появилась новая дисциплина «Противодействие коррупции», целью которой является формирование у студентов и слушателей «системы компетенций, необходимых для устойчивого негативного отношения к любым формам и проявлениям коррупции, а также активное участие в антикоррупционной политике, проводимой государственными органами и общественными организациями Республики Беларусь»⁸⁶⁴.

С образовательной целью в 2016 г. Научно-практическим центром укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь издано учебное пособие «Противодействие коррупции»⁸⁶⁵. Об особенностях организации антикоррупционного образования в ВУЗах написано много научных статей⁸⁶⁶. Но такой подход к организации антикоррупционного образования значительно запаздывает по времени и, главное, не достигает цели антикоррупционного воспитания.

В ряде зарубежных стран антикоррупционному образованию уделяют внимание со школьной скамьи. Например, «в Литве и Дании был реализован проект под названием «Образование против коррупции», его цель заключалась в формировании у молодежи гражданской позиции, воспитания нетерпимости к коррупции среди школьников»⁸⁶⁷. Показательно, что «целевой аудиторией педагоги видят именно подрастающее поколение, начиная работу по формированию антикоррупционной культуры личности еще в школе»⁸⁶⁸.

Целевая направленность антикоррупционного образования состоит в следующем.

1. Преодолеть неуважительное отношение к национальному праву. Соблюдение правил, установленных нормами права, должно стать определяющим принципом в жизни каждого гражданина Республики Беларусь. Для повышения правовой грамотности особую роль играют правовое просвещение и формирование основ правовой культуры учащихся, в том числе и в области антикоррупционного законодательства.

2. Разъяснять учащимся общественную вредность коррупции, указав на многообразие ее проявлений. Раскрыть им сущность коррупции как социального явления, противозаконного деяния, экономического и политического феномена, элемента культуры в обществе и его нравственной болезни. Дать четкое представление о целях, субъектах, формах и видах, сфере реализации, содержании коррупции.

3. Сформировать осознанность в необходимости негативного восприятия и отношения к коррупции, а также устойчивую отрицательную

оценку этому явлению. Нравственное отторжение коррупционного поведения, коррупционной морали и этики – важная основа управленческой деятельности. Только строгое соблюдение закона в сочетании с нравственной установкой на отрицание коррупции обеспечивают охрану государственной власти и общества от этого явления. В обществе, оправдывающем коррупцию, закон бессилён ей противодействовать. Будущее процветающей Беларуси зависит от воспитания новых поколений граждан, проявляющих нетерпимость к коррупции.

4. Освоить навыки противодействия коррупции. Создать стандарт поведения в условиях сложившихся или складывающихся коррупционных отношений. Представляется недостаточным формирование у учащихся мнения о неприемлемости коррупционного поведения в различных ситуациях и при любых условиях. На примере смоделированных жизненных ситуаций, учащиеся должны усвоить практические навыки антикоррупционного поведения. При этом противодействие коррупции должно носить не только пассивный, но и активный характер. Пассивное противодействие коррупции предполагает отказ от участия в коррупционных отношениях, а активное – принятие мер, направленных на их пресечение.

5. Организовать антикоррупционную пропаганду и распространить идеи законности и уважения к закону.

Успех в реализации обозначенных направлений деятельности находится в зависимости от кадрового потенциала, т. е. тех лиц, на которых возлагается высокая миссия по формированию высоконравственной личности, готовой противостоять любым негативным проявлениям, сопровождающим ее на протяжении всей жизни. К сфере воспитания и образования молодых людей не должны допускаться лица, имеющие склонности к безнравственным проявлениям и морально неустойчивые. К сожалению, судебная практика свидетельствует о наличии отрицательных примеров. Так, преподаватель Солигорского колледжа была привлечена к уголовной ответственности за получение взяток от своих учеников. Преподаватель систематически получала деньги за курсовые проекты, которые учащиеся не выполняли, а покупали у нее⁸⁶⁹. В другом примере «преподаватель получила 690 рублей за благоприятное решение вопроса о сдаче зачета. Сколько она берет за свои «услуги», студенты узнали от своих товарищей со старших курсов. Сумма составляла 30 рублей с каждого, кто желает успешно сдать зачет. Спустя пару дней женщина приняла зачет по тому учебному предмету, который преподавала в группе, студенты получили отметки «зачтено». Как пояснили в Следственном комитете действия 53-летней преподавательницы квалифицированы по ч.1 ст. 430 УК (получение взятки). В ее доме провели обыск, в ходе которого нашли и изъяли свыше 16 тысяч долларов США»⁸⁷⁰.

Следовательно, антикоррупционное образование призвано наделить знаниями об опасности коррупции в различных ее видах и формах для личности, для благосостояния общества и безопасности государства,

формирование у человека и гражданина негативного отношения к коррупционным проявлениям.

Антикоррупционное образование способствует достижению целей, стоящих перед антикоррупционной пропагандой. В тоже время антикоррупционную пропаганду следует рассматривать в аспекте самостоятельного направления противодействия коррупции, ориентированного на население в масштабе всего государства и распространяющего свое действие на те группы людей, которых не затронул образовательный процесс, антикоррупционного характера. Содержание антикоррупционной пропаганды, как считает Г. Н. Горшенков, «сводится к просветительской работе в обществе по вопросам противодействия коррупции в любых ее проявлениях, воспитанию у населения чувства гражданской ответственности»⁸⁷¹. Но здесь надо уточнить, что пропаганда не ограничивается «просветительской работой». Для нее характерно манипулирование сознанием и эмоциями неопределенного круга адресатов, которым навязывается воля пропагандиста. В связи с этим более точной представляется формулировка определения понятия «антикоррупционная пропаганда», согласно которой она представлена как «распространение и разъяснение правовых знаний о коррупционных правонарушениях, их последствиях; *вариантов правовых решений, поступков, поведения и т. д.; практики использования, исполнения* (курсив наш – А. Х.) применения антикоррупционного законодательства»⁸⁷².

Наряду с понятием «антикоррупционная пропаганда» в научной и практической сфере оперируют понятием «антикоррупционное просвещение». Данные понятия следует различать. Не все предлагаемые определения понятию «антикоррупционное просвещение» позволяют увидеть это различие. Например, П. А. Кабанов, не претендуя на идеальность предлагаемой формулировки понятия «антикоррупционное просвещение», представляет его в виде системы «распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств отношении неопределенного круга лиц, направленная на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры»⁸⁷³. В предложенном определении понятия «антикоррупционное просвещение» не учитывается, что «просвещение» не только обеспечивает людей знаниями, умением и навыками, способствующими принятию собственных решений, но и сохраняет у них критичность мышления и свободу выбора. Понятие «антикоррупционная пропаганда» более широкое, элементом которого следует рассматривать просвещение, как «распространение знаний, образования»⁸⁷⁴.

Антикоррупционная пропаганда реализуется в формах публикации статей и репортажей антикоррупционного содержания в СМИ, проведение

пресс-конференций (круглых столов), конкурсов на разработку проектов социальной рекламы антикоррупционного содержания и др. В своем содержательном значении антикоррупционная пропаганда представляет собой распространение и разъяснение правовых знаний о коррупционных правонарушениях и последствиях их совершения, практики использования, исполнения, применения антикоррупционного законодательства.

Важность антикоррупционной пропаганды мы рассмотрим на историческом примере Советского Союза.

Пропаганда и агитация в Советском Союзе были на высоком уровне. Все это способствовало большим успехам и достижениям, как в мирное, так и военное время. Следует также вспомнить, что в Советском Союзе через художественные фильмы воспитывался «новый человек», преданный государственным, хотя ныне и критикуемым, идеям коммунизма. Создавался образ веселого, честного и порядочного советского гражданина. Над этим работало огромное количество людей, и все, что было связано с кино, находилось под строгим контролем государственного аппарата пропаганды.

В современное время источником массированного агитационно-пропагандистского воздействия на сознание людей является глобальная система Интернет. На наш взгляд, необходимо противодействовать коррупции и другими негативным явлениям в обществе, не ограничивая свободу распространения информации и доступа к глобальной сети. Интернет – это абсолютная коммуникация, к которой имеют отношение люди различного склада ума и целевой установки. В Интернете можно найти практически все, что интересует любого обывателя. Но нельзя допускать, чтобы в Интернете появлялись сведения, популяризирующие коррупционную деятельность. В противном случае это будет аналогией иным негативным проявлениям, например, терроризму, когда при разработке и проведении антитеррористических операций «медвежью услугу силовикам оказывают средства массовой информации и обычные люди, тиражирующие информацию о произошедших атаках и их исполнителях. Конечно же, речь не идет о том, чтобы умалчивать о подобных происшествиях. Тут, скорее, важен формат подачи материала»⁸⁷⁵. Недостаточно продуманная подача материала о коррупции, коррупционных правонарушениях будет способствовать воспроизведению данного явления. Этот вывод основывается на психологическом принципе социального доказательства. В соответствии с данным принципом «мы используем информацию о том, как ведут себя другие, чтобы решить, как следует вести себя нам самим»⁸⁷⁶.

На важность роли СМИ в вопросе предупреждения преступности указано в Резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 29.10.1985 года. Государствам предлагается «проводить изучение и оценку роли средств массовой информации и их влияние на различные аспекты предупреждения преступности и... следует поощрять позитивный вклад средств массовой информации в осведомление общественности по вопросам предупреждения

преступности..., что представляет собой... важное средство обучения нормам жизни в обществе»⁸⁷⁷.

По нашему мнению, необходимо организовать работу по профилактике коррупции, которую должны осуществлять государственные органы и иные организации посредством комплексного применения следующих мер:

- антикоррупционное образование и воспитание граждан, с целью формирования в их сознании нетерпимости в отношении коррупции;

- недопущение финансирования либо предоставления иных форм материального обеспечения организаций из источников и в порядке, не предусмотренных законодательством Республики Беларусь;

- противодействие коррупции в сочетании с созданием экономических предпосылок для устранения ее причин;

- ограничение распространения информации о коррупционных проявлениях;

- обеспечение неотвратимости ответственности лиц, совершивших коррупционные правонарушения, за которые предусмотрена дисциплинарная ответственность.

На руководителей государственных и негосударственных организаций необходимо возложить следующие обязанности:

- привлекать лиц, совершивших правонарушения, создающие условия для коррупции, к дисциплинарной ответственности в порядке, установленном законодательными актами Республики Беларусь;

- информировать государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, о фактах совершения работниками правонарушений, создающих условия для коррупции, или коррупционных правонарушений.

Решение выше обозначенных проблем позволяет лишь частично исключить возможность коррупционных рисков в различных сферах деятельности.

Процесс воспитания, о котором мы говорили, не должен завершаться периодом образования и становления личности в качестве специалиста (профессионала), владеющего определенными навыками. Занимая должность, молодой человек (а равно любое иное должностное лицо, продвигающееся по служебной лестнице), должен постоянно испытывать направляющее воздействие воспитательного характера. Основанием для необходимости такого воздействия служит осознание влияния и значительной роли человеческого фактора в воспроизведении взяточничества. При этом важно рассматривать людей в этом процессе не только как участников коррупционных отношений. Не меньший интерес представляют и те лица, которые призваны вести активную борьбу со взяточничеством.

Для должностных лиц, совершающих преступление, связанное с получением взятки, свойственно корыстолюбие. В его основе стремление к благополучию, обеспечению себя, в ряде случаев и своих близких, лучшими условиями жизни. Это стремление характерно для любого человека, поэтому

обвинять должностных лиц в наличии этого желания будет несправедливым. Достижению благополучия способствует материальный достаток, формируемый, как легальным, так и нелегальным путем. Легальный путь связан с получением должностным лицом заработной платы и иных законных доходов. Неудовлетворенность материальными доходами в сочетании с обостренным стремлением к благополучию побуждает искать путь к увеличению доходов, но уже, как правило, нелегальным путем, что и приводит к совершению деяний коррупционной направленности.

В связи с этим можно указать на необходимость формирования управленческого потенциала в системе условий строжайшего воспитания. В идеале система воспитания потенциального управленца должна строиться на крайне негативном восприятии всего, что имеет отношение к коррупции и, не менее важно, искоренять исключать различные примеры коррупционных отношений. Реализовать это достаточно сложно, особенно в условиях развития современного потребительского общества, но необходимо. Мы считаем, что решать эту проблему возможно при условии, что в этом направлении будет проявлена политическая воля государства, сочетающаяся с общественным осознанием необходимости достижения цели, т. е. ликвидация коррупции либо ее максимальное ограничение.

Мы уже обратили внимание на то, что современная молодежь с малых лет наблюдает примеры поборов в детских садах, школах, гимназиях. Воспринимают молодые люди «благодарности» либо «взятки-благодарности» их родителей медицинским, педагогическим, социальным и иным работникам за оказанные ими профессиональные услуги. При этом отсутствует понимание (как у родителей, так и не формируется оно у детей) того, что оказанная услуга уже оплачена за счет налогов, отчисляемых в бюджет, являющихся источником в государстве для выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы. Продолжая обучение в ВУЗах, молодые люди нередко стремятся индивидуально или в коллективном порядке решать свои проблемы аналогичным образом, так как это делали (или делают) их родители. Проблема сдачи зачета или экзамена может сопровождаться предшествующим подношением подарка преподавателю, а это уже может быть и не первый опыт установления коррупционных отношений.

Далее, молодой человек с опытом участия в коррупционных отношениях либо их стороннего восприятия, окончив учебное заведение, приходит на службу в государственный орган или организацию на определенную должность с возможными негативными последствиями в будущем. Хотя ускорить становление молодого человека на путь коррупционной деятельности могут и иные обстоятельства. Так, например, низкая заработная плата для человека с высшим образованием, занимающим должность в государственном органе (организации), воспринимается как оскорбление, а оскорбленный человек, и это неоспоримый факт, готов совершать поступки, противоречащие интересам государства.

К иным обстоятельствам можно отнести и условия, сложившиеся непосредственно в самом государственном органе (организации), куда на службу приходит новое поколение управленцев. В связи с этим нелишним будет снова вспомнить высказывание М. Мошковиц, которая отметила, что «даже очень нехороший чиновник, чья деятельность ограничена хорошо продуманными жесткими рамками, будет вести себя вполне достойно. И, в свою очередь, человек вроде бы приличный (но слабый, как и все мы) *при попадании в соответствующую среду быстро научится действовать по ее негласным правилам* (курсив наш – А. Х.)»⁸⁷⁸. Следовательно, не «люди плохие», а таковыми их «делают» условия и обстоятельства, в которых они оказываются. В связи с этим напрашивается вывод, что систему подбора лиц на должности государственных служащих необходимо основывать не только на профессиональных качествах претендента, но и на его нравственных (моральных) качествах. Для коррупционно уязвимых сфер деятельности кадры следует отбирать с особым вниманием и тщательностью. Продолжительность государственной службы в отраслях и сферах деятельности, потенциально коррупциогенных, должна ограничиваться определенными законодательством сроками. Необходимо расширять возможности применения механизма ротации кадров, а продление сроков деятельности отдельных должностных лиц осуществлять после предварительной проверки их предшествующей деятельности.

Ограничению проявлений взяточничества (иных коррупционных правонарушений) будет способствовать нормативная регламентация правила, согласно которому реализация субъективных прав граждан допускается в ситуации отсутствия непосредственного контакта с уполномоченным должностным лицом, принимающим решение в их интересах.

Особое внимание должно уделяться тем лицам, которые призваны вести борьбу со взяточничеством. От их «кристальной чистоты» зависит не только количество выявленных коррупционных правонарушений, раскрытых и расследованных уголовных дел, но качество и объективность выполненной работы. Ранее мы отметили, что в основе искоренения коррупции необходима политическая воля высшего руководства страны. Однако, не менее важно оперативное и адекватное реагирование не только на факты конкретных коррупционных деяний, но и на необходимость устранения коррупционных рисков. Имеется пример, когда представители службы безопасности одного из ведомств неотреагировали должным образом на информацию, изложенную в письменном сообщении гражданина. В информации были изложены предложения об усилении контроля за молодыми кандидатами, поступающими или недавно поступившими на службу в эту государственную структуру. Основанием для такого предложения послужило проявленное терпимое, снисходительное отношение некоторых молодых людей (будучи государственными служащими) к коррупционным проявлениям.

Это направление антикоррупционной деятельности, как мы считаем, заслуживает внимания при разработке стратегии борьбы с коррупцией⁸⁷⁹. В данном аспекте следует согласиться с тем, что «граждан призвана воспитывать и сама деятельность государственных органов, осуществление правосудия. Поэтому вся эта деятельность должна осуществляться с обязательным учетом профилактическо-воспитательной функции. Каждое незаконное действие может повлечь неуважение к государственным органам. Этим наносится ущерб не только личности, но и делу воспитания общества в целом. По действиям должностных лиц граждане выносят суждение об активности государственных органов, о беспристрастности судей, о справедливости наших законов»⁸⁸⁰. В этом аспекте можно согласиться с мнением, что «значительную роль в предупреждении коррупции должны выполнять лица, занимающие руководящие должности, соблюдая и исполняя антикоррупционные нормы, принимая и демонстрируя антикоррупционную модель поведения»⁸⁸¹.

Разрабатывая стратегию борьбы и меры социальной профилактики коррупции, следует обратить внимание на научный потенциал, используемый для этой деятельности. Системный подход к проблеме профилактики подразумевает выработку необходимого качества всей системы в целом, которым является «ее интегративное свойство, обладающее единством теории и практики деятельности»⁸⁸².

Тенденцией современных наук является их интеграционное взаимодействие. Для наук уголовно-правового цикла, в частности, характерна направленность в развитии междисциплинарного объединения. Отправной точкой в этом процессе таких наук как уголовное право и криминалистика является унификации их научных категорий. Давно возникла потребность в выработке единого понимания по многим ключевым категориям, характеризующим их объект исследования – преступление. Реализация этого будет способствовать повышению эффективности борьбы со взяточничеством и иными преступлениями.

7.3. Криминалистическая составляющая в деятельности прокуратуры и иных правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и профилактике коррупции и взяточничества

Борьба с коррупцией и взяточничеством возложена в первую очередь на государственные органы: внутренних дел, государственной безопасности и прокуратуры, осуществляющие взаимодействия в связи с этой деятельностью.

Органы прокуратуры занимают особое положение в системе правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией и взяточничеством в Республике Беларусь. На Генеральную прокуратуру Республики Беларусь возложена ответственность за организацию борьбы с коррупцией.

Одной из ключевых задач органов прокуратуры является осуществление от имени государства надзора за точным и единообразным исполнением законодательства в сфере противодействия коррупции.

Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре),⁸⁸³ Закон о борьбе с коррупцией и УПК регулируют деятельность прокуратуры в сфере противодействия коррупции и взяточничеству, наделяют ее специальными полномочиями в данной сфере.

В структуре органов прокуратуры действуют специальные подразделения по борьбе с коррупцией и организованной преступностью. К ним относятся: управление по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, а также отделы по борьбе с коррупцией и организованной преступностью прокуратур областей и города Минска.

В рассматриваемом аспекте представляется не менее важным инициирование прокуратурой создания «специальных общественных структур при государственных органах, занимающихся вопросами противодействия коррупции»⁸⁸⁴. Деятельность таких структур будет способствовать активизации антикоррупционной деятельности государственных органов.

Генеральная прокуратура Республики Беларусь и подчинённые ей прокуратуры осуществляют противодействие коррупции и взяточничеству по следующим направлениям.

1. Выступают в качестве координаторов деятельности государственных органов по противодействию коррупции. Ключевой формой в деятельности правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, является проведение координационных совещаний межведомственного органа, координирующего деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией. В Республике Беларусь действует трехзвенная система координационных совещаний: республиканское, областные и г. Минске, совещания в районах, районах в городах и в городах. Направления деятельности координационного

совещания определяются Положением о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией⁸⁸⁵.

Координирующая роль прокуратуры по противодействию коррупции осуществляется путем:

- определения стратегии и тактики борьбы с коррупцией;

- выработки согласованных мероприятий по своевременному предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции;

- оценки эффективности правоохранительной деятельности в сфере борьбы с коррупцией;

- оказания содействия проведению научных исследований в сфере правового, криминологического и криминалистического обеспечения борьбы с коррупцией;

- дачи письменных указаний по вопросам организации борьбы с коррупцией. Указания адресуются государственным органам, уполномоченным осуществлять борьбу с коррупцией, и являются правовым средством, позволяющим прокурорам организовать их деятельность, нацелить уполномоченные государственные органы на актуальные проблемы борьбы с преступностью и коррупцией, указать пробелы в работе, рационально распределять и использовать их возможности⁸⁸⁶;

- заслушивания отчетов руководителей государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией. Отчеты могут заслушиваться публично как на координационном совещании, так и представляться непосредственно прокурору, осуществляющему координирующую функцию;

- представления в установленном порядке (систематически либо по требованию) Президенту Республики Беларусь, Совету Министров Республики Беларусь, Национальному собранию Республики Беларусь, местным представительным, исполнительным и распорядительным органам (в порядке и сроки, установленные приказами Генерального прокурора Республики Беларусь) информации о состоянии борьбы с преступностью и коррупцией, и внесения предложений о мерах по борьбе с преступностью и коррупцией;

- истребования необходимой информации с учетом положений законодательства, ограничивающих доступ прокуроров к отдельным видам сведений (государственные секреты, банковская тайна и т. д.);

- информирования общественности о состоянии борьбы с преступностью и коррупцией через СМИ.

2. Генеральная прокуратура Республики Беларусь с целью информационного обеспечения борьбы с коррупцией осуществляет, сбор, хранение и обработку информации о фактах коррупции. Для этого ведутся единые банки данных о состоянии борьбы с коррупцией, формируемые по данным, представленным правоохранительными органами.

3. Органы прокуратуры, осуществляют надзорные функции, выявляют и предупреждают коррупционные преступления.

Следует обратить внимание, что органы прокуратуры не должны ограничиваться выявлением и предупреждением коррупционных преступлений. Любой факт противоправной деятельности, влекущий за собой возможность развития коррупционных отношений, должен служить поводом для прокурорской проверки.

Автору, в рамках чтения лекции для прокурорских работников довелось обсуждать проблему поборов в системе учреждений образования. В целом согласившись с ее наличием, прокуроры отделов по борьбе с коррупцией, утверждали, что ее решение невозможно в силу отсутствия заявлений о подобных фактах со стороны заинтересованных лиц. А если и появляются заявления, то они не имеют перспектив по причине отсутствия свидетелей, а также отказа в дальнейшем заявителей. Возразить этому можно тем, что прокуратура не должна занимать пассивную позицию. Она должна использовать всевозможные способы и методы, направленные на выявление и нейтрализацию подобных фактов, которые создают основу для коррупционных проявлений. Заявления (сообщения) граждан в подобных случаях не требуются. Рассмотренные выше проблемы работникам прокуратуры известны. Речь идет о тех работниках прокуратуры, дети которых находятся в учреждениях образования. Вызывает недоумение, когда становится известным, что работник прокуратуры не только не предпринял никаких мер с позиции своего должностного положения (не попытался провести даже разъяснительную работу), но и принял личное участие в создании условий, которые могут привести к коррупции.

Бездействие в подобных случаях представителей государственных органов, которые должны обеспечивать правопорядок и законность в государстве, приводит к тому, что отдельные педагогические работники допускают поборы уже в своих интересах. Нет сомнений, что такое поведение педагога более, чем безнравственно. Например, «в одной школе родители учительнице собрали на стиральную машину, в другой – на мобильный телефон. Еще в одной гимназии родители купили учительнице ноутбук, но оказалось, что ей хотелось нетбук. В другой школе учительница составляет список желаемых подарков сразу на четыре года: смартфон, шикарное постельное белье определенных расцветок, сервиз...»⁸⁸⁷.

В случаях выявления нарушений законодательства о борьбе с коррупцией и взяточничеством прокурор вправе применить следующие меры реагирования:

даёт письменные указания, обязательные для исполнения правоохранительными органами;

опротестовывает правовые акты и решения (действия) республиканских органов государственного управления, противоречащие антикоррупционному законодательству;

выносит постановление об освобождении лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию, в связи с совершением правонарушения коррупционной направленности;

вносит представления, предписания и официальные предупреждения в связи с коррупционными проявлениями;

выносит постановления о возбуждении дисциплинарного производства в связи с совершением коррупционных проступков;

выносит постановление о возбуждении уголовного дела антикоррупционной направленности.

Органы прокуратуры осуществляют противодействие коррупции и взяточничеству путем осуществления надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства и законов при осуществлении ОРД по материалам о коррупционных преступлениях. УПК регулирует деятельность прокурора при осуществлении им уголовного преследования и поддержания государственного обвинения в суде по уголовным делам различных видов, в том числе о взяточничестве (ст. 34 УПК).

4. Органы прокуратуры занимаются нормотворческой деятельностью в сфере противодействия коррупции и совершенствуют практику применения законодательств в данной сфере. Прокуроры наделены правом инициировать нормотворческий процесс (ст. 13 Закона о прокуратуре). Генеральная прокуратура Республики Беларусь вправе разрабатывать проекты НПА.

Помимо надзорной деятельности в сфере борьбы с коррупцией прокуроры занимаются процессуальной деятельностью, связанной с возбуждением уголовных дел о коррупционных преступлениях, в том числе о взяточничестве, и поддержанием государственного обвинения в суде.

Эффективным направлением развития системы органов прокуратуры является формирование специализированных прокуратур по борьбе с коррупцией во всех ее проявлениях. Эти прокуратуры обеспечат систематизацию и упорядочение всех полномочий в сфере борьбы с коррупционными проявлениями. Целенаправленность применения средств прокурорского реагирования будет способствовать эффективному и своевременному предупреждению взяточничества и иных коррупционных преступлений, привлечению к юридической ответственности виновных лиц⁸⁸⁸.

Сфера противодействия коррупции и взяточничеству регулируется множеством правовых актов. Это наводит на мысль о целесообразности размещения в Законе о прокуратуре специальной главы, под названием «Надзор за исполнением законодательства о борьбе с коррупцией и взяточничеством». Ее содержание определяло бы специальные полномочия прокурора по надзору за соблюдением законодательства о противодействии коррупции и борьбе со взяточничеством.

В рамках борьбы со взяточничеством и коррупцией представляется полезной организация взаимодействия органов прокуратуры и общественных институтов. Взаимодействие целесообразно, например, при подготовке

методических рекомендаций по вопросам реализации законодательства о противодействии коррупции и предоставлении прокуратуре научных исследований, освещающих сферы государственного управления, наиболее подверженные коррупции. Осуществляя такое взаимодействие, прокуратура получала бы большое количество полезной информации, использование которой принесло бы значительную пользу в сфере борьбы с коррупцией⁸⁸⁹.

Фактором, влияющим на уровень коррупции, является состояние национального законодательства. Еще во второй половине XX века было замечено, что «существенным фактором успешного предупреждения преступности в стране является правовое обеспечение соответствующей деятельности»⁸⁹⁰. Это, в целом, верное утверждение, однако оно частично отражает требование к правовой регламентации различных видов деятельности в государстве. В прошлом веке не обращали внимания на то, что некоторые нормативные правовые акты содержат условия для неправомерного поведения. Это привело к потребности проведения криминологических экспертиз с целью выявления в нормативном правовом акте коррупционных рисков. Криминологическую экспертизу НПА следует рассматривать в качестве одной из мер, необходимых «для построения антикоррупционной системы государства, способствующей сохранению в обществе стабильности и правового порядка»⁸⁹¹.

Органы прокуратуры – основные субъекты, осуществляющие антикоррупционную экспертизу НПА и их проектов. Ее проведение предполагает установление сотрудничества с различного рода специалистами (экономистами, финансистами, банковскими работниками, работниками налоговых органов и т. д.), которые лучше знают механизмы движения материальных и денежных потоков.

На вопросе об антикоррупционной экспертизе НПА остановимся более подробно.

По-нашему мнению, противодействию коррупции может способствовать проведение анализа НПА, а также общественных отношений, возникающих на их основе. Препятствием для коррупции является также разработка и принятие адекватных экономической и политической ситуации в государстве, стабильных, отвечающих высокому уровню юридической техники НПА. При этом в НПА должны быть исключены возможности использования на его основе ситуаций, влекущих за собой противоправную деятельность. Решать данную проблему можно с помощью аналитического метода, применяемого в ходе проведения криминологической экспертизы.

Криминологическая экспертиза представляет собой исследование содержания проекта правового акта (либо действующего НПА) в целях выявления в нем норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение криминогенных последствий в различных сферах общественных отношений⁸⁹².

Основными задачами криминологической экспертизы являются:

«объективное и всестороннее прогнозирование возможности

возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения правовых актов;

подготовка обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению рисков криминогенного характера;

формирование предусмотренного в правовых актах системно согласованного правового регулирования, исключающего возникновение *рисков криминогенного характера*» (курсив мой – А.Х.)⁸⁹³.

К наиболее распространенным недостаткам НПА, способствующим возникновению коррупционных рисков, можно отнести следующие.

Во-первых, наличие в нормативной правовой норме нескольких вариантов диспозиций. Отсылочная или бланкетная диспозиции правовой нормы предоставляют государственным органам, иным организациям право самостоятельно устанавливать правила поведения. Например, в законах имеются нормы, предоставляющие республиканским органом государственного управления регламентировать порядок (сроки) ее реализации и т. п. Коррупциогенность таких норм права в ряде случаев очевидна. Должностным лицам, уполномоченным осуществлять управленческие функции, такие нормы предоставляют по своему усмотрению определять механизм реализации правовой нормы, но не всегда в интересах государства и граждан.

Во-вторых, неограниченные возможности подзаконного нормотворчества, осуществляемого на различных уровнях органов государственного управления. Наличие отсылочных норм в законодательных актах определяет развитие подзаконных актов республиканских органов государственного управления, органов местного управления и самоуправления, которыми, нередко, регулируются важнейшие вопросы социального характера, касающиеся населения страны в целом и индивидуальных прав граждан. Само по себе указанное обстоятельство не означает, что реализация этих норм приведет к коррупции. Но не исключает возможность принятия на подзаконном уровне различных актов создающих условия для установления коррупционных отношений между чиновниками и гражданами. Наличие норм, отсылающих решение того или иного вопроса к компетенции уполномоченного, повышает степень возможности коррупции.

В-третьих, наличие в правовых нормах коллизий, т. е. столкновений противоположных интересов, что крайне вредно для развития общественных отношений. Коллизии норм законодательного акта с другими, как правило, подзаконными НПА не только препятствуют правильному применению закона, но и создают возможности для применения нормы таким образом как это представляется выгодным в конкретной ситуации тому или иному субъекту правоприменения.

В-четвертых, наличие нечетких нормативных формулировок, предусматривающих ответственность должностных лиц, без указания на конкретное содержание. Часто в законодательных актах отсутствуют четкие

нормы об ответственности должностных лиц. В них содержится общая формулировка, например, «предусмотрена ответственность в установленном законодательством порядке», без указания даже вида юридической ответственности.

В-пятых, предъявление завышенных требований к лицу, которое реализует принадлежащее ему право. Обременительность соблюдения условий, необходимых для реализации лицом своего права либо исполнения обязанности, превышающая уровень разумности, объективно создает возможность для коррупционных отношений. Данный фактор, в отличие от иных, прямо способствует коррупции. Он проявляется при реализации разрешительных и регистрационных полномочий. Выявление данного фактора представляет трудности и требует от эксперта высокого уровня квалификации.

В-шестых, наличие у должностных лиц широких дискреционных полномочий, основывающихся на содержащихся в норме формулировках, по типу «вправе», «может», необоснованно расширяющих усмотрение (субъективный фактор) при принятии ими административных решений. В отдельных случаях соответствующее полномочие может быть использовано должностным лицом как право, реализуемое по своему усмотрению. В качестве примера можно представить предусмотренную НПА возможность должностного лица государственного органа в случае необходимости в процессе осуществления государственно-властных полномочий требовать выполнения определенных действий от подконтрольного субъекта. Фактически имея право предъявлять требования к иным, не подчиненным, субъектам должностное лицо действует по своему усмотрению, т. е. может предъявить, а может не предъявить, предусмотренное законом требование. Такая нормативная неопределенность на практике приводит к возникновению коррупционных отношений.

Коррупционные отношения могут возникнуть и в следующих случаях: 1) отсутствуют нормативно установленные сроки для принятия решений; 2) НПА содержит открытый перечень оснований для отказа в осуществлении административной процедуры; 3) основания для отказа не четкие, имеется возможность субъективного подхода соответствующего должностного лица.

В-седьмых, отсутствует НПА, необходимый для регулирования общественных отношений. Коррупциогенность данной ситуации основывается на возможности принятия индивидуальных решений, полностью зависящих от воли чиновника.

Это примерный перечень коррупционных факторов, которые потенциально могут привести к противоправным действиям.

В ходе криминологической экспертизы анализу подвергаются, в первую очередь, возможности криминальных проявлений.

На наш взгляд, криминологическая экспертиза не должна ограничиваться выявлением реальных или возможных факторов, влекущих за собой только преступные последствия. Особенно, когда это касается такого

явления как коррупция.

Объясняется это тем, что понятие «коррупция», содержащееся в Законе о борьбе с коррупцией, имеет ограничительное толкование, в котором акцент сделан на преступную деятельность. Мы ранее уже отметили, что коррупция явление многогранное, охватывающее собой различные негативные проявления. На это же обстоятельство обращается внимание и в иных источниках. Например, в словаре по криминологии под коррупцией понимается негативное социально-политическое явление, представляющее *совокупность аморальных действий, дисциплинарных проступков, гражданско-правовых, административных правонарушений, преступлений* (курсив мой – А. Х), включающих в себя нравственно-правовое разложение и использование в противоправных корыстных целях государственных служащих (и других должностных лиц) путем стимулирующего побуждения их к противоправным деяниям, а также сами такие деяния, совершенные коррумпированными лицами⁸⁹⁴.

Следовательно, в ходе проведения криминологической экспертизы должны прогнозироваться возможности возникновения рисков совершения правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений.

Эффективное прогнозирование возникновения коррупционных рисков возможно на основе криминалистических научных разработок. Криминалистика неоправданно считается только сервисной наукой, которая призвана своими научными рекомендациями обеспечивать деятельность по расследованию преступлений. Криминалистика должна не только изучать явления, но и иметь возможность прогнозировать их дальнейшее развитие. Содержание прогностической функции в криминалистике проявляется двояко: прогнозирование преступления (его последствий) и прогнозирование деятельности по расследованию.

В первом случае прогнозирование направлено на установление связей между объектами, субъектами, их взаимодействиями, последствий, поведение преступника после совершения преступления и т.д.

Во втором случае оно обеспечивает деятельность следователя по познанию прошлого преступного события, реализацию взаимоотношений в ходе расследования⁸⁹⁵.

Такая реализация прогностической функции криминалистики не в полной мере раскрывает ее содержание и направленность. Криминалистическое прогнозирование должно осуществляться на этапе, предшествующем совершению преступного деяния. Такая возможность представляется в процессе осуществления криминологической экспертизы нормативных правовых актов. В ходе «экспертизы может быть создана модель криминальной деятельности, на основе которой определяются отражательные возможности элементов материальной структуры преступления, его последствия и меры, направленные на его предотвращение»⁸⁹⁶. Только на такой основе возможна подготовка

обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению коррупционных рисков.

В качестве примера можно снова обратить внимание на НПА, регламентирующие деятельность учреждений образования⁹. Анализ отдельных норм этих актов, а также общественных отношений, возникающих на их основе, позволяет выявить ситуации, связанные с коррупционным риском⁸⁹⁷.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о широких возможностях, имеющихся у органов прокуратуры, наличии у нее координационных и надзорных полномочий для осуществления деятельности по противодействию коррупции и взяточничеству.

Но этим не должна ограничиваться деятельность прокуратуры по противодействию взяточничеству и коррупции. Следует обратить внимание и на возможности организационно-методической деятельности прокуратуры в борьбе с коррупционными преступлениями.

Дело в том, что результативные разработки криминалистической науки нередко не находят своего должного применения в практической деятельности.

Опрос группы следователей, проходивших курсы повышения квалификации, позволил автору сделать вывод, что большинство следователей не используют в своей практической деятельности такое тактическое средство как тактическая операция. Одни из респондентов утверждали, что не сталкивались в своей практике с необходимостью проведения тактической операции. Другие вообще с трудом вспомнили о возможности применения на практике тактического средства и имели о нем не совсем четкое представление. Третьи обратили внимание на отсутствие упоминания о тактической операции в УПК, что, по их мнению, не обязывает использовать ее на практике. Несколько следователей посчитали, что такое тактическое средство прерогатива органов, осуществляющих ОРД. Такое отношение следователей к тактической операции не вызывает оптимизма с позиции рассмотрения вопроса о повышении эффективности их деятельности по раскрытию и расследованию взяточничества.

Эта проблема связана с отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве положений, позволяющих более четко регламентировать обозначенные вопросы. В совершенствовании законодательства наиболее заинтересованы криминалисты, на что указывал Р. С. Белкин⁸⁹⁸. Этой же мысли придерживается А. С. Рубис, который отметил, что «криминалисты заинтересованы в том, чтобы был создан такой процессуальный режим, который способствовал бы внедрению их разработок, преследующих цель повышения эффективности борьбы с преступностью. Именно эта цель стоит и перед прокурором»⁸⁹⁹.

⁹ См. гл. 7, § 7.2.

На это же ориентирована и криминалистика, одной из функций которой является профилактика. В аспекте противодействия коррупционной преступности криминалистическая профилактика имеет существенное значение. Эта функция криминалистики недостаточно разработана, но мы считаем, что «в условиях информатизации общества такое направление криминалистики приобретает особую значимость»⁹⁰⁰.

Реализовать данную функцию криминалистики возможно в рамках криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Обязательной составной частью криминалистического обеспечения является внедрение, т. е. реализация научных криминалистических разработок. Внедрение, и с этим следует согласиться, М. В. Субботина рассматривает в качестве самостоятельного и весьма важного этапа криминалистического обеспечения практической деятельности. Способы внедрения научных разработок М. В. Субботина разделила на три вида: 1) обучение; 2) издание научной литературы для самостоятельного изучения; 3) компьютеризация расследования (внедрение специализированных программ)⁹⁰¹. Указанные способы внедрения научных разработок не ориентированы на профилактику совершения преступлений. Их основное назначение – обеспечение практических работников криминалистическими знаниями, необходимыми для раскрытия и расследования преступлений.

Обучению как способу внедрения криминалистических разработок и, в частности, методики расследования, уделил внимание Ю. П. Гармаев. По его мнению «необходимо расширять круг адресатов – конечных потребителей рекомендаций»⁹⁰². Традиционно основными потребителями криминалистических знаний в сфере профессиональной деятельности являются следователи, оперативные работники, представители стороны обвинения и защиты в уголовном процессе, а также судьи. Все иные физические лица интересующиеся криминалистикой вне связи со своей профессиональной деятельностью, а также не имеющие отношения к расследованию конкретных уголовных дел составляют значительно более широкий круг лиц. Это так называемые нетрадиционные потребители информации, относящейся к криминалистике. К этой категории относятся молодые люди, обучающиеся в высших учебных заведениях. Вот этой категории лиц должны быть адресованы «соответствующие криминалистические и шире – межотраслевые разработки», в том числе «потерпевшим и иным гражданам, относящимся к «группе риска» стать таковыми»⁹⁰³. К такому мнению можно отнестись с осторожностью, если основываться только на понимании криминалистики как «сервисной» науки, а также основного назначения частных методик расследования, направленных на обеспечение практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. В таком случае возникает закономерный вопрос, зачем знания об этой методике «потерпевшим и иным гражданам, относящимся к «группе риска»». Но если углубиться в понимание идеи,

высказанной Ю. П. Гармаевым, то ее вполне можно принять в части «преобразования криминалистических разработок для профессионалов в рекомендации просветительского характера»⁹⁰⁴.

Мы же считаем, что в данном случае надо вести речь не о «просвещении» иных лиц (граждан), а о профилактике совершения с их стороны преступлений.

В дальнейшем, рассматривая методики расследования преступлений коррупционной направленности, Ю. П. Гармаев указывает на профилактику. В связи с этим он предлагает криминалистическую характеристику коррупционных преступлений формировать и для профессиональных участников уголовного судопроизводства (следователя, оперативного сотрудника и др.), и, в доступной форме, для широкого круга граждан. Целью такой характеристики является антикоррупционное просвещение и криминалистическая профилактика. С такой позицией можно согласиться, учитывая, что в «рамках такой «процедуры преобразования» могут быть созданы рекомендации следующего типа: о типичных заблуждениях по поводу преступности либо неправомерности деяний; о типичных способах преступлений; о типичных криминальных и криминалистических ситуациях по делам данной категории, с учетом сферы деятельности адресатов рекомендаций; о противодействии провокации, подстрекательству и иным незаконным методам борьбы с коррупцией; а также о том, как человеку не допустить вовлечения себя в эти противоправные деяния в типичных, хорошо знакомых каждому жизненных ситуациях⁹⁰⁵. Что же касается средств и методов криминалистической деятельности по борьбе с этими преступлениями и иных положений, рекомендации в рамках данной методики⁹⁰⁶, то мы считаем, что они могут излагаться только в «профессиональной» форме.

Подобные рекомендации представляются существенными для тех видов преступлений, где наличествует физическое лицо в качестве потерпевшего. Но это свойственно не каждому преступлению, предусмотренному, например, Особенной частью УК. В ряде случаев не оправданно говорить о таких рекомендациях и в отношении методик группового характера. Придать «просветительский» характер всем методикам расследования преступлений коррупционной направленности также не представляется возможным по причине их различий по объекту посягательства.

Например, для такого коррупционного преступления как легализация средств, полученных преступным путем (ст. 235 УК) не является характерным наличие потерпевшего. Совсем иная ситуация складывается, если говорить о вымогательстве взятки (ч. 2 ст. 430 УК), когда в качестве объекта посягательства выступает конкретный гражданин. И вот для такого случая предложения Ю. П. Гармаева допустимы.

«Преобразование» криминалистических разработок, по мнению Ю. П. Гармаева, должно иметь вид памяток, кратких пособий, видеофильмов, буклетов, адресуемых не только следователям и оперативным работникам, но

и подозреваемым (обвиняемым), а также потерпевшим⁹⁰⁷. Мы считаем, что с точки зрения современного времени информация может быть доведена (получена) и иным путем, например, посредством глобальной системы Интернет. Так как люди ежедневно используют сложную компьютерную и мобильную телефонную технику – смартфоны и коммуникаторы на операционных системах «iOS», «Android», «Windows mobile» и др., на которых установлено современное программное обеспечение, позволяющее читать и слушать книги, просматривать фото, презентации и слайд-шоу, видео и прочий контент. Таким же образом может быть доведена криминалистическая информация, имеющая профилактическое значение.

По-нашему мнению, именно прокурор должен быть проводником передовых, апробированных идей в систему законодательства и в сферу практики противодействия преступности.

Какую организационную роль может сыграть прокуратура в осуществлении, например, тактической операции? Для этого снова рассмотрим проведение тактической операции по задержанию взяточника с поличным при вымогательстве предмета взятки с его стороны. Порядок проведения и содержание этой тактической операции проанализированы нами в параграфе 5.2. Следует обратить особое внимание на то, что на основе проведенного анализа информации, полученной от заявителя о вымогательстве взятки, решение о возбуждении уголовного дела и проведении тактической операции по задержанию взяточника с поличным может принять прокурор, поручив ее реализацию следователю.

Возбуждение уголовного дела служит процессуальным основанием для моделирования и планирования тактической операции, а также подготовки к задержанию с поличным. Это позволяет проводить следственные действия, осуществление которых возможно только после возбуждения уголовного дела.

Второй путь решения обозначенной проблемы связан с внесением изменений в УПК, причем существенных, которые могут инициировать работники прокуратуры. Дело в том, что «началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении и, соответственно, уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела из УПК должны быть исключены»⁹⁰⁸. За исключение стадии возбуждения уголовного дела высказываются и белорусские ученые⁹⁰⁹. Представляется такой путь к решению обозначенной проблемы наиболее оптимальным.

Необходимо заметить, что борьба с коррупционными правонарушениями, должна соответствовать положениям законодательства и осуществляться в условиях уважения и защиты прав физических и юридических лиц. Это предполагает недопущение случаев незаконных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов в процессе выявления, раскрытия и расследования коррупционных преступлений.

В Республике Беларусь отсутствует официальная статистика, свидетельствующая о противоправной деятельности должностных лиц государственных органов, призванных вести борьбу с коррупцией. Однако это не исключает возможность использования служебных полномочий сотрудниками правоохранительных органов в противоправных целях, что подтверждается на практике. Например, у полковника МВД России, начальника управления «Т» главного управления ведомства по экономической безопасности и противодействию коррупции, привлеченного к ответственности за взяточничество и иные злоупотребления служебными полномочиями было «изъято более 140 млн. долларов, 2 млн. евро, 374 млн. российских рублей, 13 квартир, 14 машино-мест, 4 дорогостоящих иномарки, один слиток золота весом полкило»⁹¹⁰. Аналогичные примеры имеются и в отечественной практике: «судья, злоупотребив своими служебными полномочиями, помог жене заключить незаконную сделку»⁹¹¹ и «заместитель начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией, сообщал участникам преступной группы сведения о проводимых правоохранительными органами ОРМ, давал советы по соблюдению мер конспирации, зачистки следов противоправной деятельности»⁹¹².

В практике выявления коррупционных преступлений может сложиться ситуация. Например, в отношении физического лица К., являющегося индивидуальным предпринимателем, в течение определенного времени проводилась оперативная разработка. В деле оперативного учета накоплены материалы, указывающие на признаки противоправной деятельности, но в полной мере преступные связи этого лица не установлены. Органы, осуществляющие ОРД, провели негласное задержание указанного субъекта. Под тяжестью предъявленных улик, задержанное лицо понимает серьезность последствий уголовной ответственности. К. предлагает оперативным работникам сотрудничество с целью оказания им помощи в выявлении и изобличении иных лиц, имевших отношение к его преступной деятельности. Расчет К. на то, что его содействие правоохранительным органам будет учтено в будущем при вынесении приговора в суде. Инициатива в таком сотрудничестве может исходить и от должностных лиц органа, осуществившего задержание К., что не противоречит действующему законодательству. Как правило, в подобных ситуациях имеет место взаимное согласие о сотрудничестве.

Так, например, задержанный К. принимает предложения оперативных работников, с ним устанавливается сотрудничество на негласной основе. С этого момента начинается период «сдачи» лиц, которые тем или иным образом имели отношение к К. и его деятельности, связанной с закупками. ОРД продолжается, проводятся различные ОРМ, в том числе и оперативные эксперименты. В такой ситуации имеется потенциальная опасность для проверяемых лиц, среди которых государственные служащие. В этом случае никто не может гарантировать, что К., спасая себя, не будет оговаривать

(«сдавать») невиновных. Он понимает, чем больше поспособствует изобличению иных лиц, тем меньше будет его личная мера уголовной ответственности.

Следовательно, его заинтересованность «сдать» больше людей совпадает с заинтересованностью органов, осуществляющих ОРД, в выявлении всех участников преступной деятельности, получая за хорошие показатели материальное поощрение. Как видим, в задержании и изобличении лиц заинтересованы обе стороны: задержанный К., принявший (либо предложивший) условие о сотрудничестве, и органы, осуществляющие ОРД. Но что делать тем, кто потенциально оказывается задержанным по ложному обвинению, фактически невиновным, но признанным подозреваемыми, а затем обвиняемыми. При этом наличие виновных действий со стороны органа, осуществляющего ОРД, отсутствует. Как обеспечить защиту пострадавших? Для понимания проблемы следует далее рассмотреть гипотетический пример и определить роль прокурора в обеспечении законности совершаемых действий.

Определив субъекта проверки, время проведения его задержания и место К., совместно с органом, осуществляющим ОРД, принимает участие в оперативном эксперименте (оперативно-розыскной операции). К. передается предмет, который он должен вручить должностному лицу под предлогом благодарности за ранее оказанную услугу, имеющую признаки противоправности (например, тем или иным образом содействовал фирме К. в проведении государственных закупок). Этим предметом, как правило, является определенная сумма в валюте или национальных денежных знаках. Для большей уверенности в принятии проверяемым субъектом предмета, его помещают, в какую-либо не вызывающую подозрений упаковку, например, в виде коробки из-под конфет. С этой коробкой и приходит К. к лицу, в отношении которого проводится ОРД. Вручение конфет «к чаю» может сопровождаться поздравлением в связи с каким-либо праздником или событием. Получив таким образом «подарок» государственный служащий, после задержания, оказывается в затруднительном положении даже в случае, если не хотел брать «подарок», но К., уходя, оставил его на столе.

Оперативные работники, войдя в кабинет государственного служащего, производят его задержание и обыск в помещении. Из обнаруженной коробки извлекаются денежные купюры... При этом выясняется, что государственный служащий не притрагивался к оставленной К. коробке и не вскрывал ее. Вместе с тем, несмотря на презумпцию невиновности, задержанному чиновнику в таких условиях сложно защитить себя от неопровержимых «улик».

В контексте изложенного выше примера, схожего с провокацией, остается неопределенной роль прокурора в обеспечении законности. В этом случае необходимо максимально подробно рассмотреть все детали, которые могли являться предметом его текущей и последующей надзорной деятельности.

Во-первых, следует обратить внимание на соглашение о сотрудничестве. Прокурор уполномочен «заключить с подозреваемым (обвиняемым) досудебное соглашение о сотрудничестве» (ст. 34 УПК). Но это соглашение возможно в рамках процессуальной деятельности, когда привлекаемые к ответственности лица имеют статус подозреваемого или обвиняемого. Что касается ОРД, то такое соглашение в Законе об ОРД не упоминается. При этом орган, осуществляющий ОРД, вправе, во-первых, привлекать граждан с их согласия к подготовке проведения ОРМ и (или) участию в них и, во-вторых, устанавливать сотрудничество с гражданами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе (ст. 15 Закона об ОРД). В Законе об ОРД не определены исходные взаимоотношения граждан до момента «их привлечения» или «установления сотрудничества» с органом, осуществляющим ОРД. В одном случае ими могут быть граждане, которые полностью свободны в своем выборе, а в другом – граждане, оказавшиеся (как в вышеприведенном примере) в положении зависимости от органа, осуществляющего ОРД. Закон об ОРД предоставляет право добровольного участия граждан в сотрудничестве с органом, осуществляющим ОРД (ст. 10 Закона об ОРД). Исходя из анализа этой статьи, можно сделать вывод, что реализовать такое право в полном объеме могут только те граждане, которые на момент установления сотрудничества с органом, осуществляющим ОРД, находились в состоянии полной свободы выбора своих действий и никакого принуждения в отношении их не применялось. На это обстоятельство прокурор должен обратить внимание в момент осуществления надзорной деятельности. Анализ ситуации позволит выявить случаи установления сотрудничества с субъектами, которые имея интерес в максимальном снижении личной уголовной ответственности, будут стремиться подвести под уголовную ответственность иных лиц, которые, возможно, и не совершали преступных деяний либо их действия подпадают под дисциплинарную ответственность.

Следует иметь в виду, что установление сотрудничества с любой категорией лиц, вне зависимости от исходных отношений с органом, осуществляющим ОРД, само по себе не является нарушением законодательства.

Во-вторых, прокурору необходимо оценить информацию, являющуюся основанием для проведения оперативного эксперимента и иных ОРМ в отношении лиц, с точки зрения их вероятной причастности к преступной деятельности. Ничем не обоснованное предположение о возможности совершения ими преступлений не может служить основанием для проведения в отношении их ОРД.

В-третьих, проведение оперативного эксперимента предполагает предварительное получение санкции прокурора. Данное обстоятельство позволяет прокурору реализовать свою надзорную функцию с учетом обозначенных в пунктах 1 и 2 проблем.

В-четвертых, оценивая порядок проведения оперативного эксперимента, надзирающему прокурору, следует обратить внимание на ряд обстоятельств, которые в совокупности могут быть использованы и для обвинения, и для защиты (оправдания) лица, в отношении которого проводилась ОРД⁹¹³.

Рассмотрим эти обстоятельства на основе приведенного ранее примера.

При подготовке к проведению ОРМ «оперативный эксперимент» необходима химическая обработка предмета взятки и его упаковки, что в основном и делается. Эти действия должны быть выполнены специалистом технического отдела, органа, осуществляющего ОРД, или иным специалистом-криминалистом. Выполняются эти действия с целью образования в будущем дополнительных следов на проверяемом субъекте, его личных вещах и объектах окружающей обстановки, свидетельствующих о противоправном умысле проверяемого лица. После реализации указанных действий предмет преступления необходимо передать проверяемому лицу. В дальнейшем следует зафиксировать факт принятия виновным этого предмета и намерения распорядиться им в личных целях либо в интересах своих близких и родственников. В рассмотренном нами примере это условие не оговорено. Следовательно, его несоблюдение является тактически неверным с позиции формирования доказательственной базы.

В дальнейшем необходимо обеспечить использование специальной техники, позволяющей контролировать и фиксировать поведение, действия, разговор между лицами в момент передачи предмета взятки. Осуществление этого позволяет зафиксировать одно из двух взаимоисключающих обстоятельств. С одной стороны, это может являться фактором, усиливающим обвинение проверяемого лица в случае проявления им заинтересованности в получении предмета взятки. С другой стороны, – полученная и зафиксированная информация может иметь оправдывающий характер, что и будет использовано для защиты проверяемого лица. Например, государственный служащий неоднократно выражает несогласие с предложением принять любой подарок, в какой бы форме он не предлагался. Проведенная в дальнейшем лингвистическая экспертиза (если потребуется) будет иметь оправдательный характер.

Проведение надзорной прокурорской деятельности исключит возможность противоправного поведения со стороны должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, в том числе и преступного характера.

Как считает А. Ю. Головин, в результате проведения следственных и иных процессуальных действий, избрания меры пресечения эффект давления в отношении задержанного существенно усиливается, делает лицо «более сговорчивым». Подобные действия могут предшествовать или сопровождаться:

требованием коррупционного характера (например, требование взятки за отказ от возбуждения или прекращения уголовного дела, изменение меры пресечения на более мягкую, снятие ареста с имущества и пр.);

совершением различного рода хищений или их сокрытием при совершении другими лицами;
совершением действий в интересах третьих лиц;
предоставлением информации, составляющей коммерческую тайну и т. д.⁹¹⁴.

По нашему мнению, подобные неправомерные действия, потенциально возможны и до возбуждения уголовного дела, на этапе оперативной проверки (разработки).

Следовательно, прокуроры в результате своей деятельности могут способствовать внедрению в практическую деятельность результативных разработок криминалистической науки.

Органы прокуратуры могут сыграть позитивную роль в защите граждан от незаконного преследования, так как наделены соответствующими полномочиями по осуществлению надзора за деятельностью государственных органов и, в частности, органов, осуществляющих ОРД⁹¹⁵.

Борьбу с преступностью, в том числе и коррупцией, ведут ОВД, как определено в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД)⁹¹⁶.

Одной из основных задач, касающихся коррупции, является «профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений, производство дознания по уголовным делам, ведение административного процесса в соответствии с компетенцией» (ст. 2 Закона об ОВД). На криминальную милицию, входящую в состав ОВД, возложено решение задачи по профилактике, выявлению, пресечению преступлений, установлению лиц, их совершивших, и др. Непосредственно эту задачу решает подразделение криминальной милиции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью. В целях выполнения этой задачи и в пределах компетенции это подразделение криминальной милиции вправе:

осуществлять ОРД;

проверять деятельность организаций и граждан. Для этого истребует необходимые сведения и объяснения, относящиеся к их деятельности, назначает проведение инвентаризаций и проверок;

истребовать и изымать документы, образцы сырья, полуфабрикатов и готовой продукции, опечатывать кассы, помещения и т.д.

Специальные подразделения по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Министерства внутренних дел Республики Беларусь, являясь органами дознания (ст. 37 УПК), осуществляют следующие мероприятия:

прием, регистрацию и рассмотрение заявлений и сообщений о любом совершенном, совершаемом и готовящемся коррупционном преступлении;

проведение проверок по заявлениям или сообщениям о коррупционном преступлении, принятие по ним определенного решения (ст. 174 УПК);

производство неотложных следственных и других процессуальных действий по коррупционным делам;

проведение необходимых ОРМ и принятие иных мер в целях обнаружения признаков преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений.

Наравне с ОВД аналогичные меры борьбы с коррупцией, несмотря на более широкий спектр деятельности, реализуют органы государственной безопасности. Они также вправе осуществлять ОРД, создавать специальные подразделения по борьбе с организованной преступностью и коррупцией.

Специальные подразделения по борьбе с коррупцией, как определено в ст. 8 Закона о борьбе с коррупцией созданы в органах прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности, которые вправе:

получать из государственных органов и иных организаций информацию, необходимую для борьбы с коррупцией;

при наличии достаточных оснований и с санкции прокурора приостанавливать на срок до десяти суток полностью или частично финансовые операции физических или юридических лиц, ограничивать право на распоряжение имуществом в случае их причастности к совершению коррупционных преступлений или к легализации доходов, полученных преступным путем и др.

Анализ НПА, регламентирующих деятельность ОВД и органов государственной безопасности (далее – ОГБ), а также созданных ими подразделений по борьбе с коррупцией, позволяет сделать вывод, что их деятельность ориентирована на «более эффективное выявление скрытых коррупционных проявлений и тщательно маскируемых коррупционных схем»⁹¹⁷.

Что же касается профилактики, то она остается в тени «выявления» коррупционной деятельности и преступлений. Следует заметить, что одни НПА указанных государственных органов содержат упоминание о «профилактике преступлений» (ст. 15 Закона об ОВД), а в других, речь идет о «предупреждении организованной преступности и коррупции» (ст.ст. 2, 11 Закона об ОГБ⁹¹⁸). Несмотря на разницу в терминологии слов, речь идет о предупреждении совершения преступлений определенного вида (в том числе и коррупционной направленности) в конкретной сфере (проверяемой, разрабатываемой) человеческой деятельности. На это же указывается и непосредственно в НПА, регламентирующих деятельность правоохранительного органа. Так, в ст. 15 Закона об ОГБ говорится, что ОГБ обязаны «разрабатывать и реализовывать *профилактические*, режимные, организационные и *иные меры предупреждения* (курсив наш – А. Х.)...», используя понятия «профилактика» и «предупреждение», как равнозначные, что является весьма спорным.

Немаловажную роль в противодействии коррупции играет оперативно-розыскная профилактика⁹¹⁹, которая представляет собой комплекс мероприятий, предназначенных реализовать информацию, полученную в ходе ОРД, и направленных на решение превентивных задач. Она предполагает сбор информации о криминально-активных лицах (близких

связей членов организованных преступных групп, ранее судимых, наркоманах, алкоголиках и др.), степени исправления, связях, преступном опыте, намерениях, особенностях их личности и системы социальных отношений. Оперативно-розыскная профилактика также обусловлена задачей ОРД по добыванию информации о событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности государства. Совокупность сведений, которые дают основания делать вывод о вероятности преступного поведения, сразу указывает на необходимость установления оперативного наблюдения за теми, кто сохранил криминальную активность либо проявил свое противоправное поведение.

Широкий доступ физических лиц к Интернету предполагает необходимость усиления контроля за распространяемой в сети информацией. Не является секретом, что Интернет является своеобразным «полем» для ведения информационной войны. В связи с этим напрашивается вывод, что мировая электронная сеть в целях обеспечения национальной безопасности должна быть подвергнута цензуре, которую могут осуществить только специальные оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД.

При этом следует помнить, что установление одних только ограничений и запретов не будет способствовать достижению целей противодействия преступности и обеспечению национальной безопасности. Необходимо работать с людьми, их надо убеждать, им надо разъяснять и помогать. Особенно это касается молодого поколения, от которого зависит будущее государства.

Рассматривая вопросы профилактики преступности и предупреждения преступлений необходимо отметить особую роль следователя, который один из первых сталкивается с результатами и последствиями преступного деяния. Ученые называют следователя «обязательным субъектом в общей системе социальной профилактики преступлений»⁹²⁰. Это правильный взгляд на роль следователя в процессе противодействия преступной деятельности. Но действующий УПК не возлагает на следователя обязанности по осуществлению профилактики преступлений, поскольку ч. 2 ст. 36 УПК не предусматривает положения ни о профилактике, ни о предупреждении преступлений. Только в ст. 90 УПК предусматривается, что «органы уголовного преследования обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления».

Мерой реагирования следователя на выявленные причины и условия, способствовавшие совершению расследуемого преступления, является процессуальный документ в виде представления (ст. 199 УПК). Этот документ вносится «в соответствующие организации или должностному лицу» для принятия «мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления» (ст. 199 УПК). Представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением следователя в месячный срок.

Анализ ст. 199 УПК показывает, что следователь принимает опосредованное участие в устранении выявленных им причин и условий, способствовавших совершению преступления. Устранением этих причин и условий занимаются непосредственно должностные лица организаций, которым адресовано представление следователем. Также отсутствуют нормы в УПК о контроле над реальным исполнением представления следователя. Загруженность следователя не всегда позволяет ему лично убедиться в выполнении требований, содержащихся в предписании.

Если представление следователя исполнено, то в этом случае реализуется конкретная мера, направленная на предупреждение преступлений, которые могут быть совершены в условиях и при наличии выявленных причин расследованного преступления. Это позволяет сделать вывод, что следователь не осуществляет меры профилактики преступности и преступной деятельности, а способствует предупреждению совершения преступлений определенного вида в деятельности организации.

С целью решения задачи, связанной с предупреждением совершения расследуемых преступлений, следователь предпринимает следующее:

- применяет приемы и методы для выявления причин и условий, способствовавших совершению данного вида преступлений;

- выявляет в процессе расследования уголовного дела объекты предупредительного воздействия;

- исследует особенности типичных и конкретных следственных ситуаций, определяет на их основе направления деятельности по предупреждению преступлений;

- определяет систему наиболее действенных предупредительных мер;

- основываясь на данных расследуемого уголовного дела, разрабатывает систему оперативных мер пресечения совершаемого преступления и предупреждения готовящегося преступления.

Для осуществления профилактической деятельности следователя, необходимо решение следующих задач:

- определить место и роль следователя в системе профилактики преступности и преступной деятельности;

- разработать основы организации профилактической деятельности следователя;

- выделить этапы профилактической работы следователя;

- определить организационные, процессуальные и тактические задачи профилактической деятельности следователя;

- разработать систему процессуальных и иных средств осуществления профилактической деятельности следователя;

- разработать методические рекомендации по осуществлению профилактической деятельности следователя в процессе расследования уголовных дел, при производстве следственных действий.

Профилактика преступности должна быть нормативно регламентированной, согласованной и целенаправленной деятельностью

специальных субъектов, осуществляемой комплексно во всех сферах общественной системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в рамках данной работы исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Коррупция и взяточничество во все исторические времена воспринимались как негативные явления, связанные с деятельностью чиновников.

Коррупция и взяточничество были и остаются явлениями всех времен и народов, независимо от этапов развития их государств. Они оказывают отрицательное воздействие на нравственно-психологический климат в обществе, способствуют возникновению негативного отношения к государству.

2. Для ограничения современной коррупции и минимизации проявлений взяточничества необходимо осознание и использование исторических достижений в борьбе с этими негативными явлениями. Анализ положительных результатов и ошибок, имевших место на пути искоренения коррупции и взяточничества, позволит определить наиболее эффективные меры противодействия этим деструктивным феноменам.

3. Деятельность государственных органов, направленная на противодействие современной коррупции и взяточничеству, должна осуществляться с учетом исторических достижений в борьбе с ними. Положительный опыт применения ушедшими поколениями антикоррупционных мер может быть взят за основу для выработки стратегии противодействия коррупции на современном этапе и будет способствовать результативной борьбе с ее основным проявлением – взяточничеством.

4. Борьба с коррупцией и, соответственно, со взяточничеством – это борьба за нравственную чистоту личности человека, как должностного лица, так и иных лиц, вступающих с ним в отношения. Невозможно эффективно противостоять взяточничеству посредством одних законов и осуществления правосудия.

Взяточничество как одно из главных негативных проявлений коррупции должно быть исследовано с позиции нравственных (моральных) недостатков личности, т. е. в той сфере, в которой появляются зачатки коррупционного поведения. Предложения, изложенные в этой работе, направлены на достижение положительных результатов при реализации принимаемых государством мер в этом направлении.

Рассчитывать на благоприятный эффект противодействия коррупции и взяточничеству можно только в том случае, если право базируется на нормах морали, соответствует нравственным эталонам общества и культурным традициям народа. Высшие должностные лица в государстве, которые призваны обеспечивать законность и регулировать взаимоотношения между обществом и государством, обязаны беспрекословно и неукоснительно

соблюдать как нормы права, так и нравственные нормы. Следует отметить, что государственная должность, которую занимает чиновник, – это позиция, облеченная доверием и подразумевающая выполнение обязанностей в интересах общества и государства. Высокоморальное общество с должным уровнем правовой культуры – это основа эффективной борьбы с коррупцией и взяточничеством.

5. Подавляющее большинство причин и условий коррупции и взяточничества прямо или косвенно имеет отношение к нормативному правовому регулированию. Многие причины объективного характера, можно локализовать посредством принятия НПА, исключающих коррупционные риски.

Определенную роль в выявлении и устранении условий коррупции и взяточничества играет криминалистика, так как одной из функций данной науки является прогнозирование развития преступной деятельности.

Криминалистическое прогнозирование должно осуществляться в процессе проведения экспертизы НПА, с использованием таких методов, как криминалистический анализ и матрицирование.

На основе криминалистического анализа осуществляется разработка и реализация познавательных процедур, направленных на наиболее полное изучение общественных отношений, складывающихся между субъектами (должностными лицами государственных и негосударственных организаций) в исследуемой сфере деятельности (например, в экономике), порядка формирования и обеспечения материально-технической основы взаимоотношений между ними. В первую очередь анализу должна быть подвергнута деятельность, приносящая прибыль.

Метод криминалистического матрицирования используется в целях своевременного выявления противоправного поведения заинтересованных лиц, а также признаков коррупционных правонарушений (преступлений). В процессе применения данного метода используются ранее разработанные матрицы по различным направлениям деятельности должностного лица, подозреваемого в коррупции. В основе разработки таких матриц система НПА, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в исследуемой сфере. Сопоставление матрицы с действительным состоянием дел в организации обеспечит обнаружение дефектов (отклонений от правомерной деятельности), изучение которых позволит выявить признаки взяточничества и принять соответствующие меры реагирования.

В ходе экспертизы может быть создана модель криминальной деятельности, на основе которой определяются отражательные возможности элементов материальной структуры преступления, его последствия и разрабатываются меры, направленные на его предотвращение. Только на такой основе возможна подготовка обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах НПА (и действующих НПА) недостатков, способствующих возникновению коррупционных рисков, в том числе и совершения взяточничества.

6. Современные частные методики расследования преступлений, связанные со взяточничеством представляют собой малоэффективные теоретические системы, не обеспечивающие должную результативность следственной деятельности в борьбе со взяточничеством.

Построение методик расследования преступлений, связанных со взяточничеством на основе его уголовно-правовой и криминалистической характеристики не в полной мере раскрывает содержание информационной модели данной группы преступлений. При их построении необходимо учитывать элементы материальной структуры взяточничества, в основе выделения которых лежит их уголовно-правовая модель, конструктивно представленная в виде состава преступления.

Абстрактный характер конструктивных элементов составов преступлений, связанных со взяточничеством, исключает возможность восприятия следовой картины преступления, значимой с позиции криминалистики и содержащей информацию о совершенном деянии и его материальных составляющих.

7. Учитывая разноплановые взгляды на категорию «криминалистическая характеристика преступлений», абстрактность этого понятия, представляется целесообразным, при разработке теоретической части частной методики расследования преступления, связанного со взяточничеством, осуществить иной подход к познанию данной группы преступлений, основывающийся на первоначальном исследовании элементов их материальной структуры. Изучение материальных элементов преступного деяния целесообразно осуществлять с учетом положений разработанной и единообразно понимаемой криминалистической характеристики преступления.

В данной работе не отрицается положительная роль криминалистической характеристики взяточничества для науки и практики, проводится ее сравнение с материальной структурой данного преступления. В качестве информационной модели взяточничества может рассматриваться его материальная структура во взаимосвязи с информацией о соответствующих элементах криминалистической характеристики данного преступления.

Полагаем необходимым продолжить исследования криминалистической характеристики взяточничества с целью выработки ее единообразного понимания.

8. Общими элементами материальной структуры взяточничества являются: 1) субъект(ы) совершения взяточничества; 2) объект преступного посягательства; 3) средство совершения взяточничества; 4) предмет преступления (взятка). Количество материальных элементов в структуре конкретного взяточничества может отличаться от общей структуры этого преступления.

8.1. Субъектами совершения взяточничества являются должностные и иные физические лица. Должностные лица в структуре взяточничества

являются центральным элементом, выполняющим функцию связующего звена преступной системы.

8.2. Объектами преступного посягательства при взяточничестве являются государственные и общественные органы и организации, осуществляющие свою деятельность в соответствии с законодательством в интересах общества и государства. Соблюдение установленных законодательством правил обеспечивает нормальное функционирование субъекта управления, элементом (звеном) которого является каждое должностное лицо, входящее в его состав. Несоблюдение этих требований, совершение действий, выходящих за пределы предоставленных должностному лицу полномочий, приводит к различным нарушениям, которые юридически оцениваются как дисциплинарные (служебные), административно-правовые, гражданско-правовые проступки или уголовные преступления.

На этой основе мы приходим к пониманию объекта преступного посягательства как элемента материальной структуры взяточничества. Совершив взяточничество, должностные лица причиняют вред, т. е. посягают на нормальную деятельность и подрывают авторитет того органа или организации, в которых осуществляется их служебная деятельность.

8.3. Представляется приемлемым использование в уголовном праве и криминалистике формулировки, согласно которой средство совершения преступления – это материальный объект, находящийся во взаимосвязи с иными элементами преступной структуры, обеспечивающий целевую направленность субъекта посягательства на достижение преступного результата.

При расследовании взяточничества необходимо изучать те документы, которые отражают служебную деятельность должностного лица. Именно в них могут содержаться сведения, указывающие на взаимосвязь взяткополучателя и взяткодателя. Документы, регламентирующие деятельность должностного лица, могут содержать информацию о его незаконных действиях, совершенных в интересах заинтересованного лица или третьих лиц.

Анализ таких документов позволяет выявить различные злоупотребления должностного лица своими служебными полномочиями, совершенными за взятку. Такие документы следует рассматривать как результат деятельности должностного лица с негативным содержанием, противоречащим законодательству и общественной нравственности.

В практике расследования встречаются случаи, когда должностное лицо не приняло решение, закрепленное в документе, но по обстоятельствам своей служебной деятельности должно было и могло принять это решение, придав ему форму документа. Отсутствие такого документа служит основанием для дальнейшей проверки деятельности должностного лица с целью выявления факта получения взятки за бездействие.

Документы являются средством совершения преступления в системе действий должностного лица, т. е. взяткополучателя. Взяткодатель и посредник во взяточничестве используют иные средства совершения преступления. Необходимость их использования обусловлена различием в способах передачи предмета взятки. Не всегда денежная сумма передается взяточнику в наличной форме. Деньги могут быть перечислены на банковский счет взяткополучателя. В такой ситуации банковские или иные финансовые учреждения в системе взяточничества выступают в качестве средства совершения преступления.

Глобализация обусловила развитие информационных технологий и компьютерной техники, что позволило их использовать в обеспечении способа передачи предмета взятки. В связи с этим компьютерную технику, компьютерные программы как средства совершения преступлений следует относить к самостоятельной группе технических средств совершения взяточничества.

8.4. Предмет взятки является предметом преступления либо предметом преступного посягательства. Различие состоит лишь в отношении взяткополучателя к предмету до момента его получения. Например, если взяткополучатель требует (вымогает) деньги или имущество, то они представляют собой предмет преступного посягательства.

Наличие требования взятки повышает общественную опасность деяния вне зависимости от того сопровождается ли оно угрозой вредных последствий для гражданина, находящегося в правовых отношениях с должностным лицом. Решение проблемы квалификации деяния как «вымогательство взятки», мы видим в необходимости совершенствования уголовного законодательства. В связи с этим в ч. 2 ст. 430 УК предлагается слова «путем вымогательства» заменить словами «путем требования» и изложить ее в следующей редакции: «Получение взятки повторно, либо путем *требования*, либо группой лиц по предварительному сговору, либо в крупном размере».

9. Совершенствование тактических операций по задержанию взяточника с поличным является одним из направлений разработки эффективной методики расследования взяточничества. В условиях недостаточности сведений о преступлении заявление гражданина о вымогательстве взятки предлагается рассматривать не только как повод для возбуждения уголовного дела, но и как информационное сообщение, указывающее на признаки преступления.

10. В результате ОРД возможно выявление и пресечение преступной деятельности взяткополучателя в различных ситуациях, рассмотренных нами в данной работе. В тоже время не все материалы ОРД, осуществленной в связи с выявлением взяточничества, имеют перспективу использования в качестве основы для привлечения виновных к уголовной ответственности.

С целью выявления и пресечения взяточничества, задержания подозреваемых в его совершении лиц проводятся различные ОРМ. Но в

качестве основного средства оперативные работники используют проведение оперативного эксперимента. Его проведение в связи со взяточничеством не основательно в следующих случаях:

не представляется возможным соблюсти условия проведения оперативного эксперимента, предусмотренные ст. 34 Закона об ОРД;

имеются сведения о совершенном ранее взяточничестве в незначительных размерах (букет цветов, бутылка спиртного или иной предмет в эквивалентной денежной сумме, либо незначительная денежная сумма) и взятокополучатель не проявляет интереса в совершении новых преступных деяний.

Анализ организации и проведения оперативного эксперимента по делам о взяточничестве позволяет выявить ряд обстоятельств дискуссионного характера, исключающих возможность его использования как средства оперативно-розыскного противодействия данному виду преступлений.

Во-первых, на основе имеющихся сведений о времени, месте, сумме и условиях передачи взятки оперативными работниками не «создается обстановка, максимально приближенная к предполагаемой преступной деятельности проверяемого гражданина», так как внесение отдельных корректив не влияет на целевую установку проверяемого лица.

Во-вторых, событие наступает в результате естественного развития первоначально сложившейся криминалистической ситуации, на которую никак не влияют мероприятия оперативных работников, подготавливающих задержание взяточника с поличным.

В-третьих, оперативный эксперимент предполагает проведение опытов, что в условиях противодействия взяточничеству граничит с провокацией.

В случаях обращения в органы, осуществляющие ОРД, граждан с заявлением о вымогательстве у них взятки, может проводиться оперативно-тактическая операция по задержанию взяточника с поличным. В ее проведении принимает участие гражданин, заявивший о преступлении и проявивший согласие на оказание содействия в задержании взяточника с поличным. Задача документирования преступной деятельности проверяемого лица решается посредством проведения нескольких ОРМ, осуществляемых на основе заведенного дела оперативного учета в ходе реализации оперативно-розыскной операции. В ходе осуществления такой операции могут быть проведены такие ОРМ как, например, наблюдение, контроль в сетях электросвязи, слуховой контроль, наведение справок и др. На этапе завершения оперативно-тактической операции проводится задержание по основаниям, предусмотренным ст. 108 УПК. Проведение оперативного эксперимента в таких случаях не целесообразно.

11. Главным направлением борьбы с коррупцией и взяточничеством является их профилактика. Ключевое место в системе профилактики коррупции и взяточничества, формирующей определенные правила поведения, должно занять воспитание, основывающееся на антикоррупционном образовании.

Целью воспитания граждан является формирование у них негативного отношения к коррупции как социальному явлению. Проводить антикоррупционное образование необходимо во взаимосвязи с антикоррупционным воспитанием.

Процесс воспитания не должен завершаться периодом образования и становления личности в качестве специалиста (профессионала), владеющего определенными навыками. Занимая должность, молодой человек (а равно любое иное должностное лицо, продвигающееся по служебной лестнице), должен постоянно испытывать направляющее воздействие воспитательного характера. Основанием для необходимости такого воздействия служит осознание влияния и значительной роли человеческого фактора в воспроизведении коррупции и взяточничества. В связи с этим можно указать на необходимость формирования управленческого потенциала в системе условий строжайшего воспитания. В идеале система воспитания потенциального управленца должна строиться на крайне негативном восприятии всего, что имеет связь с коррупцией (поборами, взяточничеством) и, не менее важно, исключать на практике различные примеры коррупционных отношений. Решить эту проблему возможно при условии политической воли государства, сочетающейся с общественным осознанием необходимости достижения цели: ликвидация коррупции и взяточничества либо их максимальное ограничение.

Библиографические ссылки

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. – Дата доступа: 18.11.2020.

² Грейбо, И. С. Некоторые аспекты совершенствования национального законодательства в сфере профилактики коррупции / И. С. Грейбо // Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 сент. 2020 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – С. 128–131.

³ Клим, А. Состояние, динамика и структура взяточничества / А. Клим // Юстиция Беларуси. – 2009. – № 5. – С. 72.

⁴ Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_14636/. – Дата доступа: 07.02.2021.

⁵ Осужденных за взятки за год стало в два раза больше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/656098.html>. – Дата доступа: 07.02.2021.

⁶ Генпрокурор назвал самые коррумпированные сферы Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/36393053/?frommail=1>. – Дата доступа: 22.02.19.

⁷ Алиева, Г. А. Методика расследования взяточничества и коммерческого подкупа в жилищно-коммунальном хозяйстве: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Г. А. Алиева. – М., 2016. – 228 л.

⁸ Домашенко Н. А. Особенности расследования провокации или коммерческого подкупа: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. А. Домашенко. – Ростов-на-Дону, 2011. – 201 л.

⁹ Крюков, В. В. Методика расследования должностных преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. В. Крюков. – Челябинск, 2011. – 208 л.

¹⁰ Кучерук, Д. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о взяточничестве: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д. С. Кучерук. – Нижний Новгород, 2011. – 349 л.

¹¹ Лашко, Н. Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. Н. Лашко. – М., 2001. – 212 л.

¹² Лямин, М. В. использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М. В. Лямин. – Саратов, 2003. – 231 л.

¹³ Машков, С. А. Раскрытие и расследование фактов взяточничества с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. А. Машков. – Иркутск, 2004. – 221 л.

¹⁴ Савченко, Н. И. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования получения, дачи взятки: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Н. И. Савченко. – Рязань, 2020. – 209 л.

¹⁵ Филатова, Т. В. Расследование взяточничества как формы коррупции: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т. В. Филатова. – М., 2009. – 241 л.

¹⁶ Халиков, А. Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Н. Халиков. – Уфа, 2005. – 238 л.

¹⁷ Хачатурян, Т. Б. Выявление и расследование взяточничества в органах исполнительной власти: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т. Б. Хачатурян. – Б.м., 2004. – 209 л.

¹⁸ Черкесова, А. А. Раскрытие и расследование взяточничества в условиях противодействия: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. А. Черкесова. – М., 2007. – 233 л.

¹⁹ Чупахин, Р. В. Расследование взяточничества: теоретические и прикладные аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р. В. Чупахин. – М., 2006. – 194 л.

²⁰ Андрианов, В. Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность / В. Д. Андрианов. – М., 2011. – С. 11.

²¹ Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. – Изд. 4-е, Петроград: Издание Юридического книжного склада «Право», 1918. – С. 126.

²² Мишин, Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. Лекция / Г. К. Мишин. – М.: Изд. Акад. МВД СССР, 1991. – С. 12.

²³ Монтескье, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье // М.: Госполитиздат, 1955. – С. 289.

²⁴ Полева, И. А., Полев, К. О. Историческое развитие понятия «коррупция» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusnauka.com/4_NIC_2016/Pravo/1_207157.doc.htm. – Дата доступа: 07.12.2020.

²⁵ Сборник Законов царя Хаммурапи // Источники права. – Вып. 1. – Тольятти: ИИП «Акцент», 1996. – 56 с.

²⁶ Толковый словарь иностранных слов / Сост. Н. Л. Шестерина. – М.: ООО «Персей», 1998. – С. 157.

²⁷ Бологов, П. От Вавилона до Сингапура: в каком круге ада должны гореть коррупционеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slon.ru/posts/50044> – Дата доступа: 02.12.2020.

²⁸ Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим. Под ред. акад. В. В. Струве. М.: Учпедгиз, 1953. – С. 21–33.

²⁹ Авл Геллий «Аттические ночи», XX, 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=150687>. – Дата доступа: 02.12.2020.

³⁰ Библия. Ветхий Завет. Книга пророка Исаии. 1, 23; 5, 22-23. Российское библейское общество. М., 1995. – 1372 с. – С. 682, 684.

³¹ Цитаты из Библии, Торы и Корана вошли в памятку МВД против взяток [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cnl.news/2018/08/14/462901>. – Дата доступа: 02.12.2020.

³² МВД обратилось к Корану в борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iqnanews.ru/ru/news/3502716/>. – Дата доступа: 02.12.2020.

³³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 02.12.2020.

³⁴ Цит. по: Мизерий А. И. История борьбы с коррупцией в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unn.ru/pages/e->

library/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001_2(4)/27.pdf. – Дата доступа: 18.11.2020.

³⁵ Каутилья. Артхашастра или наука политики. Издательство академии наук СССР, Москва–Ленинград, 1959. – 802 с.

³⁶ Там же.

³⁷ Практика уголовного сыска. Научно-практический сборник / сост. А. Ваксян. М.: Лига Разум. – 1999. – С. 11.

³⁸ Там же. С. 11.

³⁹ Бологов, П. От Вавилона до Сингапура: в каком круге ада должны гореть коррупционеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slon.ru/posts/50044>. – Дата доступа: 02.12.2020.

⁴⁰ Всемирная история. Том 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 581.

⁴¹ Довгяло, Г. И. История Древнего Востока / Г. И. Довгяло, О. В. Перзашкевич, А. А. Прохоров. – Минск: ТетраСистемс, 2002. – С. 39–40.

⁴² Томсинов, В. А. Государство и право Древнего Египта : монография / В. А. Томсинов. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2011. – 497 с. – С. 279–281.

⁴³ Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара [Электронный ресурс]. – Режим доступа: civilka.ru/egypt/poucheni_u_merikara.html. – Дата доступа: 17.06.2019.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ цит.: Бабинов, А. П. Коррупция в древнем мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://jurnal.org/articles/2015/uri23.html#_ftn17. – Дата доступа: 02.12.2020.

⁴⁷ Флавий Иосиф. Иудейские древности. В 2-х т. Т. 1. Кн. 1–12 / Иосиф Флавий. – М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир», 2002. – С. 300, 501.

⁴⁸ Медкова, Е. Искусство. Золотой век живописи Нидерландов / Е. Медкова. – Календарь. – 2009. – № 11(419). 1–15 июня. – С. 20.

⁴⁹ Краснодарский судья не обиделся на картину «Сдирание кожи с продажного судьи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-48529789>. – Дата доступа: 05.12.2020.

⁵⁰ В Бресте проводят проверку из-за демонстрации в суде копий картины «Сдирание кожи с продажного судьи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/600863.html>. – Дата доступа: 05.12.2020.

⁵¹ Картина XV века «Сдирание кожи с продажного судьи» задела судьбу в Сочи. Автора ходатайства в конверте с репродукцией полотна могут привлечь к уголовной ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2019/06/05/038/>. – Дата доступа: 05.12.2020.

⁵² Кун, Н. А. Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. Самое полное оригинальное издание. / Н. А. Кун; предисл. Н. И. Басовской. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 137–140.

-
- ⁵³ Августин, епископ Гиппонский. Проповеди 73 и 73А/ / Вестник древней истории. – 2007. – № 3. – С. 243.
- ⁵⁴ Бугаевская, Н. В. Коррупционные преступления: виды и особенности субъекта: монография / Н. В. Бугаевская. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 8.
- ⁵⁵ Бологов, П. Указ соч.
- ⁵⁶ Коррупция в Римской республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vlasti.biz/korruptsciya-v-stranah/korruptsciya-v-drevnem-mire/korruptsciya-v-rimskoi-respublike.html>. – Дата доступа: 03.01.2020.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Александровская, С. В. Антикоррупционная концепция в праве Древнеримской Республики: V–I вв. до н. э.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С. В. Александровская. – Краснодар, 2004. – С. 17.
- ⁵⁹ Таирова, Н. М. Коррупция как социальное явление: историко-философские и политологические аспекты мировой мысли и практики / Н. М. Таирова // Управленческое консультирование. – 2014. – № 1. – С. 107.
- ⁶⁰ Цит. по: Александровская, С. В. Стратегия борьбы с коррупцией в сочинениях Марка Туллия Цицерона / С. В. Александровская // Древнее право. – 2003. – № 2(12). – С. 115.
- ⁶¹ Там же. С. 115–116.
- ⁶² Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О Законах. М., 1994. – С. 257.
- ⁶³ Коррупция в Римской республике. Указ. соч.
- ⁶⁴ Коррупция в судах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bstudy.net/637953/pravo/korruptsiya_sudah. – Дата доступа: 03.01.2020.
- ⁶⁵ Коррупция в Римской республике. Указ. соч.
- ⁶⁶ Бологов, П. Указ. соч.
- ⁶⁷ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырёх томах. / Пер. С. А. Жебелева. – М., 1984. – С. 456–547.
- ⁶⁸ Аристотель. Указ. соч. С. 456–547.
- ⁶⁹ Таирова, Н. М. Указ. соч. С. 101.
- ⁷⁰ Зотов, Г. Палач для взяточника. Как в Китае борются с коррупцией / Г. Зотов. – Аргументы и факты в Белоруссии. – 2016. – № 4, 26 янв. – С. 6.
- ⁷¹ Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М: Мысль, 1990. – С. 269.
- ⁷² Цит по: Бугаевская, Н. В. Указ. соч. С. 8.
- ⁷³ Там же. С. 8.
- ⁷⁴ Капустина, З. Я. «Гражданская добродетель» в своей первооткрытости бытию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-dobrodetel-v-svoey-pervootkrytosti-bytiyu/viewer>. – Дата доступа: 02.12.2020.
- ⁷⁵ Двинская уставная грамота 1397–1398 г.г. / Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М., 1985. – С. 181–185.

⁷⁶ Псковская Судная грамота 1397 г. // Российское законодательство X–XX веков. – Т. 1. М., 1984. – С. 332–337.

⁷⁷ Корнева, Н. М. Ответственность за взяточничество по уголовно-материальному праву России XIX начала XX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-vzyatochnichestvo-po-ugolovno-materialnomu-pravu-rossii-xix-nachala-xx-v/viewer>. – Дата доступа: 02.12.2020.

⁷⁸ Гладких, В. И. Коррупция в России: генезис, детерминация и пути преодоления / В. И. Гладких // Российский следователь. – 2001. – № 3. – С. 31.

⁷⁹ Российское законодательство X–XX веков / Под общ. ред. А. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. – Т. 3. – С. 102.

⁸⁰ Бологов, П. Указ. соч.

⁸¹ Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bzbook.ru/Sobornoe-Ulozhenie-1649-goda.html>. – Дата доступа: 03.12.2020.

⁸² Оперативно-розыскная деятельность : учебник / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М.: «ИНФРА-М», 2001. – С. 6–7.

⁸³ Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – М.: Наука, 1987. – С. 141–146.

⁸⁴ Куракин, А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность) / А. В. Куракин // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 38.

⁸⁵ Там же. С. 38.

⁸⁶ Демидова, Н. Ф. Указ. соч. С. 144.

⁸⁷ Воевода – воинский начальник, нередко как правитель (государственный деятель), иногда совмещавший административные и военные функции в управлении определенной административно-территориальной единицей и военными формированиями. Впервые это слово упоминается в X веке. Воеводская форма правления, являясь основной формой местного управления в Русском царстве в конце XVI–начале XVIII веков, была отменена после проведения областной реформы Петра I (1708–1718 г.г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Воевода>. – Дата доступа: 25.12.2020.

⁸⁸ Андреев, И. «Разливание взятки...» / И. Андреев // Наука и жизнь. – 2011. – № 2. – С. 31.

⁸⁹ Седов, П. В. «На посуле, как на стуле». Из истории российского чиновничества XVII в. / П. В. Седов // Звезда. – 1998. – № 4. – С. 206.

⁹⁰ Логинов, О. История коррупции в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.all-crime.ru/korruptiya/korr-history-1.htm. – Дата доступа: 14.06.2020).

-
- ⁹¹ Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Т. 13–14 / Отв. ред.: Н. А. Иванов. – М.: Голос; Колокол – Пресс, 1997. – С. 591.
- ⁹² Куракин, А. В. Указ. соч. С. 39
- ⁹³ Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год / сост. В. А. Томсинов. – М.: Зерцало. – 1998. – С. 162.
- ⁹⁴ Артикул воинский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm>. – Дата доступа: 07.12.2020.
- ⁹⁵ Родионов, А. М. Азъ грешный : ист. роман, в 3–ч. / А. М. Родионов. – Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 1998. – 558 с.
- ⁹⁶ Жирнов, Е. Воры гнезда Петрова / Е. Жирнов // Коммерсантъ. Деньги. – 2010. – № 13. – С. 67.
- ⁹⁷ Чашин, А. Н. Коррупция в России / А. Н. Чашин // Дело и Сервис. – 2009. – С. 67–68.
- ⁹⁸ Ягужинский, П. И. Советская историческая энциклопедия / П. И. Ягужинский. – М.: Советская энциклопедия. Под ред. Е. М. Жукова. – 1973–1982. – Том. 16. – С. 844–845.
- ⁹⁹ История государства и права СССР: Учеб. Ч. 1 / Под ред. Ю. П. Титова. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 307.
- ¹⁰⁰ Соловьев, С. М. Указ соч. С. 591.
- ¹⁰¹ Жирнов, Е. Воры гнезда Петрова / Е. Жирнов // Коммерсантъ. Деньги. – 2010. – № 13. – С. 69.
- ¹⁰² Корнева, Н. М. Указ. соч.
- ¹⁰³ Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) / А. Б. Каменский. – М.: РГГУ, 1999. – 575 с. – С. 195.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 195.
- ¹⁰⁵ Корнева, Н. М. Указ. соч.
- ¹⁰⁶ Жирнов, Е. Казнокрады Анны Иоановны / Е. Жирнов // Коммерсантъ. Деньги. – 2010. – № 14. – С. 55–61.
- ¹⁰⁷ Жирнов, Е. Нахлебники Елизаветы Петровны / Е. Жирнов // Коммерсантъ. Деньги. – 2010. – № 15. – С. 51–57.
- ¹⁰⁸ Жирнов, Е. Великие стяжатели Екатерины Великой / Е. Жирнов // Коммерсантъ. Деньги. – 2010. – № 16. – С. 8–16.
- ¹⁰⁹ История возникновения коррупции в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: randia.ru/text/78/322/34064.php. – Дата доступа: 11.12.2020.
- ¹¹⁰ Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй. Т. 2. Берлин, Изд. Фридриха Готтгейнера, 1900. – С. 208; 212.
- ¹¹¹ Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 2007. – С. 82; 365.
- ¹¹² Труайя, А. Екатерина Великая / А. Труайя. – М.: Издательство «ЭКСМО», 2004. – С. 409.
- ¹¹³ Павленко, Н. И. Указ. соч. 376.

-
- ¹¹⁴ Валишевский, К. Ф. Екатерина Великая. Роман императрицы / К. Ф. Валишевский. – М.: БММ ЗАО, 2014. – С. 278.
- ¹¹⁵ Павленко, Н. И. Указ. соч. 355.
- ¹¹⁶ Гризингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени / Т. Гризингер. – Минск, МФЦП. – 2004. – С. 487.
- ¹¹⁷ Валишевский, К. Ф. Дочь Петра Великого / К. Ф. Валишевский. – М.: Квадрат, 1993. – С. 127.
- ¹¹⁸ Андреев, И. Указ. соч. С. 33–34.
- ¹¹⁹ Там же. С. 34.
- ¹²⁰ Гахов, В. Д. Первое лицо губернии (губернаторы Томска) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gato.tomika.ru/publications/region/archive2000-2009/2008gahov. – Дата доступа: 13.06.2019.
- ¹²¹ Куракин, А. В. Указ. соч. С. 41.
- ¹²² Андреев, И. «Разливание взятки...» / И. Андреев // Наука и жизнь. – 2011. – № 2. – С. 34.
- ¹²³ Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. – С. 177.
- ¹²⁴ Там же. С. 156.
- ¹²⁵ Свод законов Российской империи. Т. III, Ч.1, ст. 788.
- ¹²⁶ Алексеев, П. А. Третий пункт / П. А. Алексеев // Вестник права и нотариата. – 1911. – № 37. – С. 1111–1112.
- ¹²⁷ Там же. С. 1112.
- ¹²⁸ Русские ведомости. – 26 сентября 1906. – С. 4.
- ¹²⁹ Демаков, И. С. Увольнение от службы по произволу начальства глазами российских чиновников после революции 1905 г. / И. С. Демаков // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России. – Выборг. – 2008. – С. 84.
- ¹³⁰ Петелин, В. Жизнь графа Дмитрия Милютина. Google книги. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=qgK000isuQIC&pg=PT145#v=onepage&q&f=false>. – Дата доступа: 08.12.2020.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Зайончковский, П. А. Указ. соч. С. 149–156.
- ¹³³ Фишер, К. И. Записки сенатора К. И. Фишера / К. И. Фишер // Исторический Вестник. Т. CXI–CXIV. – 1908. – №3. – С. 808–811.
- ¹³⁴ Куракин, А. В. Указ. соч. С. 42.
- ¹³⁵ Мельников, В. П. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. Ч. I / В. П. Мельников, В. С. Нечипоренко. – М.: Изд-во РАГС, 2000. – С. 127.
- ¹³⁶ Там же. С. 183.
- ¹³⁷ Волженкин, Б. В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX начала XX в. / Б. В.

Волженкин // Известия Высших учебных заведений. Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 61.

¹³⁸ Зайончковский, П. А. Указ. соч. С. 99–100.

¹³⁹ Там же. С. 101.

¹⁴⁰ Андреев, И. Указ. соч. С. 35.

¹⁴¹ Раскин, Д. Цари и взятки / Д. Раскин // Аргументы и факты. – 1993. – № 32(669). – С. 15.

¹⁴² Волженкин, Б. В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX начала XX в. / Б. В. Волженкин // Известия Высших учебных заведений. Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 61.

¹⁴³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--e1aaejmenosqxq.xn--p1ai/node/13654>. – Дата доступа: 08.12.2020.

¹⁴⁴ Российское законодательство X–XX вв. Т. 6. М.: Юрид. лит., 1986. – С. 392–396.

¹⁴⁵ Свод законов Российской Империи. – Том XV. Ч. 2. СПб., 1885. – С. 44–45.

¹⁴⁶ Свод законов Российской Империи. – Том XV. СПб., 1842. – С. 342–343.

¹⁴⁷ Цит по: Астанин, В. В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI–XX веков: криминологическое исследование : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Астанин. – М., 2001. – С. 5.

¹⁴⁸ Золин, П. М. Преступность в стране в 1909–1928 г.г.: Сравнительная статистика / П. М. Золин // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 112–125.

¹⁴⁹ Рассохина, А. А. Пенализация взяточничества и дифференциация ответственности за него в уголовном законодательстве советского периода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2018/4/law/rassokhina.pdf. – Дата доступа: 08.12.2020.

¹⁵⁰ Шляпочников, А. Преступность и репрессии в СССР / А. Шляпочников // Проблемы уголовной политики. – М.: Юриздат, 1935. – С. 70.

¹⁵¹ Декреты Советской власти. Т. 6. М.: Юриздат, 1959. – С. 218.

¹⁵² Волженкин, Б. В. Взяточничество в истории советского уголовного законодательства (1918–1927 г.г.) / Б. В. Волженкин // Правоведение. – 1993. – № 2. – С. 61–62.

¹⁵³ Об усилении борьбы со взяточничеством: закон РСФСР // СУ РСФСР. – 1921. – № 60. – С. 169–170.

¹⁵⁴ Малахов, А. Табель о рангах / А. Малахов // Коммерсантъ. Деньги. – 2005. – № 25. – С. 55.

¹⁵⁵ Хачикян, П. П. Противодействие коррупции в вооруженных силах

Российской Федерации : монография [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://books.google.by/books?id=F41CDgAAQBAJ&pg=PP27&lpg=PP27&dq>. – Дата доступа: 10.12.2020.

¹⁵⁶ История возникновения коррупции в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://artemovsky66.ru/anticorruption/media/2015/8/27/istoriya-vozniknoveniya-korrupsii-v-rossii/>. – Дата доступа: 09.12.2020.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Цыбульник, Ю. С. Указ. соч. С. 73–74.

¹⁵⁹ Гладких, В. И. Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления / В. И. Гладких // Российский следователь. – 2001. – №3. – С. 31.

¹⁶⁰ Там же. С. 32.

¹⁶¹ «Рыбная мафия»: как в СССР расследовали первое дело о коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.m24.ru/articles/korrupciya/25042014/43321>. – Дата доступа: 10.12.2020.

¹⁶² Сочинско-краснодарское дело [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 10.12.2020.

¹⁶³ Борьба с коррупцией в СССР: дело директора гастронома «Елисеевский» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/process/view/25722/>. – Дата доступа: 10.12.2020.

¹⁶⁴ Конституция СССР 1936 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>. – Дата доступа: 13.12.2020.

¹⁶⁵ Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 04.05.1961 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20160305030157/http://uristu.com/library/sss/usr_5681/. – Дата доступа: 13.12.2020.

¹⁶⁶ Конституция СССР 1977 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>. – Дата доступа: 13.12.2020.

¹⁶⁷ О предупреждении социального иждивенчества: Декрет Президента Республики Беларусь № 3 от 2 апреля 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-3-ot-2-aprelja-2015-g-11135/. – Дата доступа: 13.12.2020.

¹⁶⁸ Магун, В. С. Трудовые ценности российского общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/357/653/1231/002_Magun.pdf. – Дата доступа: 13.12.2020.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Цит. по: Роговин, В. З. Сталинский неонэп. Т. 3. / В. З. Рогозин. – М.: Республика, 1994. – С. 216–217.

¹⁷¹ Там же. С. 217.

¹⁷² «Всё вокруг народное, все вокруг моё»... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://back-in-ussr.com/2014/08/vse-vokrug-narodnoe-vse-vokrug-moe.html>. – Дата доступа: 28.12.2020.

¹⁷³ Тимофеев, Л. М. Институциональная коррупция / Л. М. Тимофеев. – М.: РГГУ, 2000. – С. 103.

¹⁷⁴ Тимофеев, Л. М. Указ. соч. С. 178–180.

¹⁷⁵ Попов, Г. Х. С точки зрения экономиста / Г. Х. Попов // Наука и жизнь. – 1987. – № 4. – С. 54–65.

¹⁷⁶ Попов, Г. Х. «С точки зрения экономиста (О романе Александра Бека «Новое назначение»)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://thelib.ru/books/popov_g/s_tochki_zreniya_ekonomista_o_romane_aleksandra_beka_novoe_naznachenie-read.html. – Дата доступа: 29.12.2020.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Как правильно благодарить врача? Конверт с деньгами – это взятка? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/cards/kak-pravilno-blagodarit-vracha-konvert-s-dengami-eto-vzyatka>. – Дата доступа: 18.11.2020.

¹⁷⁹ Хлус, А. М. Коррупционные риски в сфере образования, пути их выявления и устранения // Законность и правопорядок. Правовой научно-практический журнал. – 2013. – № 2. – С. 38–43.

¹⁸⁰ Сколько стоят школьные оценки? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shkolazhizni.ru/school/articles/21163/>. – Дата доступа: 18.11.2020.

¹⁸¹ Коррупция в системе образования. Информационный бюллетень. ГУ-ВШЭ. М. 2004. С. 20.

¹⁸² Устроиться по знакомству. Как заводить полезные для карьеры связи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hh.ru/article/25054>. – Дата доступа: 18.11.2020.

¹⁸³ Прежде чем умереть, мы должны заплатить за право покоемся в родной земле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2007/02/16/pohorony.html>. – Дата доступа: 18.11.2020.

¹⁸⁴ Тимофеев, Л. М. Указ. соч. С. 105.

¹⁸⁵ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. (СЕД № 173.) Совет Европы, Страсбург, 27 января 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: naviny.org/1999/01/27/by63322.htm. – Дата доступа: 18.02.2021.

¹⁸⁶ Конвенция об гражданско-правовой ответственности за коррупцию. (СЕД № 174.) Совет Европы, Страсбург, 4 ноября 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr-base.ru/CED174.jsp>. – Дата доступа: 18.02.2021.

¹⁸⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=382. – Дата доступа: 18.02.2021.

¹⁸⁸ Документы ООН. A/RES/34/169 «Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/34/169>. – Дата доступа: 18.02.2021.

¹⁸⁹ Каламкарян, Р. А. Правовые аспекты борьбы с коррупцией на национальном и международном уровнях / Р. А. Каламкарян, В. Я. Печкарев. – Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 296–297.

¹⁹⁰ О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: Закон Республики Беларусь от 26 мая 2003 № 199-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h10300199&q_id=0. – Дата доступа: 18.02.2021.

¹⁹¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г., № 275-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. – Дата доступа: 18.02.2021.

¹⁹² Конвенция об гражданско-правовой ответственности за коррупцию...

¹⁹³ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и протоколы к ней. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unodc.org/pdf/cld/TOCSebook-r.pdf>. – Дата доступа: 18.02.2021.

¹⁹⁴ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06 января 2021 № 91-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091> – Дата доступа: 28.03.2021.

¹⁹⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. ...

¹⁹⁶ Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников СНГ в борьбе с коррупцией от 25 апреля 2007 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 Электронный ресурс / ООО «Юр спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

¹⁹⁷ Модельный закон о борьбе с коррупцией (Принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.1999 Постановлением 13–4 на 13–ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/9025>. – Дата доступа: 18.02.2021.

¹⁹⁸ О модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 15 нояб. 2003 г., № 22–15 // Информ. Бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. – 2004. – № 33.

¹⁹⁹ О новой редакции модельного закона «О противодействии коррупции»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-

участников СНГ, 25 нояб. 2008 г., № 31–20 // Информ. бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. – 2009. – № 43.

²⁰⁰ Модельный закон о борьбе с коррупцией. ...

²⁰¹ Там же.

²⁰² О модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике». ...

²⁰³ Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников СНГ в борьбе с коррупцией от 25 апреля 2007. ...

²⁰⁴ О противодействии коррупции: Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultfnt.ru/document/cons_dos_LAW_82959/. – Дата доступа: 18.02.2021.

²⁰⁵ О противодействии коррупции: Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V ЗРК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33478302#pos=1;-151. – Дата доступа: 18.02.2021.

²⁰⁶ О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г. № 305-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/H11500305_1437598800.pdf. – Дата доступа: 18.02.2021.

²⁰⁷ Хлус, А. М. Криминалистические методы выявления правонарушений, создающих условия для коррупции / А. М. Хлус. – Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: Сборник научных трудов. Выпуск 1/33 / ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь». – Минск: Право и экономика, 2013. – С. 77.

²⁰⁸ О модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике». ...

²⁰⁹ Хлус, А. М. Коррупция и коррупционные правонарушения: понятие, условия возникновения и меры криминалистического противодействия / А. М. Хлус // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия «Право». – 2017. – № 1(85). – С. 27–37.

²¹⁰ Мантул, Г. А. Экономика как фундамент общественных отношений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-kak-fundament-obschestvennyh-otnosheniy>. – Дата доступа: 10.03.2021.

²¹¹ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – С. 55, 346, 436.

²¹² Фролов, С. С. Взаимодействие социальное / С. С. Фролов. – Словарь ключевых социологических терминов. М.: 1999. – С. 83.

²¹³ Чалдини, Р. Б. Психология влияния / Р. Б. Чалдини. – 5-е изд., СПб.: «Питер». – 2001. – С. 48.

²¹⁴ Хейнеман, С. Р. Образование и коррупция / С. Р. Хейнеман. – Народное образование. – 2004. – № 9. – С. 39.

²¹⁵ Хлус, А. М. Развитие представлений о коррупции на международном уровне и в Республике Беларусь / А. М. Хлус // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия «Право». – 2017. – № 4(88). – С. 34–46.

²¹⁶ Антикоррупционная политика: учеб. пособие для студентов фак. гос. упр. / под ред. Г. А. Сатарова. – М.: РА «СПАС», 2004. – С. 5.

²¹⁷ Мошкович, М. В поисках гена коррупции / М. Мошкович // ЭЖ-Юрист. – 2009. – № 10. – С. 4.

²¹⁸ Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые // СПб.: Алетейя, 2001. – С. 44.

²¹⁹ Назарчук, А. В. Осмысление коммуникации в современной французской философии / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2009. – № 8. – С. 160–161.

²²⁰ Аверьянов, М. В. Методологические подходы в исследовании феномена коррупции: социокультурный аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:///C:/Users/Admin/Downloads/metodologicheskie-podhody-v-issledovanii-fenomena-korrupsii-sotsiokulturnyy-aspekt%20\(1\).pdf2](file:///C:/Users/Admin/Downloads/metodologicheskie-podhody-v-issledovanii-fenomena-korrupsii-sotsiokulturnyy-aspekt%20(1).pdf2). – Дата доступа: 18.06.2019.

²²¹ См.: Бурдые, П. Начала / П. Бурдые. – М., 1994. – С. 22, 28, 30.

²²² Ширшова, И. Основные понятия концепции Пьера Бурдые [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.situation.ru/app/j_art_632.htm#_Toc40420594. – Дата доступа: 18.06.2019.

²²³ Токарев, Б. Б. Социально-философское осмысление феномена коррупции : автореф... канд. философ. наук : 09.00.11 / Б. Б. Токарев. – М.: 2011. – С. 12–13.

²²⁴ Там же. С. 12–13.

²²⁵ Там же. С. 14.

²²⁶ Мухамедьярова, Л. В. Основные детерминанты коррупционного поведения и формирование антикоррупционной устойчивости / Л. В. Мухамедьярова, О. В. Газизова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 14(2). – С. 91.

²²⁷ Архетип в переводе с древнегреческого языка означает «прообраз, оригинал, подлинник, образец». В аналитической психологии представлен структурным элементом коллективного бессознательного [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Архетип>. – Дата доступа: 26.12.2020.

²²⁸ Мухамедьярова, Л. В., Газизова О. В. Указ. соч. С. 95.

²²⁹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 339.

- ²³⁰ Грушко, Е. А. Современные крылатые слова и выражения / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М.: Рольф, 2000. – С. 308.
- ²³¹ Цыбульник, Ю. С. Крылатые латинские выражения / Ю. С. Цыбульник. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 89.
- ²³² Фадеев, В. Н. Будущее криминологии и международно-правовые аспекты противодействия коррупции / В. Н. Фадеев // Актуальные вопросы противодействия преступности: теория и практика: сборник научных статей участников международной научно-практической конференции. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. – С. 458.
- ²³³ Парадоксы нашего времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://siellon.com/paradoksu-our-time/>. – Дата доступа: 11.04.2020.
- ²³⁴ Хлус, А. М. Тенденции уголовного права и криминологии на современном этапе противодействия коррупции // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия «Право». – 2018. – № 2(90). – С. 70.
- ²³⁵ «Ловца покемонов» Соколовского признали виновным в возбуждении вражды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/29702574/?from=push>. – Дата доступа: 13.03.2019.
- ²³⁶ Универсальный словарь по русскому языку. – СПб.: ИГ «Весь», 2009. – С. 715.
- ²³⁷ Hart, H. L. A. The Concept of Law. Oxford: Oxford University Press, 1994. – 113 p.
- ²³⁸ Llewellyn, K. The Common Law Tradition - Deciding Appeals. Boston, Toronto: Little, Brown and Co. Ltd., 1960. – 209 p.
- ²³⁹ Рогоу, А. А. Власть, коррупция и честность / А. А. Рогоу, Г. Д. Лассуэл. – М.: Издательство РАГС, 2005. – С. 92.
- ²⁴⁰ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. Т. 2. / В. И. Даль. – СПб., 1881. – С. 371.
- ²⁴¹ Робинсон, М. А. Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого / М. А. Робинсон, Л. И. Сазонова. – Л.: Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 137.
- ²⁴² Монтескье, Ш. О духе законов. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М.: Госполит издат, 1955. – С. 108.
- ²⁴³ Габбасов, Р. Ф. Что Ислам говорит о коррупции? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: islam-today.ru/obsestvo/kakovo-polozenie-korruptcii-v-islame/. – Дата доступа: 15.03.2019.
- ²⁴⁴ Кравченко, А. И. Культурология: Учебное пособие для вузов. 3-е изд. / А. И. Кравченко. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 235.
- ²⁴⁵ Коротаев, А. В. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ / А. В. Коротаев, А. А. Оболонков // Советская этнография. – 1989. – № 2. – С. 36–45.
- ²⁴⁶ Десять заповедей Коза Ностра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: est-mort.livejournal.com/13550.html. – Дата доступа: 28.03.2020.

-
- ²⁴⁷ Полтерович, В. М. Факторы коррупции / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1998. – Т. 34. – № 3. – С. 30–39.
- ²⁴⁸ Рак, А. В. Коррупция и государство: причины, следствия, меры противодействия / А. В. Рак // Актуальные вопросы экономики строительства и городского хозяйства: материалы Международной научно-практической конференции, г. Минск, 23-24 апреля 2013 года. – Минск: БНТУ, 2014. – С. 136–145.
- ²⁴⁹ Клановая структура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: allrefs.net/c9/3sp5t/p56/?ful. – Дата доступа: 07.04.2020.
- ²⁵⁰ Там же.
- ²⁵¹ Улусизм и выбор народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evrazia.org/text/5>. – Дата доступа: 28.12.2020.
- ²⁵² Там же.
- ²⁵³ Полтерович, В. М. Факторы коррупции // Экономика и математические методы. – 1998. – Т. 34. – № 3. – С. 36–37.
- ²⁵⁴ Хлус, А. М. Криминалистическое противодействие коррупционным проявлениям: проблемы и перспективы / А. М. Хлус // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2017. – № 3. – С. 95.
- ²⁵⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 38–42.
- ²⁵⁶ Рейтинг стран мира по Индексу восприятия коррупции. / Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2021 (последняя редакция: 06.02.2021). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index>. – Дата доступа: 19.02.2021.
- ²⁵⁷ Лучшие и худшие страны мира по качеству жизни: рейтинг 2020 (Индекс социального развития, 2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internationalinvestment.biz/business/1597-luchshie-i-hudshie-strany-mira-po-kachestvu-zhizni-reyting-2020.html>. – Дата доступа: 19.02.2021.
- ²⁵⁸ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. / Пер. С. А. Жебелева. М., 1984. – С. 192.
- ²⁵⁹ Решетников, М. М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия / М. М. Решетников. – СПб.: ВЕИП, 2008. – С. 29.
- ²⁶⁰ Проект модели стратегии борьбы с коррупцией на 2021–2030 годы, разработанной НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь // Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 сент. 2020 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – С. 187.
- ²⁶¹ Бугаевская, Н. В. Указ. соч. С. 12.

²⁶² Кодекс поведения персонала МВФ. Code of conduct for staff [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jcdecaux.co.uk/sites/default/files/assets/document/2016/12/codeofethics2014.pdf>. – Дата доступа: 18.04.2020.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Бугаевская, Н. В. Указ. соч. С. 14.

²⁶⁶ Хлус, А. М. Нравственные основы коррупции и их криминалистический анализ / АА. М. Хлус, А. С. Ляхнович // Современные проблемы права, экономики и управления. Электронный журнал. – 2018. – № 1(6). – С. 128–136.

²⁶⁷ Макаренко, С. Н. Коррупция как общественное явление и методы борьбы с ней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-kak-obschestvennoe-yavlenie-i-metody-borby-s-ney/viewer>. – Дата доступа: 12.12.2020.

²⁶⁸ Коверина, А. В. Коррупция как политическое явление / А. В. Коверина // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: сб. науч. статей 10-й Всероссийской науч.-практ. конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 173–177; Наронская, А. Г. Политическая коррупция: сущность и особенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46759/1/klo_2017_228.pdf. – Дата доступа: 07.08.2019.

²⁶⁹ Деятельность УНП ООН по борьбе с коррупцией и экономическими преступлениями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unodc.org/unodc/ru/corruption/index.html?ref=menu. – Дата доступа: 07.08.2019.

²⁷⁰ Сороковикова, В. И. Коррупция как культурный феномен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mail.ru/events/sfiro/articles/sec2/sorokovikova.doc>. – Дата доступа: 07.08.2019.

²⁷¹ Нисневич, Ю. Коррупция – излечимая болезнь? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://republic.ru/posts/1/964787>. – Дата доступа: 12.12.2019.

²⁷² Там же.

²⁷³ Сороковикова, В. И. Указ. соч.

²⁷⁴ История мировой культуры (мировых цивилизаций): учеб. пособ. / Под. ред. Г. В. Драча. – 2-е изд. доп. и перераб. – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 2002. – С. 363.

²⁷⁵ Полтерович, В. М. Факторы коррупции / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1998. – Т. 34. – № 3. – С. 30–39. – С. 35.

²⁷⁶ Ожегов, С. И. Указ соч. С. 692.

- ²⁷⁷ Большая советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1969–1978. – Т. 27. – 1977. – С. 458.
- ²⁷⁸ Фролов, С. С. Взаимодействие социальное // Словарь ключевых социологических терминов / С. С. Фролов. – М., 1999. – С. 83.
- ²⁷⁹ История мировой культуры (мировых цивилизаций): учеб. пособ. / Под. ред. Г. В. Драча. 2-е изд. доп. и перераб. Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 2002. – С. 117.
- ²⁸⁰ Басецкий, И. И. Организованная преступность: монография. – 2-е изд., испр. и доп. / И. И. Басецкий, Н. А. Легенченко. – Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2002. – С. 69–70.
- ²⁸¹ Что означает выражение «хлеба и зрелищ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chtooznachaet.ru/vyrazhenie_hleba_i_zrelissh.html. – Дата доступа: 07.08.2019.
- ²⁸² Кудрявцев, В. Н. Закон, поступок, ответственность : учеб.-метод. пособие / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1986. – С. 265.
- ²⁸³ Метры «элиты» // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2015. – № 49. – С. 4.
- ²⁸⁴ Чалдини, Р. Б. Психология влияния. 5-е изд. / Р. Б. Чалдини. – СПб. : Питер, 2019. – С. 43.
- ²⁸⁵ Рак, А. В. Коррупция и государство: причины, следствия, меры противодействия / А. В. Рак // Актуальные вопросы экономики строительства и городского хозяйства : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 23–24 апр. 2013 г. Минск: БНТУ, 2014. – С. 140.
- ²⁸⁶ Мороз, Д. Г. Причины и условия коррупции / Д. Г. Мороз // Конституционно-правовые основы противодействия коррупции как важнейшее условие обеспечения устойчивого социально-экономического равновесия : сб. материалов круглого стола, 4 марта 2017 г.; редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. Минск : БГУ, 2017. – С. 115–119.
- ²⁸⁷ Рынок как экономическая система институтов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ekonomika-st.ru/ekonomika/ekon-teorija/ekon-teorija-18.html. – Дата доступа: 07.08.2019.
- ²⁸⁸ Минюст хочет ограничить количество нормативных актов президента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/28662672/>. – Дата доступа: 07.08.2019.
- ²⁸⁹ Социально-экономические аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sociodoc.ru/sdocs-143-1.html>. – Дата доступа: 07.08.2019.
- ²⁹⁰ Суховазова, Е. Л. Трансформация коррупции в условиях перехода к рынку // Коррупция в России: состояние и проблемы / Е. Л. Суховазова, А. В. Нестеров. – М., 1996. – С. 59.
- ²⁹¹ Нисневич, Ю. Коррупция – излечимая болезнь? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://republic.ru/posts/l/964787>. – Дата доступа: 12.12.2020.

²⁹² Сборник Законов царя Хаммурапи // Источники права. Вып. 1. Тольятти: Акцент, 1996. – С. 56.

²⁹³ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=382. – Дата доступа: 07.08.2019.

²⁹⁴ Метры «элиты». Указ. соч. С. 4.

²⁹⁵ О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 14.06.2003 г. № 204-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10300204>. – Дата доступа: 07.08.2020.

²⁹⁶ О комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах: Закон Республики Беларусь от 01.07.2010 г. № 142-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000142>. – Дата доступа: 07.08.2020.

²⁹⁷ КГК: участились случаи вывода средств белорусами из страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/28507260/>. – Дата доступа: 23.08.2020.

²⁹⁸ О некоторых мерах по оптимизации системы государственных органов и иных государственных организаций, а также численности их работников: Указ Президента Республики Беларусь от 12.04.2013 № 168 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/ukaz-168-ot-12-aprelja-2013-g-4813/. – Дата доступа: 23.08.2020.

²⁹⁹ Бизнес назвал самые коррумпированные государственные службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/28384550/>. – Дата доступа: 07.08.2020.

³⁰⁰ Почему демотивированы белорусские чиновники? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/28461958/>. – Дата доступа: 07.08.2019.

³⁰¹ Нисневич, Ю. Указ. соч.

³⁰² Комаровский, В. С. Конфликты граждан с чиновниками: почему и зачем? / В. С. Комаровский, Л. Н. Тимофеева // Государство и право. – 1997. – № 10. – С. 14; см. также: Тимофеева, Л. Н. Конфликты на государственной службе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-na-gosudarstvennoy-sluzhbe>. – Дата доступа: 18.12.2020.

³⁰³ Рак, А. В. Несовершенство рынка и коррупция / А. В. Рак // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 11-й Междунар. науч.-техн. конф. : в 4 т. Минск : БНТУ, 2013. – Т. 2. – С. 268.

³⁰⁴ Рак, А. В. Влияние информационной асимметрии на рынок труда Беларуси / А. В. Рак // Наука – образованию, производству, экономике :

материалы 12-й Междунар. науч.-техн. конф. : в 4 т. Минск : БНТУ, 2014. – Т. 2. – С. 283.

³⁰⁵ Почепцов, Г. Г. Информационные войны: базовые параметры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: psyfactor.org/psyops/infowar9.htm. – Дата доступа: 07.08.2019.

³⁰⁶ О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 14.06.2003 г. № 204-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10300204>. – Дата доступа: 07.08.2019.

³⁰⁷ Клановая структура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: allrefs.net/c9/3sp5t/p56/?ful. – Дата доступа: 07.08.2020.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Барова, Е. Дети – тоже лидеры / Е. Барова // Аргументы и факты. – 2016. – № 41. – С. 4.

³¹⁰ Мошкович, М. Указ соч. С. 4.

³¹¹ О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией : Закон Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. № 2399-XII: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1299.htm>. – Дата доступа: 07.08.2020.

³¹² О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией : Закон Республики Беларусь от 26 июня 1997 г. № 47-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.busel.org/texts/cat1et/id5ewnenc.htm>. – Дата доступа: 07.08.2020.

³¹³ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. (СЕД № 173.) Совет Европы, Страсбург, 27 января 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: naviny.org/1999/01/27/by63322.htm. – Дата доступа: 07.08.2020.

³¹⁴ О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию : Закон Республики Беларусь от 26 мая 2003 № 199-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31491417. – Дата доступа: 07.08.2020.

³¹⁵ Конвенция об гражданско-правовой ответственности за коррупцию. (СЕД № 174.) Совет Европы, Страсбург, 4 ноября 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr-base.ru/CED174.jsp>. – Дата доступа: 07.08.2020.

³¹⁶ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и протоколы к ней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unodc.org/pdf/cld/TOCsebook-r.pdf>. – Дата доступа: 07.08.2020.

³¹⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=382. – Дата доступа: 07.08.2020.

³¹⁸ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06 января 2021 № 91-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091> – Дата доступа: 28.03.2021.

³¹⁹ О борьбе с коррупцией : Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 № 165-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belkodeksy.com/o_borbe_s_korruptsiej.htm. – Дата доступа: 07.08.2020.

³²⁰ Хлус, А. М. Развитие представлений о коррупции на международном уровне и в Республике Беларусь / А. М. Хлус // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия «Право». – 2017. – № 4(88). – С. 34–46.

³²¹ Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_borbe_s_korruptsiej.htm. – Дата доступа: 07.08.2020.

³²² Хлус, А. М. Развитие национального законодательства о борьбе с коррупцией в аспекте положений международных конвенций / А. М. Хлус // Правовая система Казахстана в условиях модернизации национального правосознания (The legal system of Kazakhstan in the conditions of modernization of the national sense of justice): материалы Междунар. науч.-практич. конф. (23–24 нояб. 2018) – Караганда: КарГУ, 2018. – С. 430.

³²³ Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА · М), 2001. – С. 220.

³²⁴ Крылов, И. Ф. Криминалистическая характеристика и её место в системе науки криминалистики и вузовской программе / И. Ф. Крылов // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Ключкова. – М., 1984. – С. 32–33.

³²⁵ Ермолович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. – Минск : Амалфея, 2001. – С. 9.

³²⁶ Сергеев, Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л. А. Сергеев. – М., 1966. – С. 4–5.

³²⁷ Колесниченко, А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук : 12.00.09 / А. Н. Колесниченко. – Харьков, 1967. – С. 10.

³²⁸ Хлюпин, Н. И. Методические основы расследования преступлений: дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н. И. Хлюпин. – М., 1988. – С. 372.

³²⁹ Яблоков, Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории / Н. П. Яблоков // Вестник МГУ. Серия «Право». – 2000. – № 2. – С. 5.

³³⁰ Каневский, Л. Л. Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использования в процессе расследования / Л. Л. Каневский // Вестник криминалистики. –

2002. – Вып. 1 (3). – С. 24.

³³¹ Криминалистика: Учебник / Под ред. Н. П. Яблокова, В. Я. Колдина. – М.: Изд-во МГУ. – 1990. – С. 324.

³³² Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – С. 20.

³³³ Криминалистика / Под ред. Н. П. Яблокова, В. Я. Колдина. ... С. 325.

³³⁴ Баев, О. Я. Основы криминалистики: курс лекций... С. 230.

³³⁵ Криминалистика / Под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. ... С. 366.

³³⁶ Там же. С. 454.

³³⁷ Возгрин, И. А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений... С. 6.

³³⁸ Хлюпин, Н. И. Методические основы расследования преступлений: дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н. И. Хлюпин. – М., 1988. – С. 372.

³³⁹ Аверьянова, Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. ... С. 688.

³⁴⁰ Ермолович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений... С. 264.

³⁴¹ Ермолович, В. Ф. Концептуальные проблемы криминалистической характеристики преступлений / В. Ф. Ермолович // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений: тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 15 нояб. 2013 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь». – Минск: Акад. МВД. – 2013. – С. 153.

³⁴² Там же. С. 154.

³⁴³ Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня... С. 223.

³⁴⁴ Облаков, А. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: учеб. пособие / А. Ф. Облаков // Хабаровск, 1985. – С. 7–8.

³⁴⁵ Шурухнов, Н. Г. Криминалистика : Учебник / Н. Г. Шурухнов. – М.: Эксмо, 2005. – С. 449–450.

³⁴⁶ Кузнецова, И. А. Отдельные данные о подготовке совершения взяточничества как составляющие криминалистической характеристики / И. А. Кузнецова, Н. Г. Шурухнов // Организационно-методические проблемы расследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Д. Зеленский. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 58.

³⁴⁷ Горяинов, К. К. Теория и практика познания криминологической обстановки: автореф. дис. ... д-ра наук : 12.00.08 / К. К. Горяинов. – М., 1991. – С. 49.

³⁴⁸ Бакин, А. А. Криминолого-криминалистическая характеристика коррупционных преступников в сфере физической культуры и спорта / А. А. Бакин, А. В. Таймазов // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2013. – № 4(98). – С. 11–15; Исаева, К. А. Криминолого-

криминалистическая характеристика насильственных преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительных учреждениях стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pm/article_26885.html. – Дата доступа: 08.04.2019.

³⁴⁹ Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня... С. 221.

³⁵⁰ Куемжиева, С. А. О понятии криминалистической характеристики преступления / С. А. Куемжиева // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО «РГУП»; отв. ред. Д. А. Степаненко. – Иркутск, 2015. – С. 200.

³⁵¹ Ермолович, В. Ф. Концептуальные проблемы криминалистической характеристики преступлений... С. 151.

³⁵² Ахмедшин, Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Р. Л. Ахмедшин. Томск, 2006. – 49 с.

³⁵³ См. напр. Пашута, И. В. Криминалистически значимые признаки лиц, совершающих преступления с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств / И. В. Пашута, А. В. Яскевич // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2015. – № 1(29). – С. 84–89.

³⁵⁴ Селиванов, Н. А. Советская криминалистика: система понятий / Н. А. Селиванов. – М., 1982. – С. 130.

³⁵⁵ Фокина, А. А. Роль криминалистической характеристики преступлений в укреплении связи науки криминалистики и практики расследования / А. А. Фокина // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1990. – Вып. 41. – С. 18.

³⁵⁶ Аверьянова, Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. ... С. 687–688.

³⁵⁷ Чурилов, С. Н. Криминалистическая методика: история и современность / С.Н. Чурилов. – М., 2002. – С. 168.

³⁵⁸ Исаенко, В. Н. Криминалистическая характеристика преступлений и ее разновидности / В. Н. Исаенко // КриминалистЪ. – 2014. – № 1(14). – С. 44.

³⁵⁹ Григорович, В. Л. Криминалистическая методика: курс лекций для студентов специальности «правоведение» / В. Л. Григорович, И. И. Лузгин; под ред. В. Л. Григоровича. – Новополоцк: ПГУ. – 2014. – С. 10.

³⁶⁰ Ермолович, В. Ф. Концептуальные проблемы криминалистической характеристики преступлений... С.154.

³⁶¹ Колесниченко, А. Н. Криминалистическая характеристика преступлений / А. Н. Колесниченко, В. Е. Коновалова. – Харьков, 1985. – С. 5

³⁶² Куемжиева, С. А. О понятии криминалистической характеристики преступления / С. А. Куемжиева. – Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО «РГУП»; отв. ред. Д. А. Степаненко. – Иркутск, 2015. – С. 202.

³⁶³ Порубов, Н. И. Криминалистическая характеристика в методике расследования отдельных видов и групп преступлений / Криминалистика : Учебник / Под ред. Д. И. Сулейманова. Баку, «Ишыг», 2000. – С. 471.

³⁶⁴ Кузнецова, И. А., Шурухнов, Н. Г. Отдельные данные о подготовке совершения взяточничества как составляющие криминалистической характеристики. ... С. 59.

³⁶⁵ Криминалистика : Учебник / Отв. ред. С. А. Голунский. – М.: Юрид. лит-ра, 1959. – С. 455–464.

³⁶⁶ Аверьянова, Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. ... С. 733–736.

³⁶⁷ Исаенко, В. Н. Криминалистическая характеристика преступлений и ее разновидности / В. Н. Исаенко // Криминалист. – 2014. – № 1(14). – С. 41.

³⁶⁸ Криминалистика / Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. ... С. 326.

³⁶⁹ Шмонин, А. В. Криминалистическая характеристика как составная часть частных криминалистических методик / А. В. Шмонин // Роль и значение деятельности Р. С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина). – М., 2002. – С. 190–198.

³⁷⁰ Баянов, А. И. Криминалистическая характеристика – абстрактная, типовая модель преступления / А. И. Баянов // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: сб. статей / отв. ред. В. Д. Волович. – Томск: ТГУ, 1985. – С. 243.

³⁷¹ Белкин, Р. С. Модное увлечение или новое слово в науке? / Р. С. Белкин, И. Е. Быховский, А. В. Дулов // Соц. законность. – 1987. – № 9. – С. 55.

³⁷² Хлус, А. М. Криминалистическая характеристика и ее значение для формирования методик расследования коррупционных преступлений / А. М. Хлус // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 179–190.

³⁷³ Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня... С. 7–8.

³⁷⁴ Там же. С. 223.

³⁷⁵ Там же. С. 8.

³⁷⁶ Габа, А. И. Проблемные вопросы преподавания курса криминалистики в юридических вузах Республики Беларусь / А. И. Габа // Проблемы криминалистики. Сборник научных тр. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; редкол.: Г. Н. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – Вып. 7. – С. 22.

³⁷⁷ Яблоков, Н. П. Криминалистика / Н. П. Яблоков. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М., 2000. – С. 7.

³⁷⁸ Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – С. 21–27.

³⁷⁹ Ермолович, В. Ф. Концептуальные проблемы криминалистической характеристики преступлений... С. 152.

³⁸⁰ Гавло, В. К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: автореф... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В. К. Гавло. – М., 1988. – С. 29.

³⁸¹ Файзуллина, А. А. К вопросу о соотношении понятий «криминалистическая характеристика преступлений» и «следственная ситуация» / А. А. Файзуллина // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2017. – № 02–2. – С. 141.

³⁸² Гавло, В. К. О следственной ситуации в методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц / В. К. Гавло // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики. – М., 1973. – С. 90.

³⁸³ Файзуллина, А. А. Указ. соч. С. 141.

³⁸⁴ Ларин, А. М. Криминалистика и паракриминалистика: Научно-практическое и учебное пособие / А. М. Ларин. – М.: БЕК, 1996. – 192 с.

³⁸⁵ Волчецкая, Т. С. Криминалистическая ситуалогия / Т. С. Волчецкая. – Калининград, 1997. – С. 92.

³⁸⁶ Комаров, И. М. Криминалистические операции и криминалистическая характеристика раскрытия, расследования и предотвращения преступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kriminalisticheskie-operatsii-i-kriminalisticheskaya-harakteristika-raskrytiya-rassledovaniya-i-predotvrascheniya-prestupleniy>. – Дата доступа: 18.03.19.

³⁸⁷ Колдин, В. Я. К вопросу о методологической функции ситуационного подхода / В. Я. Колдин. – Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной практике. – Калининград: БФУ им. И. Канта, 2012. – С. 33.

³⁸⁸ Ермолович, В. Ф. Концептуальные проблемы криминалистической характеристики преступлений... С.153.

³⁸⁹ Там же. С.154.

³⁹⁰ Там же. С. 155.

³⁹¹ Яблоков, Н. П. Криминалистика... С. 21.

³⁹² Шабанов, В. Б., Ермолович, В. Ф. Соотношение криминалистической характеристики преступлений со следственными ситуациями, предметом доказывания, версиями и задачами расследования преступления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vuzirossii.ru/publ/sootnoshenie_kriminalisticheskoy_kharakteristiki_prestuplenij/16-1-0-107. – Дата доступа: 19.03.19.

³⁹³ Белкин, А. Р. Теория доказывания... С. 21–22.

³⁹⁴ Криминалистика. Учебник / Под ред. С. А. Голунского... С. 350.

- ³⁹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа: 19.03.19.
- ³⁹⁶ Белкин, А. Р. Теория доказывания... С. 22.
- ³⁹⁷ Шабанов, В. Б., Ермолович В. Ф. Соотношение криминалистической характеристики преступлений со следственными ситуациями, предметом доказывания, версиями и задачами расследования преступления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vuzirossii.ru/publ/sootnoshenie_kriminalisticheskoy_kharakteristiki_prestuplenij/16-1-0-107. – Дата доступа: 19.03.19.
- ³⁹⁸ Ермолович, В. Ф. Концептуальные проблемы криминалистической характеристики преступлений. ... С. 154.
- ³⁹⁹ Лашко, Н. Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции : автореф. ... дис. канд. юрид. наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=104384>. – Дата доступа: 20.02.2020.
- ⁴⁰⁰ Лашко, Н. Н. Указ. соч.
- ⁴⁰¹ Сидоров, Б. В. Взяточничество как система и составная часть коррупции: понятие, социальная и уголовно-правовая характеристика и вопросы совершенствования российского уголовного законодательства / Б. В. Сидоров, А. Ш. Балаев // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 2. – С. 157–164.
- ⁴⁰² Сергеев, А. Л. Криминалистические основы первоначального этапа расследования должностных преступлений, совершенных в сфере деятельности органов местного самоуправления : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Л. Сергеев. – Уфа, 2016. – 234 л.
- ⁴⁰³ Там же. С. 31.
- ⁴⁰⁴ Там же. С. 31–69.
- ⁴⁰⁵ Ермолович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. – Мн.: Амалфея, 2001. – С. 264; см. также Криминалистика : Учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. ... С. 458.
- ⁴⁰⁶ Котов, Е. Н. Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений / Е. Н. Котов // Инновационное развитие и структурная перестройка экономики: правовой и организационно-экономический механизм: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 апреля 2011 г.: в 2 ч. / Частн. ин-т упр. и предпр.; редкол.: В. Ф. Медведев [и др.]. – Минск, 2011. – Ч. 2. – С. 204–208.
- ⁴⁰⁷ Там же. С. 205.
- ⁴⁰⁸ Там же. С. 205–206.
- ⁴⁰⁹ Ермолович, В. Ф. Указ. соч. С. 264.
- ⁴¹⁰ Криминалистика : Учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. ... С. 454.

-
- ⁴¹¹ Криминалистика : Учебник / под ред. А. Г. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2000. – С. 407.
- ⁴¹² Криминалистика: Краткая энциклопедия / Авт.-сост. Р. С. Белкин. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993. – С. 65.
- ⁴¹³ Мухин, Г. Н. История становления и развития криминалистики. Дискуссионные вопросы определения предмета и системы криминалистики : лекция / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2011. – С. 25.
- ⁴¹⁴ Сергеев, А. Л. Указ. соч. С. 31.
- ⁴¹⁵ Чурилов, С. Н. Методика расследования преступлений: общие положения: монография. М.: Юстицинформ, 2009. – С. 46.
- ⁴¹⁶ Криминалистика : Учебник / Под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. ... С. 458.
- ⁴¹⁷ Сергеев, А. Л. Указ. соч. С. 37.
- ⁴¹⁸ Тазин, И. И. Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. И. Тазин. – Томск, 2006. – 26 с.
- ⁴¹⁹ Журавель, В. А. О структуре частной криминалистической методики / В. А. Журавель // Криминалистика и судебная экспертиза. – Вып. 47. – Киев, 1995. – С. 63.
- ⁴²⁰ Аверьянова, Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов... С. 688.
- ⁴²¹ Там же. С. 688.
- ⁴²² Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. ... С. 21.
- ⁴²³ Аверьянова, Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов... С. 853.
- ⁴²⁴ Курс криминалистики: в 3-х т. / Т. 3. Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений / В. А. Абаканова [и др.]; под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 484–510.
- ⁴²⁵ Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики: Учебник / Под ред. В. Д. Грабовского и А. Ф. Лубина. Ниж. Новгород, 1995. – С. 134–140.
- ⁴²⁶ Аверьянова, Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов... С. 688.
- ⁴²⁷ Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А. В. Дулов. – Мн.: Университетское, 1985. – С. 168.
- ⁴²⁸ Лозовский, Д. Н. Отдельные вопросы применения метода криминалистического матрицирования при расследовании преступлений / Д. Н. Лозовский // Общество и право. – 2013. – № 4(46). – С. 166.
- ⁴²⁹ Симинягин, Д. Ю. Некоторые особенности применения криминалистической ретроспекции и метода криминалистического матрицирования в расследовании преступлений в сфере компьютерной

информации / Д. Ю. Симинягин // Вестн. Калининградского юридического института МВД России. – 2009. – № 2(19). – С. 197.

⁴³⁰ Ивахов, П. П. Теоретические и практические аспекты применения метода криминалистического матрицирования при расследовании убийств / П. П. Ивахов, Д. В. Лапиков // Общество и право. – 2008. – № 1(19). – С. 239–245.

⁴³¹ Дулов, А. В. Применение метода криминалистического матрицирования в судебной экспертизе / А. В. Дулов, А. Е. Гучок // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 1998. – Вып. 3. – Минск, НИИ ПКК и СЭ. – С. 219.

⁴³² Баев, О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. ... С. 230.

⁴³³ Гамза, В. А. Криминалистическая характеристика преступлений: сущность, структура и содержание / В. А. Гамза // Сборник научных трудов. – Вып. 2. – М., 2001. – С. 7.

⁴³⁴ Коновалов, С. И. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития: дисс. ... докт. юрид. наук : 12.00.09 / С. И. Коновалов. – Волгоград, 2001. – С. 101.

⁴³⁵ Дубинин, Л. Г. Способ дачи заведомо ложных показаний свидетелем, потерпевшим как элемент криминалистической характеристики / Л. Г. Дубинин // Российский следователь. – 2010. – № 20. – С. 2–5.

⁴³⁶ Бузин, А. И. Материальный ущерб как элемент криминалистической характеристики хищений / А. И. Бузин // Вопросы уголовного процесса и криминалистики. – М., 1988. – С. 19–23.

⁴³⁷ См. напр.: Аверьянова, Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов... С. 853; Курс криминалистики: в 3-х т. / Т. 3. Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений. ... С. 484–510; Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики: Учебник / Под ред. В. Д. Грабовского и А. Ф. Лубина. ... С. 134–140.

⁴³⁸ Методика расследования коррупционных преступлений: научно-практическое пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / С. В. Войцеховская, В. Х. Кадыров и др.; Под общ. ред. В. Х. Кадырова. Минск, 2005. – С. 47–58.

⁴³⁹ Котов, Е. Н. Указ. соч. С. 206.

⁴⁴⁰ Там же. С. 52.

⁴⁴¹ Проанализированы методические рекомендации по расследованию преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 430 УК Республики Беларусь (получение взятки). Подготовлены в 2014 году для методического обеспечения предварительного расследования.

⁴⁴² Методика расследования коррупционных преступлений... С. 50.

⁴⁴³ Баев, О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. ... С. 230.

⁴⁴⁴ Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. ... С. 222.

-
- ⁴⁴⁵ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 241.
- ⁴⁴⁶ Васнев, С. А. Статистика: Учебное пособие / С. А. Васнев. – Москва: МГУП, 2001. – С. 65.
- ⁴⁴⁷ Ларин, А. М. Криминалистика и паракриминалистика / А. М. Ларин. – М.: Издательство БЕК, 1996. – С. 145.
- ⁴⁴⁸ Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. ... С. 221.
- ⁴⁴⁹ Баянов, О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. ... С. 231.
- ⁴⁵⁰ Бессонов, А. А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений / А. А. Бессонов // Вестник ПАГС. – 2014. – С. 55.
- ⁴⁵¹ Каплун, Д. Д. Понятие категории «криминалистическая характеристика» в современной криминалистике / Д. Д. Каплун // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. – № 5 (31): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 92.
- ⁴⁵² Павликов, С. Г. К вопросу о значении теории криминалистической характеристики преступлений / С. Г. Павликов // Российский судья. – 2012. – № 10. – С. 46.
- ⁴⁵³ Селиванов, Н. А. Советская криминалистика: система понятий / Н. А. Селиванов. – М., 1982. – С. 130.
- ⁴⁵⁴ Фокина, А. А. Роль криминалистической характеристики преступлений в укреплении связи науки криминалистики и практики расследования / А. А. Фокин // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1990. Вып. 41. – С. 18.
- ⁴⁵⁵ Аверьянова, Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов... С. 687–688.
- ⁴⁵⁶ Чурилов, С. Н. Криминалистическая методика: история и современность / С. Н. Чурилов. – М., 2002. – С. 168.
- ⁴⁵⁷ Исаенко, В. Н. Указ. соч. С. 44.
- ⁴⁵⁸ Густов, Г. А. Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений // Г. А. Густов // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Клочкова. – М., 1984. – С. 44.
- ⁴⁵⁹ Шаталов, А. С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики / А. С. Шаталов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 155.
- ⁴⁶⁰ Баянов, А. И. Криминалистическая характеристика – абстрактная, типовая модель преступления / А. И. Баянов // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: сб. статей / отв. ред. В. Д. Волович. – Томск: ТГУ, 1985. – С. 243.
- ⁴⁶¹ Ларин, А. М. Указ. соч. С. 124–125; Захаров, Г. К. Криминалистическая характеристика – «кривое зеркало» преступной деятельности / Г. К. Захаров // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 1 (25). – С. 79 и др.

⁴⁶² Каневский, Л. Л. Об одной затянувшейся среди криминалистов дискуссии / Л. Л. Каневский // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования : матер. респ. науч. конф. / под ред. В. К. Гавло, В. Я. Музюкина, В. В. Невинского. Барнаул, 2001. – С. 323–326.

⁴⁶³ Могутин, Р. И. Криминалистическая (информационная) модель расследуемого преступления как инвариативная трансформация уголовно-правовой модели / Р. И. Могутин // Использование достижения иных наук в криминалистике : матер. Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Краснодар : Кубанск. гос. аграрн. ун-т, 2008. – С. 240–244.

⁴⁶⁴ Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. ... С. 223–224.

⁴⁶⁵ В качестве равнозначного данному понятию в монографии используется понятие «материальная структура преступления».

⁴⁶⁶ Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти: пособие для следователей / И. С. Андреев [и др.]; под ред. А. В. Дулова, Н. И. Порубова. – Минск, 1995. – С. 9.

⁴⁶⁷ Криминалистика: учебное пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. – Минск: ИП «Экоперспектива», 1998. – С. 54–59.

⁴⁶⁸ Хлус, А. М. Криминалистический анализ и направления его применения при расследовании преступлений / А. М. Хлус // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства : сборник материалов международной научно-практической конференции / Коллектив авторов; под ред. В. М. Зимина; Т. Ю. Новиковой, Е. А. Ануфриевой, В. П. Бодаевского, Д. А. Захарова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 341–344.

⁴⁶⁹ Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. ... С. 35.

⁴⁷⁰ Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти. ... С. 11.

⁴⁷¹ Прозуменов, Л. М. Криминализация и декриминализация деяний / Л. М. Прозуменов // Томск. Изд-во Том. Ун-та, 2012. – С. 35.

⁴⁷² См. напр.: Марчук, В. В. Структура уголовно-правовой нормы [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://law.bsu.by/pub/11/Marchuk_7.pdf. – Дата доступа: 16.04.2020; Новоселов Г. П. Уголовно-правовая норма: понятие, содержание и структура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-norma-ponyatie-soderzhanie-i-struktura>. – Дата доступа: 16.04.2020.

⁴⁷³ Комягин, Р. А. Соотношение состава преступления и уголовно-правовой нормы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41723442>. – Дата доступа: 16.04.2020.

⁴⁷⁴ Гучок А. Е. в своих ранних работах использовал понятие «криминалистическая структура преступления» (см. например, Гучок, А. Е

Криминалистическая структура преступления / А. Е. Гучок. – Мн.: БГУ, 2007. – 151 с.), а затем пришел к выводу, что более точным выражением структуры преступления, с точки зрения криминалистики, является понятие «материальная структура преступления».

⁴⁷⁵ Гучок, А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления / А. Е. Гучок. – Минск : Тесей, 2012. – С. 62; Он же: Модели решения исследовательских задач криминалистики : монография / А. Е. Гучок. – Минск, БГУФК, 2013. – С. 57.

⁴⁷⁶ Данное учение разработано А. Е. Гучком и представлено им в монографии: «Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления». Минск: Тесей, 2012. – 228 с.

⁴⁷⁷ Мухин, Г. Н. Научная категория механизма преступного поведения в теории криминалистики и практике раскрытия преступлений / Г. Н. Мухин // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. : Минск : Академия МВД. Респ. Беларусь, 2009. Вып. 7. – С. 32.

⁴⁷⁸ Лепёхин, А. Н. О соотношении понятий «криминалистическая характеристика» и «криминалистическая структура» / А. Н. Лепёхин // Тенденции развития законодательства и совершенствование правоприменительной практики в современных условиях: материалы междунар. науч. конф. студентов и аспирантов. Минск, 19–20 окт. 2007 г. / редкол. : Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – С. 250.

⁴⁷⁹ Там же. С. 251.

⁴⁸⁰ Под концепцией мы понимаем «комплекс взглядов на что-либо, связанных между собой и образующих взаимосвязанную систему» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Концепция>. – Дата доступа: 17.04.2020.

⁴⁸¹ Подольный, Н. А. Некоторые проблемы расследования коррупционных преступлений / Н. А. Подольный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 1. – С. 206.

⁴⁸² Ануфриева, Е. А. Криминалистические методики расследования коррупционных преступлений: уровень разработанности и перспективы совершенствования / Е. А. Ануфриева // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 6. – С. 203–210.

⁴⁸³ Криминалистика. Общая часть / Отв. ред. В. Е. Корноухов. М.: Юристъ. 2000. – С. 132.

⁴⁸⁴ Шумак, Г. А. Криминалистический анализ должностных хищений / Г. А. Шумак // Право и демократия. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Минск, 1990. – С. 138.

⁴⁸⁵ Шумак, Г. А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки / Г. А. Шумак // Право и демократия. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 11. / Отв. ред. В. Н. Бибило. Мн., 2001. – С. 284.

-
- ⁴⁸⁶ Шиенок, В. П. Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 23. – С. 164.
- ⁴⁸⁷ Гучок, А. Е. Криминалистическая структура преступления / А. Е. Гучок. – Минск: БГУ, 2007. – С. 51.
- ⁴⁸⁸ Хлус, А. М. Криминалистический анализ объекта и предмета посягательства в структуре преступлений / А. М. Хлус // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 103.
- ⁴⁸⁹ Хлус, А. М. Защита информации – основное направление обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь / А. М. Хлус // Юстиция Беларуси. – 2014. – № 5. – С. 56.
- ⁴⁹⁰ Мащенко, П. Л. Технология Блокчейн и ее практическое применение / П. Л. Мащенко, М. О. Пилипенко // Наука, техника, образование. – Олимп, 2017. – С. 61–64.
- ⁴⁹¹ Что известно о краже биткоинов в Бресте, из-за которой могут завести уголовное дело. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.tut.by/pda/news573184.html>. – Дата доступа: 26.01.19.
- ⁴⁹² В Японии хакеры совершили крупнейшее хищение криптовалюты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dsnews.ua/world/v-yaponii-hakery-sovershili-krupneyshee-hishchenie-kriptovalyuty-27012018215700>. – Дата доступа: 29.01.19.
- ⁴⁹³ Дулов, А. В. Интеграционные процессы в науках, обеспечивающих борьбу с преступностью / А. В. Дулов // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. / редкол. : А. В. Барков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – С. 198–202.
- ⁴⁹⁴ Салтевский, М. В. Собрание криминалистически значимой информации техническими средствами на предварительном следствии / М. В. Салтевский // Киев: КВИШ, 1980. – С. 24.
- ⁴⁹⁵ Наумов, А. Средства и орудия совершения преступления / А. Наумов // Советская юстиция. – 1986. – № 14. – С. 26.
- ⁴⁹⁶ Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть / Н. А. Бабий. – Минск: Тесей, 2000. – С. 61.
- ⁴⁹⁷ Салтевский, М. В. Указ. соч. С. 26–28.
- ⁴⁹⁸ Бабий, Н. А. Указ. соч. С. 61.
- ⁴⁹⁹ Висков, Н. В. Предметы преступления, орудия и средства его совершения в аспекте решения судьбы вещественных доказательств / Н. В. Висков // Российский следователь. – 2006. – № 3. – С. 2–4.
- ⁵⁰⁰ Андреев, В. Орудия и средства совершения преступления / В. Андреев, Б. Розовский, А. Светлов // Социалистическая законность. – 1963. – № 7. – С. 33.

⁵⁰¹ Наумов, А. Указ. соч. С. 24; Хвалин, В. О понятии орудия преступления / В. Хвалин // Уголовное право. – 2000. – № 2. – С. 95.

⁵⁰² Марогулова, И. Л. Специальная конфискация по уголовным делам / И. Л. Марогулова // Проблемы совершенствования советского уголовного законодательства. Труды ВНИИСЗ. 1978. – Вып. 13. – С. 136–137.

⁵⁰³ Хлус, А. М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры / А. М. Хлус // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 1. – С. 30.

⁵⁰⁴ Там же. С. 30.

⁵⁰⁵ Гучок, А. Е. Криминалистическая структура преступления. ... С. 53.

⁵⁰⁶ Хлус, А. М. Криминалистическая характеристика и материальная структура преступления в частной методике расследования : монография / А. М. Хлус // Депонировано ФБ БГУ, № 011227112019 от 27.11.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/234447>.

⁵⁰⁷ Гучок, А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. ... С. 64.

⁵⁰⁸ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. Изд. 5-е. Москва, Политиздат. – 1986. – С. 238.

⁵⁰⁹ Криминология: Словарь / Под общей ред. В. П. Сальникова. Серия «Учебники для вузов, специальная литература». – СПб.: Издательство «Лань»; Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 1999. – С. 79.

⁵¹⁰ Хлус, А. М. Направления и цели криминалистического анализа субъекта получения взятки / А. М. Хлус // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 3. – С. 64.

⁵¹¹ Барков, А. В. Юридические признаки субъектов коррупционных правонарушений в законодательстве Республики Беларусь / А. В. Барков // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. трудов / редкол.: А. В. Барков [и др.]. Минск : БГУФК, 2010. – С. 213–236.

⁵¹² Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг // Под. ред. В. В. Зеленского. – СПб.: Азбука, 2001. – 405 с.

⁵¹³ Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М., 1996. – С. 12.

⁵¹⁴ Там же. С. 12.

⁵¹⁵ Цит. по: Русецкий, О. В. Коррупционная психология (особенности формирования мотивации коррупционных действий) / О. В. Русецкий // Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 сент. 2020 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ,

2020. – С. 155; см. также Ванновская О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих : монография. 2-е изд., стереотип / О. В. Ванновская. – М. : Юрайт, 2018. – 251 с.

⁵¹⁶ Русецкий, О. В. Указ. соч. С. 156.

⁵¹⁷ Ходеев, Ф. Взятка как потребность / Ф. Ходеев, Т. Шутенко // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 98–100. С. 98.

⁵¹⁸ Там же. С. 98.

⁵¹⁹ Ходеев, Ф. П. Взяткомания: болезнь или привычка? / Ф. П. Ходеев, Т. Шутенко // Российская юстиция. – 2004. – № 2. – С. 58.

⁵²⁰ Клим, А. М. Психология взяточничества / А. М. Клим // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2011. – № 2. – С. 73.

⁵²¹ См. напр.: Хлус, А. М. Основы формирования деструктивного поведения личности и роль криминалистики в их познании / А. М. Хлус // Материалы Третьей заочной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права, экономики и образования на современном этапе: теория и практика», г. Алматы, Институт права и экономики, 12–13 марта 2014 года. Алматы: КазНПУ им. Абая, ИПиЭ, 2015. – С. 255–259; Хлус, А. М. Выявление основ деструктивного поведения личности обвиняемого криминалистическими методами / А. М. Хлус // Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. Фил ФГБОУВО «РГУП» ; отв. ред. Д. А. Степаненко. – Иркутск, 2015. – С. 370–373.

⁵²² Хлус, А. М. Основы формирования деструктивного поведения личности и роль криминалистики в их познании / А. М. Хлус // Вестник (Хабаршы) КазНПУ имени Абая, серия «Юриспруденция». – 2015. – № 1(39). – С. 53.

⁵²³ Хлус, А. М. Возможности криминалистики в обеспечении защиты граждан от деструктивного информационного воздействия // Теоретические и прикладные аспекты информационной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 31 марта 2016 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А. В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2016. – С. 137.

⁵²⁴ О средствах массовой информации: Закон Республики Беларусь от 17.07.2008 г. № 427-3: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=N10800427>. – Дата доступа: 07.04.2020.

⁵²⁵ Козлик, И. Не чувствуешь грани – плати жизнью / И. Козлик // Комсомольская правда. – № 2. – 14–20 января 2015 г. – С. 6.

⁵²⁶ Цит. по: Огнев, И. Психологическая безопасность / И. Огнев. – Ростов на/Дону: Феникс, 2007. – С. 521.

⁵²⁷ Там же. С. 521.

⁵²⁸ Кривошеев, А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования / А. С. Кривошеев. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 23.

⁵²⁹ КГБ задержал в Минске двух прокуроров за наркотики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/41256020/?frommail=1>. – Дата доступа: 06.04.2020.

⁵³⁰ Хлус, А. М. Личность обвиняемого как объект изучения криминалистики / А. М. Хлус, А. М. Карней // Актуальные вопросы совершенствования правового образования в средних учебных заведениях: материалы Респ. науч.-практ. конф. 25–26 нояб. 2010 г., Минск / редкол.: И. Р. Веренчиков (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 57–58.

⁵³¹ Анушат, Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики / Э. Анушат. – М: ЛексЭст, 2001. – С. 23.

⁵³² Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков, 2–е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – С. 58.

⁵³³ Зорин, Р. Г. Криминалистический анализ основных элементов преступления и материалов уголовного дела: учеб.-метод. пособие / Р. Г. Зорин. – Гродно : ГрГУ, 2001. – 186 с.

⁵³⁴ Густов, Г. А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г. А. Густов. – М., 1993. – С. 26.

⁵³⁵ Криминалистический анализ уголовного дела об убийстве : задания к практическим занятиям к спецкурсу «Расследование убийств» / отв. ред. В. И. Шиканов. Иркутск, 1986. – С. 5.

⁵³⁶ Оржинская, Э. И. Метод криминалистического анализа преступления: определение, основные задачи и элементы / Э. И. Оржинская // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 1(56). – С. 54.

⁵³⁷ Криминалистика: учебное пособие / под ред. А. В. Дулова... С. 52.

⁵³⁸ Там же. С. 53.

⁵³⁹ Дулов, А. В. Метод криминалистического анализа / Криминалистика: Учеб. пособие / А. В. Дулов, Г. И. Грамович, А. В. Лапин и др.; под ред. А. В. Дулова. – Мн.: НКФ «Экоперспектива», 1996. – С. 81–85.

⁵⁴⁰ Архив суда Партизанского района г. Минска, уголовное дело № 1-315/16 за 2016 г.

⁵⁴¹ Хомич, В. М. Оперативный эксперимент как способ выявления взяточничества: монография / В. М. Хомич, И. И Бранчель. – Минск: БГУФК, 2009. – С. 169.

⁵⁴² О борьбе с коррупцией : Закон Республики Беларусь от 15.07.2015. № 305-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_borbe_s_korrupsiej.htm. – Дата доступа: 07.04.2020.

⁵⁴³ О государственной службе в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь от 14.06.2003 № 204-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_gosudarstvennoj_sluzhbe.htm. – Дата доступа: 07.04.2020.

⁵⁴⁴ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 449.

⁵⁴⁵ Козлик, И. Президенту подарили роскошный «Майбах» / И. Козлик // Комсомольская правда. – № 197. – 18.10.2012. – С. 2.

⁵⁴⁶ О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 4.11.1998 № 196-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_statuse_deputata_palaty_predstavitelej_chlena_soveta.htm. – Дата доступа: 07.04.2020.

⁵⁴⁷ Хлус, А. М. Криминалистический анализ должностного положения субъектов коррупционных преступлений / А. М. Хлус // Материалы Второй заочной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права, экономики и образования на современном этапе: теория и практика», г. Алматы, Институт права и экономики, 14–15 марта 2014 года. – Алматы: КазНПУ им Абая, ИПиЭ, 2014. – С. 78–83.

⁵⁴⁸ Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500307&p1=1>. – Дата доступа: 08.04.2020.

⁵⁴⁹ О статусе депутата местного Совета депутатов: Закон Республики Беларусь от 27.03.1992 № 1547-XII: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_statuse_deputata_mestnogo_soveta_deputatov/23.htm. – Дата доступа: 08.04.2020.

⁵⁵⁰ Хлус, А. М. Криминалистический анализ должностного положения субъектов коррупционных преступлений / А. М. Хлус // Материалы Второй заочной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права, экономики и образования на современном этапе: теория и практика», г. Алматы, Институт права и экономики, 14–15 марта 2014 года. Алматы: КазНПУ им Абая, ИПиЭ, 2014. – С. 326–328.

⁵⁵¹ Избирательный кодекс Республики Беларусь от 11.02.2000 № 370-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0000370>. – Дата доступа: 25.01.2021.

⁵⁵² О Президенте Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 21.02.1995 № 3602-XII: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/zakon-respubliki-belarus-ot-21-fevralja-1995-g-3602-xii-1396/. – Дата доступа: 25.01.2021.

⁵⁵³ О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК): постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16.12.2004 № 12: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2005-3/2005-3\(042-048\).pdf&oldDocPage=1](http://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2005-3/2005-3(042-048).pdf&oldDocPage=1). – Дата доступа: 08.04.2020.

⁵⁵⁴ Хлус, А. М. Личность обвиняемого как объект изучения криминалистики / А. М. Хлус // Актуальные вопросы совершенствования правового образования в средних учебных заведениях: материалы Респ. науч.-практ. конф. 25–26 нояб. 2010 г., Минск / редкол.: И. Р. Веренчиков (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 81–85.

⁵⁵⁵ Хомич, В. М., Бранчель, И. И. Указ. соч. С. 175.

⁵⁵⁶ Там же. С. 171.

⁵⁵⁷ Шаргородский, М. Д. Актуальные вопросы советского уголовного права / М. Д. Шаргородский, Н. С. Алексеев // Учен. Записки (Ленингр. гос. ун-т). № 182. Серия юрид. наук. – Вып. 5. – Л., 1954. – С. 188–189.

⁵⁵⁸ Кригер, Г. А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве / Г. А. Кригер // Вестн. Московского ун-та. – 1955. – № 1. – С. 109–114.

⁵⁵⁹ Актуальные проблемы уголовного права [Текст] : курс лекций : учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов : в 3 т. / под ред. засл. работника высш. шк. Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Лобановой ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т», Ин-т философии, социологии и права. Т. 1 / авт. коллектив тома : Н. В. Висков [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 46.

⁵⁶⁰ Спасович, В. Д. Учебник уголовного права / В. Д. Спасович // СПб.: Типография Госафата Огризко, 1863. Том 1 (Выпуск первый). – С. 94–96.

⁵⁶¹ Бернер, А. Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная с примечаниями, приложениями и дополнениями. По истории русского права и законодательству положительному / А. Ф. Бернер // СПб.: Издание Н. Неклюдова, 1865. – Том 1. – Часть общая. – С. 400.

⁵⁶² Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. С подробным изложением Начал русского уголовного права. Часть общая. Второе исправленное и значительно дополненное издание / А. Ф. Кистяковский // Киев : Типогр. А. Давыденко, 1882. – С. 309–311.

⁵⁶³ Цит. по: Грунтов, И. О. К вопросу о понимании объекта преступления в уголовном праве / И. О. Грунтов // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2017. – № 2(56). – С. 43.

⁵⁶⁴ Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М. : Юрид. лит., 1961. – С. 133.

⁵⁶⁵ Шарапов, Р. Д. Альтернативные теории объекта преступления в современном уголовном праве России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lexrussica.ru/articles/2015/12/28/article_102148.html. – Дата доступа: 01.02.2019.

⁵⁶⁶ Винокуров, В. Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика: монография / В. Н. Винокуров. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 65.

⁵⁶⁷ Там же. С. 66–67.

⁵⁶⁸ Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – М.: Норма, 2001. – 51.

⁵⁶⁹ Грунтов, И. О. Указ. соч. С. 41–46.

⁵⁷⁰ Грунтов, И. О. Объект уголовно-правовой охраны и конструирование составов преступлений и правовых норм Общей части уголовного законодательства: монография / И. О. Грунтов. – Минск: БГУ, 2017. – С. 15; см. также Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве: монография / И. О. Грунтов. – Минск: Тесей, 2012. – 366 с.

⁵⁷¹ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. Н. А. Бабия, И. О. Грунова. Минск: Новое знание, 2002. – 912 с.; Бабий, Н. А. Квалификация убийств / Н. А. Бабий. – Минск: Тесей, 2009. – 602 с.

⁵⁷² О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2006 г., № 1 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29.03.2012 г. // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014; О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., №15 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 24.09.2009 г. // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014 и др.

⁵⁷³ Пухов, А. А. Объект получения взятки: история и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/39984/1/A.A.Пухов.pdf>. – Дата доступа: 19.04.2020.

⁵⁷⁴ Пухов, А. А. Указ. соч.

⁵⁷⁵ Никонов, П. В. Проблемы определения содержания объекта уголовно-правовой охраны состава получения взятки (ст. 290 УК РФ): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-soderzhaniya-obekta-ugolovno-pravovoy-ohrany-sostava-polucheniya-vzyatki-st-290-uk-rf/viewer>. – Дата доступа: 19.04.2020.

⁵⁷⁶ Волженкин, Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики / Б. В. Волженкин. – СПб.: ЮридЦентрПресс, 2005. – С. 166.

⁵⁷⁷ Там же. С. 166.

⁵⁷⁸ Яни, П. С. Взяточничество: понятие и объект / П. С. Яни // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2016. – № 1. – С. 75.

⁵⁷⁹ Борков, В. Н. Взяточничество: объект и причиняемый вред / В. Н. Борков // Вестник СурГУ. – 2019. – Вып. 2(24). – С. 61.

-
- ⁵⁸⁰ См. напр.: Бабий, Н. А. Квалификация взяточничества: научное исследование белорусского и российского опыта / Н. А. Бабий. – Минск: Тесей, 2011. 859 с.
- ⁵⁸¹ Криминалистика: Краткая энциклопедия. ... С. 109.
- ⁵⁸² Волженкин, Б. В. Указ. соч. С. 166.
- ⁵⁸³ Особенности публичного управления в современной России : монография / [О. Г. Александров, Р. Р. Вафин, В. В. Запарий, Я. М. Злоченко и др.] ; под общ. ред. проф. Т. М. Резер. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 11.
- ⁵⁸⁴ Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ushakov/462768.html>. - Дата доступа: 23.04.2020.
- ⁵⁸⁵ Толковый словарь С. И. Ожегова / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://endic.ru/ozhegov/Upravlenie-37029.html>. – Дата доступа: 23.04.2020.
- ⁵⁸⁶ Энциклопедический словарь / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glosum.ru/Значение-слова-управление>. – Дата доступа: 23.04.2020.
- ⁵⁸⁷ Дубовицкий, В. Н. Исполнительная власть в республике Беларусь: понятие и система органов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://law.bsu.by/pub/31/Dubovitski_1.pdf. – Дата доступа: 22.04.2020.
- ⁵⁸⁸ Особенности публичного управления в современной России : монография. ... С. 14.
- ⁵⁸⁹ Там же. С. 16.
- ⁵⁹⁰ Там же. С. 16.
- ⁵⁹¹ Аппарат управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://btimes.ru/dictionary/apparat-upravleniya>. – Дата доступа: 23.04.2020.
- ⁵⁹² Шумак, Г. А. Криминалистический анализ должностных хищений / Г. А. Шумак // Право и демократия. – Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. – Мн., 1990. – С. 140.
- ⁵⁹³ Курицина, Е. Юридическое лицо как орудие преступлений / Е. Курицина // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – С. 42–43.
- ⁵⁹⁴ Шолохов, С. В. Коммерческая организация как орудие преступления / С. В. Шолохов // Следователь. – 2003. – № 6. – С. 13–14.
- ⁵⁹⁵ Висков, Н. В. Предметы преступления, орудия и средства его совершения в аспекте решения судьбы вещественных доказательств / Н. В. Висков // Российский следователь. – 2006. – № 3. – С. 2–4.
- ⁵⁹⁶ Архив суда Советского района г. Минска, уголовное дело № 1-57/17 за 2017 г.
- ⁵⁹⁷ Архив суда Советского района г. Минска, уголовное дело № 1-195/17 за 2017 г.

⁵⁹⁸ Изосимов, С. В. Предмет взяточничества: проблемы определения содержания / С. В. Изосимов, Э. А. Гейвандов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 4(16). – С. 56.

⁵⁹⁹ О судебной практике по делам о взяточничестве: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.06.2003, № 6: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3961&p0=S20300006>. – Дата доступа: 12.04.2020.

⁶⁰⁰ Грошев, А. В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики) / А. В. Грошев. – Краснодар: КубГАУ, 2008. – С. 20–21.

⁶⁰¹ Алексеев, И. А. Взятка: преступление и наказание / И. А. Алексеев // Налоговый учет для бухгалтера. – 2005. – №7. – С. 38.

⁶⁰² Пещеров, А. И. Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств / А. И. Пещеров // Юридическая мысль. – 2016. – Т. 95. – № 3. – С. 130–138; Мащенко, П. Л. Технология Блокчейн и ее практическое применение / П. Л. Мащенко, М. О. Пилипенко // Наука, техника, образование. – 2017. – № 32. – С. 61–64.

⁶⁰³ Хлус, А. М. Уголовно-правовой и криминалистический анализ предмета преступного посягательства, его отграничение от предмета преступления / А. М. Хлус // Актуальные вопросы экономики и управления на современном этапе развития общества: Сборник докладов по итогам IV Международной научно-практической интернет-конференции (Тула, 25 мая 2018 года) [Текст] / Под общ. редакцией к.э.н., доц. Ю. В. Киселевич. – Тула: Изд. ИЗУ ВПА, 2018. – С. 226.

⁶⁰⁴ Хасенова, А. Р. К вопросу о предмете взятки / А. Р. Хасенова // Правовая система Казахстана в условиях модернизации национального правосознания: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (23–24 нояб. 2018). – Караганда: КарГУ, 2018. – С. 497–498.

⁶⁰⁵ О государственной службе в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь № 204-З от 14.03.2003: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_gosudarstvennoj_sluzhbe/22.htm. – Дата доступа: 03.04.2020.

⁶⁰⁶ Лопашенко, Н. А. Взяточничество: проблемы квалификации / Е. А. Лопашенко // Правоведение. – 2001. – № 6. – С. 107.

⁶⁰⁷ Архив суда Партизанского района г. Минска, уголовное дело № 1-315/16 за 2016 год.

⁶⁰⁸ Лопашенко, Н. А. Указ. соч. С. 107.

⁶⁰⁹ Сычова, С. И. Квалификация предмета взятки: актуальные проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1232090>. – Дата доступа: 03.04.20.

⁶¹⁰ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 91.

-
- ⁶¹¹ Семенов, Д. А. Уголовно-правовая оценка подкупа: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д. А. Семенов. – М., 1999. – С. 87–88.
- ⁶¹² Хасенова, А. Р. Указ. соч. С. 498.
- ⁶¹³ Там же. С. 498.
- ⁶¹⁴ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 686.
- ⁶¹⁵ Яни, П. С. Выгоды имущественного характера как предмет взятки / П. С. Яни // Законность. – 2009. – №1. – С. 18.
- ⁶¹⁶ Козаченко, И. Я., Незнамова З. А., Новоселов Г. П. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. – М.: НОРМА–ИНФРА· М. – 1998. – С. 543.
- ⁶¹⁷ Лопашенко, Н. А. Указ. соч. С. 109.
- ⁶¹⁸ Грошев, А. В. Указ. соч. С. 59.
- ⁶¹⁹ Лопашенко, Н. А. Указ. соч. С. 108.
- ⁶²⁰ Криминалистика: Краткая энциклопедия. ... С. 109.
- ⁶²¹ Яблоков, Н. П. Криминалистика: Учебник / Н. П. Яблоков. – Москва, 2000. – С. 353.
- ⁶²² Курс криминалистики: в 3-х т. / Т. 3 Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений / под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. СПб., 2004. – 573 с.
- ⁶²³ Ермолович, В. Ф. Указ. соч. С. 238.
- ⁶²⁴ Кушниренко, С. П. Методика расследования взяточничества / С. П. Кушниренко // Курс криминалистики: в 3-х т. / Т. 3 Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений / В. А. Абаканова [и др.]; под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 485.
- ⁶²⁵ Гучок, А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. ... С. 53.
- ⁶²⁶ Там же. С. 75.
- ⁶²⁷ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 463.
- ⁶²⁸ Хомич, В. М., Бранчель, И. И. Указ. соч. С. 51.
- ⁶²⁹ Багаутдинов, Ф. Провокация граждан к даче взятки / Ф. Багаутдинов // Законность. – 2011. – №3. – С. 31.
- ⁶³⁰ Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: Конспект лекций / Н. А. Бабий. – Мн.: «Тесей», 2000. – С. 54–55.
- ⁶³¹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 75.
- ⁶³² Архив суда Партизанского района г. Минска, уголовное дело № 1-472/16 за 2016 г.
- ⁶³³ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск: Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос.ун-та, 2010. – С. 985.

-
- ⁶³⁴ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 587, 604.
- ⁶³⁵ Зорин, Г. А. Теоретические основы криминалистики / Г. А. Зорин. – Мн.: Амалфея. – 2000. – С. 64.
- ⁶³⁶ Крюков, В. Н. Оперативный эксперимент по делам о взяточничестве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. Н. Крюков. – Минск, 2010. – С. 52.
- ⁶³⁷ Колесниченко, А. Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А. Н. Колесниченко. – Харьков, 1967. – С. 16.
- ⁶³⁸ Герасимов, И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И. Ф. Герасимов. – Свердловск, 1975. – С. 173.
- ⁶³⁹ Баев, О. Я. Реальные следственные ситуации и их модели / О. Я. Баев, Н. Б. Баева // Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. Ташкент, 1984. – С. 41.
- ⁶⁴⁰ Драпкин, Л. Я. Основы теории следственных ситуаций / Л. Я. Драпкин. – Свердловск, 1987. – С. 17.
- ⁶⁴¹ Старостин, В. Е. Криминалистическая характеристика и следственная ситуация: соотношение понятий / В. Е. Старостин, В. В. Яровенко. – Криминалистические методы расследования преступлений: науч. издание. – Тюмень. – 1994. – С. 50.
- ⁶⁴² Хлус, А. М. Ситуационный подход к расследованию взяточничества: проблемы и пути их решения / А. М. Хлус // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 2. – С. 138–145.
- ⁶⁴³ Яблоков, Н. П. Криминалистика / Н. П. Яблоков. – М., 2000. – 384 с. С. 21.
- ⁶⁴⁴ Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. / Р. С. Белкин. – М., 1997. – С. 134–135.
- ⁶⁴⁵ Яблоков, Н. П. Указ. соч. С. 24.
- ⁶⁴⁶ Криминалистика: учеб. для вузов / И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко и др.; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. – М., 1994. – С. 42–55.
- ⁶⁴⁷ Зорин, Г. А. Теоретические основы криминалистики / Г. А. Зорин. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 105–116.
- ⁶⁴⁸ Бурнашев, Н. А. Следственные ситуации в методике расследования преступлений / Н. А. Бурнашев // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений: межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск, 1985. – С. 21.
- ⁶⁴⁹ Бурнашев, Н. А. Указ соч. С. 21.
- ⁶⁵⁰ Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. ... С. 117.
- ⁶⁵¹ Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. ... С. 143–144.

-
- ⁶⁵² Аверьянова, Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; под ред. Р. С. Белкина. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА · М., 1999. – С. 503.
- ⁶⁵³ Копылов, И. А. Следственная ситуация и тактическое решение: учеб. пособие / И. А. Копылов. – Волгоград, 1988. – С. 3–6.
- ⁶⁵⁴ Волчецкая, Т. С. Криминалистическая ситуалогия : монография / Т. С. Волчецкая. – Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. – С. 17.
- ⁶⁵⁵ Зорин, Г. А. Указ. соч. С. 63.
- ⁶⁵⁶ Крюков, В. Н. Указ. соч. С. 95–98.
- ⁶⁵⁷ Архив суда Центрального района г. Минска, уголовное дело № 1-502/06 за 2006 г.
- ⁶⁵⁸ Лашко, Н. Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. Н. Лашко. – М., 2001. – С. 153.
- ⁶⁵⁹ Яблоков, Н. П. Криминалистика: Учебник. ... С. 21.
- ⁶⁶⁰ Аверьянова, Т. В. Криминалистика : учебник для вузов... С. 503.
- ⁶⁶¹ Степаненко, Р. А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р. А. Степаненко. – Улан-Удэ, 2015. – С. 156–158.
- ⁶⁶² О судебной практике по делам о взяточничестве: постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-77/2003-77\(042-050\).pdf&oldDocPage=1](https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-77/2003-77(042-050).pdf&oldDocPage=1). – Дата доступа: 05.11.2020.
- ⁶⁶³ Архив суда Партизанского района г. Минска, уголовное дело № 1-201/16 за 2016 год.
- ⁶⁶⁴ Архив суда Партизанского района г. Минска, уголовное дело № 1-78/17 за 2017 год.
- ⁶⁶⁵ Архив суда Партизанского района г. Минска, уголовное дело № 1-321/17 за 2017 год.
- ⁶⁶⁶ Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики: Учебник / Под ред. В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубина. – Ниж. Новгород, 1995. – С. 147.
- ⁶⁶⁷ Яблоков, Н. П. Криминалистика: Учебник. ... С. 355.
- ⁶⁶⁸ Тонкий, Е. С. О типичных следственных ситуациях по уголовным делам о незаконном предпринимательстве / Е. С. Тонкий // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. // сост. А. А. Тушев; под ред. В. Д. Зеленского. – Краснодар: КубГАУ, 2014. – С. 328.
- ⁶⁶⁹ Хомич, В. М., Бранчель, И. И. Указ. соч. С. 182.
- ⁶⁷⁰ Хлус, А. М. Теоретические и практические аспекты задержания взяточника с поличным / А. М. Хлус // Библиотека криминалиста. Научный

журнал. – 2017. – № 3. – С. 206–217; Хлус, А. М. Тактическая операция «задержание с поличным» и ее особенности при раскрытии и расследовании взяточничества / А. М. Хлус // Законность и правопорядок. Научно-практический журнал. – 2018. – № 1(45). – С. 59–63.

⁶⁷¹ Криминалистика: Краткая энциклопедия. ... С. 12.

⁶⁷² Баев, О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. ... С. 117.

⁶⁷³ Ищенко, Е. П. Криминалистика. 2-е изд. / Е. П. Ищенко. – М.: ООО «Проспект», М., 2014. – 351 с.

⁶⁷⁴ Ермолович, В. Ф. Построение и проверка версий / В. Ф. Ермолович, М. В. Ермолович. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 8.

⁶⁷⁵ Хлус, А. М. Следственные ситуации и версии при расследовании взяточничества / А. М. Хлус // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы V Международной научно-практической конференции, 24–25 апреля 2019 г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 127–129.

⁶⁷⁶ Метры «элиты» // Аргументы и факты в Белоруссии. – № 49. – 2015. – С. 4.

⁶⁷⁷ Ануфриева, Е. А. Указ. соч. С. 392–210; Подольный, Н. А. Некоторые проблемы расследования коррупционных преступлений / Н. А. Подольный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – № 1. – 2012. – С. 197–206.

⁶⁷⁸ Криминалистика: Краткая энциклопедия. ... С. 82.

⁶⁷⁹ Дулов, А. В. Тактические операции при расследовании преступлений / А. В. Дулов. – Мн.: Университетское, 1979. – С. 44.

⁶⁸⁰ Криминалистика. Учебник / Под ред. Л. Я. Драпкина. – М., 2013. – С. 259.

⁶⁸¹ Криминалистика: учебное пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. – Минск: ИП «Экоперспектива», 1998. – С. 394.

⁶⁸² Оперативно-розыскная деятельность: Учебник / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 315.

⁶⁸³ Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» / И. И. Басецкий и [и др.]. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2001. – С. 15.

⁶⁸⁴ Хлус, А. М. Оперативно-розыскная и тактическая операции: соотношение понятий и проблемы проведения при задержании взяточника с поличным / А. М. Хлус // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики [Электронный ресурс] : сборник статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: Ю. А. Матвейчев (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2017. – С.152–160.

⁶⁸⁵ Хлус, А. М. Криминалистика: курс интенсив. подготовки / А. М. Хлус. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – С. 112.

⁶⁸⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа: 25.08.2020.

⁶⁸⁷ Хлус, А. М. Проблемы проведения и содержание тактической операции по задержанию взяточника с поличным / А. М. Хлус // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: Сборник научных трудов. – Выпуск № 1/41 / Государственный комитет судебных экспертиз. – Минск: Право и экономика, 2017. – С. 105.

⁶⁸⁸ Архив суда Центрального района г. Минска, уголовное дело № 1-453/06 за 2006 г.

⁶⁸⁹ Об обращениях граждан и юридических лиц : Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11100300>. – Дата доступа: 25.08.2020.

⁶⁹⁰ В действующем законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 июля 2015 г. «контроль в сетях электросвязи» объединяет собой два ранее самостоятельных ОРМ: «прослушивание телефонных разговоров» и «снятие информации с технических каналов связи».

⁶⁹¹ Бачила, В. В. Оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент»: теория и практика / В. В. Бачила // Судовы веснік. – 2007. – № 3. – С. 55.

⁶⁹² Грицаев, С. И. Некоторые аспекты организации расследования взяточничества / С. И. Грицаев, В. В. Помазанов, И. В. Радевич // Организационно-методические проблемы расследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. Д. Зеленский. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 101.

⁶⁹³ Там же. С. 101.

⁶⁹⁴ Там же. С. 102.

⁶⁹⁵ Зорин, Г. А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий: автореф. дис. д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г. А. Зорин. – М., 1991. – С. 18.

⁶⁹⁶ Хлус, А. М. Теоретические и практические аспекты задержания взяточника с поличным / А. М. Хлус // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 206–217.

⁶⁹⁷ Хлус, А. М. Особенности тактики первоначальных следственных действий по делам о вымогательстве (по материалам следственных органов Российской Федерации и Республики Беларусь) / А. М. Хлус // Российский следователь. – 2021. – № 3. – С. 76. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-3-76-80

-
- ⁶⁹⁸ Долинин, В. Н. Особенности тактической операции «задержание с поличным» при расследовании взяточничества / В. Н. Долинин // Российский юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 175–176.
- ⁶⁹⁹ Хлус, А. М. Расследование взяточничества / А. М. Хлус. – Минск: НО ООО «БИП-С», 2004. – С. 16.
- ⁷⁰⁰ Журавлев, С. Ю. Расследование экономических преступлений / С. Ю. Журавлев. – М.: Юрлитинформ, 2005. – С. 352.
- ⁷⁰¹ Там же. С. 352.
- ⁷⁰² Методика расследования коррупционных преступлений: Научно-практическое пособие. ... С. 72–73.
- ⁷⁰³ Архив суда Центрального района г. Минска, уголовное дело № 1-220/07 за 2007 г.
- ⁷⁰⁴ Баев, О. Я. Задержание с поличным по делам о взяточничестве: три проблемы / О. Я. Баев // Общество и право. – 2007. – № 3 (17). – С. 49; Белокобыльская, О. И. Специфика производства отдельных следственных действий при расследовании взяточничества / О. И. Белокобыльская // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 2. – Ч. 3. – С. 39.
- ⁷⁰⁵ Хлус, А. М. Организационные и тактические особенности первоначального этапа расследования вымогательств / А. М. Хлус. – Минск: ИСЗ, 2002. – С. 53.
- ⁷⁰⁶ Жук, А. В. Алгоритм осмотра места происшествия при задержании взятополучателя с поличным в условиях проведения оперативного эксперимента : методическое пособие / А. В. Жук, А. В. Солтанович, А. Е. Гучок. – Минск : Харвест, 2013. – С. 14.
- ⁷⁰⁷ Шабанов, В. Б. Организационные и правовые проблемы предупреждения и раскрытия преступлений в исправительных учреждениях: монография / В. Б. Шабанов. – Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2001. – С. 127.
- ⁷⁰⁸ Хлус, А. М. Тактические особенности осмотра места происшествия при раскрытии и расследовании получения взятки / А. М. Хлус // Эпомен. – 2021. – № 53. – С. 210–223.
- ⁷⁰⁹ Журавлев, С. Ю. Указ. соч. С. 293.
- ⁷¹⁰ Халиков, А. Н. Следственные действия по делам о должностных преступлениях: система, характеристика, тактика / А. Н. Халиков. – М.: Юрлитинформ, 2008. – С. 78.
- ⁷¹¹ Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел / Под ред. Т. В. Аверьяновой и В. Ф. Статкуса. – М.: КноРус, Право и закон, 2003. – С. 165.
- ⁷¹² Там же. С. 166–167.
- ⁷¹³ Журавлев, С. Ю. Указ. соч. С. 367.
- ⁷¹⁴ Халиков, А. Н. Указ. соч. С. 178.
- ⁷¹⁵ Там же. С. 178.
- ⁷¹⁶ Жук, А. В., Солтанович, А. В., Гучок, А. Е. Указ. соч. С. 26.

-
- ⁷¹⁷ Там же. С. 27.
- ⁷¹⁸ Журавлев, С. Ю. Указ. соч. С. 296.
- ⁷¹⁹ Там же. С. 364–365.
- ⁷²⁰ Жук, А. В., Солтанович, А. В., Гучок, А. Е. Указ. соч. С. 20–21.
- ⁷²¹ Там же. С. 21.
- ⁷²² Банникова, А. А. Ведение общего хозяйства как юридический факт / А. А. Банникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 19(200). – Право. Вып. 24. – С. 39.
- ⁷²³ Глазырин, Ф. В. Психология следственных действий: Учеб. пособие для вузов МВД / Ф. В. Глазырин. – Волгоград, 1983. – С. 58.
- ⁷²⁴ Дулов, А. В. Судебная психология. Изд. 2-е испр. и доп. / А. В. Дулов. – Минск, «Вышэйшая школа», 1975. – С. 317–318.
- ⁷²⁵ Там же. С. 319.
- ⁷²⁶ Там же. С. 319.
- ⁷²⁷ Васильев, А. Н. Тактика допроса при расследовании преступлений / А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева. – М., 1970. – С. 95.
- ⁷²⁸ Порубов, Н. И. Семинары по криминалистике : Учеб.-метод. пособие / Н. И. Порубов, А. А. Закатов. – Минск: «Вышэйшая школа» 1984. – С. 94–96.
- ⁷²⁹ Аверьянова, Т. В. Криминалистика. Учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина... С. 615.
- ⁷³⁰ Гинзбург, А. Я. Тактика предъявления для опознания / А. Я. Гинзбург. – М., 1971. – С. 20.
- ⁷³¹ Оперативно-розыскная деятельность: Учебник. ... С. 315.
- ⁷³² Оперативно-розыскная деятельность: пособие для студентов вузов / И. И. Бранчель [и др.]; под ред. А. И. Шведа. – Минск: Тетралит, 2014. – С. 160.
- ⁷³³ Бибило, В. Н. Корреляция оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности / В. Н. Бибило // Инновационное развитие и структурная перестройка экономики: правовой и организационно-экономический механизм: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 апреля 2011 г.: в 2 ч. / Частн. ин-т упр. и предпр.; редкол.: В. Ф. Медведев [и др.]. – Минск, 2011. – Ч. 2. – С. 200.
- ⁷³⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500307&p1=1>. – Дата доступа: 25.08.2020.
- ⁷³⁵ Хомич, В. М., Бранчель, И. И. Указ. соч. С. 181.
- ⁷³⁶ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 740.
- ⁷³⁷ Тукало, А. Н., Родевич В. Ч. Сущность и направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности / А. Н. Тукало, В. Ч. Родевич. – Минск: Акад. МВД, 2013. – С. 43.

- ⁷³⁸ Грошев, А. В. Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа / А. В. Грошев // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / сост. А. А. Тушев; под ред. В. Д. Зеленского. Краснодар : КубГАУ, 2014. – С. 21.
- ⁷³⁹ Хомич, В. М., Бранчель, И. И. Указ. соч. С. 169.
- ⁷⁴⁰ Архив суда Советского района г. Минска, уголовное дело № 1-92/16 за 2016 г.
- ⁷⁴¹ Архив суда Советского района г. Минска, уголовное дело № 1-195/17 за 2017 г.
- ⁷⁴² Гуня, В. И. Проблемы, возникающие в деятельности оперативных подразделений при выявлении и раскрытии взяточничества / В. И. Гуня // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – № 9. – С. 107.
- ⁷⁴³ Бибило, В. Н. Указ. соч. С. 201.
- ⁷⁴⁴ Овчинский, С. С. Оперативно-розыскная информация / Под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 60.
- ⁷⁴⁵ Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» / И. И. Басецкий и [и др.]. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2001. – С. 15.
- ⁷⁴⁶ Пивоварчик, А. В. Правовое регулирование прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью / А. В. Пивоварчик // Судовы веснік. – 1998. – № 3. – С. 56–57.
- ⁷⁴⁷ Бачила, В. В. Особенности осуществления прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел / В. В. Бачила // Проблемы криминалистики: Сб. науч. тр. / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Г. Н. Мухин. – Мн.: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – Вып. 2. – С. 159.
- ⁷⁴⁸ Рубис, А. С. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью / А. С. Рубис. – Мн.: БГУ, 2005. – С. 196.
- ⁷⁴⁹ Швед, А. И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела / А. И. Швед // Законность и правопорядок. – 2007. – № 1. – С. 36–39.
- ⁷⁵⁰ Белкин, Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств / Р. С. Белкин. – М., 1966. – С. 38–39.
- ⁷⁵¹ Васильев, А. Н. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А. Н. Васильев, Н. П. Яблоков. – М., 1984. – С. 48–55.
- ⁷⁵² Шейфер, С. А. Структура собирания доказательств / С. А. Шейфер // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. – Калининград, 1982. – С. 44–45.
- ⁷⁵³ Шейфер, С. А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу / С. А. Шейфер // Государство и право. – 1997. – № 9. – С. 58.

⁷⁵⁴ Бедняков, Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д. И. Бедняков. – М., 1991. – С. 12–84.

⁷⁵⁵ Кореневский, Ю. В. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / Ю. В. Кореневский // Под ред. В. А. Власихина. М., 2000. – С. 36–140.

⁷⁵⁶ Доля, Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М., 1996. – С. 67–85.

⁷⁵⁷ Хлус, А. М. Взаимодействие следователя с оперативными работниками в целях использования результатов (материалов) их деятельности в уголовном процессе / А. М. Хлус // Кафедра организации расследования преступлений Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.corp-lguvd.lg.ua/d130701.html>.

⁷⁵⁸ Там же.

⁷⁵⁹ Криминалистика : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г. Н. Мухина; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – С. 282–285.

⁷⁶⁰ Белкин, А. Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие / А. Р. Белкин. – М.: Издательство НОРМА, 1999. – С. 12–13.

⁷⁶¹ Слово «легализовать» означает перевести на легальное, законно оформленное положение: см. Ожегов С. И. Словарь русского языка. ... С. 258.

⁷⁶² Доля, Е. А. Указ. соч. С. 94–97.

⁷⁶³ Михайлов, В. И. Противодействие легализации «грязных» доходов: правовые и организационные формы / В. И. Михайлов, Е. З. Трошкин, А. Л. Баньковский. – Мн.: «Тесей», 2001. – С. 139.

⁷⁶⁴ См.: Хлус, А. М. Права и свободы граждан в сфере оперативно-розыскной деятельности и судебные гарантии их соблюдения / А. М. Хлус // Судовы веснік. – 2012. – № 2. – С. 77–80.

⁷⁶⁵ Селезнев, М. Законность в оперативно-розыскной деятельности / М. Селезнев // Российская юстиция. – 1994. – № 3. – С. 15.

⁷⁶⁶ Зажицкий, В. И. Новый закон об оперативно-розыскной деятельности более совершенен / В. И. Зажицкий // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 62.

⁷⁶⁷ Хлус, А. М. Этапы легализации материалов оперативно-розыскной деятельности в процессе расследования уголовных дел / А. М. Хлус // Вести Института современных знаний. – 2002. – № 3–4. – С. 30–36; Хлус, А. М. Этапы легализации в уголовном процессе материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности / А. М. Хлус // Право и демократия: сб. науч. тр. / Редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) и др. Минск: БГУ, 2003. – Вып. 14. – С. 316.

⁷⁶⁸ Бибило, В. Н. Указ. соч. С. 201.

⁷⁶⁹ Действующий Закон об ОРД 2015 г. предусматривает два варианта действий с материалами ОРД: представление и предоставление. Представление означает ознакомление следователя с содержанием информации, содержащейся в материалах ОРД. Предоставление предполагает передачу материалов ОРД следователю с правом распоряжаться ею в соответствии с законодательством.

⁷⁷⁰ Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс. Учебно-практическое пособие. М., 2002. – С. 11.

⁷⁷¹ Грицаев, С. И. Некоторые аспекты организации расследования взяточничества / С. И. Грицаев, В. В. Помазанов, И. В. Радевич // Организационно-методические проблемы расследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. Д. Зеленский. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 102.

⁷⁷² Там же. С. 102.

⁷⁷³ Бибило, В. Н. Указ. соч. С. 202.

⁷⁷⁴ Бачила, В. В. Указ. соч. С. 167.

⁷⁷⁵ Рубис, А. С. Указ. соч. С. 184; Щвед, А.И. Указ. соч. С. 39.

⁷⁷⁶ Бачила, В. В. Указ. соч. С. 160.

⁷⁷⁷ Танкевич, О. В. Отдельные вопросы деятельности оперативно-розыскных подразделений по взаимодействию со следствием при раскрытии и расследовании преступлений / О. В. Танкевич // Проблемы правоприменительной деятельности в Республике Беларусь: Материалы респ. науч. Конф., 28–29 марта 2003 г., Гродно. В 2-х ч. Ч. 2. / Отв. ред. Р. Н. Ключко. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 119.

⁷⁷⁸ Хлус, А. М. Условия и порядок легализации материалов ОРД в доказывании по уголовным делам / А. М. Хлус // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сбор. науч. трудов / редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск: БГУФК, 2010. – С. 308–318.

⁷⁷⁹ Дворкин, А. И. Расследование похищения человека: Методическое пособие / А. И. Дворкин [и др.]. – М., 2000. – С. 94.

⁷⁸⁰ Матюк, А. В. Особенности взаимодействия следователя с органом дознания при раскрытии и расследовании преступлений против порядка осуществления экономической деятельности (по законодательству Республики Беларусь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: yberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-sledovatelya-s-organom-doznaniya-pri-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy-protiv-poryadka. – Дата доступа: 14.02.2021.

⁷⁸¹ Волынский, А. Ф. Уроки исторического опыта использования опыта других стран в борьбе с преступностью / А. Ф. Волынский // Общество и право. – 2016. – № 3 (57). – С. 138–142.

⁷⁸² Матюк, А. В. Указ. соч.

⁷⁸³ О Следственном комитете Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 13 июля 2013 г. № 403-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200403>. – Дата доступа: 11.12.2020.

⁷⁸⁴ Об органах внутренних дел Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700263>. – Дата доступа: 11.12.2020.

⁷⁸⁵ Об органах государственной безопасности Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 390-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200390>. – Дата доступа: 11.12.2020.

⁷⁸⁶ Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства: постановление Генеральной прокуратуры, СК, МВД, МЧС, Министерства обороны, КГК, КГБ, ГПК, ГТК и ГКСЭ Республики Беларусь от 26.12.2016 № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24 // Нормативные правовые акты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://do.kii.gov.by/mod/folder/view.php?id=3400>. – Дата доступа 14.12.2020.

⁷⁸⁷ Хлус А. М. Взаимодействие следователя с оперативными работниками в целях использования результатов (материалов) их деятельности в уголовном процессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/50857>. – Дата доступа: 11.02.2020.

⁷⁸⁸ Зеленский, В. Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений: монография / В. Д. Зеленский. – Краснодар: КубГАУ. – 2011. – С. 123.

⁷⁸⁹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 605.

⁷⁹⁰ Криминалистика : учебник / под ред. Г. Н. Мухина. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – С. 282–285.

⁷⁹¹ Грицаев, С. И., Помазанов, В. В., Радевич, И. В. Указ. соч. С. 102.

⁷⁹² Хлус, А. М. Особенности взаимодействия следователя и органов дознания при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений / А. М. Хлус // Эпомен. Научный журнал. – 2020. – № 50. – С. 297–309.

⁷⁹³ Дулов, А. В. Тактика следственных действий / А. В. Дулов, П. Д. Нестеренко. – Мн.: Изд-во «Вышэйшая школа», 1971. – С. 168–169.

⁷⁹⁴ Янушко, В. И. Криминалистические проблемы задержания подозреваемого в совершении преступления: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. И. Янушко. – Минск, 1984. – С. 87–88.

⁷⁹⁵ Гапанович, Н. Н. Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений / Н. Н. Гапанович, И. И. Мартинович. – Мн., 1983. – С. 71.

⁷⁹⁶ Зорин, Г. А. Криминалистическая методология / Г. А. Зорин. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 87.

⁷⁹⁷ Инструкция о порядке оформления, предоставления, представления материалов оперативно-розыскной деятельности, органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность : утв. постановлением МВД, КГБ, ГПК, СБ, ОАЦ, КГК, ГТК, Минобороны, СК, Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь от 14.01.2016 № 8 дсп/4 дсп/1дсп/6дсп/5дсп/1дсп/1дсп/10дсп/2дсп.

⁷⁹⁸ Хлус, А. М. Проблемы проведения и содержание тактической операции при расследовании коррупционных преступлений / А. М. Хлус // Современные проблемы права и управления. 7-я Международная научная конференция [Текст]: сб. докладов. / Институт законоведения и управления ВПА. – Вып. 7. Тула: ООО «Суворовская типография», 2017. – С. 203–208. С. 203.

⁷⁹⁹ Рубис А. С. Деятельность прокуратуры в борьбе с преступностью (на этапе выявления преступлений) / А. С. Рубис. – Минск : БГУ, 2005. – С. 66–73.

⁸⁰⁰ Хлус, А. М. Особенности взаимодействия следователя и органов дознания при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений / А. М. Хлус // Эпомен. Научный журнал. – 2020. – № 50. – С. 308.

⁸⁰¹ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – С. 534.

⁸⁰² Криминалистика: Краткая энциклопедия / Авт.-сост. Р. С. Белкин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – С. 108–109.

⁸⁰³ Аверьянова, Т. В. Криминалистика: учебник для вузов / под общ. ред. Р. С. Белкина. ... С. 1.

⁸⁰⁴ Там же. С. 1.

⁸⁰⁵ Дулов, А. В. Формирование целей – необходимое условие развития криминалистики / А. В. Дулов // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; редкол.: Г. Н. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – Вып. 6. – С. 9.

⁸⁰⁶ Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М), 2001. – С. 52; Криминалистика: учеб. пособие для вузов / А. В. Дулов [и др.]; под общ. ред. А. В. Дулова. – Минск: НКФ «Экоперспектива», 1996. – С. 4–5; Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]; под общ. ред. Р. С. Белкина. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М., 1999. – С. 52; Курс криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В. Е. Корноухов. – М.: Юрист, 2000. – С. 7–28.

⁸⁰⁷ Аверьянова, Т. В. Криминалистика: учебник для вузов... С. 52.

⁸⁰⁸ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 48.

⁸⁰⁹ Криминология: словарь / под общей ред. В. П. Сальникова. Серия «Учебники для вузов, специальная литература. – СПб.: Издательство «Лань»; Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 1999. – С. 81.

⁸¹⁰ См. напр.: Криминалистика: учеб. пособие для вузов / А. В. Дулов [и др.]; под общ. ред. А. В. Дулова. – Минск: НКФ «Экоперспектива», 1996. – С. 69–87; Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]; под общ. ред. Р. С. Белкина. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М., 1999. – С. 32–42; Андреев, И. С. Криминалистика: учеб. пособие для вузов / И. С. Андреев, Г. И. Грамович, Н. И. Порубов; под ред. Н. И. Порубова. – Минск: Выш. шк., 1997. – С. 10; Яблоков, Н. П. Криминалистика / Н. П. Яблоков. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М., 2000. – С. 4–6.

⁸¹¹ Климова, Е. И. К вопросу о функциях криминалистики / Е. И. Климова // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30 июня 2010 г.) / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; под ред. В. Б. Шабанова. – Минск : Акад. МВД, 2010. – С. 79.

⁸¹² Дулов, А. В. Формирование целей – необходимое условие развития криминалистики. ... С. 7.

⁸¹³ Рубис, А. С. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью / А. С. Рубис. – Мн.: БГУ, 2005. – С. 149.

⁸¹⁴ Справочное пособие криминалиста, судьи, прокурора, следователя / авт.-сост. А. С. Рубис, Д. В. Исютин-Федотков. – Минск, 2007. – С. 387.

⁸¹⁵ Хлус, А. М. Криминалистический характер целей правоохранительной деятельности в сфере противодействия преступности / А. М. Хлус // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: Сборник научных трудов. Выпуск 1/29 / ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь». – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 77–81.

⁸¹⁶ Криминалистика: учебник для вузов / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – С. 6–7.

⁸¹⁷ Белкин, А. Р. Теория доказывания. ... С. 270.

⁸¹⁸ Криминалистика: учебник для вузов / Отв. ред. Н. П. Яблоков. ... С. 7.

⁸¹⁹ Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Республики Беларусь от 04 января 2014 г. № 122-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/H11400122_1389733200.pdf. – Дата доступа: 27.01.2021; Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-64/2003-64\(009-034\).pdf&oldDocPage=1](https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-64/2003-64(009-034).pdf&oldDocPage=1). – Дата доступа: 27.01.2021.

⁸²⁰ Шабанов, В. Б. Организационные и правовые проблемы предупреждения и раскрытия преступлений в исправительных учреждениях: монография / В. Б. Шабанов. – Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2001. – С. 86.

⁸²¹ Аникеева, Н. А. Реализация криминологического прогнозирования в предупреждении преступности : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. А. Аникеева. – Минск, 2011. – 170 л.

⁸²² Анищенко, И. А. Теория и практика предупреждения преступлений с использованием научно-технических средств и методов : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09/ И. А. Анищенко. – Минск, 2004. – 127 л.

⁸²³ Басецкий, И. И. Коррупция: теория и практика противодействия: монография / И. И. Басецкий, А. В. Башан. – Мн.: Акад. МВД Республики Беларусь, 2005. – 567 с.

⁸²⁴ Берестень, В. И. Коррупция и ее общественная опасность / В. И. Берестень. – Мн.: РИВШ, 2006. – 166 с.

⁸²⁵ Бибило, В. Н. Преподавание советского права – одна из форм правового воспитания студентов естественных факультетов университета / В. Н. Бибило // Актуальные вопросы совершенствования воспитательной работы и профилактики правонарушений среди студенчества: Тезисы докладов Респ. науч.-метод. конф. 24–25 марта 1988 г. / Мин-во высш. и средн. спец. образов. БССР. Минск, 1988. – С. 79–81; Бибило, В. Н. Уголовно-процессуальные аспекты профилактики правонарушений / В. Н. Бибило // Проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях и подготовки кадров для системы МВД: Тезисы матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 9–10 апреля 1998 г.) / Под ред. И. И. Басецкого. Ч. 2. – Минск: Академия МВД РБ, 1998. – С. 93–94.

⁸²⁶ Василевич, Г. А. Противодействие коррупции / Г. А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2015. – 138 с.

⁸²⁷ Веренчиков, И. Р. Профилактическая деятельность следователя (криминалистический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. Р. Веренчиков. – Минск, 1990. – 147 л.; Веренчиков, И. Р. Профилактическая деятельность следователя как элемент системы безопасности государства / И. Р. Веренчиков // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее: сборник научных трудов, посвящённых 90-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А. В. Дулова / редкол. : Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Бизнесофсет, 2014. – С. 163–169 и др.

⁸²⁸ Григорович, В. Л. Голография в криминалистике / В. Л. Григорович, Г. В. Федоров // Под ред. Г. В. Федорова. – Минск: Амалфея, 2003. – 192 с.; Григорович, В. Л. Причины подростковой наркомании // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков: материалы XVI междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 18–19 апр. 2013 г.): в 2 ч. / отв.

ред. И. А. Медведев; СибЮИ ФСКН России. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013. – Ч. 1. – С. 150–154.

⁸²⁹ Гучок, А. Е. Криминалистическая структура преступления как основа теории криминалистической профилактики / А. Е. Гучок, И. Р. Веренчиков // Право Беларуси. – № 14 (86). – 2004. – С. 45–53.

⁸³⁰ Дулов, А. В. Профилактическая функция юридической психологии / А. В. Дулов, И. Р. Веренчиков // Право и демократия: Сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; Редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) и др. – Минск: Право и экономика, 1998. – Вып. 9. – С. 278–286.

⁸³¹ Клим, А. М. Взятничество: криминологическая характеристика и предупреждение : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. М. Клим. – Минск, 2013. – 221 л.

⁸³² Коляго, В. В. Административно-правовое регулирование профилактики правонарушений и ее обеспечение милицией общественной безопасности : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / В. В. Коляго. – Минск, 2011. – 181 л.

⁸³³ Шабанов, В. Б. Теоретико-правовые аспекты в сфере предупреждения преступлений / В. Б. Шабанов, В. С. Красиков // Вестник института : науч.-практ. журн. Вологодского института права и экономики ФСИН России. – 2015. – № 28. – С. 22–25.

⁸³⁴ Михайловская, Ю. В. Мошенничество в товарно-кредитной сфере: криминологическая характеристика и профилактика : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. В. Михайловская. – Минск, 2018. – 183 л.

⁸³⁵ Рубис, А. С. Указ. соч. С. 62.

⁸³⁶ Хомич, В. М. О координации и профилактико-реабилитационных технологиях в системе ювенальной юстиции / В. М. Хомич // Юстиция Беларуси. – 2005. – № 2. – С. 29–32.

⁸³⁷ Шабанов, В. Б. Проблемы профилактической работы с осужденными «отверженными»: теория и практика / В. Б. Шабанов // Информ. бюллетень М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – С. 83–88; Шабанов В. Б. Проблемы предупреждения и профилактики в сфере противодействия преступности: теоретико-правовые аспекты / В. Б. Шабанов, В. С. Красиков // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т ; редкол.: С. Ю. Солодовников (предис.) [и др.]. – Минск : БНТУ, 2014. – Вып. 2. – С. 358–363; Шабанов, В. Б. Теоретико-правовые аспекты профилактики и предупреждения в сфере противодействия преступности / В. Б. Шабанов, В. С. Красиков // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 4 апр. 2013 г.) / М-во внутрен. дел. Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутрен. дел. Респ. Беларусь» ; редкол.: Шабанов В. Б. (отв. ред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 245–246; Шабанов, В. Б. Профилактика противоправного поведения несовершеннолетних / В. Б. Шабанов, Н. В. Кочерова // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного

права, криминологии и исполнения наказаний : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 мая 2015 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2015. – С. 217–222; Шабанов, В. Б. Значение условий в преступной деятельности (на примере коррупционных преступлений) / В. Б. Шабанов, В. С. Красиков // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2020. – № 1. – С. 79–86.

⁸³⁸ Шаркова, Е. А. Предупреждение формирования и криминализации личности несовершеннолетнего преступника : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Шаркова. – Минск, 2016. – 200 л.

⁸³⁹ Шиенок, В. П. Методологические вопросы предупреждения и расследования преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних / В. П. Шиенок, П. Л. Боровик // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2015. – № 1. – С. 99–105; Шиенок, В. П. Методологические вопросы предупреждения и расследования преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних (окончание) / В. П. Шиенок, П. Л. Боровик // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 69–73; Шиенок, В. П. Проблемы правового воспитания молодежи в современных условиях / В. П. Шиенок // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2010. – № 1. – С. 209–213.

⁸⁴⁰ Шумак, Г. А. Защитные функции бухгалтерского учета в контексте интеграции экономико-криминалистических исследований / Г. А. Шумак // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 19 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) и др. Минск: БГУ, 2008. – С. 305–314.

⁸⁴¹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 472.

⁸⁴² Кобец, П. Н. Развитие теории предупреждения правонарушений – основа совершенствования организации борьбы с преступностью / П. Н. Кобец // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / сост. А. А. Тушев; под ред. В. Д. Зеленского. – Краснодар : КубГАУ, 2014. – С. 54.

⁸⁴³ Криминология / Под ред. В. Н. Бурлакова и В. П. Сальникова. СПб., 1998. – С. 183.

⁸⁴⁴ Дулов, А. В., Веренчиков, И. Р. Профилактическая функция юридической психологии. ... С. 278.

⁸⁴⁵ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 510.

⁸⁴⁶ Криминология: Словарь / Под общей ред. В. П. Сальникова. – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – С. 62.

⁸⁴⁷ Швед, А. Коррупция по стране... стабильная / А. И. Швед // Аргументы и факты. – 2012. – 5 дек. – № 49. – С. 2.

⁸⁴⁸ Берестень, В. И. Указ. соч. С. 87.

⁸⁴⁹ Хлус, А. М. Коррупционные риски в сфере образования, пути их выявления и устранения / А. М. Хлус // Законность и правопорядок. Правовой научно-практический журнал. – 2013. – № 2. – С. 39.

⁸⁵⁰ Хлус, А. М. Криминалистические методы в системе мер противодействия преступной деятельности в сфере экономики / А. М. Хлус // Правовые средства обеспечения развития экономики Республики Беларусь: Матер. междунар. науч.-практ. конференции. Минск, 9–10 ноября 2007 г. / Ред. колл.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2008. – С. 40–42.

⁸⁵¹ Кодекс Республики Беларусь об образовании: Кодекс Республики Беларусь от 13 янв. 2011 г. № 243-3: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243>. – Дата доступа: 25.08.2020.

⁸⁵² Хлус, А. М. Воспитание как основа профилактики коррупции и взяточничества / А. М. Хлус // VI Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Том II: 2 октября 2020 г. / сост. В. А. Овченков. – Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2020. – С. 214.

⁸⁵³ Взятка в гимназии: прокурор попросил не лишать Бондаренко свободы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik.by/society/20161117/1026115635/vzyatka-v-gimnazii-prokuror-poprosil-ne-lishat-bondarenko-svobody.html>. – Дата доступа: 25.08.2020.

⁸⁵⁴ О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи: Указ Президента Республики Беларусь от 01.07.2005 № 300 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=P30500300>. – Дата доступа: 25.08.2020.

⁸⁵⁵ Об утверждении положения о совете учреждения образования: постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 18 июля 2011г., № 84: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W21124039>. – Дата доступа: 25.08.2020; Об утверждении положений о педагогическом совете учреждения общего среднего образования и родительском комитете учреждения общего среднего образования: постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 28 июня 2011г., № 47: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-obshchego-srednego-doshkolnogo-i-spetsialnogo-obrazovaniya/srennee-obr/normativnye-pravovye-dokumenty/postanovleniya/6.%2047.pdf>. – Дата доступа: 25.08.2020; Об утверждении положения о попечительском совете учреждения образования: постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 25 июля 2011г., № 146: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-obshchego-srednego-doshkolnogo-i-spetsialnogo-obrazovaniya/srennee-obr/normativnye-pravovye-dokumenty/postanovleniya/5.%20146.pdf>. – Дата доступа: 25.08.2020.

⁸⁵⁶ Положение о попечительском совете учреждения образования: постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 25 июля 2011 г., № 146: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2011-99/2011-99\(053-070\).pdf&oldDocPage=11](https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2011-99/2011-99(053-070).pdf&oldDocPage=11). – Дата доступа: 28.03.2021.

⁸⁵⁷ Воспитание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Воспитание>. – Дата доступа: 18.09.2020.

⁸⁵⁸ Степанов, П. В. Понятие «Воспитание в современных педагогических исследованиях» / П. В. Степанов // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 2. – С. 121–129.

⁸⁵⁹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 81.

⁸⁶⁰ Клим, А. М. Антикоррупционное образование и воспитание как способ повышения правовой культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/1290/1/klim.pdf. – Дата доступа: 18.09.2020.

⁸⁶¹ Годунов, И. В. Азбука противодействия коррупции / И. В. Годунов. – М. : Акад. Проект, 2012. – С. 39.

⁸⁶² Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 349.

⁸⁶³ Антикоррупционное воспитание. Методические рекомендации по формированию и реализации системы антикоррупционного воспитания в дошкольных и общеобразовательных организациях Республики Татарстан / авт.-сост.: И. В. Сафронова, Г. Р. Хамитова, И. М. Фокеева, И. Т. Сагдеева. Казань: ИРО РТ, 2015. – С. 10.

⁸⁶⁴ Клим, А. М. Указ соч.

⁸⁶⁵ Противодействие коррупции : учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 498 с.

⁸⁶⁶ См. напр.: Курдюков, Б. Ф. Антикоррупционное образование студентов в ВУЗах физической культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnoe-obrazovanie-studentov-v-vuzah-fizicheskoy-kultury/viewer>. – Дата доступа: 18.09.2020; Куликов А. Ю., Тарханова И. Ю. Антикоррупционное образование молодежи: опыт ЯГПУ им. К. Д. Ушинского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnoe-obrazovanie-molodezhi-opyt-yagpu-im-k-d-ushinskogo/viewer>. – Дата доступа: 18.09.2020; Шедий М. В. Антикоррупционное образование кадров как фактор повышения эффективности государственной политики противодействия коррупции / М. В. Шедий // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 2/1(12). – С. 150–154 и др.

⁸⁶⁷ Цит. по: Кичева, И. В., Бродзели, Л. О. Антикоррупционное воспитание: мировой опыт и Российская практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnoe-vospitanie-mirovoy-opyt-i-rossiyskaya-praktika/viewer>. – Дата доступа: 18.09.2020.

⁸⁶⁸ Там же.

⁸⁶⁹ Преподаватель солигорского колледжа приговорена к 4 годам лишения свободы за систематические взятки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/32472178/?frommail=1>. – Дата доступа: 07.02.2018.

⁸⁷⁰ Преподаватель ВУЗа в Могилеве обвиняется в получении взятки от студентов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/37702820/?frommail=1>. – Дата доступа: 20.06.2019.

⁸⁷¹ Горшенков, Г. Н. Антикоррупционная пропаганда: понятие и содержание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/38807845-Antikorrupcionnaya-propaganda-ponyatie-i-soderzhanie.html>. – Дата доступа: 22.09.2020.

⁸⁷² Горшенков, Г. Н. Антикоррупционная пропаганда: понятие и содержание / Г. Н. Горшенков // Актуальные проблемы права и экономики. – 2010. – № 4. – С. 40.

⁸⁷³ Кабанов, П. А. Понятие и содержание антикоррупционного просвещения как средства профилактики коррупции / П. А. Кабанов // Юридические исследования. – 2015. – № 2. – С. 25.

⁸⁷⁴ Ожегов, С. И. Словарь русского языка. ... С. 504.

⁸⁷⁵ Тьма в сердце Европы. Ч. 2 // Планета. – 2016. – № 9(137). – С. 7.

⁸⁷⁶ Чалдини, Р. Указ. соч. С. 252.

⁸⁷⁷ См.: Руководящие принципы в области предупреждения преступлений и уголовного правосудия в контексте нового международного экономического порядка // Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 29.10.1985 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/congress//Previous_Congresses/7th_Congress_1985/031_ACONF.121.22.Rev.1_Report_Seventh_United_Nations_Congress_on_the_Prevention_of_Crime_and_the_Treatment_of_Offenders_R.pdf. – Дата доступа: 12.11.2020.

⁸⁷⁸ Мошкович, М. Указ. соч. С. 4.

⁸⁷⁹ Хлус, А. М. Проблемные аспекты разработки стратегии противодействия коррупции / А. М. Хлус // Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 сент. 2020 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – С. 42–48.

⁸⁸⁰ Дулов, А. В., Веренчиков, И. Р. Профилактическая функция юридической психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29897/1/33_%d0%b4%d1%83%d0%bb%d0%be%d0%b2_%d0%b2%d0%b5%d1%80%d0%b5%d0%bd%d1%87%d0%b8%d0%ba%d0%be%d0%b2.pdf. – Дата доступа: 22.09.2020.

⁸⁸¹ Шаблинская, Д. В. Роль антикоррупционного обучения в противодействии коррупции / Д. В. Шаблинская // Роль гуманитарных наук в современном образовательном пространстве : Респ. науч.-практ. конф. по гуманитарному образованию, Минск, 18 октября 2019 г. : сб. науч. ст. / редкол.: Д. Л. Гулякевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Институт бизнеса БГУ, 2020. – С. 157.

⁸⁸² Зудин, В. Ф. Социальная профилактика преступлений (криминологические и криминалистические проблемы) / В. Ф. Зудин. – Саратов, 1983. – С. 35.

⁸⁸³ О прокуратуре Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700220>. – Дата доступа: 22.09.2020.

⁸⁸⁴ Масловская, Т. С. Основные направления противодействия коррупции на современном этапе: Республика Беларусь и зарубежный опыт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: fsc.bsu.by/wp-content/uploads/2015/12/Preduprezhdenie-korupsiy.doc. – Дата доступа: 09.01.2019.

⁸⁸⁵ Положение о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией: указ Президента Республики Беларусь от 17.12.2007 № 644, в ред. от 23.02.2015 № 95 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2020.

⁸⁸⁶ Комментарий к Закону «О прокуратуре Республики Беларусь» / Л. Г. Букато [и др.]; под общ. ред. А. В. Конюка. Минск, 2020. – 284 с.

⁸⁸⁷ Белохвостик, Н. «А давайте подарим нашей учительнице стиральную машину...» / Н. Белохвостик // Комсомольская правда. – 2012. – 31 мая. – № 99. – С. 8.

⁸⁸⁸ Хлус, А. М. Роль прокуратуры в борьбе с коррупцией и коррупционными правонарушениями / А. М. Хлус // Судебно-правовая политика на современном этапе: проблемы, тенденции и перспективы: результаты, проблемы и тенденции: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (30 ноября 2017 г.) / отв. ред. Б. Б. Сулейманов ; Верховный суд Республики Дагестан; РАН, Саратовский филиал ин-та государства и права; Научно-образовательный центр «Юридическая техника как средство правовой политики»; ВГУЮ (РПА Минюста России), Северо-Кавказский (г. Махачкала) институт. Москва, 2018. – С. 86–96.

⁸⁸⁹ Костенников, М. В. Прокуратура и противодействие коррупции / М. В. Костенников // Российская юстиция. – 2013. – № 8. – С. 38.

⁸⁹⁰ Сахаров, А. Б. Правовое обеспечение предупреждения преступлений / А. Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1975. – № 11. – С. 82.

⁸⁹¹ Билейчик, А. В. Перспективы развития в Республике Беларусь института криминологической экспертизы проектов нормативных правовых

актов / А. В. Билейчик // Проблемы совершенствования деятельности правоохранительных органов, контролирующих и иных государственных органов, связанной с выявлением, предупреждением и пресечением коррупционных правонарушений: материалы науч.-практ. конф., Минск, 11 декабря 2009 года / Редкол.: В. А. Конон (гл. ред.) и др.. – Минск, 2010. – С. 15–21. С. 19.

⁸⁹² Положение о порядке проведения криминологической экспертизы: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=p30700244>. – Дата доступа: 27.01.2021.

⁸⁹³ Там же.

⁸⁹⁴ Криминология: словарь / под общей ред. В. П. Сальникова. Серия «Учебники для вузов, специальная литература. – СПб.: Издательство «Лань»; Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 1999. – 256 с. С. 51.

⁸⁹⁵ Криминалистика: учебное пособие /А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. – Минск: ИП «Экоперспектива», 1998. – С. 11.

⁸⁹⁶ Хлус, А. М. Использование криминалистики при производстве антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов / А. М. Хлус // Развитие Российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): Материалы конференции в 4 частях. Часть 3. – М.: Проспект, 2016. – С. 398–403. С. 401.

⁸⁹⁷ Хлус, А. М. Криминологическая экспертиза нормативных правовых актов как условие недопущения коррупционных рисков / А. М. Хлус // Юстиция Беларуси. – 2013. – №. 7. – С. 64–68.

⁸⁹⁸ Белкин, Р. С. Магистральный путь борьбы с преступностью / Р. С. Белкин // Вестн. Академии МВД СССР. – М., 1992. – С. 5.

⁸⁹⁹ Рубис, А. С. Указ. соч. С. 243.

⁹⁰⁰ Хлус, А. М. Профилактика коррупции в сфере высшего образования в условиях информатизации общества / А. М. Хлус // Крымские юридические чтения. Образование и наука: сб. материалов науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 13–14 июня 2019 г.). В 2 т. / Под общ. ред. Н. Н. Колюки; сост. Т. Л. Козлов, А. П. Меньшова. – Симферополь, 2019. – Т.1. – С. 173.

⁹⁰¹ Субботина, М. В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / М. В. Субботина. – Волгоград, 2004. – 421 с. С. 79.

⁹⁰² Гармаев, Ю. П. Внедрение криминалистических методик расследования в практику: проблемы и пути их решения / Ю. П. Гармаев // Организационно-методические проблемы расследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Д. Зеленский. Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 32.

⁹⁰³ Там же. С. 32.

⁹⁰⁴ Гармаев, Ю. П. Правовое просвещение в криминалистике / Ю. П. Гармаев // Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО «РГУП» ; отв. ред. Д. А. Степаненко. Иркутск, 2015. – С. 48.

⁹⁰⁵ Там же. С. 48–49.

⁹⁰⁶ Там же. С. 49.

⁹⁰⁷ Там же. С. 48.

⁹⁰⁸ Гаврилов, Б. Я. Влияние стадии возбуждения уголовного дела на эффективность расследования / Б. Я. Гаврилов // Организационно-методические проблемы расследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Д. Зеленский. Краснодар: КубГАУ, 2016. – С. 30.

⁹⁰⁹ Данилевич, А. А. К вопросу о начале уголовного процесса / А. А. Данилевич, В. И. Самарин // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 29 марта 2013 года. Краснодар: КубГАУ, 2013. – С. 282.

⁹¹⁰ Источник: следствие нашло все многомиллиардное состояние полковника МВД Захарченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/31529580/?from=push>. – Дата доступа: 3.11.2019.

⁹¹¹ Судья из Бреста получил два года колонии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/33949656/?frommail=1>. – Дата доступа: 29.06.2019.

⁹¹² Бывший замначальника ГУБОПиК давал фигурантам «сахарного дела» советы по конспирации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/40460064/?frommail=1>. – Дата доступа: 05.02.2020.

⁹¹³ Хлус, А. М. Специальные знания как средство обвинения и защиты в процессе выявления коррупции / А. М. Хлус // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок : материалы конференции : в 5 ч. – Ч. 5. – Москва : РГ-Пресс, 2019. – С. 248.

⁹¹⁴ Головин, А. Ю. Задачи криминалистики в сфере защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования / А. Ю. Головин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – С. 30–31.

⁹¹⁵ Хлус, А. М. Криминалистическая составляющая в деятельности прокуратуры по выявлению и раскрытию взяточничества / А. М. Хлус // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 116.

⁹¹⁶ Об органах внутренних дел Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 17.07.2007 г. № 263-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700263>. – Дата доступа: 31.10.2020.

⁹¹⁷ Противодействие коррупции: учебник / Н. А. Бабий [и др.]; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 2020. – С. 91.

⁹¹⁸ Об органах государственной безопасности: Закон Республики Беларусь от 10.07.2012 г. № 390-З: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200390>. – Дата доступа: 31.10.2020.

⁹¹⁹ Хлус, А. М. Оперативно-розыскная профилактика распространения экстремистских материалов / А. М. Хлус // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: материалы Междунар. науч.-практ. конф., (Минск, 4 апр. 2013 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; ред. кол.: В. Б. Шабанов [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 324–325.

⁹²⁰ Веренчиков, И. Р. Профилактическая деятельность следователя как элемент системы безопасности государства / И. Р. Веренчиков // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее: сб. науч. трудов, посвященный 90-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А. В. Дулова / редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Бизнессофсет, 2014. – С. 164.